

ПАНТЕОНЪ

№ 10. — Октябрь.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ПАРИ. Оригинальная драма въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, соч. Кн. *Г. В. Кугушева.*

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.
ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри.* Часть четвертая.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Рыбаки . . . . . *Н. Сулова.*

II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ XIX СТОЛѢТІЯ. **КАРЛЪ-МАРІЯ ВЕБЕРЪ.** (Статья *Скудо.*)

III. ЮМОРИСТИКА.

ЧЕРНОЕ СТЕКЛО. Разсказъ *В. И. Савинова.*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Украинская свадьба. Съ хорами и плясками, аранжированная изъ мало-россійскихъ пѣсень г. *Артемовскимъ.*

Сцена изъ двухъ дѣйствій Оперы:

2. Русланъ и Людмила. Музыка *М. Н. Глинки.*

3. Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревно. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ.*

(*Бенефисъ г. Артемовскаго.*)

4. Итальянскія наслажденія или капризъ и сюрпризъ. Шутка-водевиль въ 3-хъ отдѣленіяхъ *Н. Я. Яковлевскаго.*

5. Буря въ стаканъ воды. Водевиль въ 1 дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *П. С. Ѳедорова.*

6. Тереза. Драма-водевиль, въ 1 дѣйствіи, *О. А. Кони.*

7. Дайте мнѣ старуху! Шутка въ 1 дѣйствіи. *В. И. Савинова.*

(*Бенефисъ г-жи Сандуновой.*)

8. Представленіе Эсмеральды въ провинціи. Комедія-анекдотъ въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Соч. *Г***.*

9. Парики. Комедія водевиль въ 4-хъ картинахъ, передѣланная съ французскаго *Г. Тартовскимъ и Рудневымъ.*

10. Морякъ Пьеръ или возвращеніе изъ плѣна. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго *г. Бурдина.*

11. Было или не было? на яву или во снѣ? Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи, съ французскаго.

(*Бенефисъ г. Смирнова 2.*)

12. Пятница, или всякой шуткѣ должны быть границы. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи.

13. Бѣшенство. Водевиль въ 1 дѣйствіи.

14. Одинъ стулъ для двоихъ. Водевиль 1 дѣйствіи.

15. Сцена изъ Евгенія Онегина, передѣланная изъ поэмы *А. С. Пушкина,* съ сохраненіемъ стиховъ его.

16. Женяхъ съ Лондонской выставки. Оригинальный фарсъ à-propos, въ 1 дѣйствіи. соч. *Г***.*

17. Мѣдный всадникъ. Отрывокъ изъ поэмы Пушкина, декламировалъ *г-нъ Каратыгинъ 1.*

(*Бенефисъ г-ни Марковецкаго.*)

18. **Пари,** драма въ 2 дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ, соч. *Князя Кугушева.*

19. Френологъ и физиогномистъ, водевиль въ 1 дѣйствіи.

20. Марфа Ивановна и Захаръ Захаровичъ Собачкины, водевилъ въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г. *Соловьевымъ*.
21. Маль да удалъ, водевилъ въ 1 дѣйствіи.
(*Бенефисъ г. Третьякова.*)
22. Провинціальная актриса. Сцены изъ жизни артистовъ, въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *П. А. Смирнова*
23. Бѣда отъ сердца и горе отъ ума. Комедія-водевилъ въ 1 дѣйствіи соч. *О. А. Коши.*
24. Сцена изъ романтической трагедіи Керимъ Гирей Крымскій Ханъ, или Бахчисарайскій фонтанъ. Соч. Князя *А. А. Шаховскаго.*
25. Вотъ такъ полковникъ. Водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *Г. Гарновскаго и Руднева.*
26. Узкіе башмаки. Оперетта въ одномъ дѣйствіи, съ хорами; слова *П. С. Одерова*, новая музыка *О. П. Дютша.*
(*Бенефисъ г-жи Жулевой.*)
27. Не хоты. Комедія-водевилъ, передѣланная съ французскаго *А. Т.*
28. Шалуны, или еще Бѣдовая дѣвушка. Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. ***.
29. Семья въ Рыбацкой. Интермедія въ одномъ дѣйствіи.
30. Карлъ XII подъ Полтавой. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. *Россійское* сочиненіе. — *Г. Славинъ* въ роли *Мизеи.*
(*Бенефисъ г-на Толчкова 1.*)

У. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ (Письмо изъ Парижа).

— Парижскія увеселенія. — Тридцать дней забавъ за пятнадцать франковъ! — Новости Большой Оперы. — Театръ Комической оперы. — *Серафина*, ком. оп. въ 1 дѣйствіи, либретто *Сень-Жоржа*, музыка *Сень-Жюльена*. — Французскій Театръ. — *Баронъ де-Лафлеръ*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, соч. *Камилла Дюге*. — *Матюренъ Ренъе*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, г. *Фердинанда Дюге*. — Театръ Сень-Мартенскихъ воротъ. — *Сальваторъ Роза*, драма г. *Дюге*. — Театръ Драматической Гимназіи. — Двадцатилѣтніе философы, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. г-жи *Каролины Бертонъ*. — *Меркаде смышленный человекъ* (*Mercadet le faiseur*), комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ соч. *Бальзака*. — Театръ Разнообразія. — **La Gothon de Béranger**, водевилъ въ 5 дѣйствіяхъ, соч. гг. *Кормона, Гранже и Дюмертра*. — Выигрывающій номеръ, водевилъ въ 1 мѣ дѣйствіи, гг. *Фольжельмона, Коллю и Лезебара*. — *Мужъ хорошенькой жены*, водевилъ въ 1 дѣйствіи, гг. *Сентъ-Ива и Шолера*. — Театръ Монтансье. — *Пряключенія соломенной шляпки*, водевилъ въ 5 дѣйствіяхъ, соч. гг. *Маркъ-Мишеля и Лабина*. — **En manches de Chemise**, водевилъ въ 1 дѣйствіи, гг. *Лефранка, Лабина и Пюна*. — Театръ Folies Dramatiques. — **Le monde volant**, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, соч. *Поль-де-Кока*. — **Les Plaisirs d'Asnières**, водевилъ въ 3 хъ дѣйствіяхъ, гг. *Фердинанда Вильнева и Ипполита Леру*. — Театръ Амбигю. — *Пряключенія розы и могилы щика*, драма въ 5 дѣйствіяхъ, соч. гг. *Бризбара и Евгения Пюна*. — Национальный Театръ. — *Медвѣдь и дикарь*, хроника времени Крестовыхъ походовъ, въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ соч. г. *Лабрусса*.

VI. СМѢСЬ.

1. Постояльцы мистрисъ Тибсъ.
2. Неуловимый портретъ.
3. Музыка въ Турціи.
4. Два письма Фетиса о музыкальныхъ инструментахъ, на Всемирной Выставкѣ.

VII. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острые слова, шутки и проч.

VIII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

МОРЯКЪ ПЬЕРЪ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПЛѢНА. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. г. *Бурдина*.

О ПРОДОЛЖЕНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА

ПАНТЕОНЪ

И ПРИ НЕМЪ

Репертуара Русской сцены

НА **1852** ГОДЪ.

Журналъ Пантеонъ будетъ издаваться и въ 1852 году, на томъ же самомъ основаніи, съ тою-же цѣлю и по той-же программѣ, какъ издавался донынѣ, но только въ значительно-улучшенномъ видѣ, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннему составу. Какъ объ этихъ улучшеніяхъ, такъ и о подробностяхъ изданія будутъ разсланы со всѣми періодическими изданіями особыя объявленія.

Подписная цѣна остается таже :

12 руб., съ пересылкою и разноскою по домамъ

13 руб. 50 коп.

Подписка принимается :

въ Главной Конторѣ журнала Пантеонъ
въ С. Петербургѣ.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрность доставки
тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ выпи-
саны по этому адресу или изъ самой Ре-
дакціи Пантеона, находящейся близъ
Чернышева моста, въ домъ Лыткина, въ
С.-Петербургѣ.

О П

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

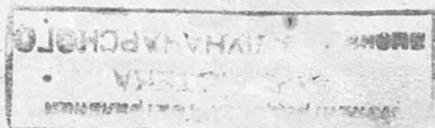
Ө. КОНИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТОМЪ V.

ОКТАБРЬ — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

1851.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

10765

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 ноября 1851 года.

Цензоръ : Н. Пейкеръ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

П А Р Ъ,

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ,

Кн. Г. В. Кузусева.

ДѢЙСТВУЮЩЕ :

АКТЕРЫ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Бутоинъ, 52 лѣтъ.	<i>Г-нъ Каратыгинъ 1.</i>
Князь Юрій Петровичъ Клязьминскій, 30 лѣтъ.	<i>Г-нъ Максимовъ 1.</i>
Федоръ Ильичъ Тарашевъ, 48 лѣтъ.	<i>Г-нъ Григорьевъ 1.</i>
Илья Ивановичъ Тонинъ, за 40, но очень молодится.	<i>Г-нъ Самойловъ.</i>
Баронъ Фонъ-Раухъ, 88 лѣтъ.	<i>Г-нъ Каратыгинъ 2.</i>
Иванъ Ивановичъ Бѣльскій, 28 лѣтъ.	<i>Г-нъ Мартыновъ.</i>
Елизавета Александровна Бѣлогорская, молодая вдова.	<i>Г-жа Самойлова 2.</i>
Луиза Карловна Розенкранцъ, компаньонка Бѣлогорской, дѣвица 38 лѣтъ.	<i>Г-жа Сосницкая.</i>
Лакей Бѣлогорской.	<i>Г-нъ Максимовъ 5.</i>
Мальчикъ въ кофейной.	<i>Г-нъ Рупини.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

Между прологомъ и вторымъ актомъ проходитъ 2 мѣсяца.

ПРОЛОГЪ.

ВЫЗОВЪ.

Кондитерская. Стеклянная дверь. Отъ нея направо и налево по стѣнѣ шкафы полные кондитерскихъ принадлежностей; отступя отъ нихъ, прилавокъ, налево кофторка. Окно. На аван-сценѣ съ каждой стороны по столу, заваленному журналами. Около столовъ стулья и кресла. Мальчикъ ходитъ, подаетъ, выходитъ, опять приходитъ и вообще, въ продолженіи всего акта, держится на сценѣ.

I.

ТАРАШЕВЪ. БЪЛЬСКІЙ, ТОНИНЪ сидятъ за круглымъ столомъ. У каждого дымится папироска, передъ каждымъ по чашкѣ кофе.

ТАРАШЕВЪ (*когда не говоритъ, постоянно мычитъ какой-нибудь мотивъ*). Мальчикъ, рюмку рому!... Мм... мм...

БЪЛЬСКІЙ. Это которюю сегодня?

ТАРАШЕВЪ. Сочтемся... мм... мм...

ТОНИНЪ (*вставая и прохаживаясь*). Не могу понять, какъ люди образованные, съ воспитаніемъ, могутъ пить ромъ, водку — и прочее... Фв! какой mauvais genre!.. Жжетъ, просто, и даже, говорятъ неблагопріятно дѣйствуетъ на цвѣтъ лица.

БЪЛЬСКІЙ. Это точно... вотъ я, какъ былъ на сѣрныхъ водахъ... видѣлъ примѣръ... точно не надо пить тому, кто дорожитъ наружностью.

ТАРАШЕВЪ (*впадая въ тонъ*). Кто продаетъ товаръ лицомъ, какъ Тонинъ... А что твоя Маша? (*Мальчикъ подаетъ рюмку и отходитъ.*)

ТОНИНЪ. Мила, какъ и всегда, и, дурочка, любить меня безъ памяти...

БЪЛЬСКІЙ. Ты думаешь? Вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ, одинъ тоже думалъ, что любимъ... и вдругъ...

ТАРАШЕВЪ. У кого наружность Тонина, тому нечего бояться

ТОНИНЪ (*у зеркала*). Наружность конечно не послѣднее условіе... но... я хоть и не красавецъ, даже дурень... Что вы смѣетесь!... я не ищу нравиться... Я...

ТАРАШЕВЪ. Будетъ, будетъ! ты красавецъ, нашъ уѣздный баловень... мм... мм...

БЪЛЬСКІЙ. Левъ, братецъ, левъ... ни дать — ни взять, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ...

Тонинъ. Вы, мнѣ кажется, надо мною труните?

Тарашевъ. Мы только отдаемъ справедливость.

Бѣльскій. Клонимъ, братецъ мой, колѣна...

Тонинъ. Виновать ли я, что счастливъ въ женщинахъ? Имъ правится мой тонъ. Согласитесь, что я его имѣю.—Немудрено.... Я прибрѣлъ его въ лучшихъ салонахъ Петербурга.

Бѣльскій (*всторону*). На Пескахъ, да въ Коломнѣ. (*Вслухъ*.) Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ....

Тонинъ (*продолжая свое*). Виновать ли я, что у меня маленькая ножка и бѣленькая ручка....

Тарашевъ. Адонись первой руки! Эй! рюмку рому!

Бѣльскій. Побѣждалъ, говорятъ, непреклоннѣйшихъ.

Тонинъ. Случалось — скромностью....

Бѣльскій. Точь въ точь, какъ я, на сѣрныхъ водахъ.

Тарашевъ. Ты, говорятъ, вдову Лапкину разстроилъ съ женихомъ....

Бѣльскій. Баронессу Шприхъ упрятали въ монастырь....

Тарашевъ. А Любимька Польманъ хочетъ утопиться.

Тонинъ. Сжальтесь, сжальтесь надъ участіемъ несчастныхъ.

Бѣльскій. Скоро скажутъ, что наша заѣзжая красавица, очаровательная Елизавета Александровна Бѣлогорская безъ ума отъ тебя.

Тарашевъ (*всторону*). Ну, это не опасно. Я влюблю ее кой въ кого. — Этого требуетъ мой интересъ.... мм.... мм....

Тонинъ. Она мила! Въ ней видѣнъ тонъ, хорошія манеры, она была въ Петербургѣ.... Я ей былъ представленъ третьяго дня на балѣ. Вчера съѣмалъ визитъ.... Обращеніе довольно свободное.

Бѣльскій. Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ, тамъ была одна.... (*мнѣняя тонъ*) Скажи, неужели Бѣлогорская не смутилась отъ блеска твоихъ глазъ?

Тонинъ. Я, по скромности, смотрѣлъ все внизъ, на кончикъ ботинки....

Тарашевъ. Кончикъ ботинки спасъ несчастную отъ окончательнаго пораженія.

Тонинъ. О! она женщина съ шикомъ.

II.

ТѢЖЕ И ГРАФЪ.

Графъ (*входя, мальчику*). Стаканъ лимонаду! (*Идетъ къ столу на правой сторонѣ и, снимая перчатки, садится.*)

Тонинъ (тихо Бьльскому). Кто такой?

Бьльскій. Прїѣзжій, графъ Бутоинъ.

Тонинъ. Богатъ?

Бьльскій. Имѣетъ состояніе.

Тарашевъ. Ничтожное, въ сравненіи съ состояніемъ князя Клязьминскаго.

Тонинъ. Въ немъ видѣнъ хорошій тонъ... французскія перчатки...

Графъ (мальчику подающему лимонадъ). Огня! (Вынимаетъ сигаретку.)

Тонинъ (Бьльскому). Ты съ нимъ знакомъ?

Бьльскій. Нѣтъ, я встрѣчался съ нимъ въ обществахъ, а познакомиться не успѣлъ... Миѣ кажется, онъ неболѣе недѣли, какъ откуда то прїѣхалъ...

Тарашевъ. И какъ неприступенъ! Я вчера, на скачкѣ, похвалилъ его лошадей, чтобъ завязать разговоръ, а онъ что-то промычалъ себѣ подъ носъ и отвернулся.

Бьльскій Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ...

Графъ (мальчику, подающему свѣчку). Газету!

Мальчикъ. Пресъ-съ?

Графъ (улыбаясь). Нѣтъ, Débats.

Мальчикъ (подходя къ столу, гдѣ остальные, Тарашеву.) Вы читать не изволите?

Тарашевъ (кладя руку на газету). Читаю.

Мальчикъ (возвращаясь, Графу). Заняты-съ.

Графъ (съ улыбкой). Ну, дай миѣ другую газету. (Мальчикъ беретъ со стола направо у аван-сцены газету и подаетъ графу.)

III.

ТѢЖЕ И БАРОНЪ.

Тарашевъ. А! Баронъ!

Тонинъ. Фовъ-Раухъ!

Бьльскій. Откуда?... (Баронъ жметъ каждому руку.)

Графъ (бросая монету мальчику). За лимонадъ! (Мальчикъ беретъ и отходитъ.)

Баронъ. Дайте духъ перевести... Эй! пувшу!... Кто изъ васъ спросилъ: откуда? Отовсюду. Всталъ въ 6 часовъ, надѣлъ галоши, это мой собственный экипажъ и пошелъ. Старуху Хрюмину высадилъ изъ кареты и вошелъ съ ней въ магазинъ. Выходя, опять

посадилъ и она меня подвезла... славная, покойная карета... Выйдя отъ Хрюминой, пошелъ въ оражерею, купилъ букетъ, смѣсь розъ и лилій. Далъ два цѣлковыхъ... по знакомству уступилъ. Оттуда взялъ извозчика за гривенникъ — и свезъ букетъ Надинкѣ Тюльпановой... пришелъ такъ, что прямо къ завтраку. Что за кулебяка, я вамъ скажу!... Потомъ, отъ нихъ два шага въ театръ... взялъ билетъ, ложу — даромъ, по знакомству... режиссеръ пріятель, — я хлопаю, когда онъ играетъ злодѣевъ. А злодѣйски играетъ. Что же пущу? Эй! — Потомъ свезъ билетъ по назначенію и мнѣ, полулысому, полустарому, улыбнулся... да вѣдь какъ... впрочемъ, могли и не улыбнуться — я не нахмурился-бъ!... Мое дѣло сторона... Жить, по моему, не наука, наживать — вотъ штука! Да... Позволь огня, пожалуйста? (*Закуриваетъ у Бѣльскаго свою папироску.*)

Тонинъ. Кто-жъ это вамъ такъ вѣжно улыбнулся?...

Баронъ. Кто? угадайте... (*Мальчику, который подаетъ ему пуншъ*). Наконецъ!

Бѣльскій. Да кто же улыбался-то? говори!

Баронъ. Постой, дай усѣться, глотнуть, затануться. Комфортъ — важная статья!

Мальчикъ (*Графу*). Сдача съ.

Графъ. Возьми себя. (*Мальчикъ кланяется и уходитъ*).

Баронъ. Вотъ видите-ли: Хрюмина — баба глупая, но богатая... Гдѣ ей управлять имѣніемъ — некогда. Надо три раза одѣться въ день, три раза натянуть морщины. Она за недосугомъ отдастъ имѣніе въ аренду; я бы хотѣлъ кое-что извлечь... ну, я и сажая её въ карету. У Тюльпановой отецъ человекъ случайный, а у меня дѣло съ Пошлепкинымъ, ну, я его дочери и вожу букеты. У Бѣлогорской управитель дѣластъ, что хочетъ, и подъ видомъ устройства имѣнія — устраиваетъ свой карманъ. Теперь для какого-то карманнаго оборота онъ ищетъ запясть небольшую сумму... У меня же есть тысячонокъ пять-шесть серебрецомъ запасныхъ, на черный день, и я бы желалъ ихъ везучь, подъ вѣрный залогъ, по умѣреннымъ процентамъ... Надо расположить ее къ себѣ, вселить довѣріе... поврагиться... ну, я и вожу ей билеты. А самъ выезжаю покаместъ только на однихъ улыбкахъ. Скажи, пожалуйста, кто это такой?

Бѣльскій. Графъ Бутоинъ.

Баронъ. Служить?

Бѣльскій. Нѣтъ.

Баронъ. Служилъ?

ТАРАШЕВЪ. Да.... Мм.... мм....

БАРОНЪ. Въ чинахъ ?

ТАРАШЕВЪ. Полковникъ....

БАРОНЪ. Богатъ ?

ТАРАШЕВЪ. Душъ семьсотъ.

БАРОНЪ. Пріѣзжій, должно быть, потому-что я со всѣми знакомъ, кто чѣмъ-нибудь замѣчательнъ. Отъ губернатора до послѣдняго писаря, всѣхъ знаю.... и всѣ меня звають.

БѢЛЬСКІЙ. Этотъ недавно изъ Петербурга.

ТОНИНЪ (*таинственно*). Аристократъ !

БАРОНЪ (*значительно*). Да.... (*встаетъ и кланяется графу, тотъ въясливо отвѣчаетъ на поклонъ*).

БѢЛЬСКІЙ. Стало, ты узналъ въ немъ знакомаго....

БАРОНЪ. Нѣтъ.

ТАРАШЕВЪ. Такъ для чего-же ты кланяешься ?

БАРОНЪ. Человѣкъ замѣтный ! можетъ пригодиться....

ТОНИНЪ (*всторону*). Какой взглядъ на вещи !..

ТАРАШЕВЪ (*встаетъ*). Однако пора. БѢльскій, ты куда отсюда ?..

БѢльскій (*вставал*). Куда-нибудь, мнѣ все равно.... (*Тонину.*)
А ты куда ?

ТОНИНЪ. Мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ.

ГРАФЪ (*мальчику*). Я пойду въ ту комнату.... можно. (*Мальчикъ отворяетъ ему дверь ; онъ уходитъ, ни кто не замѣчаетъ его ухода.*)

ТАРАШЕВЪ (*БѢльскому*). Гдѣ ты обедаешь ?..

БѢльскій. Дома.... А ты, баронъ ?

БАРОНЪ (*допивъ и вставал*). Званъ въ три дома.... гдѣ-нибудь пообѣдаю.

ТОНИНЪ. А я за городомъ.... tête-à-tête.

ТАРАШЕВЪ. Новая интрижка.

ТОНИНЪ. Да.... что съ ними будешь дѣлать !

БѢльскій (*всторону*). Фать ! Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ.... (*Тарашеву.*) Ты пѣшкомъ ?

ТАРАШЕВЪ. Нѣтъ....

БѢльскій. Такъ довезешь ?

ТАРАШЕВЪ. Разумѣется ! (*Берутъ шляпы.*)

ТОНИНЪ (*у зеркала*). Эти широкія поля идутъ къ моему круглому лицу и бросають тѣнь на глаза. П скромно, и хорошо.

БѢльскій. Тонинъ, полно тебѣ охорашиваться.... поѣдемъ. (*Мальчику.*) Вели записать все на мой счетъ....

Мальчикъ. Слушаю-съ.

Тонинъ (*про себя*). А вѣдь право мнѣ никто не дастъ моихъ лѣтъ....

Баронъ (*Бльскому*). Ты, кажется, все велѣлъ записать?

Бльскій. Э, что за счеты.

Баронъ. Merci! Мнѣ очень пріятно. Мальчикъ стаканъ пуншу поставь на счетъ Бльскаго. (*Всторону.*) Тридцать копѣекъ сервъ карманѣ. Господинъ Тонинъ, у васъ прекрасная карета.

Тонинъ. Да покойна.

Баронъ. На лежачихъ?

Тонинъ. Разумѣется.

Баронъ. Обита голубымъ? Этотъ цвѣтъ очень къ вамъ идетъ.

Тонинъ (*самодовольно*). Вы находите? (*Всторону.*) Прелюбезный старичекъ! (*Вслухъ Барону.*) Не по дорогѣ-ли вамъ?... я бы могъ....

Баронъ. Завезти? Если вы этого непременно хотите, я очень радъ!

Тарашевъ. Правда ли, говорятъ, эту карету тебѣ подарила одна дама.

Тонинъ. Взоръ!... (*Къ публикѣ*). Винавать-ли я, что у меня маленькая ножка и бльевская ручка.

Тарашевъ. Однако пора! (*Вспль.*) Прощайте. (*Бльскому.*) Бдемъ!

Бльскій (*взявъ его подъ руку, вспль*). До свиданія!... Дорогой я тебѣ расскажу, какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ.... (*Идутъ къ двери.*)

Баронъ (*самодовольно*). А мы въ каретѣ.... мы въ каретѣ....

Тонинъ (*взявъ его подъ руку*). Скажите откровенно.... какъ вамъ кажется.... что я.... не очень безобразенъ?... (*Идутъ къ двери.*)

IV.

ТѢЖЕ толпятся у дверей, КНЯЗЬ.

Князь (*въ дверяхъ*). А!... народъ знакомый!... слушай команду!... шляпы долой!... въ круговую! (*Весь отступаютъ, снимаютъ шляпы, Князь эжметъ Тарашеву руку.*) Эй! Шампанскаго!

Тарашевъ. Ахъ, Князь, какъ я радъ васъ видѣть....

Тонинъ. Bonjour, Prince! (*Князь ему едва киваетъ.*)

Баронъ. Вашему сіятельству мое почтеніе.

Князь. Баронъ, у васъ вѣрно есть какая-нибудь просьба?

Баронъ. Хе, хе, хе... какой забавникъ! вѣчно шутить...
(*Всторону.*) Двѣсти тысячъ годоваго дохода!

Князь. По мѣстамъ, господа!... Разопьемъ бутылочку-другую и поговоримъ. Пожуримъ. *La vie est si courte.* Мальчикъ! Шампанскаго!...

Бѣльскій. Вы, князь, откуда?...

Князь. Отъ Бѣлогорской.

Тонинъ. Вы давно съ нею знакомы? Неправда-ли, что она вполне свѣтская женщина... очаровательна... и, признаться я не ручаюсь за себя. (*Въ это время все садятся, кромѣ князя.*)

Князь. Ну, итъ... я за себя ручаюсь.

Тарашевъ (*всторону*). А я поручусь за Бѣлогорскую.

Баронъ (*князю*). Знакомы вы?... (*оглядывается.*)

Князь (*разспянно*). Съ кѣмъ?

Баронъ (*не видя графа*). Ушелъ?... Ну... чортъ съ нимъ... (*князю*). А я думалъ, что вы съ нимъ знакомы, хотѣлъ просить меня ему представить, да онъ ушелъ...

Тарашевъ (*князю, который не слушаетъ болтовню Барона*). Что вы такъ задумались, князь? не объ нашей-ли неприступной красавицѣ?

Князь (*иронически*). Почему же неприступной?

Бѣльскій (*горячо*). Потому что, не смотря на ея довольно свободное обращеніе, не смотря на зависть, которая готова была сдѣлать все, чтобы очернить ея доброе имя, она и въ Петербургѣ и всюду осталась чиста и равнодушна къ безчисленнымъ вздыхателямъ, которые окружали её... Вотъ видать — ни взять, какъ одна женщина, когда я былъ на сѣрныхъ водахъ...

Князь. Можетъ быть... но вообще я какъ-то мало вѣрю въ женскую скромность, и если женщина скромна, то развѣ потому только, что еще не нашла человѣка, для котораго бы по забыла свою холодность, однимъ словомъ, все, на чемъ основана эта такъ пазываемая добродѣтель... (*Во время этого монолога Графъ входитъ съ газетой и со вниманіемъ прислушивается къ разговору пирующихъ.*)

Тонинъ (*самодовольно*). Что васъ касается до меня, князь, то я съ вами совершенно согласенъ. Это я могу засвидѣтельствовать многими фактами... но я молчу... моя скромность, которая всегда такъ спльно дѣйствуетъ на женщинъ, запрещаетъ мнѣ сказать чтонибудь... я молчу... (*Мальчикъ подаетъ стаканы и бутылку; князь беретъ и наливаетъ.*)

Тарашевъ. Признаюсь, я тоже согласенъ съ вами. Но эта женщина — совершенный демонъ. Сколько я ее знаю, то утвердительно могу сказать, что маленькая пожка и бѣленькая ручка не тронуть ея холодности. Нѣтъ, не это можетъ побѣдить ее... (Князю.) Ахъ, князь, вчера я любовался вашей чудной Косаткой... что за лошадь — красавица во всѣхъ статяхъ.

Князь. Да, недурна... но не о томъ рѣчь... Лучше выпьемъ за здоровье нашего демона, Бѣлогорской. Господа, вы не откажетесь?

Баронъ. О! я съ особеннымъ удовольствіемъ.

Бѣльскій. И я тоже, какъ истинный цѣнитель красоты и ревностный поклонникъ всѣхъ красавицъ.

Тонинъ. Можно ли отказаться, князь, отъ такого тоста. Но я пью только полстакана. Я отъ вина слабѣю... (Всѣ пьютъ.)

Тарашевъ (ставя стаканъ). Князь, вы давно знакомы съ Бѣлогорской?

Князь. Да, я часто встрѣчалъ ее въ Петербургѣ. Но короче познакомился только здѣсь.

Тарашевъ. То-то я замѣтилъ, что вы составляете одно изъ лучшихъ ея воспоминаній о Петербургѣ. Это тѣмъ болѣе странно при ея холодности.

Князь (самодовольно). Вы думаете? Впрочемъ, мнѣ стоитъ только захотѣть, и она будетъ безъ ума отъ меня. Но мнѣ какъ-то лѣнь ухаживать. Я слишкомъ утомленъ побѣдами.

Бѣльскій (всторону). Точь въ точь, какъ я! Когда я былъ на сѣрныхъ водахъ....

Тарашевъ. Кстати, князь, ваша Побѣда тоже хорошая лошадь, но все не то, что Косатка....

Князь (всторону). Что онъ привязался ко мнѣ съ лошадьми.

Бѣльскій. Напрасно вы такъ увѣрены, князь, въ своемъ торжествѣ. Есть женщины, которыя слишкомъ опытны, чтобы вѣрить волокитству мужчины и слишкомъ самолюбивы, чтобы жертвовать собою за знатность и богатство.

Князь (съ жаромъ). Вы такъ думаете? А я вамъ скажу, что еще не было женщины, которая бы оставалась равнодушною ко мнѣ. Если дѣло пойдетъ на доказательства, то и Бѣлогорская будетъ побѣждена. (Графъ дѣлаетъ нетерпливый жестъ.)

Бѣльскій. Очень интересно знать, чѣмъ и какъ вы можете доказать слова свои. Право, вы рискуете, говоря о доказательствахъ.

Тарашевъ (*тихо князю*). Отчего же? Попробуйте и Бѣльскій будетъ въ выигрышѣ.

Князь. Ну, если на то пошло, то я начинаю атаку и много-много въ два-три мѣсяца она меня полюбитъ.

Тонинъ. Я почти увѣренъ.

Бѣльскій. Невѣроятно!... Вотъ я бѣль....

Князь. На стѣрныхъ водахъ?... я знаю.... но увѣрю васъ, господа, что невозможнаго нѣтъ. Всякая побѣда возможна.... всякая....

Бѣльскій. Только не эта....

Князь (*горячо*). Но если я вамъ говорю?...

Бѣльскій. Я отвѣчаю: нѣтъ, п....

Князь. Да, да! тысячу разъ да!...

Бѣльскій. Нѣтъ, нѣтъ!...

Князь (*внѣ себя*). Пари! (*Графъ вскакиваетъ*.)

Тарашевъ (*всторону, потирая руки*). Хорошо, хорошо....

Бѣльскій. Я пари не держу, придерживаясь пословицы: споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся.

Князь. Что же, господа? Я предлагаю пари.... На что идетъ?... Господина Тонинъ, не угодно ли?

Тонинъ. Нѣтъ.... князь.... моя скромность....

Князь. Что же, господа, вы сами подтверждаете мое мнѣнiе вашимъ молчанiемъ.... Но я не хочу быть побѣдителемъ безъ боя. Я стою на томъ, что ровно черезъ два мѣсяца Бѣлогорская отдастъ мнѣ свое непреклонное сердце.... Еще разъ предлагаю вамъ пари.... Кто изъ васъ его принимаетъ? (*Всѣ молчатъ; Графъ подходитъ, дрожа отъ негодованiя и блѣдный отъ злости*.)

Графъ. Я!

Князь. Вы?... (*Въ сторону*.) Этого человѣка я вездѣ встрѣчаю.... какъ живую преграду.... какъ злаго генiя.... (*Ему*.) Вы принимаете мое пари? Вы?

Графъ. Я! мы незнакомые знакомцы. Вы знаете кто я: графъ Бутоинъ. Я знаю, и очень хорошо, кто вы. Пари предложено, я его слышалъ, слышалъ случайно.... изъ этой комнаты.... Вы этого не ожидали?...

Князь. Я очень радъ, мнѣ право все равно.

Графъ. Но я принимаю его не иначе, какъ на одномъ условiи.

Князь. Я согласенъ на все заранѣе.

Графъ. Кто бы изъ насъ не проигралъ: мы будемъ стрѣляться....

Князь. Стрѣляться?... Вы съума сошли....

Графъ. А вы въ своемъ ли умѣ? съ такимъ презрѣніемъ отзываетесь о женщинѣ, которую едва знаете, и дѣлаете игрушку изъ ея имени, всѣми уважаемаго. Кто далъ вамъ право такъ говорить о женщинѣ, которую я знаю съ дѣтства, которую уважаю и люблю? Кто далъ вамъ право, публично, во всеуслышаніе, присвоивать себѣ сердце, которое принадлежало только мужу при жизни и принадлежитъ ему по смерти? Кто далъ вамъ право наковецъ, безъ всякаго уваженія къ ея лицу и роду, держать объ ней пари точно также, какъ бы дѣло шло объ вашемъ скакунѣ?... Кто далъ вамъ право отвергать все священное, унижать прекрасное, попирать высокое?... Но сказаннаго не воротить!... Вы должны стрѣляться, потому что я принялъ ваше пари и согласитесь на это, если не хотите, чтобы я бросилъ вамъ въ лицо то имя, которое я наложилъ на васъ, на все то время, пока вы кровью не смоете необдуманнаго предложенія.... Вы согласитесь на все, если не хотите, чтобы я при всѣхъ сказалъ вамъ.... Князь Клязьминскій под....

Князь. Довольно!... мы будемъ стрѣляться.

Баронъ (*взявъ шляпу*). Дѣло то выходитъ скверно....

Бѣльскій. Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ, была такая же исторія....

Топинъ (*Барону*). Моя карета къ вашимъ услугамъ.

Графъ (*удерживая ихъ*). Позвольте, господа! Здѣсь дѣло серьезное. Нужны свидѣтели. Я хоть и не имѣю чести знать васъ лично, но видѣлъ каждого изъ васъ въ домѣ Бѣлогорской. Вы невольнымъ образомъ будете свидѣтелями развязки этой драмы. Она будетъ кровавая. Прошу васъ, остаться!

Баронъ (*всторону*). Какая неприятная исторія....

Тарашевъ (*всторону*). Теперь то я около него погрѣю руки.

Графъ. И такъ, князь, вы согласны?

Князь. Да.

Графъ. Дуэль на смерть?

Князь. Да.

Графъ. Выигравшему принадлежитъ первый выстрѣлъ?

Князь. Да.

Графъ. Сроку — два мѣсяца.

Князь. Два.

Графъ. До развязки — мы знакомые.

Князь. Друзья, если хотите....

Графъ. Вашу руку.

Князь. Вотъ она....

Графъ. Я буду чуждъ вашихъ поступковъ и даже взглядомъ не буду стараться портить вашихъ намѣреній и пересѣкать дорога къ успѣху.

Князь. Надѣюсь.

Графъ (подавая карточку). Мой адресъ.

Князь (дѣлая тоже). И мой!...

Графъ (взвѣзъ). Вашъ секундаты?...

Тарашевъ (тихо Князю). Я, князь.... повѣрьте успѣхъ за вами. Я буду помогать.... выстрѣлъ вашъ и дѣло сдѣлано.

Князь. Пришлите за Косаткой. Она вамъ нравится, я замѣтилъ: она ваша. (Графу). Мой секундаты вотъ онъ, Фёдоръ Ильичъ Тарашевъ. А вашъ?

Графъ. Совѣсть! Прощайте.

Князь. До свиданія.

Графъ (возвращаясь). Мѣсто дуэли?

Князь. Гдѣ нибудь.... за городомъ....

Графъ. Согласенъ.... А причина?

Князь. Какой нибудь вздоръ.

Графъ. Надѣюсь, чѣмъ-бы ни кончилась эта исторія, — честь Елизаветы Александровны....

Князь. Останется чиста и неприкосновенна.

Графъ (тихо Тонину). Если вы скажете хоть слово о томъ, что слышали, кому-бы то ни было, я найду тоже, что рассказать про васъ. Весь городъ узнаетъ, что вамъ 49 лѣтъ и что ваши бѣлокурые кудри не всё выюются отъ природы.

Тонинъ. Я, графъ, всегда и всёмъ былъ извѣстенъ моею скромностью.... А вы, впрочемъ, ошпааетесь на счетъ моихъ лѣтъ. Я могу показать метрическое свидѣтельство. (Отходя.) Какъ онъ могъ узнать? Это удивительно.

Графъ (отводя барона). Баронъ! совѣтую вамъ, дѣлая визиты, найти другой сюжетъ для разговора, иначе вамъ не быть арестаторомъ у Хрюминой, не выиграть дѣла у Пошленкина и не отдать подъ вѣрный залогъ денегъ, между нами, добытыхъ не совсѣмъ чисто....

Баронъ. Мнѣ очень пріятно, и помолчать ничего не значить... (отходя.) Удивительно.... просто удивительно, откуда онъ знаетъ всё мои дѣла, какъ свой карманъ.

Графъ (громко Бильскому). Вы одни приняли подъ защиту имя бѣдной женщины.... и мнѣ пріятно съ вами познакомиться... Вашу руку.

Бѣльскій. Кажется, я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть, когда былъ на сѣрныхъ водахъ...

Графъ. Врядъ-ли... я жилъ долго за границей, потомъ въ Петербургъ... (Тарашеву.) Какъ секундантъ князя, какъ лицо дѣйствующее, вы знаете, какъ вести себя, если вашими поступками руководить честь и совѣсть.

Тарашевъ. Помилуйте... я очень знаю... (всторону) что Касатка моя.

Графъ. И такъ, князь, до свиданія.

Князь. До свиданія.

Графъ. Черезъ два мѣсяца, при одномъ свидѣтелѣ... на смерть... (Уходитъ.)

V.

ТѢЖЕ, безъ ГРАФА.

Князь (хохочетъ). Смѣшно и странно... Нѣтъ, болѣе смѣшно. Эй! еще шампанскаго!

Баронъ. Меня подираетъ морозъ по кожѣ...

Тонинъ. Какъ онъ проникъ, что я ношу парикъ?

Тарашевъ. Ужъ не влюбленъ-ли онъ въ нее?

Бѣльскій. Что ты? въ его лѣта?... впрочемъ, когда я былъ на сѣрныхъ водахъ...

Князь. Онъ просто отчаянный дуэлистъ, бретеръ!...

Баронъ. Настоящій, чистый бретеръ. (Мальчикъ подаетъ бутылку, пробка хлопаетъ.)

Князь (взявъ бутылку). Давай скорѣй! не умѣешь!... (Наливалъ вѣзмъ и себѣ.) Ну, господа, будьте веселѣе, что вы головы повѣсили? Берите примѣръ съ меня... Передъ нами два мѣсяца!... Доживемъ поскорѣй... Минуты дороги!... (Хохочетъ.) Я предлагаю тостъ!... берите стаканы! (Всѣ берутъ.) Дружно, вмѣстѣ... (Чокается со всѣми.) Пейте, пейте... за продолжительность моей жизни. (Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КОМЕДІЯ ЖИЗНИ

Гостиная въ домѣ Бѣлогорской. Средняя и двѣ боковыя двери. Онѣ драпированы и отворены, такъ, что за драпировкой видны другія комнаты съ мебелью. Палѣво отъ зрителей, у аван-сцены, рабочій столикъ, около него нѣсколько мягкихъ стульевъ. Направо, нѣсколько подалѣе, другой рабочій столикъ и тоже нѣсколько стульевъ; налѣво окно; рядомъ каминъ. Надъ каминомъ зеркало; передъ нимъ украшенія, бронзовые часы и канделябры, не зажженные. На правой сторонѣ, противъ каминна, пьянино и стулъ.)

I.

БѢЛОГОРСКАЯ и **ЛУИЗА** **КАРЛОВНА**. Бѣлогорская сидитъ направо у пьянино; Луиза Карловна налѣво, у своего рабочаго столика, читаетъ вслухъ.

Луиза (читаетъ). «Клементина лишилась чувствъ. Бѣдный Владиміръ не зналъ, что ему дѣлать. Позвать горничную и оставить ее одну онъ не рѣшался. Забытый вѣеръ попался ему на глаза... онъ съ судорожнымъ трепетомъ схватилъ его и началъ имъ обмахивать блѣдное, безжизненное лицо Клементины...»

БѢЛОГОРСКАЯ. Довольно... пусть себѣ приводитъ въ чувство. Какъ глупы эти романы вообще и чувства въ нихъ описанныя въ особенности!... Который часъ?

Луиза (взглянувъ на часы). Четверть перваго...

БѢЛОГОРСКАЯ (*посль молчанія*). Какая скука! Какой у насъ день?

Луиза. Поведѣльникъ.

БѢЛОГОРСКАЯ. Да, поведѣльникъ... точно поведѣльникъ. Что это никто не ѣдетъ?.. Хоть-бы князь пріѣхалъ. Посмотрите въ окно: какова погода?

Луиза (*у окна*). Ясно.

БѢЛОГОРСКАЯ. Не съездить-ли вамъ куда-нибудь?

Луиза (*опять садясь*). Какъ вамъ угодно.

БѢЛОГОРСКАЯ (*съ досадой*). Да скажите хоть разъ ваше мнѣніе.

Луиза. Мое мнѣніе: какъ вамъ угодно.

БѢЛОГОРСКАЯ. Не поѣду... не хочу... потрудитесь подать мою работу.

Луиза. Сейчасъ. (*Переходитъ сцену, беретъ работу и подаетъ.*) Извольте.

БѢЛОГОРСКАЯ (взявъ). Мерсі. (Луиза идетъ на мѣсто.)

ЛАКЕЙ (въ дверяхъ). Оедоръ Ильичъ Тарашевъ.

БѢЛОГОРСКАЯ (вставая). Слава Богу! (Лакею.) Проси! (Лакей уходитъ.) Все лучше Тарашевъ, чѣмъ нкого. (Бросаетъ работу на свой столикъ.)

II.

ТѢЖЕ И ТАРАШЕВЪ, входя, кланяется; Луиза присѣдаетъ.

БѢЛОГОРСКАЯ (подавалъ ему руку). Здравствуйте. Откуда? садитесь. Что новаго?

ТАРАШЕВЪ. Какъ ваше здоровье?

БѢЛОГОРСКАЯ Слава Богу.... Скучно....

ТАРАШЕВЪ. Очень жаль.... Отчего-бы это?

БѢЛОГОРСКАЯ. И сама не знаю.

ТАРАШЕВЪ. Хорошо, что вы не однѣ скучаете?

БѢЛОГОРСКАЯ. А? такъ есть еще кто вибудь?... Кто-же? Жепщина?

ТАРАШЕВЪ. НѢТЬ.

БѢЛОГОРСКАЯ. Дѣввца?

ТАРАШЕВЪ. НѢТЬ.

БѢЛОГОРСКАЯ. Не хотите ли кофею? Луиза Карловна велите подать кофею. (Луиза встаетъ и идетъ къ двери.)

ТАРАШЕВЪ (БѢЛОГОРСКОЙ). Благодарю васъ! (Идя къ Луизѣ.) Не безпокойтесь.... прошу васъ.... (Возвращаясь.) Только, что пилъ у князя. (Садится.)

ЛУИЗА (въ недоумѣннн). Какъ прикажете?

БѢЛОГОРСКАЯ. Неудодно, нечего дѣлать! (Луиза идетъ на свое мѣсто.) Такъ вы отъ князя? вы всегда отъ него заѣзжаете ко мвѣ.

ТАРАШЕВЪ (вздыхал). Да-съ.... всегда.... и теперь (вздохнувъ) отъ него.

БѢЛОГОРСКАЯ. Что это вы такъ вздыхаете?

ТАРАШЕВЪ. Такъ, жаль, у меня сердце такое чувствительное.

БѢЛОГОРСКАЯ. Кого жъ вамъ жаль?

ТАРАШЕВЪ. Князя. Скажите, пожалуйста, вчера на бѣгу, это вашъ рысакъ бѣгалъ?

БѢЛОГОРСКАЯ. Мой. Я люблю лошадей. Нептунъ, говорятъ, хорошая лошадь.

Тарашевъ. Чудесная! Чьего завода?

Бѣлогорская. Орловскаго.

Тарашевъ. Лошадь кровная! подстать моей Косаткѣ.... я тоже завожу заводецъ. Только, знаете, при маленькихъ средствахъ трудно.... но я съ помощью друзей авось какъ нибудь.... А славный вашъ Нептунъ.... кровная лошадь....

Бѣлогорская. Вы каждый разъ его хвалите, онъ вамъ правится.... но я васъ перебью.... мы, кажется, говорили....

Тарашевъ (*со вздохомъ*). О князѣ.... да, его мнѣ очень жаль....

Бѣлогорская. Неужто проигрался?

Тарашевъ. Онъ не играетъ.

Бѣлогорская. Не занемогъ-ли?

Тарашевъ. Почти.... потерялъ....

Бѣлогорская (*живо*). Что?

Тарашевъ. Свободу.

Бѣлогорская. Какъ свободу?

Тарашевъ. Да, влюбился....

Бѣлогорская. И вѣрно въ женщину. Онъ такой вѣтренникъ.

Тарашевъ. Напротивъ; но что дѣлать, съ сердцемъ не сладшь.

Бѣлогорская (*насмѣшливо*). Кого же онъ любить? Кто эта счастливица?... Вы каждый разъ меня заинтересуете.... и вдругъ помѣшаютъ.... Кого же?

Тарашевъ. Секретъ.

Бѣлогорская (*упрашивая*). Скажите, пожалуйста.

Тарашевъ. Не могу.... Ей Богу не могу....

Бѣлогорская. Ну, я васъ прошу. Я вамъ приказываю, хочу, требую....

Тарашевъ. Непремѣнно хотите?

Бѣлогорская. Непремѣнно.... ну.... кого же?

Тарашевъ (*съ полголоса, указывая на Луизу*). Мы не одни....

Бѣлогорская (*также*). Она? машина. При ней все можно говорить.

Тарашевъ. И такъ....

Бѣлогорская. Кого же?...

Тарашевъ. Васъ. (*Она вскакиваетъ*.) Дѣло сдѣлано.... сего дня срокъ.... что-то будетъ?

Бѣлогорская (*какъ-бы пораженная*). Меня?...

Тарашевъ. Дай Богъ съ мѣста не сойти....

Бѣлогорская. Вы шутите... не вѣрю... Но съ какой стати?... Развѣ я подала поводъ?... Развѣ онъ надѣется?

Тарашевъ. Что же я то говорю?... Я говорю: съ какой стати тратить здоровье, таять, страдать по жещинѣ, которая такъ равнодушна ко веѣмъ и ко всему ее окружающему...

Бѣлогорская. И онъ точно... пскренно привязаць....

Тарашевъ. Съ ума сходить... никуда не ѣздить... вчера на бѣгу не былъ, когда бѣгалъ вашъ Нептунъ... Какого бишь онъ завода?...

Бѣлогорская (*всторону*). Что онъ мнѣ все то про Нептуна, то про князя. (*Тарашевъ подходитъ къ Луизѣ*) Онъ меня любитъ. Я это знаю... знаю... я слушала, какъ новость... кажется пріятною... Не знаю, что будетъ?...

Лакей (*въ дверяхъ*). Илья Иваннычъ Тонинъ!

Бѣлогорская (*съ неудовольствіемъ*). Проси! (*Лакей уходитъ*). Вѣчно помѣшаютъ...

Тарашевъ (*отходя отъ Луизы*). А мнѣ позвольте откланяться.

Бѣлогорская (*внимательно*). Куда-же вы? останьтесь...

Тарашевъ. Не могу... Дѣла. Лошадку торгую. Далеко не Нептунъ. Да гдѣ намъ... До свиданія... (*Откланивается*.)

Бѣлогорская (*всторону*). Прелюбезный (*взглянувъ на него*) пожилой человекъ. (*Ему.*) Обѣдайте у меня сегодня, мнѣ съ вами очень весело...

Тарашевъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ.

III.

ТѢЖЕ И ТОНИНЪ.

Тонинъ (*входя, кланяется*). Madame!...

Бѣлогорская. Bonjour.

Тонинъ. Mademoiselle. (*Подходитъ къ Луизѣ; она присядаетъ.*)

Тарашевъ (*тихо Бѣлогорской*). Этотъ старый шутъ тоже по васъ сохнетъ. Это уморительно... Забудьте, какъ онъ выставляетъ ножку и выказываетъ ручку. (*Вслухъ.*) Мое почтеніе.

Бѣлогорская (*тихо*). Monsieur Тарашевъ, вамъ нравится Нептунъ... возьмите его... вы мнѣ сдѣлаете одолженіе.

Тарашевъ. Помилуйте, мнѣ совѣстно.

Бѣлогорская. Я васъ прошу... пришлите за нимъ къ моему управителю, я прикажу отпустить.

ТАРАШЕВЪ. Вы этого непременно хотите.... я не могу отка-
заться. (*Цѣлуетъ ея руку.*)

БѢЛОГОРСКАЯ. Жду васъ обѣдать.

ТАРАШЕВЪ (*всторону*). Если она не любитъ князя, то я поз-
воляю себя повѣсить! (*Кланяется Луизѣ, жметъ Тонину руку.*)
Желаю успѣха. Я за тебя замолвилъ ей словцо сію-минуту....
(*Уходитъ.*)

Тонинъ (*отходя отъ Луизы*). Какъ вы проводите время?

БѢЛОГОРСКАЯ (*указывая ему стулъ*). Скучно. (*Садятся.*)
По случаю неконченнаго траура выѣзжать не могу. Послѣ завтра
въ первый разъ послѣ десятилѣтняго затворничества рѣшаюсъ
ѣхать на танцевальный вечеръ къ Тюльпановымъ.

Тонинъ. И первую кадрили танцуете вѣрно съ княземъ?

БѢЛОГОРСКАЯ. Я танцовать, можетъ быть, совсѣмъ не буду,
но, если рѣшусь на этотъ подвигъ, то конечно съ нимъ. (*Встору-
ну.*) Дерзкій старичишка.

Тонинъ. Такое предпочтеніе очень лестно.

БѢЛОГОРСКАЯ. Нельзя ему не отдать справедливости. Онъ
такъ уменъ, образованъ.

Тонинъ. И такъ хорошъ.

БѢЛОГОРСКАЯ. Конечно, у него нѣтъ такой маленькой ножки.
(*Тонинъ самодовольно улыбается*) и бѣленькой ручки, какъ у
пныхъ, за то онъ такъ изящно простъ, въ поступкахъ и въ одеж-
дѣ.... молодъ, но основателенъ, какъ старикъ.... А есть такіе ста-
рички, которые корчатъ юношей.... Вотъ эти то люди смѣшны
немножко.... (*Смѣется.*)

Тонинъ (*смѣется отъ души*). Точно.... точно.... Ха, ха, ха....
есть такіе.... старички....

ЛАКЕЙ. Посылку съ почты принесли. Прикажете подать?

БѢЛОГОРСКАЯ. Снеси ко мнѣ въ спальную. Извините, я васъ
оставлю на минуту. (*Лакей уходитъ*). Петербургіе видѣтъ новый
уборъ, присланный изъ Петербурга такъ велико, что мнѣю его
на удовольствіе быть съ вами долѣе.... Je suis femme avant tout....
Луиза Карловна, пойдемте. (*Уходитъ въ дверь на лѣво отъ зрите-
лей.*)

ЛУИЗА. Иду, сударыня! (*Уходитъ въ ту же дверь.*)

IV.

ТОНИНЪ одинъ.

Смѣйся! женщины всегда начинаютъ съ насмѣшекъ.... Но я, не

смотря на то, что прикидываюсь скромнымъ, довольно опытенъ.... О, я чертовски опытенъ. Сердце женское я такъ изучилъ.. такъ изучилъ, что и не знаю какъ. Надо дѣйствовать.... Ее бѣситъ, что я ей не изъясняю своихъ чувствъ и потому шутить ... Но этотъ смѣхъ ей дорого стоитъ : онъ притворный. На всякій случай я написалъ ей то, что я чувствую. Пушу письмо въ ходъ. Положу въ ея рабочій столикъ. Ахъ, чертъ возьми! да ихъ здѣсь два. Въ который же изъ двухъ.... Гдѣ лучше работа, тотъ и ея. (*Подходитъ къ столику на право.*) Какое то филэ.... Нѣтъ, это не ея работа.... (*У столика Луизы*). Посмотримъ здѣсь.... шелкъ.... бисерь.... золото.... сюда.... (*Кладетъ письмо въ столикъ Луизы.*) Кончено!...

V.

ТОНИНЪ и БАРОНЪ.

ЛАКЕЙ (*входя первый*). Пожалуйте. Елизавета Александровна сейчасъ выйдетъ. (*Уходитъ.*)

БАРОНЪ (*входя*). А, господинъ Тонинъ! здравствуйте. (*Жметъ ему руку.*) Что это вы тутъ одни дѣлаете?

Тонинъ. Я... ничего.... разсматриваю картины....

Баронъ. А что, какъ вы думаете, кто выиграетъ парн?

Тонинъ. Не знаю.

Баронъ. Однако?

Тонинъ. Врядъ-ли князь успѣетъ....

Баронъ. Неужели?

Тонинъ (*у зеркала*). Я такъ думаю, а впрочемъ, можетъ быть.

IV.

ТЪЖЕ и БЪЛОГОРСКАЯ, за ней ЛУИЗА.

БЪЛОГОРСКАЯ (*входя*). Извините господа.... Bonjour Baron.... садитесь.... (*Садятся съ барономъ.*)

Тонинъ (*стоя*). А мнѣ позволите откланяться..

БЪЛОГОРСКАЯ. Обѣдаете у меня?

Тонинъ. Съ удовольствіемъ.

БЪЛОГОРСКАЯ (*подавая ему руку*). Вы на меня не сердитесь?

Тонинъ (*цѣлуя руку*). Могу-ли? смѣю-ли? (*Всторону.*) Онъ меня любитъ. Виноватъ-ли я, что у меня маленькая ножка и бѣленькая.... (*Не докончивъ фразу, мнѣяетъ тонъ.*) До свиданія. (*Уходитъ, Луиза вслѣдъ ему присѣдаетъ.*)

Баронъ (всторону). Они цѣлуются. (Луиза садится къ своему столику.)

Бѣлогорская. Ну, Баронъ, что новаго?

Баронъ. Барометръ опустился.

Луиза (найдя письмо). Ахъ!...

Бѣлогорская. Что такое!

Луиза. Ничего-съ.... я.... такъ.... я уколола палецъ.

Бѣлогорская. Какъ вы меня испугали.

Луиза. Извините. (Читаетъ украдкой.)

Баронъ (вскакивая). Не прикажите-ли воды? Я сію-минуту. (Бѣжитъ.)

Бѣлогорская. Благодарю васъ.... не надо. (Баронъ возвращается.)

Луиза (всторону). Письмо любовное, безъ подписи, ко мнѣ, вѣрно отъ барона.

Бѣлогорская. Баронъ, у меня до васъ просьба.

Баронъ (всторону). Вѣрно денегъ попросить.... Дать можно. Подъ вѣрный залогъ. (Ей). Приказывайте....

Бѣлогорская. Очень нужное, дѣловое письмо я васъ попрошу свезти на почту; приемъ до 12-ти только, а теперь.... но вы со всеѣми на короткой ногѣ.... Письмо должно быть отправлено сегодня. Я вамъ сейчасъ его принесу.... пожалуйста. (Уходитъ.)

Баронъ (ей всльздъ). Съ особеннымъ удовольствіемъ.

VII.

БАРОНЪ и ЛУИЗА; вся сцена быстро.

Луиза (подбѣгая). Время дорого! Баронъ! Я знаю все.

Баронъ. Не ужели?

Луиза. Вы одинъ меня поняли.

Баронъ. Убей Богъ, если я хоть что-нибудь понимаю.

Луиза. Баронъ! я дѣвушка благородная.

Баронъ. Очень радъ.

Луиза. Конечно, я не въ первой молодости, но и вы тоже....

Баронъ. Какія горькія истины вы мнѣ говорите....

Луиза. Конечно, я бѣдна.

Баронъ. Очень жаль. (Всторону.) Не дамъ денегъ ни за что на свѣтѣ.

Луиза. Но вы богаты...

Баронъ. Нажилъ трудомъ и стараніемъ. (Всторону.) А денегъ все-таки не дамъ.

- Луиза. Я васъ цѣню и уважаю.
- Баронъ. Очень вамъ благодаренъ.
- Луиза. Вы меня тронули, баронъ! я согласна!
- Баронъ. Согласны?... очень радъ. (*Всторону.*) Ничего не понимаю...
- Луиза. Когда же?
- Баронъ. Что такое?...
- Луиза. Наша свадьба?...
- Баронъ. Какъ свадьба? какая свадьба? за чѣмъ свадьба?
- Луиза. Вы меня удивляете....
- Баронъ. А вы меня еще болѣе!...
- Луиза. Но ваше письмо....
- Баронъ. Какое письмо? — Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?
- Луиза. Вы положили его въ мой рабочій столикъ.
- Баронъ. Я?...
- Луиза. Кому же болѣе?
- Баронъ. Я не знаю.... я ничего не знаю.... (*Отходитъ.*)

VIII.

ТѢЖЕ И БѢЛОГОРСКАЯ.

БѢЛОГОРСКАЯ (*съ письмомъ*). Вотъ письмо.... Вспомнила.... приписывала и васъ задержала.

Баронъ (*взявъ*). Пожалуйста!... я духомъ. (*Тихо.*) Знаете, будьте осторожны. (*Указывая глазами на Луизу.*) Она сумасшедшая.

БѢЛОГОРСКАЯ (*не понимая настоящаго смысла*). Это правда, изъ ума выжила.... Обѣдаете у меня?

Баронъ. Съ удовольствіемъ. До свиданія. (*Всторону.*) Что за дьявольщина, а за письмо-то придется свой гривенникъ заплатить.... (*Кланяется и быстро уходитъ.*)

IX.

ТѢЖЕ, БЕЗЪ БАРОНА. БѢЛОГОРСКАЯ беретъ книгу.

Луиза (*всторону*). Но если это письмо не отъ Барона, то отъ кого же? отъ Тонина? не можетъ быть! днѣ на меня никогда не обращалъ вниманія.... Какая мысль! вѣрно БѢльскій просилъ Тонина положить его письмо въ мой столикъ.... Точно.... такъ должно быть....

БѢЛОГОРСКАЯ. Луиза Карловна! подите, пожалуйста, распоря-

дитесь на счетъ стола; узнайте, есть-ли бисквиты къ малагѣ...
Князь ихъ любить.

Луиза. Слушаю съ. (*Всторону.*) Сердце говорить : письмо отъ
Зѣльскаго. (*Уходитъ.*)

Лакей. Графъ Дмитрій Николаичъ Бутоиннѣ.

Бѣлогорская. Проси. (*Лакей уходитъ.*) Странно. При одномъ
имени этого человѣка мнѣ дѣлается и страшно, и неловко. Его
неотступное преслѣдованіе досаждастъ мнѣ и часто помрачаетъ
самыя свѣтлыя минуты моей жизни. А между тѣмъ, опъ такъ
добръ, такъ истинно предастъ мнѣ, что я невольно стараюсь рав-
нодушно переносить все его подозрѣнія.

—

X.

БѢЛОГОРСКАЯ И ГРАФЪ.

Графъ (*входя*). Вы одинъ? странно! кажется это рѣдко съ
вами случается.

Бѣлогорская. Кого-же вы надѣялись встрѣтить у меня?

Графъ. Да кого-нибудь изъ вашихъ новыхъ обожателей, кото-
рыхъ я бы назвалъ ихъ настоящими именами, если-бы не боялся
оскорбить васъ.

Бѣлогорская. Вы говорите объ оскорбленіи. Напрасно.
Я должна давно привыкнуть къ любезностямъ въ родѣ тѣхъ,
которыми вы, едва только вошли въ комнату, какъ уже начали
осыпать меня.

Графъ. А вы ни во что ставите тѣ невыносимыя, затаенныя
въ душѣ моей оскорбленія, какимъ я подвергаюсь всю жизнь, ви-
дя, какъ вы внимательны къ людямъ недостойнымъ и какъ мало
уваживали вниманія меня, готовога пожертвовать для васъ
своимъ счастіемъ, надеждами, жизнью!

Бѣлогорская. Благодарю васъ, графъ. Но скажите, Бога ра-
ди, какое право вы имѣете требовать отъ меня, чтобъ я избѣгала
всѣхъ и только пользовалась одною бесѣдою съ вами? Признаюсь,
это была бы для меня слишкомъ большая жертва; а я вовсе не
расположена ни къ какимъ жертвованіямъ.

Графъ. Вы правы. Я не могу замѣнить вамъ тѣхъ удовольствій,
которыми дарятъ васъ посѣщенія Рауха, Тонина, Тарашева, (*съ
любовнымъ удареніемъ*) или хоть, напримѣръ, князя Юрія Клязь-
инскаго.

Бѣлогорская. Да, мнѣ пріятно быть съ ними. Но все я не

вижу причину, по которымъ я *должна* непременно удалить ихъ. Повторяю, что вы не имѣете права требовать отъ меня никакихъ жертвъ и откровенно скажу, будьте благодарны и за то, что я принимаю на себя трудъ терпѣливо выслушивать перѣдко оскорбительныя слова ваши.

Графъ (*съ жаромъ*). Вы говорите о працахъ. Да, я ихъ имѣю. Я видѣлъ васъ почти ребенкомъ, слѣдилъ за развитіемъ рѣзвой головки дитяти, наконецъ въ 32 года взрослою дѣвницей и полюбилъ пылкою, страстною любовью, но сдѣлавшись болѣе, долженъ былъ уѣхать за границу на два года и потомъ, возвратясь, имѣть несчастіе встрѣтить васъ замужемъ.... Я, съ затаенной ревностью въ груди, видѣвшій ласки ваши къ мужу, котораго вы любили, пережившій его и встрѣчающій васъ теперь свободною, независимою, скажите, я ли не имѣю правъ на нѣкоторую признательность, на нѣкоторое состраданіе къ прошедшему, на маленькое сочувствіе за все выстраданное мною въ продолженіи столькихъ мучительныхъ лѣтъ? А между тѣмъ, что я вижу?— Одну невозмутимую холодность, одно убійственное равнодушіе.

Бѣлогорская. Холодность, равнодушіе.... я право не понимаю, что вы хотите сказать этими словами?... Мы давно знакомы.... Я васъ принимаю....

Графъ. Вы даже пріемъ измѣряете по масштабу свѣта, а не сердца; но только для меня одного.

Бѣлогорская. Послушайте.... не бросаться же мнѣ къ вамъ на шею, не прыгать отъ радости при вашемъ приходѣ, какъ ребенокъ передъ игрушкой.

Графъ. Да вы точно совершенно иначе забавляетесь вашими игрушками.... холодно, жестоко вы терзаете, разрываете сердца вашихъ игрушекъ.

Бѣлогорская. Не прикидывайтесь жертвою, и чьей же, моей!... Опять скажу: не прыгать же мнѣ отъ радости.... это бываетъ только на сценѣ и то въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ. Въ жизни, чѣмъ эти порывы сильнѣе — тѣмъ болѣе смѣшны. Не играть же намъ съ вами драматическихъ сценъ?... это смѣшно.

Графъ. Не играть же намъ и комедія — это грустно. Послушайте. Я буду говорить откровенно. Встрѣтивъ васъ свободною. я высказалъ вамъ то, что чувствую... я сказалъ вамъ прямо: я люблю васъ и, это правда, я люблю васъ искренно... Я предложилъ вамъ руку... сердце, зная, понимая, что я говорю, какія обязанности на себя возлагаю... Конечно я не могъ увлечь васъ, я не краснорѣчивъ,

я гораздо старше васъ... но мои 42 года и моя опытность должны были вамъ ручаться за прочность чувствъ моихъ. Если вспомнить прошедшее, можно было еще болѣе въ этомъ убѣдиться. Любить молча и безнадежно всю свою жизнь не всякій сумѣетъ. На предложеніе мое вы мнѣ не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, но глаза ваши говорили въ мою пользу. Я настаивалъ... Вы мнѣ отвѣчали: увидимъ. Я ждалъ и надѣялся... я начиналъ быть счастливымъ. И вдругъ... не знаю почему, ваше обращеніе со мною совершенно измѣнилось. Вы стали холодны, равнодушны... уѣхали за границу... я послѣдовалъ за вами... Тамъ... въ одно утро... помните... вы дали мнѣ согласіе... и я благословилъ судьбу мою.. къ несчастью, я занемогъ... вы уѣхали... Выздоровливаю, пріѣзжаю въ Петербургъ... Васъ нѣтъ... я бросаю службу... теряю все, и скачу... скачу, полный надеждъ на счастье, и что же? Вижу васъ холодною, неприступною, окруженною толпою вздыхателей... изъ которыхъ одинъ... Если-бъ вы знали! О! Боже мой! это не можетъ такъ кончиться. Я люблю васъ... и не уступлю никому... ни за что... никогда.

Бѣлогорская. Все это прекрасно, но жаль, что безъ моего согласія.

Графъ. Я его имѣю, это согласіе... и оно то дастъ мнѣ право преслѣдовать васъ моею ревностью, моими подозрѣніями.

Бѣлогорская. Въ самомъ дѣлѣ?... я однако же не помню, когда мы заключали подобное условіе... контрактъ... росписку... или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы меня *обязывало* держать свято клятвы... которыхъ, впрочемъ, я никогда не давала. Вѣдь нельзя меня *насилно* обвинять, графъ, какъ вы думаете?

Графъ. Я и не говорю этого... это ваше согласіе.

Бѣлогорская. Была шутка... вѣроятно.

Графъ. О! такъ шутить грѣшно... безчеловѣчно.

Бѣлогорская. Я удивляюсь, какъ вы, въ ваши лѣта и съ вашею опытностію, не знаете, что когда женщина говоритъ нѣжности, то она ничего не чувствуетъ... когда-жъ, напротивъ, она узнаетъ истинную привязанность, то за нее говорятъ сердце и глаза.

Графъ. За что же я потерялъ службу, время, жизнь... за что я такъ любилъ васъ? за что еще люблю васъ, когда теряю всякую надежду на взаимность.

Бѣлогорская. Мнѣ право жаль васъ, графъ... Виновата-ли я, что не могу сказать сердцу: люби... когда оно не хочетъ... я васъ уважаю и цѣню... цѣню дорого... вѣрите мнѣ, но только — цѣню.

Графъ. Ваши слова горячимъ свинцомъ падаютъ на душу... но такъ и быть! я заглушу мои страданія... я не дамъ воли страстямъ, не дамъ воли ненависти... можетъ быть, самому мщенію, пока не увижу, не удостовѣрюсь, что другой любимъ вами... Да, если не меня, то и никого вы не любите. Я въ этомъ убѣжденъ. Я въ этомъ увѣренъ... не любите...

Бѣлогорская. Въ самомъ дѣлѣ? А кто вамъ сказалъ это.

Графъ (*вскакивая въ волненіи*). Какъ, неужели? (*Бѣлогорская встаетъ.*)

Лакей (*въ дверяхъ*). Князь Юрій Петровичъ Клязьминскій.

Бѣлогорская. Проси... проси... (*Лакей уходитъ.*)

Графъ (*взлѣзъ ея за руку*). Неужели онъ?

Бѣлогорская. Можетъ быть.

Графъ. О! Боже мой! Но еслибъ вы знали.... Прощайте!

Бѣлогорская (*вслѣдъ ему*). Что такое?

Графъ. Если бъ вы только знали... Прощайте... берегитесь его!

Бѣлогорская. Хотите поугагать... пріѣзжайте лучше обѣдать.

Графъ. Могу теперь остаться?

Бѣлогорская (*дѣлая нѣсколько шаговъ къ нему*). Пріѣзжайте къ обѣду.

Графъ. Но еслибъ вы только знали! Еслибъ я могъ сказать вамъ! Прощайте. (*Идетъ къ двери. Князь входитъ. Они кланяются. Графъ уходитъ. Бѣлогорская садится.*)

XI.

БѢЛОГОРСКАЯ И КНЯЗЬ.

Князь. Наконецъ я васъ вижу!

Бѣлогорская. Это могла бы я сказать, князь.

Князь (*садясь возлѣ нея*). Вы?

Бѣлогорская. Конечно! Вспомните, когда вы у меня были?

Князь. Я такъ былъ занятъ.

Бѣлогорская. Знаете-ли, я тоже умѣю сердиться.

Князь. Неужели? Вы — ангелъ кротости и доброты....

Бѣлогорская. Что это? комплименты!

Князь. Пѣтъ, истина сердечная, безгрѣшная. На вашемъ лицѣ видна вся свѣтлая душа ваша.

Бѣлогорская. Князь, что съ вами? Давно ли вы стали говорить обыкновенныя вещи?

Князь. Правда, что съ вами я какъ то говорю не умѣю, становлюсь глупымъ, неловкимъ.

Бѣлогорская (лукаво). Отчего бы это?

Князь. Оттого, что... я не смѣю сказать вамъ.

Бѣлогорская. Что за страшная причина?

Князь. Страшная, ваша правда. Особенно, какъ заглянешь въ душу, въ ту душу, въ которой было всегда такъ холодно, темно—становится страшно и боишься убѣжденія, что слабѣешь, падаешь.

Бѣлогорская. Я васъ не понимаю.

Князь. Я желалъ-бы самъ не понимать того, что со мной дѣлается, но судьбѣ это угодно и я предаюсь ей. Есть отрада и въ мученіи, есть прелесть и въ самомъ паденіи.

Бѣлогорская. Ваши слова загадочны. Вы прежде говорили иначе. Отчего это?

Князь. Оттого, что тогда я шутилъ, а теперь... теперь....

Бѣлогорская. Теперь?

Князь (быстро и съ жаромъ). — Теперь я люблю васъ! (Оба встаютъ.)

Бѣлогорская. Опять!... я просила васъ не говорить мнѣ болѣе о... (Въ продолженіи всего монолога, лицо ея говоритъ, что чувствуетъ сердце. Къ концу она потупляетъ глаза, слезы блестятъ на ресницахъ; внутреннее волненіе высоко подымаетъ грудь.)

Князь. Забудьте, забудьте это невольное признаніе. Оно не должно оскорбить васъ. Вы сами его почти вызвали. Не проклиняйте меня. О! еслибъ вы знали, что я за человѣкъ! Я знаю—вы меня не любите. Вы никого не любите, а меня мнѣ всехъ. Я молодъ, богатъ и вотъ мое несчастіе. Богачамъ приписываютъ такіе поступки, что за человѣка страшно. Молва говоритъ и обо мнѣ, приписываетъ мнѣ небывалые пороки. Но, не смотря на то... я васъ не стою... презирайте меня... правда, я любилъ жизнь и жилъ, бросалъ деньги, бросалъ женщинъ, лгалъ, гулялъ, обманывалъ, но сердце мое было свободно... я не любилъ никогда, ни одной женщины. Вино и карты развлекали меня, убивали время, которое, казалось, тянулось нескончаемо, но съ той минуты, какъ я сталъ узнавать васъ, съ той минуты, какъ образъ вашъ запалъ мнѣ въ душу,—я переѣхался, бросилъ свѣтъ, карты, вино, женщинъ, и сталъ добрый малый, но жалкій, грустный, больной, влюбленный. Но презирайте меня, не любите меня, я хоть и исправился, но васъ еще не стою.. Простите-же мнѣ нынче слово любви, которое вырвалось у меня невольно Простите, простите... Я былъ увлеченъ.. вините страсть, не меня... О! я у ногъ вашихъ.

Бѣлогорская. Встаньте, князь, ради Бога.

Князь (*вставая*). И это простите мнѣ! я знаю, это хорошо въ комедіи, для эффекта... но я упалъ невольно передъ вами, невольно оскорбилъ васъ... забудьте... прогоните меня... только не проклиняйте, не проклиняйте, когда узнаете... (*Она роняетъ платокъ*.) Вы уронили платокъ... (*поднимаетъ*) оставьте мнѣ этотъ батистъ, какъ угрызеніе совѣсти, какъ доказательство, что забыли вину безумца. Ему я буду повѣрять мои страданія, мое раскаяніе, но я буду мочить его слезами любви и сожалѣнія. О! дайте, дайте мнѣ этотъ лоскутокъ, умоляю васъ.

Бѣлогорская (*едва говоритъ*). Возьмите его, князь, но не основывайте на этомъ никакой надежды. Время все устроить... чему быть, того не миновать! (*Быстро уходитъ*.)

ХII.

КНЯЗЬ одинъ.

Боже мой! Какъ я люблю эту женщину! А давно-ли съ дерзкимъ безстыдствомъ я держалъ пари, что погублю ее и съ презрѣніемъ отзывался объ ея добродѣтели? Давно ли я, гордый своимъ равнодушіемъ, заранѣе включилъ ее въ число жертвъ своихъ и что же теперь... теперь я самъ ея жертва, я самъ у ногъ ея. Ей я обязанъ своимъ перерожденіемъ, я чувствую, что съ той минуты, какъ въ душу мою запала эта всепожирющая страсть, я и чище, и лучше. О! я бы посвятилъ ей всю жизнь свою... время доказало бы ей, какъ сильна и какъ непзмѣнна любовь моя. А между тѣмъ послѣ завтра конецъ моему глупому пари. Что сказать графу? подставить лобъ подъ пулю и умереть... умереть въ цвѣтѣ молодости, умереть, когда улыбнулась мнѣ любовь, когда счастье, блаженство ея взаимности готово тоже улыбнуться... Ужасно. (*Разматривая платокъ и прижимая его къ сердцу*.) Но неужели я умру безъ борьбы, оставивъ женщину, которую я люблю, оставя соперника, который тоже любить ее... Да, отъ двухъ словъ зависить теперь для меня все... Что же сказать графу? Скажу то, что подскажетъ долгъ, что велитъ совѣсть.

ХIII.

КНЯЗЬ, ТОНИНЪ и БАРОНЪ.

Тонинъ. А, князь, здравствуйте! (*Князь киваетъ*.)

Баронъ. Какъ пріятно ѣздить въ каретѣ належащихъ рессорахъ... что вы это такъ невеселы, князь?

Тонинъ. И цвѣтъ лица такой блѣдный.

Князь. Да жизнь красна.

—
XIV.

ТѢЖЕ и ТАРАШЕВЪ СЪ БѢЛЬСКИМЪ.

Тарашевъ. А? Ужъ вы здѣсь, господа? Князю Юрію Петровичу мое почтеніе.

Князь (*Бѣльскому*). Здраветь вы, здоровы-ли?

Бѣльскій. Здоровъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ на сѣрныхъ водахъ.

Тарашевъ (*тихо князю*). Ну, ваше сіятельство, дѣла ваши идутъ прекрасно. Она васъ любитъ.

Князь (*сухо*). Довольно. Ни слова болѣе... (*Тонинъ охорашивается.*)

Тарашевъ. Что это значить, князь? (*Баронъ и Бѣльскій у камина.*)

Князь. Мы квиты... Косатка ваша.

Тарашевъ. Но я...

Князь. Не смѣйте мнѣ больше ни слова говорить про Елизавету Александровну, иначе я за себя не ручаюсь.

Тарашевъ (*отходя*). Странный характеръ!...

—
XV.

ТѢЖЕ и ЛУИЗА.

Луиза. Извините, господа!... Елизавета Александровна сейчасъ выйдетъ.

Баронъ (*отходя отъ камина*). Я исполнилъ ея порученіе.

Луиза (*тихо*). Вы серьезно меня не любите.

Баронъ. Ей Богу, не люблю!

Луиза (*подходя къ Бѣльскому*). Гдѣ вы такъ долго были?

Бѣльскій. На сѣрныхъ водахъ...

Луиза. Послушайте, я дѣвушка благородная... я прочла ваше признаніе... но вы, я надѣюсь, съ благороднымъ намѣреніемъ...

Бѣльскій. Что она такое говоритъ?

Луиза. Но все равно, я рѣшилась...

Тарашевъ. Что они шепчутся?

Тонинъ (*барону*). Какъ вамъ нравится мамзель?

Баронъ. Представьте, она въ меня влюбилась.

Тонинъ. Поздравляю.

Князь (*одинъ въ углу*). Что скажу я графу!

Луиза. И такъ, когда-же наша свадьба?

Бѣльскій. Какъ свадьба?...

Луиза. И вы тоже отказываетесь? Кто-жъ писалъ письмо?

Бѣльскій. Я не знаю... что это? Она проста помѣшалась....

Ни дать — ни взять, какъ одна мамзель на сѣрныхъ водахъ. (*Отходитъ къ Тонину и барону*).

Луиза (*на аван-сценѣ*). Теперь ясно, что Тонинъ. Кто-бъ могъ ожидать?

Лакей. Луиза Карловна! Пожалуйста къ барынѣ. (*Уходитъ*.)

Луиза. Сейчасъ. (*Проходитъ мимо Тонина*.) Какъ вы неосторожны! (*Уходитъ*.)

Тонинъ (*пораженъ*). Что это значить! А понимаю. Это она нашла письмо мое и велѣла компаньонкѣ сказать, что это неосторожно... Bravo, Тонинъ... Виноватъ-ли я, что у меня маленькая ножка и бѣлевская ручка.

Бѣльскій. Господа, представьте себѣ, что эта рупна вообразила себѣ, что я очарованъ ея прелестями.

Баронъ. Какъ и вы попались?... Она меня тоже соблазняла....

Тарашевъ. Это уморительно... (*Всѣ хохочутъ*.)

Бѣльскій. Нѣтъ, вотъ какъ я былъ на сѣрныхъ водахъ, я вамъ разскажу, была исторія....

XVI.

ТѢЖЕ И ГРАФЪ.

Графъ. Какое шумное собраніе! Какая веселость! Не новый-ли подвигъ князя на пути гоненія добродѣтели?

Князь. Минута настала! Что сказать ему? сердце разрывается.

Графъ. Вы что не веселы, князь? господа, призываю васъ въ свидѣтели: не сегодня-ли срокъ нашего пари?

Бѣльскій. Не сегодня, не завтра, а послѣ завтра.

Тонинъ. И мнѣ кажется....

Князь. Сегодня, завтра, не все-ли равно когда....

Графъ. Въ самомъ дѣлѣ? Что же вы намъ скажете?

Князь (*всторону*). Будь, что будетъ, но я не могу ей нанести обиды преступной ложью. Я могъ-бы показать платокъ, какъ до-

казательство мнимоѣ побѣды.... во я люблю ее. Честь ея для меня дороже жизни. Пусть онъ убьетъ меня! Умереть за нее блаженство.

Графъ. Что же, князь, вы молчите...

Князь. Господа! объявляю торжественно.... я проигралъ парри. Она меня не любитъ!...

Тарашевъ. Возможно-ли!...

Тонинъ. Я думаю, когда она меня любитъ.

Князь (*графу*). Первый выстрѣлъ вашъ. (*Долгое молчаніе.*)

Графъ. Онъ жеть! Въ немъ больше благодетства, не жели я ду- малъ.

Князь. И такъ дуэль на прежнихъ условіяхъ?

Графъ. Да.

Князь. Завтра?

Графъ. Въ часъ.

Князь. За городомъ. Секундантъ мой господинъ Бѣльскій.

Графъ (*тихо князю*). Она васъ точно не любитъ?

Князь (*торжественно*). Господа! Графъ не вѣритъ! Еще разъ повторяю: она меня не любитъ!...

Баронъ. Тише.... идуть!...

Князь. Она!... (*Графу.*) Ни слова!... (*Бѣлогорская выходитъ, всѣ остальные подъ впечатліемъ случившагося. Картина.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Д Р А М А Ж И З Н И.

Декорация 2-го акта. При поднятіи завѣса, графъ въ сильномъ волненіи ходитъ по сценѣ, потомъ садится.

I.

Графъ (*одинъ*). Двѣнадцать часовъ! Болѣе четверти часа, какъ я дожидаюсь ее! Она запята съ управителемъ. Просила подождать.... подождать, когда каждая минута теперь дорога мнѣ. Въ часъ одинъ изъ насъ долженъ умереть. Можетъ быть, это послѣднее свиданіе съ нею. А она не знаетъ, она даже не подозрѣваетъ, какая кровавая драма готова разыгратъся за честь ея. Странно! Князь вчера торжественно объявилъ, что она не любитъ его. Если это правда, то моя рука не дрогнетъ уничто-

жить челоуѣка, который съ такою дерзостью насмѣхался надъ добродѣтелью этой женщины. Но если онъ солгалъ? (*Встала.*) Нѣтъ, нѣтъ, прочь эта мысль. Онъ слишкомъ слабъ, слишкомъ безхарактеренъ, чтобъ рѣшиться на такое самоотверженіе. Но все равно — жребій брошенъ. Теперь во что бы ни стало, а я отъ нея самой узнаю истину...

II.

ГРАФЪ И БЕЛОГОРСКАЯ.

Бѣлогорская. Извините, графъ, что я такъ долго заставила ждать себя. Я велѣла просить васъ къ себѣ вечеромъ, а вы непременно желали меня видѣть теперь... и я къ вашимъ услугамъ. Но что съ вами, вы какъ-то странно смотрите на меня. Ужъ не больны-ли вы?

Графъ. Вы угадали, я болѣнъ. Прибавлю еще, что болѣзнь моя неизлѣчима. Она, эта мучительная болѣзнь, глубоко завала (*показывая на сердце*) здѣсь, а между тѣмъ единственный врачъ, который можетъ излѣчить ее, не хочетъ понять, не хочетъ облегчить моихъ страданій.

Бѣлогорская. Вѣрно этотъ врачъ, о которомъ вы говорите, сомнѣвается въ вашей болѣзни, или, можетъ быть, не находитъ себя довольно искуснымъ, чтобы облегчить ваши муки. Но что же мы стоимъ. Сядемте, графъ! (*Садится.*)

Графъ. Положимъ, что вы правы. Въ такомъ случаѣ увѣренность больнаго дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ микстуръ. Но довольно объ этомъ. Я... пришелъ проститься съ вами... я ѣду и, можетъ быть, уже никогда не возвращусь.

Бѣлогорская. Вы ѣдете? Когда? куда? зачѣмъ?...

Графъ. Вы спрашиваете когда?... сегодня, черезъ нѣсколько... часовъ... куда? не знаю, но только далеко... зачѣмъ? зачѣмъ, чтобъ быть подалѣе отъ васъ, чтобы пространствомъ, раздѣляющимъ насъ, заглушить тоску. Я не буду видѣть вашей холодности и, какъ ребенокъ, стану обманывать себя хотя въ мечтахъ тѣмъ счастьемъ, котораго вы лишаете меня, счастьемъ любви вашей.

Бѣлогорская. Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ вы говорили мнѣ о своей любви, о своей преданности... и я, благодаря васъ за то и другое, отвѣчала тоже, что отвѣчу и теперь. Сердцемъ повелѣвать нельзя. Я люблю васъ, какъ друга, какъ брата, но не болѣе (*встаетъ.*)

Графъ (*вставал*). Я не виню васъ... напротивъ... благодарю за эту любовь... По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ надѣяться, что въ эти послѣднія минуты свиданія съ вами, вы будете откровенны со мною, какъ съ другомъ, какъ съ братомъ, и скажете..

Бѣлогорская. Что такое?

Графъ. Любите-ли вы князя? (*Она опускаетъ голову.*) Она молчить!... Значить князь обманулъ меня! (*Въ бѣшенствѣ перебѣгаетъ сцену и опускается въ кресло*)

Бѣлогорская (*всторону*). Онъ мнѣ жалокъ. Чтобъ успокоить его, солгу въ первый разъ. Пріятная ложь все-таки лучше горькой истины... (*Вслухъ.*) Графъ, вы въ заблужденіи... я не люблю князя.

Графъ (*подбѣгая къ ней*). Вы сказали... не люблю... О!... не берите этого слова назадъ... не берите... отъ него зависить ваше счастье... Если бъ вы только знали... Но я вамъ вѣрю... я вѣрю... я теперь спокоенъ и безропотно налагаю на себя добровольное изгнаніе (*Смотритъ на часы.*) Однако пора... Прощайте...

Бѣлогорская. Куда-же вы? Или снѣшите скорѣе приніятыя за леченіе?

Графъ. Пора. Надо кончить кой-какія дѣла. Прощайте и позвольте на прощаніе пожать и поцѣловать вашу ручку.

Бѣлогорская (*весело*). Хоть объ! (*Подаетъ ему руки; графъ цѣлуетъ.*)

Графъ (*не выпуская рукъ*). Повторите еще... вы его не любите?

Бѣлогорская. Вѣрно больные всегда капризны и недовѣрчивы; вѣдь я сказала, что нѣтъ...

Графъ. Вѣрю... прощайте... Но послушайте... Нѣтъ... не могу... когда-нибудь... скоро вы узнаете... прощайте...

Бѣлогорская (*съ чувствомъ*). Прощайте, другъ мой! Когда излѣчитесь отъ своего недуга, возвращайтесь ко мнѣ... Полно пѣжничать... Я ужъ буду года черезъ три стара... Ужъ и теперь сѣдина показывается, право... не вѣрите?.. А знаете, мнѣ жаль, что вы ѣдете...

Графъ. Вернусь — если не умру... По крайней мѣрѣ; не забудьте, что, гдѣ-бы вы ни были, чтобы ни было съ вами, — скажите только слово — и я весь вашъ — весь... прощайте!... (*Быстро уходитъ.*)

III.

БЪЛОГОРСКАЯ, одна.

Какъ неспосны эти мужчины! Какъ въ нихъ много эгоизма, и какъ мало истиннаго чувства. Любовь выражается у нихъ самою скучною, самою мучительною ревностью, которою они готовы надоѣдать при всякомъ случаѣ. Вѣдь онъ знаетъ, что я не люблю его, а все-таки ревнуетъ. Нѣтъ, это скучно. Какъ же любить послѣ этого? Какъ подумаешь, дѣлается страшно и мучительно. А между-тѣмъ, я люблю князя. Люблю его такъ, какъ только можетъ любить женское сердце... (*Задумчиво.*) Не дурно ли я сдѣлала, что солгала графу? (*Весело.*) Впрочемъ нѣтъ, пусть его останется въ этомъ пріятномъ заблужденіи. (*Шутливо.*) Чѣмъ-бы дитя не забавлялось, лишь-бы не плакало а графъ, въ этомъ случаѣ, совершенный ребенокъ... (*послѣ молчанія*) Какъ долго не ѣдетъ Юрій. Вчера онъ сказалъ, что будетъ въ двѣнадцать часовъ; а теперь четверть перваго. Можетъ-быть, онъ мнѣ откроетъ настоящую причину отъѣзда графа.... Тутъ что то кроется.... что-то не такъ....

IV.

БЪЛОГОРСКАЯ и КНЯЗЬ.

Князь (*входя*). Bonjour. Видите, какъ я аккуратенъ. (*Взглянувъ на часы.*) Виноватъ.... опоздалъ четверть часа.

Бѣлогорская (*подавая руку*). Вы вѣрно хотите этимъ дать мнѣ почувствовать, что я ждала васъ (*кокетливо*), то позвольте замѣтить — вы ошибаетесь.

Князь. Напротивъ, этимъ я хотѣлъ сказать, что еще-бы раньше явился къ вамъ, если-бы....

Бѣлогорская. Если бы.... если бы что?

Князь (*серьезно*). Если бы не письма, которыя мнѣ пужно было написать, а главное новости, очень неприятныя отъ моего управляющаго въ Оренбургскомъ имѣніи.

Бѣлогорская. Что-же такое случилось?

Князь. Завязался процессъ съ соеѣдомъ. По милости этого процесса, мнѣ необходимо, какъ можно скорѣе ѣхать туда и я ѣду.... чрезъ нѣсколько часовъ.

Бѣлогорская. И вы ѣдете? Странно!... Когда-же вы вернетесь?

Князь. Что-же вы находите страннаго въ моемъ отъѣздѣ? Я

вернусь, какъ только позволять дѣла.... скоро.... (Всторону.) Какъ тяжело! Боже мой, какъ тяжело!

Бѣлогорская. Странно потому, что передъ вами былъ у меня графъ — онъ тоже ѣдетъ и уже простился со мною. Вы не видались съ нимъ?

Князь. Нѣтъ еще.... но скоро увижусь.... (Задумывается.)

(Молчаніе.)

Бѣлогорская. Послушайте.... Князь.... (Онъ поднимаетъ голову.) Гдѣ вы? Я могу обидѣться такимъ невниманіемъ.

Князь. Гдѣ? И душою и мыслями всегда подлѣ васъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Мнѣ грустно, мнѣ тяжело, что я расстаюсь съ вами.

Бѣлогорская. Полноте.... съ глазъ долой, вонъ изъ памяти.

Князь. И вы мнѣ это говорите? Неужели вы не видите, не чувствуете, что я люблю васъ болѣе жизни, болѣе всего милого въ жизни.

Бѣлогорская (въ волненіи). Не буду хитрить.... Я чувствую и боюсь дать волю этому чувству — вижу и боюсь вѣрить тому, что вижу.

Князь. Не разсѣивайте-же этихъ сомнѣній. Послѣдствія и время докажутъ вамъ страсть мою. Я сдѣлаю все, чтобъ быть достойнымъ вашей любви Скажите, скажите мнѣ настанетъ-ли когда-нибудь эта свѣтлая минута?

Бѣлогорская. Если только счастье ваше заключается въ этой минутѣ.... то она для васъ давно настала.

Князь (внѣ себя). О! повторите, повторите еще разъ... Неужели вы меня любите?...

Бѣлогорская. А вы, князь, неужели этого не замѣтили, не чувствовали....

Князь. Отвѣчу вашими словами.... чувствовалъ и боялся — видѣлъ и не вѣрилъ.... Развѣ я стою васъ?

Бѣлогорская. Что-же вы, и послѣ этого всего уѣдете?...

Князь. О, Боже мой! Боже мой!...

Бѣлогорская. Вы не отвѣчаете.... значить не ѣдете?...

Князь (съ трудомъ). Ёду!...

Бѣлогорская. Но если я попрошу васъ отложить отъѣздъ до завтра, а сегодняшній вечеръ подарить мнѣ, что вы скажете?...

Князь. Я бы съ радостью.... но....

Бѣлогорская (обидясь). Извините. Это была первая моя просьба — и я не думала, что такъ трудно ее исполнить. Впрочемъ,

я не держу васъ, дѣла прежде всего, а тамъ отъ нечего дѣлать и любовь.

Князь (*всторону*). О! Какое мученіе!... (*Вслухъ*.) Вы меня не поняли, я не то хотѣлъ сказать.... я останусь.... я приѣду вечеромъ.... а теперь.... скажите только одно (*вынимая ея платокъ изъ за жилета*)— можетъ-ли эта вещь имѣть для меня то значеніе, которое вы отняли отъ нея, когда отдали мнѣ?

Бѣлогорская. Я-бы сказала вамъ ея настоящее значеніе, если-бы вы не вздумали вдругъ уѣхать, но теперь повторю почти тоже: предоставьте все времени и чему быть, того не миновать.

Князь. Вы правы.... чему быть—того не миновать... Если я.... это будетъ моимъ девизомъ.

Бѣлогорская. Забудете.

Князь. Никогда!

Бѣлогорская. Я напишу вамъ этотъ девизъ....

Князь. Неужели это счастье возможно?

Бѣлогорская. Увидите! (*Уходитъ въ боковую дверь*.)

Князь. И думать, что чрезъ нѣсколько минутъ, я уже перестану жить и любить, и вѣрять, и надѣяться.... Первый выстрѣлъ графа — и онъ не пощадитъ меня.... (*весело*) Но я такъ счастливъ, такъ счастливъ, что смерть не пугаетъ меня. Пусть она искупитъ мою вину передъ нею. (*Задумывается*.) Страшно судьба играетъ людьми. Кажется, счастье такъ близко, такъ возможно, какъ милый призракъ и улыбается и манитъ къ себѣ.... (*съ отчаяньемъ*) а между-тѣмъ, какъ призракъ исчезаетъ — едва только хочешь коснуться его. (*Садится и задумывается*.) Ахъ, если-бы она знала, какъ я виноватъ передъ нею, какъ бы она меня презирала.... А она меня любить....

Бѣлогорская (*вбѣгая*). Вотъ и готово.... Возьмите эти строки.... храните ихъ до-тѣхъ-поръ, пока.... (*грустно смотритъ на него*) пока не разлюбите меня.

Князь (*съ жаромъ*). Васъ разлюбить? О, нѣтъ, никогда. Этотъ платокъ вы получите только въ одномъ случаѣ, когда меня не будетъ на свѣтѣ! (*Прячетъ платокъ*.)

Бѣлогорская. Зачѣмъ говорить о смерти, когда жизнь такъ хороша, когда будущность такъ привѣтливо улыбается намъ и счастьемъ, и любовью....

Князь. Жизнь — да жизнь улыбается намъ... (*Пристально смотритъ на нее, потомъ вздрагиваетъ, смотритъ на каминные часы и говоритъ*.) Пора....

Бѣлогорская (слѣдуя за его движеніями). Что съ вами?

Князь. Такъ, маленькое зампраніе сердца.... Это бываетъ всегда, когда я оставляю васъ.... а я сейчасъ отправляюсь до кончить начатыя дѣла.... Прощайте!...

Бѣлогорская. То есть, до свиданія.... до вечера....

Князь. Да, до свиданія.... довечера! (Беретъ ея руку, цѣлуетъ и медленно подходитъ къ двери. Она провожаетъ его взглядомъ; князь опять возвращается и беретъ снова ея руку.) О, если бы вы знали, какое счастье подарили мнѣ, какую силу вдохнули въ мою измученную душу и какъ я мало этого стою и какъ много благодарю васъ.... прощайте!...

Бѣлогорская. Опять прощайте? Вѣдь я сказала до свиданія.

Князь (съ глубокимъ чувствомъ). Виновать.... до свиданія!... (Быстро уходитъ.)

—

V.

БѢЛОГОРСКАЯ одна; долго смотря ему вслѣдъ.

Какъ овъ грустенъ. Не знаю почему, но каждое слово его глубоко запало въ мою душу.... Какъ опъ пѣженъ. Какъ много любви высказывалось въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ.... О, я вѣрю ему.... Такъ нельзя лгать, такъ нельзя притворяться.... А если.... но Боже мой! Чему же послѣ этого вѣрить, кому довѣряться?...

Лакей. Илья Ивановичъ Товинъ.

Бѣлогорская. Какая скука! Отказать.... Впрочемъ, пѣтъ, постой — проси — только потомъ скажи Луизѣ Карловнѣ, чтобы пришла сюда.... слышишь? (Уходитъ въ боковую дверь.)

—

VI.

ТОНИНЪ, потомъ ЛУИЗА.

Товинъ (входя). Гдѣ же Елизавета Александровна?

Лакей. Онѣ сейчасъ къ вамъ будутъ-сь. (Уходитъ.)

Товинъ (охорашиваясь). Друзья отправились себѣ на поле битвы. Гм.... гм.... Ну, Илья Ивановичъ, а тебѣ предстоятъ поле чести, да какой еще чести, побѣдить эту гордую, эту неприступную красоту. Впрочемъ, дѣло уже сдѣлано. Письмо мое у нея и она велѣла мнѣ сказать, что я неостороженъ: это значить я васъ люблю, вы мнѣ нравитесь.... и такъ далѣе.... (Смотритъ на руку

и на ногу). Я зналъ, что этихъ вещей достаточно, чтобъ взять въ плѣнъ этого маленькаго супостата. Теперь, чортъ побори мою скромность. Ей я стану доказывать, какъ я ее люблю... А другимъ — какъ она меня любить. Ужъ задамъ трезвою по городу. Нѣтъ, я счастливичикъ... (*Надвигаетъ шляпу и охорашивается передъ зеркаломъ*). У! плуть, плуть... (*Грозитъ пальцемъ въ зеркало*). Да что, чортъ возьми, вѣдь этакая досада... кажется, чѣмъ не молодець, а вѣдь ня одна тоже вѣдьма до-сихъ-поръ не любила меня... Только такъ говоришь да ссылаешься на скромность... а какая тутъ скромность... Только заведись у меня какія нибудь шуры муры, — я бы тогда показалъ скромность. Такъ бы и разболталъ по всему городу... (*Луиза входитъ*). А право я молодець!... Хотъ куда!... (*Обирачивается и столбеицетъ*.)

Луиза. Илья Ивановичъ!... что это вы стоите въ шляпѣ?

Тонинъ (*сконфуженный*). Я... я... у меня болѣла голова. (*Встору*). Чортъ знаетъ, что такое вру. (*Вслухъ*). Нѣтъ, я примѣривалъ только что купленную шляпу. (*Снимаетъ ее*.)

Луиза. А она къ вамъ очень идетъ.

Тонинъ (*самодовольно*). Вы находите?

Луиза. О, да... садитесь, сдѣлайте одолженіе... Елизавета Александровна занята, она скоро придетъ. Если только вамъ нескучно со мною.

Тонинъ (*встору*). Неужели и она въ меня вѣззалась? (*Ей*) О! нѣтъ, напротивъ... мнѣ такъ пріятно.

Луиза (*встору*). Намекнуть ему слегка на счетъ письма. (*Вслухъ*). Вы ко мнѣ писали? Не скрывайте, вѣдь вы писали? (*Встору*). Намекнула.

Тонинъ. Я... я... (*Встору*). Ахъ, чортъ возьми, вотъ убилъ бобра. (*Вслухъ*). Я... не понимаю... нѣтъ...

Луиза. Не тавте, я знаю... и не хочу изъ пустаго кокетства мучить васъ сомнѣніями... я принимаю ваше предложеніе.

Тонинъ. Помилуйте... я не знаю, какое предложеніе... я никому еще не дѣлалъ предложеній... я еще молодъ... помилуйте...

Луиза. Ваша робость непонятна. Зачѣмъ вы скрываете? Правда, я бѣдна, но за то вы богаты... я благородная дѣвушка и хоть не первой молодости, но неужели одна молодость имѣетъ права на супружество и любовь.

Тонинъ (*встору*). Должно быть я съ дуру то не туда положилъ письмо... Какъ съ моею опытностію. (*Вслухъ*). Вы ошибаетесь... вѣрно кто-нибудь другой писалъ къ вамъ, а не я... къ тому же я иначе не пишу, такъ по-французски...

Луиза. Не знаю, съ какою цѣлью вы смѣлились надо мною? Это дурно... безчестно... сдѣлать предложеніе и потомъ отказываться... я благородная дѣвица... Вотъ это письмо!

Тонинъ. Позвольте... (*Взявъ письмо, всторону*). Какая мысль! (*Вслухъ*). Возможно ли?... я знаю эту руку?...

Луиза. Неужели?... кто же это писалъ?...

Тонинъ. А я не могу этого сказать, пользоваться случаемъ, чтобъ....

Луиза. Умоляю васъ....

Тонинъ. Только вы меня не выдайте... это писалъ... писалъ Тарашевъ....

Луиза. Тарашевъ!... такъ я и думала.... Сердце говорило, что это писалъ Тарашевъ....

Тонинъ. А вы на меня... помилуйте... я молодъ, я хочу пользоваться свободой, да... (*Всторону*). Ну, что-то изъ этого будетъ....

Лакей. Луиза Карловна, пожалуйста къ барынѣ....

Луиза. Иду, пду. (*Лакей уходитъ*). Вы точно увѣрены, что Тарашевъ....

Тонинъ. Влюбленъ въ васъ по уши.

Луиза. Ахъ, я сама цѣню его достоинства... Извините! (*Прислѣдуетъ и уходитъ*)

VII.

Тонинъ, потомъ Вьлогорская.

Тонинъ. Каково? а? вѣдь дернула же меня нелегкая положить письмо не туда, куда слѣдуетъ. Да за то какъ выпутался то?... Геніяльно!... Просто геніяльно. Однако хозяйка, кажется, забыла о своемъ гостѣ. (*Смотритъ на часы*). Ого! Отправиться къ графу, узнать, чѣмъ кончилась эта смѣшная исторія. Охота же людямъ драться на дуэли. Да я бы ни за что, ну вотъ, рѣшительно ни за что!

Вьлогорская. Mille pardons, monsieur Тонинъ, я заставила васъ ждать....

Тонинъ. Удовольствіе васъ видѣть выкупаеть и сильнѣйшую неприятность.... Какъ ваше здоровье?...

Вьлогорская. А что?

Тонинъ. Вы, кажется, блѣдны, разстроены.

Вьлогорская. Признаюсь вамъ — я не знаю сама, что со мною? Надо ѣхать на воды. У меня нервы стали слишкомъ слабы. Все

меня волнуетъ, бѣситъ, раздражаетъ... я плачу, сама не зная отъ чего... смѣюсь иногда безъ причины.

Тонинъ. Такую болѣзнь доктора называютъ — любовью....

Бѣлогорская. Э! Кто-жъ нынче любить? И кого любить?

Тонинъ (*всторону*). Благо про любовь заговорила... смѣлѣе... была не была. (*Ей съ жаромъ*). Есть люди, которые вамъ искренно преданы, которые готовы пожертвовать жизнью за одинъ вашъ взглядъ, которыхъ цѣль и стремленіе — вы, отрада, радость, счастье — вы, горе и страданіе — вы, вы одинъ, всегда, вездѣ вы, вы.... (*На колѣнахъ*) и вы. (*Всторону*). Высказалъ.

Бѣлогорская. Monsieur Тонинъ, что съ вами?... жаръ? бредъ?... не прикажете ли стакашъ воды?

Тонинъ (*вставая*). Покорно благодарю... Вотъ отвѣтъ....

Бѣлогорская. На что?

Тонинъ. На мое... на мое разсужд....

Бѣлогорская. Признаніе хотите вы сказать... но скажите, чѣмъ я подаю вамъ поводъ оскорбить меня подобными сентиментальными выходками. Я уважаю ваши личныя достоинства, но раздѣлять вашихъ страстныхъ порывовъ не могу, не хочу и не буду. Вѣдь я, между нами, вамъ въ дочерп гожусь... Смѣшно!... но поговоримте о чемъ нибудь другомъ; о васъ самихъ, о вчерашнемъ спектаклѣ, о повостяхъ, о чемъ-нибудь....

Тонинъ (*всторону*). И отъ этой отъѣхалъ съ носомъ. Но чортъ возьми, въ первый разъ еще затронуто самолюбіе и я хочу мстить, да, скромность въ сторону. Какъ драматическій герой обняками, косвенно растерзаю ея сердце.... Нанугаю... собью съ толку....

Бѣлогорская. Что-же новаго въ городѣ, monsieur Тонинъ?

Тонинъ. А вы не знаете?

Бѣлогорская. Ничего.

Тонинъ. Давно вы видѣли графа?

Бѣлогорская. Сегодня, но я ждала новости.

Тонинъ. Она впереди. А князя давно вы видѣли?

Бѣлогорская. Сегодня-же. Они оба пріѣзжали проститься.

Тонинъ. И вы такъ покойны?

Бѣлогорская. Я огорчена, мнѣ жаль и досадно, но я вѣдь не на сценѣ.... Впрочемъ, спокойная грусть еще тяжелѣе. Графъ ѣдетъ по дѣламъ; князь тоже, впрочемъ передъ отъѣздомъ еще будетъ у меня....

Тонинъ. Врядъ ли....

Бѣлогорская. Что вы хотите сказать?..

Тонинъ. Они побѣхали вмѣстѣ....

Бѣлогорская. Какимъ образомъ? Они едва знакомы? Вмѣстѣ? Куда? зачѣмъ?...

Тонинъ (*всторону*). Она себя измѣнила. Это любовь? тѣмъ лучше. (*Ей*). Не знаю.... за городъ.

Бѣлогорская. За городъ?

Тонинъ. Да.... за городъ.... и взяли съ собой какіе-то ящики или чемоданы.... не знаю.... не замѣтилъ.

Бѣлогорская. Ящики? вмѣстѣ? за городъ?

Тонинъ. Да, вѣрно для прогулки или пострѣлять въ цѣль.

Бѣлогорская. Пострѣлять?...

Тонинъ. Да.... въ цѣль.... вотъ моя новость, Елизавета Александровна.... (*всторону*.) Знай пашнхъ! (*Ей*.) Вотъ моя новость! (*Поклонъ и уходитъ*.)

VIII.

БѢЛОГОРСКАЯ одна, потомъ ГРАФЪ

Злой старичишка! что онъ хотѣлъ сказать? за городъ? стрѣлять въ цѣль? этой цѣлью не будетъ-ли сердце Юрія! О, нѣтъ, не можетъ быть! За что? не даромъ я всегда боялась графа.... Оба ѣдутъ? процессъ, дѣла? оба въ одно время? Не знаю, что подумать. Не знаю, на что рѣшиться? Послать къ князю? — узнаеть весь городъ. Сказать Луизѣ Карловнѣ? — Скажетъ: какъ вамъ угодно. Отчего онъ забывалъ сказать: до свиданія, а говорилъ одно: прощайте? Неужели мнѣ суждено не видать его болѣе? О! только въ эту минуту я понимаю, какъ я люблю его! Что дѣлать? Боже мой!... (*Звонитъ*.) Какъ предупредить? И гдѣ они стрѣляются.... Когда? (*Лакей входитъ*.) Теперь вѣрно, въ эту минуту....

Лакей. Чего позволяете?

Бѣлогорская. Нячего.... ступай.... или постой.... пошлю туда.... скажи, бѣги.... О, Боже мой! Что это? стукъ? Смотри, что такое. (*Лакей бѣжитъ къ окну*.) Пріѣхалъ? Кто пріѣхалъ?

Лакей. Карета-съ.

Бѣлогорская. Бѣги.... встрѣчай.... зови.... просп.... (*Лакей убѣгаетъ*.) Кого я увижу? Все равно.... Живое существо.... Скажетъ чтонибудь, посоветуетъ.... Идутъ?... Побѣгу навстрѣчу. (*Бѣжитъ. Графъ показывается съ средней двери. Она на срединѣ сцены, увиди его, вскрикиваетъ*.) Графъ!.. Откуда вы? Гдѣ бы-

ли? говорите.... гдѣ князь? Говорите. Ужасный человекъ! вы стрѣлялись? Нѣтъ? да? Не мучьте меня!

Графъ. Вы оба меня обманули. Оба! И онъ, и вы! Весь свѣтъ противъ меня!

Бѣлогорская. Стрѣлялись-ли вы съ княземъ?

Графъ. Я бы стрѣлялся съ другимъ, съ третьимъ. Что мнѣ въ имени. Что мнѣ личность! Я стрѣлялся съ человекомъ, который не дорожилъ честью женщины, весьма уважаемой, который смѣлъ хвалиться заравѣ побѣдою надъ тою, которую я люблю и которой я отвергнуть. Я стрѣлялся съ человекомъ, который два мѣсяца тому назадъ поставилъ уже се въ число жертвъ своихъ, которую хотѣлъ увлечь, влюбить и потомъ бросить, забыть, уничтожить! Я стрѣлялся съ человекомъ, который вчера еще торжественно объявилъ, что эта женщина его не любитъ, который отказался отъ перваго выстрѣла, который рѣшился лучше умереть, чѣмъ запятнать честь ея. Но это запоздалое раскаяніе смѣшно и нелѣзно.... тѣмъ болѣе, что она его любила.... онъ былъ въ этомъ увѣренъ.... и я стрѣлялся съ нимъ, потому что поздно или рано — онъ бы бросилъ этотъ единственный цвѣтокъ, онъ смаялъ бы его своимъ прикосновеніемъ и цвѣтокъ завялъ бы отъ тоски, страданій и печали.

Бѣлогорская. Это ложь, это гнусная ложь!... Но гдѣ онъ? Что вы съ нимъ сдѣлали? Гдѣ онъ! я люблю его, слышите ли вы? Я люблю его. И кто вамъ далъ право вступаться за честь мою? За что вы меня преслѣдуете? Что я вамъ сдѣлала?... Вивовата ли я, что не могла любить васъ прежде.... а теперь.... я васъ презираю.... ненавижу.... а его люблю, люблю, одного его безъ раздѣла... свято, горячо.... некрещено....

Графъ. Знаю.... И вотъ доказательство.... (*Вынимаетъ платокъ, данный князю и бумажку.*) Этотъ платокъ вашъ; эта записка — писана вашею рукою... Это все было на груди его. Возьмите эти вещи, онъ жгутъ мои руки.... возьмите.

Бѣлогорская (*схвативъ*). Кровь Юрія!... Онъ убитъ!...

Графъ. Должно быть. Онъ упалъ... Я подошелъ къ нему.... и разстегнувъ жилетъ, увидѣлъ доказательства этой привязанности, которую онъ кушалъ цѣною молодости и краснорѣчія и въ которой отказываютъ преждевременной сдѣлавъ, вкрадшейся въ голову вмѣстѣ съ горемъ, вмѣстѣ съ страданіемъ сердца. Обмануть! обмануть обоими! И онъ, холодный некуситель, любимъ! А я?... А вы? Кого вы предпочли? Человекъ, который два мѣсяца тому назадъ держалъ пари, что такая-то женщина его полюбитъ — и

эта женщина — были вы! вы были предметом толковъ, объ васъ, за васъ — пари!... И онъ любимъ!

Бѣлогорская (пораженная). Пари! (*Ронлетъ платокъ и остается неподвижною.*)

Графъ (*не смотря на нее*). Я принялъ его на условіи стрѣляться, чѣмъ-бы оно не кончилось... и мы стрѣлялись.

Бѣлогорская (*съ блуждающимъ взглядомъ*). Пари!

Графъ. И я убилъ его, безъ жалости, безъ состраданія, потому что онъ самъ былъ безъ жалости къ женщинѣ, которую я люблю... я, купившій право любить ее цѣною страданій, цѣною убитой молодости!

Бѣлогорская (*въ безуміи*). Вѣдь онъ любилъ меня? (*Къ публикѣ.*) Пари!

Графъ. И что-жъ? ему весь жаръ души, мнѣ одна холодность и презрѣніе!

Бѣлогорская. Пари!...

Графъ (*замптя ея положеніе*). Боже мой! Что съ вами? Этотъ безжизненный взглядъ, эти судорожныя движенія.

Бѣлогорская. Пари!...

Графъ. Одно и тоже слово помпунтно повторяемое, я боюсь понять! Придите въ себя, ради Бога.

Бѣлогорская. Это было пари... только пари.

Графъ. Она теряетъ разсудокъ! Великій Боже! Что я надѣлалъ? Ей! кто-нибудь!... люди!... Луиза Карловна! Сюда! (*Лакей убѣгаетъ.*) Скорѣй, скажи самъ, пошли еще кого-нибудь... Только доктора, двухъ, трехъ докторовъ... скорѣй ради, Бога. (*Лакей убѣгаетъ.*)

Бѣлогорская. Одно пари... любовь... пари.

Графъ (*возвращаясь къ ней*). Придите въ себя... Это ложь ложь, я солгалъ... я брежу... онъ любилъ васъ...

Бѣлогорская. Да, онъ любилъ пари?

Графъ. Забудьте, забудьте это слово. Винавать я, одинъ я; я уѣду, я не буду преслѣдовать васъ ревностью и любовью... уѣду далеко... куда-нибудь... надолго..., О! плачьте, плачьте... слезы облегчатъ васъ... попробуйте поплакать... видите, смотрите я тоже плачу... это слезы раскаянія... слезы мужьяны... вамъ легче плакать... вы молоды... въ васъ сердце не такъ высохло, какъ у меня... Плачьте, умоляю васъ...

Бѣлогорская. Онъ держалъ пари!...

Графъ. Не правда, пѣтъ... я выдумалъ... я солгалъ. Повѣрь-

те мнѣ, умоляю васъ.... Вотъ я у ногъ вашихъ, опъ любилъ васъ, любить, да....

БѢЛОГОРСКАЯ. Убить! (*Усидя платокъ и поднимая.*) Платокъ? (*Разсматривая его.*) Кровь?... убить!... Пари....

ГРАФЪ. Опять это слово! Ахъ я самъ съ ума сойду.... что это? Идутъ? вѣрно докторъ! Неужели такъ скоро! Тѣмъ лучше.... побѣгу къ нему на встрѣчу.... (*Бѣжитъ.*)

—

IX.

ТЪЖЕ « БѢЛЬСКІЙ.

БѢЛЬСКІЙ (*подходя*). Ни души человѣческой.... А, Графъ!...

ГРАФЪ. Кого я вижу?

БѢЛЬСКІЙ. Гдѣ Елизавета Александровна, я долженъ ее видѣть....

ГРАФЪ. Она все знаетъ.... Но несчастная не пойметъ васъ. Посмотрите, въ какомъ она положеніи....

БѢЛЬСКІЙ. Я скажу ей только одно слово и она пойметъ его....

ГРАФЪ. Ахъ, чтобъ спасти ее, я откажусь отъ всего, я рѣшусь на все.... подойдите....

БѢЛЬСКІЙ (*подходя*). Елизавета Александровна.... (*Она смотритъ.*) Взгляните! (*Подаетъ записку.*)

БѢЛОГОРСКАЯ (*долго глядитъ*). А? письмо....

БѢЛЬСКІЙ. Да, къ вамъ....

БѢЛОГОРСКАЯ (*вглядываясь*). Его рука?...

ГРАФЪ. Она все еще въ помѣшательствѣ....

БѢЛЬСКІЙ. Постарайтесь прочесть.... это я привезъ.... я....

БѢЛОГОРСКАЯ (*вглядывается*). Вы?...

БѢЛЬСКІЙ. Я, БѢЛЬСКІЙ, который былъ на сѣрвыхъ водахъ Я.... привезъ отъ князя....

ГРАФЪ. Что это значить?... Что онъ хочетъ сказать?...

БѢЛОГОРСКАЯ (*взявъ письмо узнаетъ*). А?

БѢЛЬСКІЙ. Позвольте, я прочту (*она не хочетъ*). Не хотите.... Кажется, она приходитъ въ себя....

БѢЛОГОРСКАЯ (*развертываетъ письмо, улыбается*). Сама! (*хочетъ читать, не можетъ, потомъ опять пробуетъ и читаетъ.*)

Я.... (*говоритъ другимъ тономъ.*) Я.... (*улыбается и читаетъ.*)

Жи.... живъ!... (*вскрикиваетъ.*) Ахъ!... (*слабѣетъ, Графъ ее поддерживаетъ.*)

БѢЛЬСКІЙ (*скоро*). Да, живъ!...

Графъ. Живъ !...

Бѣльскій. Докторъ осматривалъ рану и поручился за выздоровленіе. Пуля, не тронувъ грудной оболочки и легкаго, прошла вкось. Больной слабъ, но не опасенъ.... Время все изгладитъ.... чтобъ успокоить васъ, Елизавета Александровна, онъ хотѣлъ непременно написать вамъ хоть два слова, и просилъ меня, какъ секундантъ, доставить ихъ вамъ, что я и сдѣлалъ.

Бѣлогорская (*приходя въ себя*). Онъ живъ !... (*смотритъ подпись*.) Юрій ! (*говоритъ*.) Онъ живъ ! Онъ любитъ меня ? (*къ Бѣльскому*.) Неправда-ли ? Онъ любить, да.... (*читаетъ*.) Я живъ.... Юрій !...

Графъ. Она спасена ! Спасена для него, но я счастливъ.... да.... я плачу отъ радости.... мнѣ весело. (*Смѣется*.) Да.... это не ревность.... не досада.... это радость ! (*плачетъ*.) радость, радость ! (*закрываетъ лицо руками и опускается въ кресло*.)

Бѣлогорская. Карету мнѣ.... Поѣду къ нему.... опасность пройдетъ (*весело*.) и мы будемъ счастливы.... Да.... Юрій !... Я твоя ! Мы будемъ счастливы.... (*къ публикѣ*.) Парп !... (*идетъ быстро къ дверямъ*.)

Бѣльскій (*на авансценѣ*). Ни дать, ни взять тоже самое случилось, когда я былъ на сѣрныхъ водахъ.

(*Занавѣсъ быстро падаетъ*.)

ЭПИЛОГЪ.

(*Живоля Картина*.)

Князь сидитъ въ креслѣ, лицомъ къ зрителямъ ; Бѣлогорская, квягиня, стоитъ за кресломъ мужа ; правая ея рука лежитъ на высокой спинкѣ кресла, лѣвая поднята къ верху. Она ею держитъ игрушку или фруктъ. Мешѣ, нежели въ двухъ шагахъ отъ нихъ, на самой срединѣ картины, сидитъ Графъ, бокомъ. Онъ держитъ ребенка князя на рукахъ. Ребенокъ сидитъ на его правой ладони, а лѣвою рукою Графъ его держитъ подъ мышку, довольно высоко надъ собою. Ребенокъ обѣими ручками ловитъ то, что ему подаетъ мать. Направо, въ углу, Луиза, сидитъ и работаетъ. Въ глубинѣ Тонинъ стоитъ передъ зеркаломъ и любуется ручкой. Вниманіе отца и матери устремлено на ребенка. Улыбка удовольствія на лицѣ Графа.

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛЪСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

=

РОМАНЪ ГАБРИЭЛЯ ФЕРРИ.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

I.

ПАРЛАМЕНТЕРЪ.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ плывучій островокъ остановился и находящіяся на немъ четыре бѣглеца вышли на берегъ, вѣстникъ, отправленный апахскими старшинами для передачи главнаго начальства Черной-Птицы, проснулся рано утромъ. Сонъ возвратилъ бодрость его усталымъ членамъ. Воину пустынь не нужно много покоя на жесткой его постель. Предводитель, по прежнему, оставался неподвиженъ. При освѣщеніи потухающаго костра, онъ казался также мраченъ и неумолимъ, какъ и на кануноу.

— Ночныя птицы начинаютъ пѣть, — замѣтилъ странникъ на томъ цвѣтистомъ нарвчій, которое индѣйцы, переняли у восточныхъ

народовъ , повидимому ихъ предковъ. — Туманъ убѣгаетъ отъ солнца. Подарила-ли предводителя ночь советомъ въ пользу народа, который ждетъ его съ нетерпѣніемъ ?

— Кому не спится, тому ночь много говорить ! — возразилъ предводитель. — Черная-Птица всю ночь слышалъ вздохи своихъ жертвъ, слышалъ ропотъ голода въ ихъ внутренностяхъ, прислушивался ко всякому голосу своей мысли ; но онъ не слышалъ просьбы воиновъ своего племени.

— Хорошо ! вѣстникъ неуклонно передастъ слова , которыя слышитъ, пославшимъ его.

Готовясь въ обратный путь, посланный уже крѣпко затянулъ свой кожаный поясъ, когда предводитель попросилъ его помощи ; Черная-Птица хотѣлъ встать на ноги. Апахъ повиновался. Поднявшись съ трудомъ и пересиливая боль отъ глубокихъ ранъ разможенного плеча, Черная-Птица оперся на руку вѣстника.

— Пора окликнуть ночную стражу ! — сказалъ предводитель.

И съ помощію индѣйца Черная-Птица тихимъ, но довольно твердымъ шагомъ пошелъ къ пылающему огню.

Смѣненная другою, первая стража, расположившись на воловьихъ икурахъ, вкушала сладкій сонъ. Изъ всехъ ратниковъ одинъ Черная-Птица не смыкала глазъ. Часовые не трогались съ мѣста и стояли, какъ статуи изъ флорентійской бронзы.

На вопросъ о происшествіяхъ ночи, сторожевой отвѣчалъ :

— Рѣка тише тумана, бѣлые воины, бѣжавшіе отъ огня, не могли не уплыть, не затаяться и онѣмъь подобно рыбамъ.

Тоже самое говорили и другіе.

— Хорошо !—сказалъ индѣецъ, глаза котораго сверкнули дикою радостію. Потомъ обратясь къ вѣстнику и показывая ему на свое перевязанное плечо, онъ продолжалъ :

— Мщеніе такъ громко говорить моему уху, что оно глухо для всякаго другаго голоса.

Это было новымъ подтвержденіемъ отказа, даннаго предводителемъ посланному, который молча проводилъ обратно Черную-Птицу къ его костру.

Между тѣмъ не смотря на вторичное увѣдомленіе, посланный не торопился вѣхать ; взоръ его, казалось, хотѣлъ проникнуть густое облако тумана, носившееся надъ рѣкой. Передъ восходомъ солнца подулъ

довольно рзкій втеръ и открываль повременамъ широкія простьки. Съ минуты на минуту эта густая масса тумана разъединялась подобно льду при вскрытїи рьки. Не смотря на все свое вниманїе, индѣецъ не открыль островка, описаннаго ему предводителемъ.

Подозрѣнїе, что бдительность часовыхъ могла обмануться какими-нибудь непонятными продьлками, скользнуло въ умъ посланнаго, потому что радость, которую онъ дурно скрываль, заблестала въ его глазахъ.

— Я сказалъ, что отправиться въ путь я намьренъ не прежде солнечнаго восхода.

Эта мысль индѣйскаго странника была слѣдствїемъ его внезапнаго подозрѣнїя.

Первые звѣдноватые лучи становились замѣтнѣе. Туманныя волны катились одна за другой подобно пыли, поднятой стадомъ буйволовъ. Потомъ на этомъ сьромъ полотнѣ блеснули косвенные лучи солнца красными опаловыми огнями. Въ слѣдъ за тѣмъ туманное полотно взвилось, какъ широкое драпри, и лучи солнца, и дуновенїе вѣтерка разносили его по клочкамъ.

Рѣдкіе облака паровъ еще носились надъ гладью рьки, когда Черная-Птица издалъ страшный крикъ негодованїа и бьшенства.

Островокъ исчезъ безъ слѣда ; тамъ, гдѣ колыхался онъ наканунѣ, свѣтилось водное зеркало.

— Духъ пустыни распростеръ руку свою надъ водой, — сказалъ индѣйскїй вѣстянкъ. — Ему не хотьлось, чтобъ бѣлые умерли отъ руки воинственнаго предводителя, отъ Черной-Птицы.

Но индѣецъ не слушалъ возгласовъ заученнаго собользнованїа. Посланный въ душъ своей радовался, что бѣглецы исчезли. Въ этотъ разъ свирѣный предводитель самъ поднялся на ноги ; глаза его горѣли.

Татуировка и загаръ не скрыли смертной блѣдности его лица. Рука его затрясла топоромъ, и, шатаясь, онъ приблизился къ одному изъ сторожевыхъ.

Но индѣйскїй воинъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенїа при видѣ угрозы. Выпрямивъ голову и въ половину поднявъ руку, онъ принялъ положенїе слушающаго, желая тѣмъ показать, что до этой страшной минуты онъ не переставаль быть вѣрнымъ стражемъ.

Топоръ уже опускался на его голову, но посланный остановилъ предводителя.

— Чувства индѣйца, — сказалъ посланный, — имѣють границы; не можетъ же онъ слышать даже шелеста травы, глазъ его не въ состояніи проникнуть носящихся надъ рѣкой тумановъ. Черная-Птица сдѣлалъ, что могъ; онъ не пренебрегъ ни одной изъ предосторожностей. Судьба не хотѣла, чтобъ предводитель терялъ время надъ пролітіемъ крови трехъ бѣлыхъ, и отдала ихъ въ добычу потокамъ.

Индѣецъ указалъ на Мексиканскій лагерь.

Истощенный сдѣланнымъ усиліемъ, и безплоднымъ бышенствомъ Черная-Птица не могъ отвѣчать. Рана его открылась и кровь потекла снова сквозь кожаныя перевязки. Онъ заматался, ноги у него подкосились, и посланный долженъ былъ посадить его на траву, гдѣ индѣецъ потерялъ сознание.

Время протянувшееся до той минуты, когда Черная-Птица пришелъ въ себя, спасла четырехъ бѣглецовъ, которыхъ безъ сомнѣнія захватили бы апахи во время ихъ медленнаго плаванія по рѣкѣ.

Протяжные крики на противоположномъ берегу увѣдомили дикаго предводителя, когда онъ открылъ глаза, что товарищи его давали знать объ исчезновеніи пловучаго островка.

— Идемъ искать бѣлыхъ, — сказалъ вѣстникъ; — потомъ уже Черная-Птица услышитъ голосъ племени, тогда уши его не будутъ глухи.

Стоя на другомъ берегу, апахскіе вонны получили приказаніе соединиться съ предводителемъ, и когда собрались вмѣстѣ тридцать человекъ, то раненнаго индѣйца посадили на лошадь. Посланный, прибывшій пынкомъ, потому что въ прошедшую ночь, при нападеніи, онъ былъ сбитъ съ лошади, сѣлъ позади Черной-Птицы, придерживая его на сѣдлѣ.

Дикая кавалькада отправилась по теченію рѣки. Послѣ первой минуты удивленія, индѣйцы рѣшили, что пловучій островокъ сорвался съ основанія и не могъ улѣчь далеко, поэтому они и надвѣялись найти его скоро.

Но долго шли индѣйцы, не примѣчая никакихъ знакомыхъ слѣдовъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ закричалъ крикомъ неподдѣльной радости. Онъ примѣтилъ слѣды бѣглецовъ, оставшіеся послѣ нихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они выходили на берегъ. Предосторожности Боа-Розе не

скрыли ихъ отъ апахскихъ взоровъ, только одна хитрость его, которую онъ сдѣлалъ, разобравъ деревянный плотъ на части и уничтоживъ его, обманула ихъ окончательно.

Траву, и вѣтви и корни вода такъ занесла, что индѣйцы вездѣ, куда только проникали взоры ихъ, ровно ничего похожаго на форму островка не заметили.

Отпечатавшіеся на берегу слѣды протянулись недалеко. Это объяснило имъ, что бѣглецы продолжали свое плаваніе по ту сторону и что имъ трудно уже было спорить съ поспѣшностью, которая оставалась за ушедшими. Не смотря однакожъ на неудачу въ этой новой и бесполезной попыткѣ догнать трехъ охотниковъ, Черная-Птица снова пріобрѣлъ власть надъ своимъ хлоднокрівіемъ; индѣецъ оставался безчувственнымъ; жажда крови, которою пылалъ онъ, не только въ немъ не угасла, но заставляла его искать другой пищи вмѣсто исчезнувшихъ бѣглецовъ. Но невольно покорясь необходимости отложить пока свое мщеніе, онъ далъ за то вольный поводъ стремительности своего честолюбія.

Вторично онъ принудилъ себя къ попыткѣ оправдаться передъ посланнымъ. Коварный индѣецъ вздохнулъ такъ легко, какъ проснувшійся въ то самое время, когда во снѣ его уже погребали; бросивъ взоръ обманутаго мщенія на рѣку, онъ шею свою вытянулъ въ противоположную сторону и оставался неподвиженъ.

— Что слышитъ предводитель тонкимъ своимъ слухомъ? — спросилъ его вѣстникъ.

— Черная-Птица прислушивается теперь къ молчанію, голосъ крови не кипитъ болѣе въ его ушахъ.

— Только то онъ слышитъ? — повторилъ посланный.

Индѣйскій предводитель продолжалъ свою дипломатическую комедію. Онъ не отвѣчалъ, но на фізіономіи его показалась легкая улыбка; будто отдаленная мелодія коснулась его чувствъ.

— Уши мои, — прибавилъ онъ, — не глухи болѣе. Я слышу голосъ воиновъ, зовущій меня къ отмщенію за честь моего племени, я слышу трескъ огня совѣта. Благодареніе доброму Духу, покровителю апаховъ! Идемъ!...

Индѣецъ поворотилъ лошадей къ тому мѣсту, гдѣ по донесенію вѣстника, собравшіеся воины ждали его отвѣта.

Солнце уже золотило пустыню яркими лучами, когда Черная-Пти-

ца и его сподвижники достигли до оазиса смолистыхъ деревьевъ, гдѣ за день до сего, мы видѣли индѣйцевъ занятыхъ разсужденіями. Послѣ испытаннаго пораженія и преслѣдованія ночью, индѣйцы разложили снова огонь совѣта на томъ-же мѣстѣ.

При видѣ страшнаго предводителя, возвращенія котораго ожидали они съ такимъ нетерпѣніемъ, крики радости раздались со всѣхъ сторонъ.

Честолюбивый индѣецъ принялъ эти восклицанія съ достоинствомъ, какъ заслуженную честь, и оборотился къ своимъ соединеннымъ воинамъ :

— Да будетъ духъ Черной-Птицы одинъ съ его воинами; тѣло его болѣзненно и ослабла рука его.

Сказавъ это, онъ указалъ на свое окровавленное плечо. Тоскливыя восклицанія замѣнили ликованія радости, и, когда эти изъясленія печали затихли, предводителю помогли сойти съ лошади и усадить его у огня.

Когда онъ съѣлъ, то наклонившіеся къ нему товарищи, образовали кругъ. Черная-Птица покурить изъ предложенной ему трубки, передалъ ее другому, этотъ третьему и трубка, такимъ образомъ, обошла весь кругъ совѣта, сохранявшаго глубокое молчаніе. Всѣ готовились къ разсужденіямъ и спорамъ, которые должны были открыться.

Но оставимъ пока дикихъ предводителей за важнымъ куреніемъ изъ трубки свѣта, и перенесемъ въ мексиканскій лагерь, оставшійся безъ путеводителя и начальника.

Въ лагерь дона Эстевана господствовало сильное безпокойство. Разнесся слухъ, что золотонскатели достигли уже цѣли своей экспедиціи, что близъ самаго лагеря открыта золотая розсыпь несмѣтныхъ сокровищъ, наконецъ, что осмотръ, для котораго отправился донъ-Арехиза, не имѣетъ другой цѣли, какъ только вѣрное разузнаніе о мѣстахъ приисковъ.

Въ продолженіе первыхъ часовъ утра, безпокойство лагеря происходило болѣе отъ нетерпѣнія, съ которымъ всѣ ждали возвращенія своего предводителя съ счастливыми новостями. Но когда солнце поднялось до половины своего пути и ни одинъ изъ четырехъ отправившихся кавалеровъ не возвращался, тогда мѣсто нетерпѣнія заняло безпокойство. Въ этомъ-то состояніи мы застаемъ теперь золотонскателей.

Разбитая, по приказанію удалившагося предводителя, палатка на холмъ, возвышавшемся надъ полемъ, была пуста. Флагъ съ фамильнымъ гербомъ Медіановъ не развѣвался, а печально прильнулъ къ древцу. Напрасно мексиканскіе всадники не сводили глазъ съ горизонта, они не видѣли ни предводителя, ни проводника, которыхъ таинственное исчезновеніе пугало ихъ, и не являлись три спутника донъ Эстевана.

Привязанные къ пикамъ кони, томимые жаждой, понурили головы; сочувствующіе имъ люди сами начинали уже томиться голодомъ; охотники не смѣли уже пускаться на охоту за ланями и бизонами, розданы были самыя строгія приказанія ни кому не отдаляться отъ укрѣпленій.

Съ ходомъ времени увеличивались безпокойство и дурное расположеніе, и вотъ, что происходило въ лагерь:

Неподалеку отъ укрѣпленій, подъ ветромъ, трупы лошадей и индѣйцевъ гнили на солнцѣ. На долинь съ другой стороны свѣжозврытый песокъ указывалъ на мѣсто, гдѣ почилъ на всегда тѣ изъ отчаянныхъ удалцевъ, которые пали во время передовой схватки. Эта печальная картина набрасывала погребальную тѣнь на всю мрачную окружность.

Теперь перенесемъ въ лагерь. Въ четыре часа золотоискатели увидѣли вдали легкое облако пыли. Всѣ наперерывъ бросились въ ту сторону, въ надеждѣ встрѣтить Эстевана и его спутниковъ.

Но обманъ продолжался не долго. Черные султаны и конья, украшенные человѣческими волосами вмѣсто значковъ, показались тотчасъ среди облаковъ.

— Къ оружію! къ оружію! индѣйцы! — разнесся крикъ повсюду. — Безпокойство и смятеніе въ лагерь увеличились при столь неожиданной новости. Кому начальствовать? кому повиноваться? Между-тѣмъ всякій бѣжалъ и строился, какъ попало, въ ряды. На всѣхъ лицахъ отражалось глубокое отчаяніе. Но минута — и всѣ ободрились.

Индѣйскихъ всадниковъ было не болѣе шести, и вмѣсто того, чтобы галопировать впередъ, издавая клики войны, они шли спокойно на укрѣпленія. Одинъ изъ индѣйцевъ выставилъ на концѣ своей пикѣ бѣлый значекъ, означающій знамя мира во всѣхъ странахъ.

Подъѣхавъ на разстояніе двухъ карабинныхъ выстрѣловъ всадникъ съ бѣлымъ значкомъ отделился отъ общей группы, которая остано-

вилась. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, парламентаръ остановился и началъ снова махать своимъ знаменемъ.

Одинъ изъ авантюристовъ, уроженецъ Тубакской президы, бывалъ въ сношеніяхъ съ апахскимъ племенемъ и до того свыкъся съ его партіемъ, что на полу-индѣйскомъ, полу-испанскомъ языкъ, могъ понимать и изъясняться обо всемъ, что относилось къ разграниченію земель.

Человѣкъ этотъ былъ небольшого роста и худоцавъ, что въ глазахъ индѣйцевъ означало дурнаго представителя власти. Онъ не скрывалъ отвращенія отъ роли, которую его просили принять.

Авантюристы не должны были являться безъ начальника своего уже изъ видовъ собственнаго спасенія, а тѣмъ болѣе для счастливаго исхода предстоящихъ сношеній. Бѣлый нѣкогда платокъ служилъ съ его стороны тоже парламентарскимъ знакомъ.

Гомезъ, такъ звали парламентаря авантюристовъ, выѣхалъ къ индѣйцамъ изъ своихъ укрѣпленій въ крайнемъ смущеніи и боязливости, совершенно противоположныхъ твердому виду дикихъ. Но замѣтивъ окровавленные перевязки на плечъ предводителя апаховъ, Гомезъ ободрился.

По этимъ перевязкамъ читатели узнаютъ Черную-Птицу.

Мексиканецъ и индѣецъ привѣтствовали другъ-друга и Черная-Птица началъ первый.

— Безъ всякаго сомнѣнія разговоръ долженъ быть между двумя предводителями? — учтиво сказалъ индѣецъ.

Мексиканецъ отвѣчалъ не менѣе учтиво; но какое-то безпокойство смутило его твердость.

— Случается, что и великая душа обитаетъ въ слабомъ тѣлѣ, — сказалъ индѣецъ. — Бѣлый братъ мой должно-быть большой полководецъ.

Въ двусмысленномъ этомъ отвѣтѣ было больше насмѣшки, чѣмъ откровенности. Но тонъ индѣйца отозвался полнымъ убѣжденіемъ и хитрое его сужденіе показалось обиднымъ для золото-искателя.

Черная-Птица уставилъ глаза свои на Гомеза; казалось онъ хотѣлъ проникнуть во всѣ изгибы его души; мексиканецъ не выдержалъ этого страшнаго, пытливаго взора и потушилъ глаза. Индѣецъ снова возразилъ:

— Выдавая себя предводителемъ, братъ мой не лжетъ, но стань

бѣлыхъ имѣеть ихъ, безъ сомнѣннѣя, много, а онъ только одинъ къ нимъ.

— Нѣтъ, я начальствую одинъ! — отвѣчалъ замѣтно смущенный авантюристъ

При видѣ предводителя такой незавидной наружности, Черная-Птица почувствовала, что ему не трудно управиться съ этимъ пигмеемъ, неспособнымъ къ жестокой и отчаянной борьбѣ, и взоръ дикаря засверкалъ страшнѣе прежняго. Но онъ рѣшился прежде убедиться въ подлинности этого вождя.

— Слова, которыя я говорю, — сказалъ онъ, — клонятся къ миру. Вся война юга должны быть вокругъ меня для выслушаннѣя ихъ. Индѣйцы принимаютъ посланнаго бѣлыхъ у огня совѣта, онъ посѣтитъ палатку ихъ предводителя. За чѣмъ-же предводителю бѣлыхъ держаться вдали индѣйскаго лагеря, къ которому онъ прѣхалъ?

Гомезъ колебался. Онъ отказывался проводить волка въ его берлогу. Черная-Птица, замѣтивъ это колебаніе, нахмурилъ брови; мрачное облако, подобно электрической тучѣ, прошло по лицу индѣйца; глаза его сверкнули, какъ молнія, разсѣкающая тучи.

— Вся знаютъ предводителя апаховъ и никто не удаляется шалаша его. Въ одной рукѣ онъ держитъ войну, въ другой миръ; которую-же изъ двухъ, онъ долженъ открыть?

Эта угроза разрыва и тонъ, въ которомъ она была объявлена, окончательно испугали мексиканца.

Онъ уже готовился отвѣчать, что ему нужно посоветоваться съ товарищами, но на время остановился.

Хитрый индѣецъ продолжалъ тономъ уже болѣе покойнымъ, но пронизаннымъ насмѣшливостью.

— Меня проводить одинъ изъ моихъ воиновъ. Бѣлыхъ не такъ мало, чтобы имъ бояться двухъ индѣйцевъ. Развѣ не укрѣпленъ ихъ лагерь и не готовы ихъ карабины, или мало у нихъ пуль и пороха? Опутанный дипломатическою ловкостью индѣйца, бѣдный Гомезъ былъ не въ силахъ болѣе не соглашаться на входъ индѣйца въ лагерь бѣлыхъ, безъ того, чтобы не лишиться надежды на миръ съ одной стороны; а съ другой, чтобы не обнаружить недовѣрія, которое противурѣчило-бы благопріятному мнѣнію, въ слѣдствіе котораго индѣецъ полагается на ихъ средства.

— Пусть-же красный братъ мой избересть себѣ товарища, по только одного! — сказалъ Гомезъ.

Черная-Птица и не хотѣлъ брать ихъ больше.

Если авантюристъ, выдавая себя за предводителя бѣлыхъ, говоритъ правду, то краснокожій могъ отгадать, судя по предводителю, и солдать его; если-же онъ лгалъ, тѣмъ не менѣе онъ увидитъ подлиннаго предводителя бѣлыхъ и въ послѣдствіи сообразитъ, согласно съ обстоятельствами, и планъ своего нападенія.

Въ нашихъ европейскихъ войнахъ, парламентарь — лицо всегда священное, когда сердце его согласно съ его словами; но у дикихъ предложеніе мира почти всегда бываетъ одною маскою вѣроломства.

Индѣецъ сдѣлалъ знакъ; въхавшій впередъ, одинъ изъ воиновъ его, былъ Антилопъ, вѣстникъ, котораго мы знаемъ и который былъ такимъ-же дипломатомъ, какъ и дикій предводитель племени. Сверхъ того, изъ всѣхъ апахскихъ воиновъ, одинъ только вѣстникъ способенъ былъ узнать истиннаго предводителя бѣлыхъ, дона Эстевана по его должности.

Оба индѣйца, Черная-Птица и Антилопъ, поѣхали за Гомезомъ, перекинувшись слѣдующими словами:

— Этотъ лже-предводитель хочетъ обмануть глазъ Черной-Птицы, по Черную-Птицу обмануть трудно.... — сказалъ коварный предводитель.

И оба индѣйца въхали въ мексиканскій лагерь, какъ огонь и мечъ, соединившіеся для опустошеній.

II.

Огонь и мечъ.

Для большаго очертанія правовъ пустынныхъ дикарей считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ печальной развязкой одной изъ множества экспедицій мексиканскихъ золотоискателей.

Мы того мнѣнія, что къ борьбѣ съ коварствомъ и варварствомъ индѣйцевъ способно только одно англо-американское поколѣніе даже съ меньшими силами противъ дикихъ. Но на полъ геройскихъ подвиговъ и полезныхъ изобрѣтеній единственнымъ соперникомъ этого племени можно считать племя канадское. Доказательствомъ этого

можетъ служить Боа-Розе. Потомки же испанцевъ слишкомъ слабы передъ разнородными страшными неприятелями, которые, а особенно голодь и жажда, заграждаютъ путь въ пустыни новаго міра.

Вступая въ мексиканскій лагерь, индѣйцы держались такъ прямо, что головы ихъ не поворачивались ни на право, ни на лѣво. Эту маску безчувственнаго равнодушія они сохранили за тѣмъ, чтобы нисколько не уронить себя относительно перваго удивленія индѣйскихъ своихъ предковъ къ артиллеріи, поразившей слухъ ихъ во время завоеванія Сѣверной Америки. Но ничто между тѣмъ не ускользнуло отъ ихъ страшной и вѣрной наблюдательности.

Трупы вокругъ лагера, пустая палатка дона Эстевана, пугливая заботливость авантюристовъ безъ начальника, не смотря на предводительство бѣднаго Гомеза, недоверчивость и страхъ, ничто не ускользнуло отъ вниманія индѣйцевъ.

Въѣхавъ въ станъ, Черная-Птица и Антилопъ поглядѣли на окружающихъ спокойно и гордо, подобно двумъ лвамъ, явившимся на союзъ съ волками.

Какъ главный, Черная-Птица началъ первый. Ему любопытно было открыть, кто именно считался подлиннымъ предводителемъ, вождемъ неустрашимымъ, о благоразуміи и храбрости котораго разсказалъ ему вѣстникъ въ прошедшую ночь, какъ о такихъ двухъ качествахъ, которыя индѣйцы ставятъ очень высоко, когда они соединены въ одномъ недѣлимомъ. Донъ Эстеванъ умеръ-ли, также какъ и Педро-Діазъ, котораго силу Антилопъ могъ оцѣнить во время смертельной его борьбы съ Леопардомъ; остальное же узнать было легко.

Что случилось съ обоими? Вотъ что хотѣли объяснить себѣ парламентареры.

— Мы намѣрены предложить здѣсь условія мира, которыя будутъ благоприятны и бѣлымъ, и индѣйцамъ! — сказалъ Черная-Птица; — но печально чаше сердце, что братья наши принимаютъ пословъ индѣйскихъ съ жаромъ солнца, между тѣмъ какъ палатка предводителя ихъ (говоря это, онъ указалъ на палатку дона Эстевана) должна бы раскрыться и принять ихъ, какъ вѣстниковъ добрыхъ новостей: съ высоты холма этого слова предводителя будутъ лучше услышаны.

Индѣецъ сдѣлалъ эту хитрость за тѣмъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей.

Импровизованный начальникъ бѣлыхъ вздрогнулъ отъ этого яснаго доказательства своей оплошности, но ему было уже слишкомъ поздно вполне изучать свою роль.

Гомезъ заботливо повиновался желанію парламентаровъ и проводилъ ихъ въ пустую палатку дона Эстевана. Но Черная-Птица основательно изучилъ свою страшную роль, которую онъ долженъ былъ исполнить, и хотя роль эта была болѣе опасной драмой, чѣмъ прологъ ея, но дѣло производилось съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ личностью его обладалъ духъ правды и мира.

Гомезъ поднялъ полотняную занавѣсь палатки и привязалъ ее такъ, чтобы складки ея не закрывали индѣйцевъ. Потомъ онъ ожидалъ, чтобы парламентары изложили наконецъ предметъ своего посольства гораздо яснѣе, чѣмъ дѣлали они до-сихъ-поръ.

Между тѣмъ индѣйцы продолжали сохранять прежнее спокойствіе и молчаніе. Гомезъ счелъ необходимымъ начать разговоръ.

— Я жду, — сказалъ онъ съ особенною важностію, которой не было замѣтно въ немъ до этого времени, — я жду словъ мира отъ пустынныхъ братьевъ моихъ.

Предводитель наострилъ уши. Бѣдный Гомезъ! онъ внутренно было уже обрадовался этой фразѣ, совершенно въ духъ индѣйскомъ; но Черная-Птица не надолго позволилъ ему наслаждаться самодовољствомъ. Дикій воинъ медленно подвѣялъ голову; выраженіе оскорбленной гордости раздуло его ноздри; онъ какъ бы въ первый разъ открылъ обманъ блага и сверкающимъ своимъ взоромъ заставилъ поблѣднѣть своего слушателя; потомъ постепенно возрастающимъ голосомъ онъ закричалъ:

— Я вижу здѣсь одного только предводителя (при этомъ онъ уставилъ палецъ въ нагую грудь свою), предводителя индѣйцевъ. Гдѣ-же предводитель бѣлыхъ, что я не вижу его?

Гордый отвѣтъ этотъ совершенно ошеломилъ авантюриста, и заставилъ почувствовать себя совершенно разоблаченнымъ. Между-тѣмъ, пока Гомезъ пытался собрать свои мысли и, въ свою очередь, принять на себя видъ оскорбленнаго въ справедливой гордости, Черная-Птица прибавилъ:

— За чѣмъ обманывать добродушнаго индѣйца?

— Гомезъ никогда и никого не обманываетъ, — заикаясь, замѣтилъ мексиканецъ. — Я вамъ сказалъ, что я предводитель, и я начальствуую одинъ!

Черная-Птица далъ знакъ Антилопу. Странствователь, въ свою очередь, взглянулъ на авантюриста такъ значительно, какъ только могъ, чтобы смутить его.

— Одинъ предводитель, говоришь-ты, — хозяинъ этой полотняной палатки, вонъ въ палаткѣ съ развѣвающимся значкомъ на крышѣ?

— Все это я! — сказалъ мексиканецъ.

— Я слышу ложь! — кричалъ грозно въ этотъ разъ Черная-Птица. — Предводитель подобный мнѣ въ другой разъ не услышитъ ея.

Исполняя роль примирителя, Антилопъ занялъ средину между гнѣвомъ индѣйскаго предводителя и дурнымъ положеніемъ мексиканца. Онъ удержалъ Черную-Птицу на своемъ мѣстѣ, который уже было рѣшился встать и прервать всякое сношеніе.

— Бѣлый воинъ, — сказалъ онъ, обратясь къ Гомезу, — захотѣлъ позабавить своихъ индѣйскихъ друзей или испытать ихъ умъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что предводитель, у котораго двуствольный карабинъ, вороная лошадь, длинные усы, высокій станъ и широкія плечи, этого предводителя нѣтъ здѣсь. Индѣецъ обрисовалъ дона Эстевана.

— Я хорошо знаю, что этотъ шатеръ не его, и что имя его теперь разносится только эхомъ въ пустыняхъ нашихъ. Правда, предводитель тотъ тонокъ, какъ и братъ мой, но ростомъ онъ вдвое выше брата моего, а тѣло его гибче бамбука, и крѣпче желѣзнаго дуба.

— Кто-жъ этотъ воинъ? — спросилъ Гомезъ, желая выиграть время и собрать свои разсѣянные мысли.

— Тотъ предводитель, который вчера вечеромъ здѣсь, — продолжалъ вѣстникъ, показавъ на мѣсто, гдѣ индѣецъ налъ подъ копьемъ Діаза, — убилъ Леопарда... Имя его Педро-Діазъ. Дѣти наши о немъ рассказываютъ иногда, дрожа отъ ужаса. Два воина, о которыхъ говорю я, равнѣ не ваши были предводители? и развѣ я неправду говорю? Что было дѣлать бѣдному Гомезу, пораженному дѣйствительностью портретовъ, очерченныхъ индѣйцемъ? Неужели, растерявшись онъ долженъ былъ предаться влiянiю страха, которое онъ испытывалъ и

такимъ-образомъ разстроить миролюбивое предложеніе; неужели въ отсутствіи дона Эстевапа онъ долженъ былъ признаться, что коварный вѣстникъ говорилъ правду? Вотъ что онъ сдѣлалъ

Не смотря на все это, онъ прервалъ бы переговоры, если-бы могъ вынести пылающій взглядъ, которымъ перекинулись дикіе. Черная-Птица подъ своими вѣками погасилъ вдругъ выраженіе дикой радости, которую онъ далъ замѣтить только Антилопу. Потомъ направивъ суровый взглядъ свой на Гомеза, онъ сказалъ: — Зачѣмъ ты напрасно украшаешься званіемъ, которое тебѣ не принадлежитъ. Только съ предводителемъ при двустольномъ карабинѣ и предводителемъ, у котораго тѣло крѣпче желѣзнаго дуба, хочу я вести переговоры міра. Гдѣ же они оба?

— Оба они съ отрядомъ нашихъ отлучились на охоту за бизонами и за пищей для воиновъ, — смѣло отвѣчалъ Гомезъ, но онъ имѣлъ дѣло съ противниками слишкомъ сильными.

— Антилопъ и Черная-Птица стануть ожидать ихъ возвращенія, — рѣшительно возразилъ индѣецъ, — и до возвращенія ихъ уста обоихъ будутъ нѣмы.

Въ самомъ дѣлѣ, вскинувъ на плеча свои плащи изъ буйволовой кожи, индѣйцы съ какимъ-то презрѣніемъ закрыли глаза и, казалось, ихъ не занимало болѣе присутствіе Гомеза.

Эта рѣшимость, уязвившая самолюбіе подложнаго начальника бѣлыхъ, окончательно довершила его трусливость.

— Но братья, которые тамъ въ лагерь, — сказалъ Гомезъ, — съ нетерпѣніемъ ждутъ индѣйскихъ отвѣтовъ, я иду къ нимъ передать ихъ.

— Ступай! — сказалъ Черная-Птица. Гомезъ не заставилъ просить себя и вышелъ съ выраженіемъ такой радости, какъ ученикъ, улизнувшій отъ несноснаго урока.

Возвратясь въ лагерь, Гомезъ разсказалъ сцену своего свиданія, опустивши впрочемъ подробности, не льстившія его гордости, и представилъ за плодъ хитрости и стойкости своей, изъ которыхъ онъ умѣлъ извлекать большую пользу, то обстоятельство, въ слѣдствіе котораго ему удалось заставить индѣйцевъ ждать возвращенія дона Эстевапа.

Время текло, но предводители бѣлыхъ — донъ-Эстевапъ и Педро-Діазъ не являлись.

Въ этотъ промежутокъ времени между двумя индѣйцами, оставшимися въ палаткѣ Арехизы; произошелъ живой и серьезный споръ.

Увѣрившись, что настоящаго предводителя бѣлыхъ въ лагерь ихъ не было, и что Гомезъ—только бѣдный и печальный образъ его, Черная-Птица тотчасъ-же начерталъ самый дерзкій планъ, и самъ рѣшился принять все его исполненія и опасности. А Антилопъ не соглашался въ томъ съ Черной-Птицей только потому, что самому ему хотѣлось выдержать все тѣ опасности. Вотъ въ чемъ состоялъ планъ Черной-Птицы.

Быть можетъ, какое нибудь обстоятельство, случай или продолжительная охота задержали предводителей бѣлыхъ внѣ ихъ лагеря гораздо долѣе собственнаго ихъ предположенія. Въ такомъ случаѣ, по плану Черной-Птицы, чтобы атаковать предводителей на возвратномъ ихъ пути, часть индѣйцевъ должна была находиться въ засадѣ.

Когда-же не будетъ предводителей даже до ночи, то подъ предводительствомъ Антилопа индѣйцы должны были напасть на бѣлыхъ и безъ того уже уstraшенныхъ отсутствіемъ своихъ вождей. Не смотря на все выгоды столь пагубнаго нападенія, Черная-Птица самъ рѣшился еще остаться парламентаромъ, заложникомъ для большаго усыпленія бодрости бѣлыхъ.

Нападеніе, при столь злополучныхъ обстоятельствахъ, навѣрное могло повергнуть мексиканцевъ во власть индѣйскую и безъ сомнѣнія присутствіе заложника обнадеживало ихъ въ ожиданіи мира, столь неожиданно прерваннаго съчей и смертію. Но этотъ міръ навѣрное будетъ стоить жизни Черной-Птицы; но что смерть для предводителя индѣйцевъ, когда кровь его драгоцѣнна для его племени?

Антилопъ вполне одобрялъ этотъ планъ, но ему самому хотѣлось остаться заложникомъ. Мало нужды, что индѣйское племя потеряло-бы простаго воина, но за то оно спасло-бы начальника, вполне заслужившаго свое званіе. Долго продолжалась борьба обоюднаго благородства

— Тѣло Черной-Птицы будетъ невредимо,—сказалъ Антилопъ.— Онъ будетъ имѣть — тѣло крѣпкое и душу великую. Въ случаѣ-же смерти вождя погребальные вопли воиновъ не перестанутъ нѣсколько мѣсяцевъ; а послѣ смерти Антилопа... кто вспомнить о его жизни?

Черная-Птица продолжалъ упорствовать.

— Тѣло мое изъ желѣза,—возразилъ странствователь;—резина пе-

столь упруга, какъ ноги Антилопа. Въ минуту опасности онъ перелетитъ въ укрѣпленіе бѣлыхъ однимъ прыжкомъ своимъ. Съ высоты этой возвышенности онъ допрыгнетъ далѣе до середины своихъ воиновъ. Что-же сдѣлаетъ Черная-Птица съ разможженнымъ плечомъ?

— Недвижимъ и вперивъ глаза на враговъ своихъ, онъ станетъ ожидать смерти и на ихъ гнѣвъ отвѣтитъ смѣхомъ.

Подлинно жизнь вождя, которую хотѣлъ спасти Антилопъ, была драгоценна для племени, и потому Антилопъ не покидалъ своихъ убѣжденныхъ.

— Антилопъ, — отвѣчалъ Черная-Птица, съумѣетъ также захотѣть передъ бѣшенствомъ враговъ, какъ и Черная-Птица. Ихъ ударамъ онъ противопоставитъ душу могучую; но въ помощь ему будетъ храбрость, которой не ослабитъ никакая рана.

Въ продолженіи этой борьбы благородства двухъ апаховъ, мексиканцы съ грустнымъ безпокойствомъ считали минуты, которыя текли, не возвращая имъ дона Эстевана. Никто изъ нихъ такъ пламенно не желалъ его возвращенія, какъ Гомезъ, который, не смотря на свое фанфаронство, ничего такъ не страшился, какъ присутствія глазъ на глазъ съ двумя индѣйцами въ качествѣ повѣреннаго предводителя бѣлыхъ.

Во всемъ лагерь царствовало мертвое молчаніе, когда черезъ часъ увидѣли Черную-Птицу выходящимъ изъ палатки. Онъ спустился съ возвышенія и шелъ прямо къ толпѣ, гдѣ былъ Гомезъ.

— Воины мои, — сказалъ индѣецъ, — слишкомъ нетерпѣливо ждутъ слышать изъ устъ ихъ вождя надежду на миръ и дружбу бѣлыхъ, столь близкіе и драгоценные для насъ. Черная-Птица возвратится тотчасъ къ друзьямъ моимъ, онъ оставляетъ заложникомъ здѣсь своего товарища.

— Ступай! — сказалъ Гомезъ тономъ величавой важности, которую онъ обладалъ въ присутствіи своихъ товарищей.

Индѣецъ также точно ушелъ, какъ явился, не поворотивъ головы и не поддаваясь чувству любопытства

Соединясь съ четырьмя воинами, которые его ждали, индѣйскій вождь остался на некоторое время съ ними для переговоровъ. Видно было, когда указывалъ онъ на палатку, при входѣ которой сидѣлъ Антилопъ съ такою неподвижностью, что похожъ былъ на статую.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, бѣлые, слѣдившіе все

время за его движеніями, увидѣли одного изъ апахскихъ всадниковъ, поскакавшаго въ галопъ. Другіе индѣйцы съѣли на землю, держа за поводья своихъ коней, и оставались также спокойны, какъ и вѣстникъ, сидѣвшій на порогѣ палатки Эстевана.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Солнце исчезло съ горизонта. Облака, которыхъ яркіе цвѣта начинали угасать, показывали приближеніе ночи.

Донъ-Эстевавъ, Діазъ, Бораджа и Орохъ, которыхъ имена проносились мексиканцами всякую минуту, все ещё не являлись. Наступила ночь и удвоила безпокойство золотоискателей. Индѣйцы не постоянны и прихотливы: въ лагерь бѣлыхъ каждый это зналъ; внезапное нападеніе могло слѣдовать непосредственно за предложеніями мира, которыя были не иное что, какъ только пустая формальность. Гомеза одолѣли эти безпокойства.

Черный силуэтъ Антилопа, оставшагося въ лагерь, не смотря на ночь, все еще былъ замѣтенъ. Вѣстникъ не измѣнилъ своего положенія, только если-бъ было видно, замѣтили-бы, что Антилопъ, слегка наклонивъ свою голову, внимательно прислушивался къ тому шуму, который вскорѣ долженъ былъ возмутить спокойствіе пустыни.

Спокойствіе это было замѣчательное. Обширныя и волнистыя долины, покрытыя мрачнымъ небомъ, на которомъ одна за другою рождались звезды, были столько-же нѣмы, какъ и оно. Когда послѣ яснаго солнца наступитъ темнота, пустыня принимаетъ характеръ самаго дикаго величія и ночь приходитъ съ своею свитою ужасовъ.

Страшная тишина опустошенныхъ долинъ, на которыхъ располагался лагерь, была возмущаема только шопотомъ толпы авантюристовъ и одинокою, томною пѣсней безпокойнаго золотоискателя. Но время отъ времени всѣ бросали какіе-то недоувѣрчивые взоры на группу апаховъ, сидѣвшихъ у ногъ своихъ лошадей. Они казались столь-же неподвижными какъ камни, которымъ темнота тогда придавала человѣческія формы; но, быть можетъ, по дѣйствию той-же темноты, они, казалось, поминутно отдалялись все болѣе и болѣе.

— Странно! — сказалъ одинъ авантюристъ съ видомъ задумчивости Гомезу. — Эти индѣйцы мнѣ вдругъ показались уходящими въ землю.

— Это дѣйствіе оптическаго обмана, — отвѣчалъ Гомезъ, привыкшій на все смотрѣть сквозь пальцы.

— Послушай, Гомезъ!—сказалъ другой;—въ лагерь здѣсь даже не шелохнетъ въ воздухъ, а тамъ передъ лагеремъ индѣйскимъ вѣтеръ поднялъ цѣлые вихри песку.

— Это отъ того, что насъ защищаютъ отъ вѣтра повозки наши, а тамъ гладь перекатная.

Между тѣмъ темнота, казалось, удвоилась. Въ толпѣ, которой Гомезъ тщетно старался внушить довѣріе, вселенное ему аманатомъ, многіе уже спрашивали себя, точноли эти отдаленные силуэты, чуть замѣтные, были индѣйцы, или кусты дикой индѣйской смоковницы.

Вскорѣ неопредѣленность этого предмета до того выросла, что одинъ изъ авантюристовъ рѣшился увѣриться въ ея дѣйствительности, и вскинувъ на плеча карабинъ, удалился изъ лагеря.

Въ самомъ дѣлѣ то были кусты смоковницы, а не силуэты людей и лошадей. Для того чтобы удалиться тихо, нисколько не измѣняя своего положенія, индѣйцы воспользовались постепенно увеличивающейся темнотой. Вихри песку, замѣченные бѣлыми, равнымъ образомъ скрыли ихъ движенія, соединившія ихъ съ товарищами.

Посланный для удостовѣренія доухалъ до мѣста, на которомъ сидѣли апахи; но на немъ, разумѣется, кромѣ пустоты и спокойствія по всему пространству, куда только доставалъ взоръ его, ничего болѣе и не было.

Тогда съ величайшею поспѣшностію онъ бросился въ свой лагерь, чтобы объяснить исчезновеніе индѣйцевъ. Приключеніе это было страшнымъ признакомъ. Между тѣмъ съ высоты имъ занимаемой Антилопъ не уронилъ ни одного движенія своихъ соотечественниковъ. Принужденный авантюристами объясниться по этому предмету съ индѣйцемъ, Гомезъ какъ-то противъ голоса своего сердца отправился къ Антилопу.

— Почему предводитель вашъ не приказалъ своимъ воинамъ оставаться близъ бѣлыхъ? — спросилъ онъ его.

— Что хочетъ сказать, братъ мой?—возразилъ индѣецъ, прикинувшись, будто его не понялъ,—о какихъ войнахъ хочетъ онъ сказать?

— О тѣхъ, которые сейчасъ тамъ сидѣли, какъ друзья и которые исчезли теперь, какъ непріатели.

— Зрѣніе коротко въ темнотѣ; бѣлые не хорошо смотрѣли; пусть они разложатъ огни и пламя имъ покажетъ то, чего они

искали, но какая же надобность наконецъ ; развъ въ рукахъ ихъ нтъ предводителя всего племени, которое ожидаетъ возвращенія своихъ посланныхъ ? Наши воины приказали имъ снзнить.

Этотъ отвтъ коварнаго индйца поразилъ духъ Гомеза внезапнымъ воспоминаніемъ ; Гомезъ задрожалъ, и странствователь приметилъ дрожь его. Гомезъ вспомнилъ, что наканунъ сожгли все дрова, назначенныя для освщенія лагеря, а за дневными хлопотами позабыли достать снова этой провизіи ; но исправить промахъ теперь было уже поздно.

Обстоятельство это столь благопріятное для въроломныхъ намъреній индйцевъ и страшное для бльхъ не ушло, какъ и все другое, отъ взоровъ странствователя. Онъ хотлъ было объяснить себъ свои сомнвія на счетъ этого предмета, но теперь онъ не сомнвался боле.

Единственнымъ утшеніемъ ему служила только мысль, что бгство индйцевъ не скрывало въ себъ никакого въроломства, потому что аманатомъ оставался самъ предводитель ихъ. Между тмъ онъ ршился послать изслѣдовать дѣло на самомъ мствъ его произшествія.

— Предводитель не долженъ оставаться одинъ среди бльхъ друзей своихъ. Я иду дать приказаніе шестерымъ изъ нашихъ, чтобъ они были при немъ, какъ это слѣдуетъ. Они стануть слышать разсказъ его о сраженіяхъ.

Гомезъ оставилъ Антилопа. Онъ не приметилъ презрнія, сжавшаго губы индйца, и приказалъ шестерымъ изъ своихъ товарищей сѣсть вокругъ странника и поразить его кинжаломъ при первомъ же признакѣ измѣны.

Мексиканецъ начиналъ привыкать ужъ къ командованію. Онъ задумалъ было исправить допущенную неосторожность, такъ прекрасно помогшую индйцамъ, и хотлъ послать отрядъ за дровами ; но это слишкомъ бы ослабило его корпусъ и потому онъ тотчасъ же отбросилъ эту идею.

И такъ лагерь Гомеза оставался въ совершенной темнотѣ. Темнота эта была опасна для однихъ авантюристовъ ; быть можетъ ть, отсутствіе которыхъ такъ живо чувствовалось, быть можетъ они заблудились ; а отсутствіе огней нисколько не поможетъ имъ отыскать свою дорогу. Въ мысляхъ челоѵка всегда отражаются сцены, которыми онъ окруженъ.

Темнота, которая царствовала повсюду, бѣлые пары, которые медленно поднимались изъ нѣдръ земли и закрывали звѣзды, все это вмѣстѣ помрачало и мысли обитателей лагера бѣлыхъ. Они начинали уже сомнѣваться въ томъ, чтобы предводитель ихъ съ своими четырьмя спутниками могъ возвратиться когда-нибудь къ нимъ. Въ подобномъ случаѣ отъ предполагаемаго къ вѣрному самое короткое разстоянiе и на донъ-Эстевана и дорожную его свиту смотрѣли уже какъ на пропавшихъ безъ вѣсти.

Разговоры были непрерывны; каждый разсматривалъ про себя собственныя свои безпокойства; а лагерь и безграничную долину между тѣмъ поглотила мертвая тишина.

Вдругъ торжественную эту тишину возмутилъ глухой шумъ. Казалось гдѣ-то слышны были слабѣющія ржанія коней. Гомезъ, слишкомъ не привыкшій къ разсужденiямъ, но облеченный столь неожиданно доставшейся ему властью, обезпокоенный опасностiю, которую все предчувствовали, не видя еще ея, самъ поспѣшилъ въ этотъ разъ къ странствователю индѣйскому, котораго онъ принялъ за подлиннаго предводителя.

Посреди стражи, приставленной Гомезомъ, Антилопъ вполне сохранилъ всегдашнее свое хладнокровiе.

— Слухъ бѣлаго, — сказала мексиканецъ, обращаясь къ анаху, — не такъ тонокъ, какъ у индѣйца. Не можетъ-ли подтвердить предводитель гдѣ слышится на долину ржанiе лошадей?

Индѣецъ началъ прислушиваться къ землѣ и такъ провелъ нѣсколько минутъ.

— Это послы, — отвѣчалъ онъ; — они ѣдутъ узнать возвратился-ли предводитель бѣлыхъ съ двуствольнымъ ружьемъ и тотъ, кого зовутъ Педро-Дiazомъ?

— Быть можетъ индѣйцамъ извѣстно лучше бѣлыхъ, что оба эти предводителя никогда уже не возвратятся; но если, въ этотъ разъ, они не захотятъ трактовать о мирѣ съ тѣмъ, кому товарищи его поручили это дѣло, то есть со мною, то это самое покажетъ, что они желаютъ войны.

— Хорошо! — сказалъ индѣецъ. — Черная птица вождь ужасный. Онъ не спрашиваетъ другихъ о томъ, что онъ долженъ говорить и что дѣлать.

Въ продолженiи этого краткаго разговора, отдаленный шумъ уве-

личивался все болѣе и болѣе. Земля глухо отзвывалась подъ галопомъ еще невидимыхъ въ темнотѣ лошадей. Глухое содроганіе пронеслось по всему лагерю ; но золотонскатели, успокоенные присутствіемъ Ангилона, не думали между тѣмъ нисколько о своей защитѣ. Гомезъ шель уже дать приказаніе, — какъ вдругъ индѣецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ прислушался и, желая самъ показать примѣръ, наклонилъ голову свою къ землѣ.

— Это не послы еще ! — сказалъ онъ, — видите.

Въ самомъ дѣлѣ толпа лошадей скакала по долинь на такомъ уже разстояніи, что петрудно было замѣтить, что ни на одной изъ нихъ не было всадника.

— Это дикія лошади, — продолжалъ индѣецъ, — за которыми охотятся мои воины. Если бы друзья наши блѣдолицые сумѣли перехватить ихъ, то получили бы изъ нихъ часть добычи. Черная птица не замедлитъ тотчасъ возвратиться на дѣлежъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ два или три индѣйца, что было силы, бѣжали за лошадьми, которыя, казалось, въ испугъ убѣгали отъ своихъ хозяевъ.

— Блѣдолицыя могутъ быть покойны, — кричалъ Ангилопъ, желая усыпить подозрѣніе враговъ своихъ. — Черная птица наконецъ ѣдетъ трактовать съ новыми своими друзьями ; видите-ли, какъ безстрашно бѣжитъ онъ по полю своей охоты ?

Индѣецъ обратился къ людямъ, которые, при видѣ этого зрѣлища, были далеки еще отъ подозрѣнія. Большая часть мексиканцевъ смотрѣли на нихъ, какъ только на залогъ безопасности. Имъ казалось, что довѣріе нѣкоторыхъ индѣйцевъ, угнавшихся въ преслѣдованіи дикихъ лошадей подъ самый лагерь бѣлыхъ, было предвѣстникомъ близкаго міра.

Никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ странствователь тихо и развязалъ ремни и застѣжки своего длиннаго плаща, а подъ полою плаща рука его отвязала острый топоръ, висѣвшій у него на поясѣ ; вниманіе ихъ было поглощено новой картиной, поразившей ихъ взоръ.

Лошади, по принятому направленію, продолжали скакать вдоль ограды изъ повозокъ вокругъ лагеря. Между индѣйцами, преслѣдовавшими животныхъ, на долинь тотчасъ показался и Черная Птица ; авантюристы примѣтили, что въ главѣ бѣгущей колонны дикихъ, онъ старался остановить ея бѣгство. Въ самомъ дѣлѣ лошади вдругъ

остановились на томъ самомъ мѣстѣ, которое за нѣсколько часовъ до того было назначено для принятія парламентеровъ.

Вдругъ, въ то самое время, когда безразсудное довѣріе, внутреннее мексиканцамъ присутствіемъ между ними странствователя и мирнымъ появленіемъ охотящихся индѣйцевъ, не знало уже такъ сказать предъловъ, крикъ ужаса и изумленія разнесся между ними.

Въ мгновеніе ока и какъ бы по какому-то чуду, темныя и черныя фигуры, казалось, рождались изъ мрака и появлялись вдругъ передъ самыми глазами мексиканцевъ.

На лошадяхъ, которыя пелись повидимому безъ всадниковъ, внезапно явились всадники съ развѣвающимися перьями и плащами, потрясающіе оружіемъ и издающіе дикіе вопли.

Это приключеніе своею неожиданностію, казалось, еще болѣе увеличило смятеніе и ужасъ бѣлыхъ.

Испуганные воплями, вдругъ раздавшимися среди глубокой тишины, лошади, которыя уже инстинктомъ своимъ чуяли съ нѣкотораго времени приближеніе индѣйцевъ, поражены были тѣмъ глупымъ паническимъ ужасомъ, отъ котораго они несвободны и который мексиканцы называли «estampida». Вѣрвочки, связывавшія оглобли и колеса телегъ, вдругъ были перерѣзаны, ограждавшіе ихъ колья вырваны, и испуганныя лошади скакали по лагерю, опрокидывая и топча ногами всадниковъ, бывшихъ не въ состояніи удержать ихъ. Однѣ, закрывъ глаза, бросались на укрѣпленія, другія прыгали черезъ повозки и падали на землю.

Крики несчастія и ярости смѣшались съ ржаніемъ лошадей и воплями индѣйцевъ, поражавшихъ храбрѣйшихъ изъ бѣлыхъ, постигнутыхъ отчаяніемъ и какимъ-то столбнякомъ. Изъ лошадей остались вдругъ только тѣ, которыя ослѣпленные ужасомъ или убили или же опрокинулись черезъ телеги; а прочія скакали уже по долину.

Эта новая катастрофа, постигшая мексиканцевъ, приняла потомъ будто бы благопріятный для нихъ оборотъ.

Индѣйцы вдругъ прынули въ сѣдла и пустились въ погоню за добычей. Нѣкоторые изъ нихъ погнались было за разсѣянными конями, но, къ несчастію для бѣлыхъ, голосъ Черной-Птицы удержалъ ихъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о нежданномъ появленіи дикарей.

Апахи употребили противъ мексиканцевъ хитрость, известную только такимъ дерзкимъ наездникамъ, какъ они. Повиснувъ одной по-

гой въ сѣдлѣ и скрывшись за бокомъ своей лошади всѣмъ корпусомъ, они перебѣгаютъ такимъ образомъ большія разстоянія. Темнота способствовала къ успѣшному выполнению этой стратагемы, и авантюристы сначала видѣли только фигуры лошадей, нисколько не замѣчая управлявшихъ ими всадниковъ.

Какъ вихрь пыли, гонимый сильнымъ вѣтромъ, всадники посилились по всему пространству долины. Застонала вдругъ земля подъ галопомъ главной колонны индѣйцевъ, несшейся на соединеніе съ передовыми, когда Гомезъ занесъ уже кинжалъ свой надъ сидѣвшимъ близъ него индѣйцемъ; но Антилопъ самъ предупредилъ его. Плащъ дикаря упалъ къ ногамъ и однимъ ударомъ онъ сразилъ Гомеза, разрубивъ черепъ несчастнаго золотоскателя до самыхъ глазъ.

Въ этотъ самый моментъ крикъ войны раздался на порогъ палатки дона Эстевана.

Издавъ крикъ съчи, Антилопъ прыгнулъ, какъ обѣщаль Черной-Птицѣ, съ высоты холма такъ быстро и сильно, что подобно стрѣль палъ среди бѣлыхъ. На крикъ Антилопа въ то же время отозвалось сто криковъ.

-- Бѣлые не стоятъ даже собакъ, — закричалъ индѣецъ; — это зайцы для охоты и глупыя животныя передъ умными людьми.

Произнеся эту брань, онъ поручилъ себя всей своей ловкости и силъ, какъ животное, котораго онъ носилъ имя. Въ одинъ прыжокъ онъ перескочилъ укрѣпленіе и соединился съ своими дикими товарищами.

Волненіе въ мексиканскомъ лагерѣ было ужасно.

Въ безпамятствѣ, посреди темноты, закипѣла страшная битва.

Принимая другъ друга за враговъ, сражающіеся ножами кололи всѣхъ встрѣчныхъ и тогда настала часъ пагубный для всѣхъ.

Напрасно попеременные команды собирали индѣйцевъ; ни одинъ выстрѣлъ изъ мушкета, направленный невѣрною рукой и смущеннымъ глазомъ не коснулся никого. Апахи даже пренебрегли отвѣчать на выстрѣлы бѣлыхъ. Вооруженные мечами и щитами, дикіе воины прыгали подобно бѣшеннымъ валамъ моря, которые осаждаютъ корабль, опрокинутый шкваломъ.

Шестьдесятъ лошадей съ дикою стремительностію, знакомою только однимъ горскимъ скакунамъ и ихъ всадникамъ, ринулись на укрѣпленія и хлынули подобно волнамъ океана, которыя, шпня, зали-

вають топущей корабль; съ кораблемъ можно было сравнить въ эту пору мексиканскій лагерь.

Въ главѣ этихъ ужасныхъ всадниковъ, въ красной кожѣ, среди оглушающихъ криковъ побѣжденныхъ и побѣдителей, Черная-Птица замѣтенъ былъ по высокому росту и неподвижности правой руки. Какъ неустрашимѣйшій изъ вождей, индѣецъ, чтобъ предводительствовать своими воинами, приказалъ привязать себя къ сѣдлу и наслаждался гибелью своихъ враговъ только зрѣніемъ, потому что лѣвой рукой онъ управлялъ лошадыю, а копытами коня своего топталъ сражавшихся.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ топоръ, ножъ и копье въ рукахъ индѣйцевъ исполняли страшную работу. Трупы покрыли землю. Нѣкоторые изъ мексиканцевъ еще сражались съ храбростью отчаянія, но большая часть обратилась въ бѣгство, а оставшіяся на полѣ битвы лошади лежали на песокъ, зарѣзанныя своими же хозяевами. Ужасъ былъ страшный.

Уже и большая половина индѣйцевъ была поражена, а сражающіеся еще боролись на полѣ битвы, когда для поражаемыхъ снова сверкнулъ лучъ надежды.

Со стороны Туманныхъ-Горъ примчались во весь опоръ два всадника. На пути къ нимъ присоединились нѣсколько бѣглецовъ. Это неожиданное обстоятельство легко могло переменить ходъ дѣлъ; но бѣгущіе, тѣснимые индѣйцами, все были сбиты съ лошадей и не въ состояніи уже были стоять противъ коннаго непріятеля.

Напрасно одинъ изъ прибывшихъ всадниковъ, едва только замѣтный въ темнотѣ, съ топоромъ въ рукахъ, вырваннымъ изъ рукъ какого-то апаха, напрасно храбрецъ этотъ стоялъ почти на стременахъ и обороняемый храбрымъ своимъ товарищемъ, въ темнотѣ столько же, какъ и онъ, неузнаваемымъ, напрасно рубилъ онъ враговъ каждымъ ударомъ.... битва была слишкомъ неровная.

Загроможденные со всѣхъ сторонъ тѣлами убитыхъ, храбрецы тотчасъ же сами были окружены. Но не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ лошадь одного изъ всадниковъ въ одинъ прыжокъ перескочила этотъ заборъ изъ труповъ, и съ ожесточеніемъ преследуемая толпою рубившихся, не замедлила унести своего лихаго сѣдока туда, откуда явилась.

Что же касается до другаго всадника, то только по крикамъ по-

бѣды авантюристы и весь лагерь узнали, что онъ или былъ убитъ, или же взятъ въ плѣнъ.

Такъ кончился послѣдній актъ этой печальной драмы. Разсѣявшіеся въ бѣгствѣ дрались еще тамъ и сямъ и падали подъ индѣйскими копьями...

Вдругъ и преслѣдующіе и бѣгущіе потерялись во мракъ; мушкетные выстрѣлы слышны были рѣже и рѣже; число сражавшихся уменьшалось болѣе и болѣе, наконецъ и все затихло.

Индѣйцы соединились съ своими товарищами побѣдителями. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ содранную съ головы кожу, изъ которой текла еще кровь. Такое же варварство было сдѣлано и съ бѣлыми, убитыми въ оградѣ лагера.

Отъ всей этой многочисленной экспедиціи остался только оскальпированный гамбузино да нѣсколько бѣжавшихъ отъ этой страшной сѣчи.

Что же касается до прочихъ, то всѣ они превратились въ страшно изуродованные трупы и уродливо мѣшались съ трупами зарѣзанныхъ муловъ и лошадей.

Черезъ часъ послѣ этой кровавой битвы свѣтъ костра освѣтилъ и безконечный рядъ тѣлѣгъ и долину, загроможденную трупами и умирающими.

Между прочимъ пламя показало и бѣлаго плѣнника, привязаннаго къ пню желѣзнаго дуба, а вокругъ него индѣйцевъ, разыгрывавшихъ свой дикій хороводъ.

Черная-Птица и Антилопъ сидѣли у палатки дона-Эстевана; они подобны были двумъ демонамъ разрушенія и убійства. Казалось они наслаждались мрачною картиною смерти и стонами предсмертной агоніи раненныхъ.

Два индѣйца сохраняли спокойствіе, какъ будто они были совершенно чужды всего происшедшаго; оба безмолствовали; наконецъ Антилопъ первый нарушилъ тишину.

— Что теперь слышитъ Черная-Птица? — спросилъ онъ своего товарища.

— Два голоса, — отвѣчалъ предводитель; — голосъ горячки, сожигающей мозгъ его костей и вопіющей, чтобы поручили его волхву племени и слышитъ онъ еще крикъ троихъ воиновъ съвера, ко-

торые бѣгутъ, и голосъ друга, говорящій раненному предводителю : « другъ прійметъ на себя твое мщеніе. »

— Хорошо ! — прибавилъ Антилопъ. — Завтра съ тридцатью лучшими воинами я пушусь по слѣдамъ ихъ.

III.

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА.

Теперь возвратимся къ утру того-же самага дня столь гибельнаго для мексиканцевъ, когда спасшіеся на своемъ пловучемъ островкѣ, трое охотниковъ пробирались въ Золотую Долину.

Полусумракъ еще облакалъ мѣстность, на которой обозначались только большія линіи. На небѣ, освобождавшемся отъ звѣздъ, хребетъ Сіэрры рисовался фантастическими башнями и зубцами, которыхъ шпигицы вѣнчалъ сѣроватый туманъ. У подошвы Сіэрры уединенная скала отдѣлялась какъ бастионъ передъ массою соединенныхъ горъ. За ея вершиною, водопадъ лясся съ чудеснымъ говоромъ въ бездонную пропасть. По эту сторону уединенной скалы, вставшей усѣченнымъ конусомъ, дрожащая линія мелкихъ ивъ и хлопчатника указывала на сосѣдство воды или наноснаго песку.

Потомъ обширная долина дельты, образовавшаяся отъ раздѣленія на два рукава Ріо-Жилы, которая, съ юго-запада проложивъ проходъ сквозь цѣпь Туманныхъ горъ, тянулась почти до верха этого треугольника, во всемъ мрачномъ своемъ величии. Дельта, опоясанная рѣкой, имѣетъ на вершинѣ неболье лье основанія; но между двухъ своихъ сторонъ, ограниченныхъ двойнымъ рукавомъ Жилы, основаніе ея имѣетъ пространство почти тройное.

Темнота уходила за ночью; блѣдный лучъ утра прокрадывался на зубцы горъ. Какъ на темномъ эскизѣ, самыя высочайшія ихъ точки пробивались одна за другой изъ темной картины утренняго мрака.

Неръзительный свѣтъ пробирался мало-по-малу въ ущелья долины, громоздившихся амфитеатромъ. Утро выросло постепенно. На платформѣ уединенной скалы, двѣ сосны, какъ два показавшіеся призрака, вытягивали мощные свои корни, глядя въ пропасть наклоненными стволами съ черными листьями.

Незамѣтно поддерживаемый на ногахъ лошадиный остовъ показы-

валъ на бѣлыхъ своихъ костяхъ индѣйскія украшенія, нѣкогда составлявшія его обрую, по бокамъ его еще замѣтны были остатки сѣдла.

Сумрачный свѣтъ спѣшилъ освѣтить печальныя эмблемы; въ разныхъ мѣстахъ, на столбахъ казни, утреннимъ вѣтромъ развѣвались человѣческіе волосы; эти трофеи обозначали кладбище дикаго воина. Въ самомъ дѣлѣ индѣйскій старшина, нѣкогда уважаемый за свои геройскіе подвиги, покоился на верху этой натуральной пирамиды.

Скрытый въ гробъ, онъ господствовалъ, какъ погребальный геній, надъ долинами, гдѣ неразъ раздавался его воинственный кличъ и гдѣ носился онъ на томъ бранномъ конѣ, котораго бѣлыя кости виднѣлись вдали отъ него въ прохладную ночь и въ жаркій день. Хищныя птицы съ крикомъ летали надъ этимъ нѣмымъ кладбищемъ, какъ будто зловѣщія ихъ карканья хотѣли пробудить того, кто уснулъ на всегда и холодной рукою не могъ уже приготовить для нихъ кроваваго пира.

Черезъ нѣсколько минутъ горизонтъ, противоположный Туманнымъ Горамъ, занялся палевымъ огнемъ; розовыя облака понеслись къ зениту; послѣ этого, подобно первому зареву всныхнуваго пожара, солнечный лучъ золотой стрѣлой пронзилъ темный туманъ Сіэрры, и свѣтлыя волны пламеннымъ потокомъ залили углубленія долинъ.

Насталъ и день, но покровъ дымчатаго тумана одѣвалъ еще гряды холмовъ. Поднимаемый утреннимъ вѣтеркомъ на подобіе колеблющагося драпри, туманъ мало-по-малу разрывался и клоки паровъ то прихотливо вѣшались по кустамъ, то, какъ серпы, прыгали въ воздухъ, открывая на каждомъ шагѣ глубокія ущелія, при входѣ въ которыя совершались жертвоприношенія индѣйскаго суевѣрія духу горъ; по сторонамъ ихъ пѣнились шумныя водопады.

Поверхъ гробницы индѣйскаго старшины, водопадъ росилъ влажною пылью и образовалъ за голымъ остовомъ его браннаго коня бѣглую радугу. Наконецъ у ногъ погребальной пирамиды, примыкающей съ одной стороны къ отвѣснымъ скаламъ, увѣшаннымъ роскошными коврами зелени, съ другой къ водамъ уснуваго озера, и замыкающей между скалъ и озеромъ грядою бѣднолиственныхъ ивъ и хлопчатника, — разстиралась Золотая Долина!

Съ перваго взгляда замѣчались лишь темныя и страшныя декорации: этотъ вѣнчанный елями и тумачомъ шпигъ, несущій на

своей главъ бльющійся скелеть , трофеи челоувеческихъ волосъ , кипящіе водопады и озеро, едва замѣтное подѣ покровомѣ водяныхъ растеній ; но гамбузино разгадалъ бы тотчасъ во всемѣ видѣ дѣйствительный.

Ничто не обнаруживало еще въ этихъ дикихъ мѣстахъ присутствія живыхъ существъ, когда скрывавшіеся до этого времени въ углубленія мѣстности, три челоувѣка показались почти на Золотой Долинѣ.

Всѣ трое, казалось, были удивлены и почти испуганы.

— Непрїятно ходить по этимъ мѣстечкамъ, — сказалъ Пепе, остановивъ двухъ своихъ товарищей и указывая имъ на мантию тумана, облекающую горы, — навѣрное тамъ есть дикія ущелья.

— Если справедливо, въ чемъ нельзя сомнѣваться, что золото совершаетъ иногда самыя страшныя на землѣ преступленія, то вѣрнѣе, что жилищемъ своимъ злой духъ избралъ Золотую Долину, стоящую, какъ ты сказалъ, Фабианъ, чтобъ изъ за нее потерять цѣлое поколеніе.

— Ты правъ, — отвѣчалъ Фабианъ, — быть можетъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, несчастный Маркъ Арелланосъ былъ убитъ своимъ спутникомъ. Ахъ ! еслибъ мѣста эти умѣли говорить, я узналъ бы имя того, кого я поклялся найти ; по вѣтры и дожди изгладили слѣдъ и жертвы и убійцы, а голосъ пустыни нѣмъ.

— Терпѣніе, мой другъ, терпѣніе, — важно возразилъ Боа-Розе ; — никогда я не видѣлъ, въ продолженіе долгихъ дней моей жизни, чтобы преступленіе оставалось безъ наказанія ; часто находятъ слѣды, которые считали давно потерянными, часто даже голосъ пустыни открываетъ виновнаго. Если убійца не умеръ, страсть приведетъ его снова въ это мѣсто, и это не замедлится ; онъ, быть можетъ, въ лагерь мексиканскомъ. Теперь же, Фабианъ, что станемъ дѣлать : выждать-ли врага въ этихъ мѣстахъ, или наполнять карманы наши золотомъ, чтобъ воротиться потомъ домой ?... На что ты рѣшаешься ?

Сказавъ это, бѣдный Боа-Розе вздохнулъ.

— Я не знаю на что рѣшиться, — отвѣчалъ Фабианъ, — я пришелъ сюда почти противъ своей воли ; я послушался тебя, правду сказать ; но не столько тебя и себя, какъ воли сивьѣйшей. Я чувствовалъ, что какая-то невидимая рука влекла меня, когда вечеромъ, не давъ себѣ никакого отчета въ своихъ мысляхъ, я пришелъ

къ тебѣ и сълъ у твоего огня. Зачѣмъ я, не зная, что мнѣ дѣлать съ этимъ золотомъ, обрекъ жизнь свою на добываніе его? Этого я не понимаю. Знаю только, что я здѣсь, что скорбитъ мое сердце и душа моя полна жестокой неизвѣстности.

— Истинно — человѣкъ игрушка судьбы, — сказала Боа-Розе; — между тѣмъ, касательно печали, которою ты скорбишь, то видѣ этихъ мѣстъ ее наводитъ, а что....

Глухой крикъ; въ родѣ рева человѣческаго, прервалъ канадца, и потомъ слился съ шумомъ водопада.

Крикъ этотъ, казалось, вылетѣлъ изъ гробницы индѣйца и, какъ голосъ обвинитель, протестовалъ противъ возмутителей жилища мертвыхъ.

Удивленные странники посмотрѣли на верхушку пирамиды, но не примѣтили на ней никакого живаго существа. Солнце просвѣчивало сквозь лошадиный скелетъ, а вѣтеръ развѣвалъ прикрепленные на концѣ столба волосы. Глазъ одной хищной птицы, носящейся надъ скалой, одинъ этотъ глазъ могъ примѣтить того, кто такъ неожиданно дерзнулъ поколебать пустыню эхомъ.

Мрачная торжественность мѣстъ, гдѣ находились трое друзей, кровавыя воспоминанія Фабіана и суевѣрныя идеи въ душѣ Пепе, слившись съ этимъ страннымъ и таинственнымъ крикомъ, — все это вмѣстѣ отразилось въ чувствѣ, близкомъ къ ужасу. Было что-то неизяснимое въ тонѣ этого голоса до такой степени, что они начали сомнѣваться въ томъ, что его слышали.

— Человѣческой ли это былъ голосъ? — тихо сказала Боа-Розе, остановивъ Фабіана и Пепе. — Или, можетъ быть, это одно изъ тѣхъ странныхъ эхо, которыя носились въ эту ночь здѣсь въ горахъ.

— Если это былъ голосъ человѣческой, то спрашивается, откуда онъ взялся, — возразилъ Фабіанъ; — какъ я, такъ и вы очень хорошо слышали крикъ надъ нами. Казалось, онъ вышелъ изъ вершины этой возвышенности, а между тѣмъ никого тамъ невидно.

— Дай Богъ, — крестясь, сказалъ, въ свою очередь, карабинеръ, — чтобъ въ горахъ этихъ, гдѣ носятся неизяснимые крики, а на свѣтломъ небѣ сверкаютъ молніи, мы имѣли дѣло только съ людьми!... Съ-тѣхъ-поръ какъ долина эта, какъ говоришь ты, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ составляетъ доходъ короля Испан-

скаго, не можешь-ли, сеньоръ донъ-Фабіанъ, собрать твои воспоминанія и сказать какъ далеко мы отъ нея.

Фабіанъ, казалось, погрузился въ воспоминанія свои, потомъ онъ снова внимательно сталъ смотреть вокругъ себя, начиная отъ вершины Туманныхъ горъ и пирамиды и до далекихъ паровъ, встающихъ отъ столкновения водоворотовъ рѣки. Эта странная мѣстность была именно та самая, которую ему такъ вѣрно описали.

Довольный этимъ испытаніемъ, онъ отвѣчалъ на вопросъ испанца :

— Мы отыщемъ ее непременно, потому что она должна быть у подошвы гробницы индѣйскаго старшины, а эти дикія украшенія достаточно показываютъ, что скала эта та самая гробница; намъ не должно терять ни минуты. Между тѣмъ какъ ты и Боа-Розе пойдете къ этой скалѣ, я пересмотрю этотъ хлопчатникъ и тѣ нвы.

— Въ такомъ таинственномъ мѣстѣ я, право, ничему не доверяю! — замѣтилъ Боа-Розе. — Крикъ, который мы слышали, обличаетъ присутствіе человека бѣлаго или краснаго, все равно; его нечего бояться. Но постойте, прежде чѣмъ мы разстанемся, я испытаю грунтъ земли подъ нами.

Всѣ трое опустили на землю взоры свои, привыкшіе читать поверхность земли также какъ и книгу.

— Сказать-ли вамъ! — закричалъ канадецъ, — вотъ слѣдъ бѣлаго, и я увѣренъ, что онъ здѣсь былъ не болѣе десяти минутъ тому назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ на песокъ лежали слѣды человѣческихъ ногъ, изъ которыхъ одна сломила вѣтвь дикаго растенія, стебли котораго вставляли одинъ за другимъ. Слѣды эти шли къ грядамъ хлопчатника.

— Во всякомъ случаѣ, онъ одинъ, — сказалъ Фабіанъ.

И въ то время, когда Боа Розе его удерживалъ, онъ поспѣшилъ къ зеленому забору.

— Ужъ будьте увѣрены; въ этой непроницаемой зелени непременно кроется неприятель. Но вѣтъ, — прибавилъ онъ, — человекъ, котораго слѣды смяли кустъ этого растенія должно быть въ немъ же и скрылся, чтобъ удобнѣе высматривать оттуда. — Говоря эти слова, Боа-Розе принялся пробирать вѣтви и выющуюся съѣть, которую онъ выплетали; но послѣ короткаго поиска, который не представилъ ничего

замѣчательнаго, онъ вышелъ изъ кустовъ, предоставя имъ полную свободу оправиться отъ слѣдовъ его поиска.

Охотникъ шелъ по слѣдамъ, направившимся отъ скалистаго холма къ конусообразной вершинкѣ; но дальне земля была известковая, усыпанная гладкими камнями, и не сохраняла болѣе слѣдовъ.

— Пойдемъ къ этой конической скалѣ, — сказала Боа-Розе; — быть можетъ тамъ лучшая земля и скажетъ намъ больше. Пойдемъ Пене, а ты, Фабианъ, жди насъ здѣсь-же.

Оба охотника ушли; Фабианъ остался одинъ и задумался. Эта Золотая Долина, о завоеваніи которой мечталъ онъ въ то время, когда еще сердце его билось подъ столь сладостными надеждами, теперь эта Золотая Долина была у ногъ его. Мечта, на которую онъ иногда смотрѣлъ, какъ на химеру, теперь обратилась въ действительность; а Фабианъ былъ болѣе несчастливъ, чѣмъ въ эпоху, когда любовь, всегда ожидающая, улыбалась еще первой его бѣдности. Такъ всегда счастье уходитъ въ тотъ именно мигъ, когда хотять его уловить. Какъ часто среди безмолвія пустынныхъ лѣсовъ путникъ жадно вслушивается въ унылыя пѣсни канцонтле; осторожно спѣшитъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ, скрывшись въ густотѣ вѣтвей, птичка пустынь поетъ сладкія пѣсни въ забаву подругъ своихъ. Приближаясь къ крылатому пѣвцу, убѣгающему людей, путникъ мыслить не проронить ни одного его звука, — тщетная надежда! Онъ спѣшитъ, а голосъ канцонтле все также далеко и птички все также не видно.

Такія отдаленныя пѣсни поетъ счастье въ жизни человѣка, онъ спѣшитъ туда и туда, но счастья нѣтъ тамъ, и жизнь его состоитъ въ безпрестанномъ преслѣдованіи пѣвца безпрестанно улетающаго.

Для Фабиана счастья въ Долинѣ Золотой не было; онъ далекъ опять былъ отъ него; никакой голосъ дальній не пѣлъ теперь въ пустынь его жизни, путникъ остался безъ цѣли, безъ образа вдали зовущаго, ласкающаго и лишь доступнаго для надежды.

Фабианъ родился въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, въ которые все мрачно такъ, какъ на морѣ, когда гаснетъ маякъ, по которому морякъ править кораблемъ.

Печальный въ душѣ, какъ человѣкъ безнадежный, Фабианъ машинально пошелъ къ грядѣ скрытыхъ кустарниковъ, образующихъ чащу почти непроникаемую. Но съ трудомъ пролагая себѣ дорогу

сквозь сътъ переплетшихся вѣтвей, онъ остано­вился, неподвижный отъ удивленія и безмольнаго созерца­нія.

Блѣдная тѣнь, царствующая еще въ глубинахъ долины, исчезала передъ солнцемъ и, постепенно испаряясь, открывала многочисленныя и таинственныя полосы мерца­нія. Гладкихъ, какъ камушки на морскомъ берегу, кремней, брызжущихъ лучами, возможности не было перечестъ въ одинъ день.

Всякій другой, кромъ золотоискателя, остался бы равнодушнымъ при видѣ этихъ кремней, подобныхъ тѣмъ стеклоподобнымъ кускамъ, которые всегда почти разсыяны у подошвы вулкановъ; но опытный глазъ Фабіана, въ первый моментъ, примѣтилъ уже, подъ ихъ глинистою оболочкою, золото дѣвственное, природное, какое горныя потоки несутъ въ долину.

И глазамъ его открылись такія великія сокровища, какихъ никто изъ людей и никогда не находилъ.

Если бы черезъ пустыни вѣтеръ перенесъ въ уши молодаго графа Медіана звуки голоса Розариты, когда за нѣсколько дней передъ этимъ въ гаціэндѣ она вспоминала о немъ, онъ бросилъ-бы все эти сокровища, чтобъ полетѣть къ ней.

Но вѣтеръ нѣмъ, а въ золотъ скрыто такое волшебство, что не смотря на смертную свою тоску, Фабіаномъ овладѣло непреодолимое помъшательство. Но оно было коротко. Душа Фабіана была изъ тѣхъ, которыми не овладѣваетъ жадность; и, спустя нѣсколько минутъ восторга, вовсе неинтереснаго для безкорыстнаго сердца, онъ позвалъ своихъ двухъ товарищей.

Охотникъ и Пепе явились тотчасъ.

— Неужели его нашли вы?—закричалъ карабинеръ.

— Золото, но не человѣка.... посмотрите!—просто сказалъ Фабіанъ, разводя своимъ карабиномъ кущу ланъ, закрывавшихъ видъ на долину.

— Что это за блестящіе камни!...—спросилъ Пепе.

— Это чистое золото, это сокровища, которыя скрывались здѣсь отъ начала міра.

— Господи!—вскричалъ Пепе и остолбенѣлъ.

Потомъ жадно вперивъ взоры въ головокружащую кучу сокровищъ, открывшихся передъ нимъ, онъ упалъ на колѣни. Страсти, казалось, подкосили его ноги, и прихлынули къ его сердцу....

— Теперь, — сказалъ Фабіанъ, грустно глядя на игру свѣта по золотымъ кремнямъ, думая, что всѣ эти богатства для него не стоили улыбки взора той, которая его презирала, — теперь я себя объясняю, какимъ-образомъ двѣ рѣки, во время годового ихъ разлитія и потоки, стремящіяся съ Туманныхъ горъ, покрываютъ эту узкую долину и несутъ въ нее, каждый отъ себя, золото родниковъ и золото холмовъ; положеніе долины этой, быть можетъ, единственное въ мѣрѣ.

Но испанецъ не слушалъ Фабіана; сокровища, изъ за которыхъ онъ презрѣлъ жестокій урокъ, — жизнь независимости и дикаго счастья, имъ испытаннаго въ продолженіи десяти лѣтъ, эти сокровища глянули ему въ глаза силой волшебной.

— Вы не могли, я думаю, и подозрѣвать, неправда-ли, — сказалъ всегда задумчивый Фабіанъ, — чтобы въ одномъ мѣствѣ было столько золота; я это зналъ прежде, я, котораго первое ремесло было искать золото, я даже никогда и мечтать не дерзалъ объ немъ, хотя мнѣ объ этомъ и толковали...

Но Пепе потерялъ уже всякій отвѣтъ. Глаза его переставали жадно блуждать по грудамъ золота только за тѣмъ, чтобы украдкой бросить непріятный взоръ на Фабіана, не примѣчавшаго, казалось, того, что его окружало, и на Боа-Розе, неподвижнаго, въ своей любимой позѣ, положи руку на стволъ карабина, смотрѣвшаго на всѣ эти сокровища не столько, какъ на дражайшаго, въ глазахъ его, молодого человѣка, котораго ему возвратило небо.

Одинъ изъ нихъ былъ стариннымъ товарищемъ въ опасностяхъ испанца; въ безчисленныхъ встрѣчахъ они издавали вмѣстѣ крикъ войны, какъ военное братство древнихъ рыцарей, сражавшихся всегда подъ одинакимъ знаменемъ; холодъ, голодъ и жажда были у нихъ общими; дни ихъ протекли подъ однимъ небомъ, ночи подъ знакомъ Кастора и Поллукса.

Другой былъ юноша, сирота по доброй волѣ, двадцати-лѣтняя его кровь, жизнь, любовь съ единственнаго его друга въ мѣрѣ; но демонъ страсти, грызшій его сердце, изгладилъ всѣ воспоминанія прошедшаго; два этихъ человѣка какъ-бы только что встрѣтились.

Дрожъ ужаса прошла по тѣлу испанца, когда мысли эти пронесли въ душѣ его. Отчаянная борьба открылась внутри его, борьба юности съ благородными инстинктами, но борьба эта страшная, была кратковременна; нѣкогда бывшій микелеть исчезъ вдругъ, и

когда Пепе, разбирая неприятныя свои думы, благородная его натура взяла верхъ надъ нимъ; старѣйшій человекъ былъ побѣжденъ навсегда, а онъ остался только странствователемъ льсовъ, котораго уединеніе какъ-то обновило.

Стоя на колынахъ, Пепе закрылъ свои глаза; слеза быстрая, слеза непримѣченная двумя его товарищами, какъ борьба, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ, сверкнула сквозь рѣстницы и показывалась по бронзовой его щекѣ.

— Сеньоръ графъ Медіана, — вскричалъ онъ, вставая, — отнынѣ вы богатѣйшій и могущественнѣйшій сеньоръ; всѣ эти груды золота — ваши!

Говоря эти слова, онъ открылъ глаза и почтительно поклонился тому, кто не зналъ въ чемъ простить его.

— Богу не угодно, — съ чувствомъ сказалъ Фабианъ, — чтобы ты не разделялъ со мною этого золота, ты, дѣлвшій со мною всѣ опасности. Что-же ты скажешь, Боа-Розе? Не мечтаешь-ли и ты подъ старость сдѣлаться тоже богатымъ и знатнымъ сеньоромъ?

Но спокойно облокотившійся на стволъ своего карабина, Боа-Розе, безчувственный къ этимъ сокровищамъ столько-же, какъ и скала ихъ выбросившая, Боа-Розе покачалъ головой, тогда какъ улыбка неизяснимой нѣжности къ Фабиану свидѣтельствовала о единственномъ интересѣ, которымъ онъ наслаждался при этомъ чудесномъ явленіи.

— Я думаю, какъ другъ мой Пепе, — возразилъ канадецъ, — что сдѣлаю я изъ этого богатства, за которое цѣлый міръ сталь-бы биться? Если золото имѣетъ для насъ безцѣнную важность, то это потому-что оно принадлежитъ вамъ; владѣніе меньшею частью этихъ золотыхъ кремней уменьшитъ въ его и моихъ глазахъ цѣну услуги, которую мы могли вамъ оказать. Но время дѣйствовать, а не разсуждать; мы навѣрное въ пустыняхъ этихъ не одни.

Это послѣднее разсужденіе вспало на мысль трехъ друзей; въ самомъ дѣлѣ время было драгоценно. Пепе, первый, раздвинулъ листья и вѣтви хлопчатника и вышелъ на густое поле зелени; но едва вступилъ онъ въ Золотую Долину, какъ въ горахъ громко раздался ружейный выстрѣлъ.

— Самъ дьяволъ, кажись, — вскричалъ карабинеръ, — покушается

изгнать насъ изъ своихъ владѣній; но во всякомъ случаѣ, у этого дьявола глазъ не совсѣмъ тупой.

Пробираясь по долинь, канадецъ и Фабианъ посмотрѣли въ другой разъ на верхушку пирамиды, откуда, казалось, раздался голосъ и выстрѣлъ. Но густой туманъ, оторванный вѣтромъ отъ вершинъ холмовъ, закрылъ отъ взоровъ ихъ платформу и скалы и ея фантастическія декорациі.

Боа-Розе и Фабианъ незамедлили сойтись съ карабинеромъ, и всѣ трое, не разсуждая, стройно отправились къ уединенной скалѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что непріятель имъ грозившій находился тамъ!

По крутымъ бокамъ пирамиды вился густой хворостникъ. По этому тѣмъ болѣе было опасно, что за туманомъ нельзя было хорошо разглядѣть числа непріятели, съ которымъ нужно было имѣть дѣло.

Фабианъ хотѣлъ идти первый, но сильная рука канадца поворотила его назадъ; между-тѣмъ Пепе достигалъ уже половины высоты.

Тогда на четверенькахъ, Боа-Розе поспѣшилъ за Пепе, упробивъ напередъ Фабиана идти только по его слѣдамъ.

Между тѣмъ туманъ, закрывая волнами своими вершину скалы, обнажаемой иногда порывами вѣтра, похожъ былъ на черную тучу, въ которой крылась громовая стрѣла.

Не страшась сътей, которыя могла скрывать эта, столь опасная на вершинѣ горы, масса паровъ, безстрашный карабинеръ всходилъ все выше и выше и наконецъ вдругъ исчезъ въ туманъ.

Фабианъ и Боа-Розе потеряли его изъ виду тогда, когда они остановились нѣсколько перевести духъ, потомъ, съ непріятнымъ чувствомъ неизвѣстности на сердцѣ, они стали продолжать опасное восхождение. Радостный крикъ, изданный Пепе, увѣдомилъ, что онъ цѣль и невредимъ.

Двое товарищей отвѣчали на его крикъ и наконецъ сами не замедлили достигнуть платформы скалы. Она была пуста.

Въ то время, когда они, обманутые въ своемъ успѣхъ и почти не видя другъ друга за густотою паровъ, расположились было уже спуститься обратно въ долину, внезапный порывъ дувшаго на голыхъ вершинахъ скалъ съ значительною силою вѣтра вдругъ быстро разогналъ туманъ и глазамъ трехъ друзей открылась долина.

На право и на лѣво лежала пустыня во всемъ своемъ величіи, на

безплодной долинь, гдѣ печально крутились вихри песку, кромѣ одного мѣстечка, вездѣ покойно, вездѣ неподвижно, разстилась горячая и сухая скатерть солнечныхъ лучей.

За грядою ивъ и хлопчатника, которая закрывала входъ въ Золотую Долину, едва видныя въ туманѣ надъ рѣкой, изъ которой они, казалось, вышли, четыре кавалера, тѣсясь другъ къ другу, съ карабинами въ рукахъ, выступили впередъ. Разстояніе, раздѣлявшее едва примѣченныхъ принельцовъ отъ занимающихъ платформу, было еще такъ велико, что послѣдніе никакъ не могли различить ни ихъ одежды, ни цвѣта ихъ кожи.

— Такъ вотъ съ кѣмъ еще мы должны имѣть дѣло! — вскричалъ Боа-Розе. — Интересно-бы знать, бѣлые или краснокожіе это?

— Бѣлые или красные, но безъ сомнѣнія, они непріатели наши! — замѣтилъ Пепе.

Между-тѣмъ какъ три авантюриста спускались, чтобы не быть замѣченными, какой-то человекъ, незамѣченный до-сихъ-поръ съ обѣихъ сторонъ, тихонько вошелъ въ озеро. Съ какою-то предосторожностію нарвалъ плавающихъ листьевъ дикаго растенія, сдѣлалъ изъ нихъ какой-то блестящій кругъ, въ родѣ шляпы, убѣжище для своей головы и остался неподвиженъ.

Озеро приняло неожиданнаго гостя, ни сколько не измѣнивъ вида своей поверхности. Человекъ этотъ былъ Кухилло, грязный волкъ, зловредный по природѣ, онъ выходилъ на берегъ на охоту по льявамъ.

IV.

РУКА ПРОВИДѢНІЯ.

Запыхавшись отъ быстроты бѣгства, Кухилло достигъ Туманныхъ горъ, и снова остановился; бандитъ не забылъ мѣсть, ему знакомыхъ. Но сердце его, возмущенное страхомъ и радостію и шумѣвшая въ ушахъ его кровь согнали съ лица обыкновенную ясность. Ему нужно было нѣсколько отдохнуть и прійти въ себя.

Только черезъ нѣсколько минутъ онъ въ состояніи былъ осмотрѣться вокругъ себя нѣсколько спокойнѣе.

Было еще темно, когда достигъ онъ возвышавшейся надъ Зо-

летою Долиной пирамиды съ гробомъ индѣйскаго предводителя, а влажные пары озера обвивали густымъ покровомъ долину и крутой холмъ гробницы.

Оставшійся въ ухахъ его глухой шумъ водопада поддерживалъ еще его сомнѣнія. Онъ не забылъ, что водопадъ низвергался въ пропасть не далеко отъ плацера.

Кухилло вышелъ на берегъ, чтобъ отдохнуть въ ожиданіи дня. Но лишь только онъ сълъ, чувство страха заставило его вскочить, какъ будто онъ почувствовалъ подъ собою вдругъ ядовитую змью. Страшный случай заставилъ его остановиться въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ убилъ онъ Марка-Арелланоса.

Быстрое воспоминаніе, какъ молнія, очертило въ глазахъ испуганнаго разбойника все даже до малѣйшей подробности въ смертной этой борьбѣ. Кухилло почувствовалъ ужасный страхъ, но на самое короткое время.

Подъ чистымъ небомъ Америки суевѣріе еще не успѣло пріобрѣсть такой власти, какъ въ туманныхъ странахъ, гдѣ вечерніе туманы придаютъ предметамъ фантастическіе виды и возбуждаютъ естественно къ мечтательности.

Изъ мечтательности породилась та мрачная поэзія, которая населила страны, довольно отдалившіяся отъ природы, привидѣніями и всякаго рода призраками, какъ-будто души тѣхъ, которые цѣлую свою жизнь осуждены, не должны почитать себя болѣе счастливыми, потому-что безсильны разстаться навсегда съ фантомами своей поэзіи.

Въ пустыняхъ-же Америки одинокій путешественникъ гораздо болѣе боится живыхъ, чѣмъ мертвыхъ, а потому и Кухилло слишкомъ страшился бѣлыхъ и индѣйцевъ, чтобъ долго заниматься Арелланосомъ.

Мало-по-малу разбойника заняли другія мысли и вытѣснили собою тѣ, которыя до-сихъ-поръ занимали его душу; онъ успокоился, но нельзя сказать, чтобы совсѣмъ, потому-что сосѣдство золотыхъ приисковъ овладѣло свободою его духа; но за то онъ пересталъ думать о преступленіи, слившемся со всѣмъ тѣмъ, что такъ тяготило его.

Воспоминаніе объ Арелланосѣ было уже довольно далеко, когда первые лучи разсвѣта застали Кухилло посреди того упоенія, которымъ страсть къ золоту зажгла его мозгъ.

Хотя онъ былъ почти увѣренъ, что никто не могъ видѣть его удалившимся изъ лагера и еще менѣе преслѣдовать его, однако-жъ Кухилло рѣшился взобраться на пирамиду, которая возвышалась передъ нимъ и съ ея вершины стеречь пустыню на разстояннн, куда только достигало его зоркое зрѣннє.

Двѣ ели, темная зелень которыхъ вѣнчала гробницу предводителя апатовъ, казались ему давно годными къ тому, чтобы укрыться отъ индѣйцевъ, если-бы на случай онъ попалъ въ сосѣдство къ нимъ, и онъ пошелъ къ подошвѣ холма.

Проходя мимо, онъ не могъ удержаться, чтобъ не бросить взора жадности и досады на долину, полную золотыхъ слитковъ. Внезапная мысль поразила его казалось за тѣмъ, чтобы на мигъ ослабить его порывъ. Золотой плацерь все-ли такъ дѣвственъ, какъ былъ тому годъ назадъ, когда онъ его покинулъ ?

Одинъ взглядъ его уже успокоилъ. Ничто не измѣнилось въ наружности Золотой Долины, кучи золотого металла метали тотъ-же блескъ цѣлыми золотыми пучками. Сожженный до половины жаждой, путникъ не взиравъ-бы съ большею радостнѳ на оазисъ съ проточной и холодной водой, который ему случилось найти среди безпредѣльности раскаленныхъ песковъ, какъ смотрѣлъ Кухилло на куски блестящаго, сквозь густоту хлопчатника, самороднаго золота.

Другой авантюристъ, котораго-бы счастливая звезда привела въ это мѣсто, поспѣшилъ-бы набрать золота столько, сколько могъ-бы его унести и потомъ ушелъ-бы съ прнятной добычей; но у Кухилло, какъ у скупца, страсть къ золоту въ развитнн своемъ дошла до послѣднихъ предѣловъ. Разбойникъ хотѣлъ наслаждаться покойно только созерцаннємъ любимаго металла даже до своей смерти. За золото это онъ ни мало не поколебался-бы пожертвовать жизньнѳ всѣхъ своихъ товарищей по ремеслу.

Вѣрнынъ коварнынъ своимъ привычкамъ, разбойникъ послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ удовлетвореннѳ своихъ желаннѳ, взялъ за поводъ свою лошадь и быстро повелъ ее къ горамъ. Чтобы скрыть ее, онъ привязалъ своего сподвижника къ одному изъ кустовъ, росшихъ въ глубокой долинь, а самъ рѣшился взлѣзть на пирамиду.

Взобравшись на самый верхъ ея, Кухилло окинулъ взоромъ окружающнѳ его пустыни и желалъ убѣдиться, былъ-ли онъ одинъ. Но

нѣсколько минутъ внимательнаго осмотра увѣдомили-бы его о противномъ его ожиданіямъ ; потому-что съ одной стороны донъ-Эстевапъ съ тремя своими спутниками, съ другой канадскій охотникъ и двое друзей его, обязанные своимъ не совсѣмъ точнымъ свѣдѣніямъ о мѣстностяхъ пустыни, были уже въ горахъ, но на такомъ еще разстояніи, куда не доставалъ взоръ его. Успокоенный тишиною, Кухилло, съ минуту погруженный въ созерцаніе раскиданныхъ у ногъ его сокровищъ, машинально перевелъ взоры свои на водопадъ.

Водная скатерть, изливаясь за пирамидой, казалось бросила на верхушку ея серебряный мостъ, обрисовавшійся надъ пропастью, и по временамъ какъ-бы изгибалась въ своемъ паденіи. Тогда, сквозь разнесенные вѣтромъ радужные пары самородокъ, обнаженный въковымъ дѣйствіемъ водъ, загорѣлся въ лучахъ солнца. Самый огромный изъ плодовъ, какой когда-либо качался на вѣтвяхъ кокоса, не превзошелъ-бы его своимъ объемомъ.

Долго мытый влажною пылью каскада этотъ золотой слитокъ былъ во всемъ своемъ блескѣ и, казалось, готовъ былъ каждый мигъ сбросить съ себя кремнистую свою скорлупу, и, быть можетъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ ему угрожала бездонная пропасть...

При видѣ самородка, казалось, достаточно было протянуть только руку, чтобы схватить его и порывъ радости до безчувствія охватилъ сердце Кухилло.

Жадно свѣсясь надъ пропастью, разставивъ руки, разведя глаза, налегши на грудь, готовую отъ тяжести дыханія лопнуть, онъ вполнѣ былъ поглощенъ пронзившимъ его чувствомъ, если-бы крикъ радости и радости вмѣстѣ вдругъ не вырвался изъ груди его.

Этотъ-то крикъ услышали канадецъ и двое его товарищей.

Между тѣмъ зрѣлище, скрываемое досель далью этихъ пустынь, не замедлило потомъ исторгнуть изъ него и другой крикъ, но въ этотъ разъ онъ былъ крикомъ бышенства. Разбойникъ примѣтилъ человека, попиравшаго невинное сокровище.

Боа-Розе и Фабианъ за густою стѣною зелени Золотой Долины были не замѣтны взорамъ его. Кухилло думалъ, что карабинеръ былъ только одинъ и ни о чемъ болѣе не думая, не давъ себѣ труда точнѣе удостовѣриться, онъ сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ.

Вот тот самый выстрѣлъ, котораго пуля со свистомъ пронеслась мимо ушей Пепе.

Невозможно описать бѣшенства и изумленія разбойника, когда, спрятавшись за вѣтви елей, онъ увидѣлъ еще двухъ человекъ, соединившихся съ Пепе, и когда въ одномъ изъ нихъ, по высокому его росту, онъ распозналъ одного изъ тѣхъ странныхъ охотниковъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дѣлѣ противъ тигровъ въ Поцъ, а въ другомъ Фабіана, того самого, который два раза уже избѣжалъ его съестей.

Смертная дрожь въ мигъ оледѣнила сердце въ груди его. Кухилло зашатался; еще разъ онъ увидѣлъ ужасную необходимость бѣжать изъ Золотой Долины, изъ которой какая-то неумолимая судьба постоянно гнала его, воспламеняя только ненасытныя его страсти.

Къ счастью разбойника, густой туманъ въ видѣ волнистыхъ клубовъ на вершинѣ пирамиды, бросаемый вѣтромъ то въ ту, то въ другую сторону, скрылъ его отъ взоровъ трехъ приближавшихся къ нему непріятелей.

Когда достигли они вершины холма, Кухилло не бывъ замѣченъ, могъ спуститься по противоположному скату, увидѣвъ также вдали Эстевана и его свиту.

Это послѣднее обетоятельство было новымъ предметомъ удивленія для разбойника, который, проползши между скалъ, скрылся подъ листьями болотнаго пенюфара въ озеръ, рывившись тамъ ждать конца этого страннаго приключенія.

Скрывшись отъ взоровъ всѣхъ, Кухилло готовился воспользоваться споромъ, который долженъ былъ завязаться между дономъ-Эстебаномъ и тремя его товарищами съ одной стороны и друзьями Фабіана съ другой.

Дрожь дьявольской радости слылась съ дрожью, которую произвела въ немъ свѣжесть воды озера. Сидя тамъ, онъ похожъ былъ на плотоядную птицу, которая, носясь въ облакахъ надъ полемъ битвы, ищетъ себя жертвы.

Ему легко было предчувствовать смертную борьбу между Фабіаномъ и герцогомъ Армадой; и Кухилло началъ быстро соображать всѣ благоприятныя обстоятельства, которыя были еще впереди.

Если-же трое охотниковъ останутся побѣдителями, то ему очень

мало былъ опасенъ Фабианъ, казавшійся ему всегда Тибурціо Арелланосомъ.

Мексиканцы — мстительны и хитры. У нихъ, по большей части, ударъ ножа считается вздоромъ и Кухилло располагалъ уже пощадить того, кого онъ пожаловалъ именемъ Тибурціо, а всю месть свою направлялъ противъ донъ-Этевана.

Но ежели-бы Арехиза одержалъ верхъ, то въ такомъ случаѣ Кухилло льстился прикрыть свое бѣгство какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Разбойникъ рѣшился ждать поединка и въ его рѣшительный моментъ отдаться покровительству сильѣйшаго, будучи почти увѣренъ вмѣшательствомъ загладить вину предъ стороною побѣдившей и окончательно выиграть для ней дѣло.

Между-тѣмъ когда Кухилло старался утѣшить себя разсужденіями въ незавидномъ своемъ положеніи, Боа-Розе могъ уже различить цвѣтъ новыхъ прищеповъ.

— Эти четыре кавалера, должно быть, изъ мексиканскаго лагеря, — сказали онъ.

— Я это предвидѣлъ, — сказалъ Фабианъ. — Мы патнемеея на цѣлое ихъ войско и насъ возьмутъ здѣсь какъ дикихъ лошадей на водопой.

— Тсъ ! — отвѣчала Боа-Розе, — ужъ возложите всю заботу вывести васъ изъ этого дурнаго положенія на меня. Ничто не показываетъ, чтобы позади этихъ всадниковъ были еще и другіе; но на всякій случай лучшій постъ для насъ — гора, гдѣ мы можемъ выдержать осаду цѣлаго племени дикихъ. Не видно также, чтобы они намѣревались здѣсь остановиться. Впрочемъ я отираюсь наблюдать за ними.

Сказавъ это, канадецъ поползъ на брюхъ, скрывая голову между зубчатыхъ камней пирамиды, чтобы не потерять изъ виду всѣхъ четырехъ всадниковъ.

Среди глубокой тишины въ долину ужъ слышенъ былъ и топотъ лошадей.

Старый охотникъ видѣлъ, какъ на минуту они дали себѣ отдыхъ и начали разсуждать между собою, но голосъ ихъ совѣщанія еще не доходилъ до него.

— Зачѣмъ эта медленность, Діазъ? — говорилъ другу своему герцогу Армада съ какимъ-то нетерпѣніемъ. — Время торопится, а мы его уже довольно потеряли.

— Благоразуміе требуетъ не идти впередъ, не узнавъ сначала мѣста.

— Развѣ онъ противурѣчатъ примѣтамъ, которыя намъ сообщалъ Кухилло?

— Нѣтъ, не плутъ должно быть скрылся здѣсь гдѣ-нибудь, иначе мы не отыскали-бы сейчасъ слѣдовъ его по направленію къ этой скалѣ. Онъ, можетъ быть, не одинъ и намъ нужно его опасаться.

Донъ-Эстебанъ презрительно улыбнулся.

— Діазъ не обманывается по моему, — сказалъ Бораджа; — никто меня не разувѣритъ въ томъ, что я видѣлъ сейчасъ какъ-бы тѣнь человека на вершинѣ этой скалы.

— Все эти, при входѣ въ ущѣлія, капища индѣйскія, — замѣтилъ Орохъ, — показываютъ, что сюда часто приходятъ индѣйцы, и пустыня эта не такъ должно быть пуста, какъ кажется. Индѣйцевъ нужно болѣе бояться, чѣмъ Кухилло, и жизнь сеньора донъ-Эстебана прежде всего наименѣе нужно подвергать опасности.

Донъ-Эстебанъ согласился на его замѣчаніе, и изъ-за парапета, его скрывавшаго, Боа-Розе увидѣлъ Ороха. Онъ рѣшился идти развѣдать мѣста, сошелъ съ лошади и отделился отъ группы.

— Ахъ! — сказалъ потихоньку Боа-Розе, — теперь я узнаю между этими господами одного изъ тѣхъ, котораго я видѣлъ ночью въ Поцъ и который назывался донъ-Эстеваномъ ... онъ ни кто другой, какъ донъ-Антоніо де-Медіана.

— Донъ-Антоніо де-Медіана? — повторилъ Фабіанъ. — Возможно-ли? не обманываешься-ли ты?

— Это онъ! говорю вамъ....

— Ахъ! вскричалъ Фабіанъ теперь и я вижу его.... Перстъ Божій привелъ меня, противъ моей воли, въ эти мѣста. Тѣнь матери моей, — прибавилъ онъ тихо, — успокойся въ могилѣ своей!

Пепе сохранялъ молчаніе, но при имени донъ-Антоніо онъ поднялъ голову. Выраженіе ненависти заблестало въ взоръ его, который, казалось, измѣрялъ пространство, раздѣлявшее его отъ предмета злобы. Такой ловкій стрѣлокъ, какъ Боа-Розе и то съ трудомъ только досталъ-бы одного изъ всадниковъ, Пепе вновь скрылся за пикомъ скалы.

— Зачѣмъ ты такъ поднимаешься, Пепе, — сказалъ канадецъ, — вѣдь ѿбя легко могутъ замѣтить!

— Не видно-ли еще других всадниковъ позади ихъ? — спросилъ Фабианъ.

— Никого больше. Отъ самой той точки, тамъ, гдѣ рѣка раздѣлилась на два рукава и сюда, я вижу только туманъ и солнце и никого болѣе.... Однакожь, — замѣтилъ Боа-Розе, на минуту оставаясь и какъ-бы приглядываясь къ какому-то отдаленному предмету, — эта черная масса, что плаваешь на водѣ озера, не должно быть, я въ томъ увѣренъ, гнилое дерево. Во всякомъ случаѣ, пень ли это, или поверхность челнока, а черная масса оставляетъ слѣды свой по водѣ и слѣдовательно она отдаляется отъ насъ.

— Что пужды, — сказалъ Фабианъ, интересующійся болѣе наблюдениемъ за донъ-Антонио де-Медіана, чѣмъ объяснениемъ одного изъ таинствъ вдали. Опиши мнѣ всадниковъ, сопровождающихъ предводителя, можетъ быть, я узнаю ихъ по твоему описанію.

— Ахъ, — продолжалъ канадецъ, — пень или челнокъ....

— Оставь этотъ далекий предметъ, ради Бога, — закричалъ Фабианъ, взбѣшенный нетерпѣниемъ. — Развѣ можетъ онъ насъ беспокоить?

— Спроси у часового на корабль, развѣ можетъ его беспокоить подводный камень? Э - ге - ге; сказать-ли.... эта черная масса можетъ быть и кусокъ гнилаго дерева, но сохрани Богъ! если она переродится въ одного изъ тѣхъ разбойниковъ, которыми наполнена эта пустыня. Bravo! пень скрылся въ туманъ.

— Всадники! всадники! — закричалъ глухимъ голосомъ Фабианъ,

— Что касается до трехъ всадниковъ, то я ихъ не узнаю. Но между ними одинъ, у котораго станъ прямой и гибкой, какъ тростникъ. И на какой чудесной онъ ѣдетъ лошади!

— Лошадь темногнѣдая съ золотыми галунами на чапракъ и благородной фигуры.

— Такъ точно!

— Это Педро-Діазъ.

— Слава Богу; — возразилъ Боа-Розе. — Но между ними есть еще одинъ, который, кажется, красуется своею длинно-ременною мантиєю.

— Это Орохъ, — прервалъ Фабианъ, — и что такое они дѣлають теперь? Ну съ нашей стороны не показываться теперь, когда Антонио явился предъ нами почти одинъ, — было-бы низко.

— Терпѣніе! — сказалъ Пепе. — Съ своей стороны я столько-же, какъ и ты интересуюсь, чтобъ его не упустить; но поспѣшность

может все испортить. Ждали въ продолженіи пяти лѣтъ, теперь подождать не болѣе минуты не трудно. Одни-ли они, Боа-Розе? или ты еще кого-нибудь тамъ вдали видишь изъ ихъ свиты?

— Вѣтеръ такъ поднялъ песокъ и закрутилъ вихремъ! Но они одни! Ахъ! вотъ они останавливаются... кажется хотятъ остановиться и отдохнуть... смотреть то въ ту, то въ другую сторону.

Вотъ въ кожаномъ плащѣ чловѣкъ сошелъ съ лошади и идетъ къ старой ивѣ.

— Да! — сказала Фабіанъ. — Они знаютъ хорошо дорогу. Но нѣтъ ли между ними одѣтаго въ «гамюзу» на сврой лошади? Если есть, то это Кухилло.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ охотникъ, — но постойте! Чловѣкъ въ плащѣ присѣдаетъ... онъ набралъ песку въ руки и перевѣиваетъ его... онъ открылъ навѣсъ изъ лѣнъ и исчезъ за кустами... ахъ! плутъ нашель убѣжище... преслѣдуетъ охотника. Но или я много ошибаюсь или мы пойдемъ съ нимъ считаться сейчасъ-же.

Воцарилось молчаніе, въ продолженіе котораго три друга сдерживали даже дыханіе. Охотникъ продолжалъ дѣлать свои наблюденія.

— Мнѣ показалось, что веколыхалась вода на озерѣ, — сказалъ онъ, — ахъ! чловѣкъ въ плащѣ вышелъ изъ за кустовъ... онъ говоритъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и оба упали на землю и барахтаются, какъ безумцы, отъ радости у нихъ мозгъ завертѣлся, я это вижу...

Рѣдко золотоискатели находили подобный принскъ; но они одни и настала часъ, когда нужно показать имъ, что сокровище это принадлежитъ только намъ. Намъ нельзя убить этихъ христіанъ, какъ собакъ или апаховъ, что все равно, но мы напомнимъ имъ быть поскромнѣе.

Говоря это, Боа-Розе медленно поднялся, какъ огромный орелъ, прежде чѣмъ распустить мощныя и широкія свои крылья, на которыхъ съ быстротою стрѣлы несется и шумитъ изъ горныхъ областей на долину.

Убѣдившись опытомъ, что мѣста были совершенно пусты, Орохъ и Бораджа съѣли на лошадей и дали знакъ оставшимся позади ихъ дову-Эстевану и Педро-Діазу соединиться съ ними. Оба передовые хотя и были ослѣплены искрометнымъ блескомъ Золотой Долины, но

они не могли не примѣтить на пескѣ слѣдовъ, оставленныхъ Кухилло.

Они ждали только прибытія ихъ предводителя, чтобъ получить его приказанія на этотъ счетъ.

Еще прежде этого Кухилло и Пепе, эти золотоискатели одновременно почувствовали въ сердцахъ своихъ угрызенія адской страсти.

Эти темныя мѣста, эти уединенныя ущелія, увѣренность, что во всемъ лагерь они одни съ донъ-Эстеваномъ и Діазомъ подвѣются секретомъ этого головокружительнаго рудника, все это шептало ушамъ ихъ злыя совѣты. Нѣтъ сомнѣнія, что представленія, изобрѣтенныя въ легендахъ подъ видомъ пожирающихъ драконовъ суть преступленія, порожденные воззрѣніемъ на всякаго рода сокровища.

Если-бы донъ-Эстеванъ и Педро Діазъ возвратились въ лагерь, Бораджа и Орохъ остались бы одни и послѣ Орохъ и Бораджа убыли-бы другъ друга. Таковы были мысли, пробѣгавшія въ умахъ обоихъ передовыхъ въ то время, когда къ нимъ приближались оба кавалера. Вотъ что выразилъ взоръ, которымъ обмѣнялись взаимно Бораджа и Орохъ.

— Мы видѣли слѣды Кухилло, — сказалъ первый, — и если мы хотимъ его поймать, то нужно позаботливше осмотрѣть эти горы.

— Кухилло видѣлъ сокровище и потому онъ не долженъ отъ насъ улизнуть, — сказалъ другой. — Я согласенъ съ мыслію Бораджи, что онъ скрылся въ этихъ ущеліяхъ, гдѣ онъ надѣется, что мы не отыщемъ его.

Оба плута знали, что пары Туманныхъ горъ хорошо покрываютъ всякія тайны.

— Сеньоръ донъ-Эстеванъ, — сказалъ Педро-Діазъ. — Я того мнѣнія, что-бъ мы возвратились въ лагерь.

Донъ Антоніо минуту колебался; но въ эту минуту сердца Бораджи и Ороха жестоко бились.

Совѣтъ Діаза былъ одобренъ: но было уже поздно.

Засвѣшіе на высотахъ пирамиды три охотника держали на разстояніи карабиннаго выстрѣла тѣхъ, за чьими движеніями они зорко наблюдали. Теперь они уже не могли уйти.

Страшное пробужденіе разсыяло зловѣщія сны Бораджи и Ороха

— Время! — сказалъ Боа-Розе.

— Донъ-Антоніо мнѣ нуженъ живой, — бѣгло сказалъ Фабіанъ; —

распорядись такъ, чтобы это случилось, до остальнаго мнѣ нѣтъ нужды.

Какъ только онъ окончилъ слова эти, канадецъ всталъ и издалъ крикъ, вдругъ отозвавшійся въ ухахъ четырехъ новопришедшихъ путниковъ и выравннй у нихъ восклицаніе удивленія; гигантская талія и особенный костюмъ его удвоили это удивленіе.

— Кто вы и чего хотите?—закричалъ голосъ, въ которомъ Фабианъ узналъ дона Антонио.

— Кто мы?—отвѣчалъ охотникъ,—я вамъ это скажу, по сначала вы припомните неоспоримую, какъ въ моей сторонѣ такъ и въ этой пустынѣ истину, что земля принадлежитъ тому, кто первый ее открылъ. Вы не видѣли, когда мы сюда прибыли, потому что мы были до васъ уже здѣсь. И такъ мы первые хозяева этихъ земель и хотимъ, чтобы вы по добру по здорову отсюда отправлялись, куда знаете; то есть трое изъ васъ, а четвертый предается по волю нашей, второму закону пустыни, который требуетъ крови за кровь.

— Это какой-нибудь анахоретъ, которому пустыня вскружила голову, — сказалъ Педро-Діазъ.

— Берегитесь,—сказалъ Бораджа,—я знаю этого человѣка, это ужасный истребитель тигровъ, какого я когда либо видывалъ. Постой, Діазъ, вѣдь съ нимъ не справимся.

— Пусть его! — кричалъ Діазъ.

— Требовать, чтобы уступили безъ боя плацерь — право, котораго никогда не существовало.

— Западное сокровище, другъ,—закричалъ Орохъ, указывая на Золотую Долину,—лучше положить животъ свой, чѣмъ уступить его кому-нибудь.

— А вы его захотѣли?—флегматически возразилъ канадецъ.

— Слушайте,—сказалъ Педро Діазъ.—Я хочу ограничить сношенія однимъ выстрѣломъ изъ ружья.

— Нѣтъ!—вскричалъ Медіана, останавливая Діаза, — сначала посмотримъ до чего дойдетъ глупость этого чудака.

— А кто же изъ насъ, дружокъ,—закричалъ онъ тономъ ироніи,—тотъ, кого хочешь ты обречь закону пустыни?

— Ты! — кричалъ Фабианъ и поднялся вмѣстѣ съ Пепе.

— Ахъ! это все ты!—отвѣчалъ Медіана голосомъ, который задушили еще въ горлѣ бѣшенство и изумленіе.

Фабіанъ величественно поклонился.

— А ! вотъ и тотъ, кто цѣлыхъ пять дней слѣдитъ тебя по пятамъ и кто благодарить судьбу за доставленіе наконецъ ему случая отдать свой 15-ти лѣтній долгъ тебѣ ! — закричалъ Пепе.

— Кто ты ?—спросилъ донъ-Эстебанъ, напрасно стараясь разгадать того, кто имѣлъ съ нимъ дѣло.

— Пепе вотъ, столько же какъ и ты помнящій пребываніе въ столицѣ де-Гета.

При этомъ имени, которое объяснило ему угрозу Фабіана на мосту Сальто де-Агуа, донъ-Эстебанъ потерялъ вдругъ видъ презрѣнія, которое до-сихъ-поръ видно было на лицѣ его. Внезапное предчувствіе увѣдомило его, что послѣдній часъ его пробилъ и онъ безпокойно посмотрѣлъ вокругъ себя.

Высокія скалы, образующія съ одной стороны ограду Золотой Долины могли защитить ихъ отъ выстрѣловъ охотниковъ, завладѣвшихъ платформою. Разстояніе между скалами и имъ было коротко и мигъ благоразумія требовалъ, стремиться къ этой защитѣ, но возмущенная его гордость остановила его на томъ же мѣстѣ.

— Такъ мсти-же врагу, который презираетъ бѣгство !—гордо закричалъ испанецъ на отвѣтъ Пепе.

— Не говорилъ-ли я тебѣ,—прибавилъ хладнокровно этотъ послѣдній,—что мы хотимъ взять тебя живымъ ?

V.

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

На всемъ пути отважной своей карьеры воина и моряка, герцогъ Армада никогда еще не подвергался опасности страшнѣе той, которая теперь ему грозила.

Долина не представляла ему никакой защиты противъ карабиновъ канадскаго охотника и испанца. Что значили ружья въ рукахъ не-искусныхъ его всадниковъ противъ двуствольныхъ винтовокъ въ рукахъ такихъ стрѣлковъ, которыхъ глазъ не ошибался и рука не дрогла никогда и ни предъ чѣмъ ? Кроме того страшнымъ противникамъ оставалась выгода ихъ неприступнаго положенія между зуб-

чатыми скалами, за которыми они укрепились. А одинъ изъ всадниковъ уже далъ знакъ войны, который двое другіе приняли.

Донъ Антовіо не обманулся во всей обширности опасности, ему угрожавшей; но мы, желая быть къ нему справедливые, скажемъ, что храбрость его нисколько не ослабвала. Между тѣмъ такое положеніе не могло долго продолжаться: это чувствовали бывшіе и наверху и внизу долины.

— Ну, кончимъ это! — заревълъ громовымъ голосомъ канадецъ, благородство котораго отвергало выгоду превосходства своего положенія и который считалъ безсовѣстнымъ дѣломъ проливать кровь, когда этого можно было какъ-нибудь избѣгнуть. — Вы слышали все, что намъ нуженъ только одинъ вашъ предводитель и вамъ надо рѣшиться, я не скажу его намъ выдать, но предоставить намъ взять его. Вы же убирайтесь себѣ по доброй воли, если не хотите, чтобъ мы поступили съ вами, какъ съ апахами или съ тиграми.

— Никогда! — закричалъ Діазъ, — мы не допустимъ подобной низости. Вы первые пришли сюда — пусть такъ, мы уступаемъ вамъ мѣсто, но донъ Эстебанъ удалится, какъ и мы все, при полныхъ знакахъ воинской чести.

— Вздоръ! — закричалъ въ свою очередь Пепе. — Намъ именно нуженъ тотъ, кого зовутъ дономъ Эстебаномъ.

— Не противоръчьте правдѣ, — прибавилъ Фабіанъ, — вина ваша не можетъ быть виною этого человека. Мы даемъ вамъ пять минутъ на разсужденіе; по прошествіи ихъ порышать дѣло уже наши карабины и наше справедливое требованіе.

— Скажи-ка, сеньоръ донъ Тибурціо, — кричалъ Орохъ Фабіану, — въ случаѣ добровольнаго нашего удаленія отсюда позволено-ли намъ будетъ унести и достаточное количество золота?

— Ну, вотъ хоть по полной шляпѣ на cadaго? — прибавилъ Бо-раджа.

— Ни песчинки, — сказалъ Пепе, — все это золото принадлежитъ дону Фабіану.

— Кто же этотъ человекъ, кого называютъ дономъ Фабіаномъ? — спросилъ Орохъ.

— Вотъ кто! — сказалъ Боа-Розе, указывая на Тибурціо.

— Полному господину и полная честь, — сказалъ Орохъ, приветствуя Фабіана выраженіемъ ненависти и злобы, которыя пробудило въ

снемъ это баспословное богатство. Пепе, пользуясь молчаніемъ, послѣдовавшимъ за словами длинноволосаго гамбузино, тихо сказалъ канадцу :

— Благородство можетъ вамъ дорого обойтись, Боа-Розе ! Позволить возвратиться этимъ жаднымъ коршунамъ въ лагерь, значить покликать на себя ихъ шайку ; ясно, что она разбила индѣйцевъ, я говорю вамъ, что этому народу не нужно вовсе возвращаться отсюда . . . . Они не захотятъ удалиться отсюда, вотъ почему я отказываю имъ въ песчинкѣ золота.

— Можетъ быть ты правъ, — отвѣчалъ Боа-Розе съ видомъ задумчивости, — по я далъ имъ свое честное слово и не беру его назадъ.

Пепе не обманулся. Непрочная вѣрность Ороха и Бораджи существовала-бы недолго въ виду драгоценнаго сокровища, которое они видѣли, если бы имъ было дозволено взять изъ него какую-либо часть, а отказъ испанца возбудилъ у этихъ двухъ авантюристовъ сильный гнѣвъ, заступившій мѣсто вѣрности въ отношеніи къ предводителю ихъ.

— Лучше умереть здѣсь, чѣмъ отступить хоть на одинъ шагъ ! — кричалъ отчаянный Орохъ.

— Bravo ! — сказалъ про себя Пепе

— Вамъ остается только двѣ минуты на рѣшеніе ! — кричалъ Боа-Розе, котораго внимательно наводимый на трехъ всадниковъ карабинъ раздвигалъ и ломалъ сухую траву платформы. — Повѣрьте мнѣ и не заставляйте насъ проливать кровь ; есть еще время. Уходите, уходите ! время драгоценно.

Въ продолженіе всего этого Медіана, поднимая голову, сохранялъ глубокое молчаніе.

Непоколебимый въ чувствѣ рыцарской чести, Педро Діазъ рѣшился умереть подлѣ своего предводителя и зная, какъ драгоценна жизнь его для страны, онъ взглядомъ своимъ совѣтовалъ дону Эстевану.

— Воротись въ лагерь, — говорилъ испанскій сецъоръ. — Оставьте человека отнынѣ бесполезнаго для васъ и потомъ вы придете мстить за смерть мою.

Но Діазъ былъ неподвиженъ статуи ; потомъ ловкій всадникъ, не дотрогиваясь ни рукой ни ногой до лошади своей, приблизился къ донъ-Эстевану, и коснувшись уже коленями своими испанца, онъ снова сталъ неподвиженъ, какъ статуя.

Такимъ-то образомъ, не двигая губами и не отводя взора своего от канадскаго охотника, онъ улучил время шепнуть своему предводителю :

— Привстаньте на стремена, подберите поводья вашей лошади... и позвольте мнѣ сдѣлать.

Въ продолженіе всего этого времени охотникъ не спускалъ зоркихъ своихъ глазъ со всѣхъ движеній своихъ противниковъ.

Донъ Эстеванъ сдѣлалъ знакъ рукой, какъ бы прося отсрочки.

— Орохъ, Бораджа, — сказалъ онъ имъ такъ громко, какъ только нужно было, чтобъ слова его дошли до платформы скалы, — лагерь нуждается въ защитникахъ своихъ, ступайте въ лагерь съ благороднымъ и храбрымъ Діазомъ, который да будетъ отнынѣ предводителемъ вашимъ. Скажите войнамъ нашимъ, что такъ я приказалъ, что такова послѣдняя воля моя.

Орохъ и Бораджа съ явнымъ негодованіемъ слушали приказанія дона Эстевана, но въ глубинѣ души своей каждый изъ этихъ авантюристовъ думалъ, что хотя очень прискорбно для сердца не запустить жадныхъ рукъ своихъ въ кучи золота тамъ разсыпаннаго, но лучше однакожъ покориться скромности и сохранить жизнь свою, въ надеждѣ рано или поздно снова посѣтить Золотую Долину. И такъ они рѣшились не дожидаться, пока ихъ убьютъ.

— Держу пари, — сказалъ Пепе, — что тотъ повѣса, который подобралъ свои длинные волосы, также точно какъ и товарищъ его, что въ кожаномъ плащѣ, никогда не стануть слушаться приказаній своего предводителя. Но, прахъ ихъ побори, мнѣ кажется, что въ одномъ изъ нихъ я узнаю того плута, который выстрѣлилъ по намъ въ роцъ.

— Я его не знаю, — отвѣчалъ Боа-Розе. — Я былъ отъ нихъ такъ далеко, что не могъ замѣтить ихъ наружности, да и что мнѣ въ нихъ

Въ это время Бораджа, въ свою очередь, сдѣлалъ знакъ рукой.

— Наше дѣло только повиноваться своему предводителю, — сказалъ онъ, — и хотя-бы это стоило нашей гордости, мы сдаемся.

— Исторія полна капитуляцій, — прибавилъ Орохъ, — и я не думаю, чтобы безчестно было сдаваться неприятелю, когда между воюющими сторонами силы неравны. И такъ мы просимъ васъ, сеньоръ донъ-Фабіанъ, также и двухъ друзей вашихъ, позволить намъ разстаться. Не замѣчая презрительнаго взгляда, брошеннаго на нихъ

Діазомъ, оба достойные другъ друга товарищи, снявъ свои шляпы и поворотивъ назадъ своихъ коней, начали было удаляться, какъ вдругъ съ громомъ раздался выстрѣлъ изъ карабина Пепе и покатылся по долинь.

— Милльонъ бомбъ! — страшнымъ голосомъ закричалъ старый карабинеръ. — Развѣ вамъ позволено удаляться съ оружіемъ и багажемъ?

— Мы этого ожидали, — кричалъ Орохъ, — въ противномъ-же случавъ, не угодно-ли вамъ взять наше оружіе!

— Бросьте его въ озеро и убирайтесь, — отвѣчалъ Пепе.

— Пусть такъ, — сказалъ Бораджа, взявшись за свой карабинъ, какъ-бы желая его бросить прочь отъ себя; но вмѣсто того, онъ быстро уставилъ его въ плечо свое и выстрѣлилъ на вершину возвышенія.

— Вотъ какъ! — кричалъ взбѣшенный Пепе, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія даже тогда, когда въ свою очередь и Орохъ сдѣлалъ знакъ товарищу своему слѣдовать его примѣру.

Но гамбузино, вмѣсто того, чтобы прицѣлиться, далъ сильныя шпоры своей лошади и оба всадника исчезли за оградой скалъ по одной сторонѣ Золотой Долины.

— Это твоя ошибка, Боа-Розе, ты слишкомъ великодушенъ, и этихъ двухъ негодяевъ рано или поздно, но мы должны будемъ выбросить изъ ихъ укрѣпленія. Ахъ! зачѣмъ не слушалъ я себя?

Канадецъ поднялъ плечи и бормоталъ какую-то брань, когда донъ-Эстеванъ, казалось, рѣшился на самое отчаянное дѣло.

— Наклонитесь, ради Бога, Фабианъ, — кричалъ онъ, — плугъ хочетъ стрѣлять.

— Передъ убійцей моей матери? Никогда! — закричалъ Фабианъ, продолжая стоять прямо.

Но съ быстротою мысли рука канадца упала на его плечи и заставила его пасть на колѣни.

Напрасно донъ Эстеванъ искалъ цѣли для двухъ своихъ выстрѣловъ. На платформѣ не видно было ничего, кромѣ страшнаго и направленнаго на него карабина Боа-Розе. Впрочемъ охотникъ, не желая ослушаться приказаній Фабиана, не хотѣлъ кончить борьбу, поваливъ пулей съ лошади чловѣка, котораго сынъ его хотѣлъ взять живымъ.

Діазъ столько-же храбрый, сколько смѣтливый и ловкій, рѣшился

на планъ, котораго онъ видѣлъ только конецъ, не подозрѣвая въ немъ страшнаго окончанія; онъ вскрикнулъ на лошадь Эстеваиа и помѣстился какъ разъ за спиною своего предводителя.

Неустрашимый партизанъ обвилъ своими руками кавалера, схватилъ поводъ его лошади, поставилъ ее на дыбы, круто повернулъ ее назадъ и закрывъ тѣломъ своимъ, будто щитомъ, своего предводителя, котораго рѣшился спасти цѣною собственной жизни, онъ быстро поскакалъ.

Между-тѣмъ какъ Фабіанъ и Пеле, одушевленные одинаковыми страстями, ползли вдоль крутыхъ боковъ холма, Буа-Розе, слѣдилъ своимъ карабиномъ, котораго стволъ укрѣплялся на его рукахъ, какъ на желѣзной подставкѣ, за скокомъ лошади на долину. Два кавалера, пробѣгая по прямой передъ нимъ линіи, казалось, были тѣломъ одного человека. Задъ лошади, плечи Діаза — вотъ единственная цѣль для пули его. Голова лошади иногда только выглядывала изъ за своего тѣла. Обрѣкшійся на жертву, Діазъ былъ бесполезною защитою; уже донъ Эстеваанъ уходилъ, еще минута и бѣглецы были-бы внѣ цѣли карабина охотника, но канадецъ былъ изъ той породы стрѣлковъ, которые влѣвливаютъ пули въ глаза выдры или бобра, чтобы не испортить шкуры; а въ этотъ моментъ голова лошади была цѣлью стрѣлка. Вдругъ голова благороднаго скакуна, уносившаго двухъ всадниковъ и поддавшаяся обаянію смерти, уклонилась слегка въ сторону, и этой секунды уклоненія было довольно для канадца. Вдругъ выстрѣлъ, пуля просвистѣла такъ близко щекъ съдоковъ, что тѣло ихъ вздрогнуло — вотъ и все, что услышали два повалившіеся на землю всадника съ лихаго кося, котораго въ мигъ сразила мѣткая пуля канадскаго стрѣлка.

Мучительно ушиблись отъ паденія донъ Антоніо де-Медіана и Педро Діазъ, едва могли встать, какъ съ оружіемъ въ рукахъ подбѣжали къ нимъ Фабіанъ и испанецъ. За ними медленно шагали своими гигантскими ногами канадецъ, снова заряжая свой карабинъ.

Окончивъ свой трудъ, онъ остановился неподвиженъ, какъ обезвѣтвленный дубъ.

Всегда преданный, даже до последней минуты, Педро Діазъ, схвативъ выпавшее изъ рукъ донъ Эстеваиа ружье, бросился впередъ, отдавъ ему свое.

— Будемъ драться до смерти! — кричалъ онъ, выхвативъ свой длинный ножъ изъ седла павшей лошади.

Ставъ на ноги, испанецъ приложилъ къ плечу ружье и оставался съ минуту въ нерешимости въ кого перваго стрелять — въ Фабіана или Пепе? Но канадецъ наблюдалъ издали. Еще донъ Эстебанъ не успѣлъ прицѣлить въ Фабіана, въ жертву имъ уже назначенную, какъ Боа-Розе выстрѣлилъ и пуля вышибла изъ рукъ Эстебана ружье, оторвавъ стволъ его отъ ложа.

Карабинъ выпалъ изъ рукъ Эстебана, а самъ онъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ на песокъ.

— Наконецъ! послѣ пятнадцати лѣтъ! — вскричалъ Пепе, бросаясь на Антонио и упирая кольна свои въ его грудь.

Напрасно хотѣлъ противиться испанецъ. Его рука, отерпшая отъ удара, выронила карабинъ и отказалась во всякой услугъ. Пепе скинулъ свой шерстяной поясъ и крѣпко скрутилъ имъ по рукамъ и ногамъ своего врага.

Діазъ не могъ подать ему помощи. Онъ защищался противъ Фабіана.

Фабіанъ едва звалъ Педро Діаза. Не больше четырехъ разъ онъ видѣлъ его въ гаціандѣ del Venado; но благородство его поведенія пробудило въ сердцѣ молодаго челоуька теплое сочувствіе; и онъ рѣшился пощадить его жизнь.

— Сдайся, Діазъ! — кричалъ онъ, уклоняясь отъ кинжала, который направилъ на него авантюристъ, рѣшившійся лучше умереть, чѣмъ сдаться. Въ продолженіе того, какъ испанскій охотникъ вязалъ Антонио, между Фабіаномъ и Діазомъ происходила борьба, равная по обоюдной ловкости и быстротѣ.

Считая безчестнымъ употребить огнестрѣльное оружіе противъ непріятеля, защищавшагося однимъ кинжаломъ, Фабіанъ пытался только обезоружить своего противника; но, ослѣпленный мщеніемъ Діазъ не замѣтилъ благородныхъ дѣйствій графа де-Медіаны.

Держа въ одной рукѣ ружье, и защищаясь огромною дубиной въ другой, графъ де-Медіана успѣлъ ударить противника по рукѣ, вооруженной кинжаломъ и угрожавшей ему всякую минуту.

Но онъ имѣлъ дѣло съ антагонистомъ не менѣе, какъ и онъ самъ, ловкимъ и сильнымъ. Прыгая то вправо, то влѣво, Діазъ избѣгалъ ударовъ Фабіана, и въ минуту, когда молодого челоуька,

увѣренный, что отшибъ руку мексиканца, промахнулся нарочно ударомъ, ножъ противника, какъ громовая стрѣла, вновь скользнулъ почти по самому его тѣлу.

Не заряжая вновь своего карабина, Боа-Розе рѣшился кончить эту борьбу, въ которой благородство Фабіана могло сослужить ему дурную службу, а Пепе, лишивъ всякой возможности Антонио принять участіе въ сраженіи, возвращался уже къ сражавшимся.

Угрожаемый со стороны трехъ храбрецовъ, мексиканецъ не хотѣлъ умереть безъ отмщенія. Онъ быстро занесъ назадъ руку и пустил въ Фабіана ножомъ своимъ какъ стрѣлою. Но Фабіанъ не терялъ ни одного движенія своего противника и когда кинжалъ, свистя, вырвался изъ рукъ Діаза, направленный въ грудь его карабинъ Фабіана, встрѣтился на лету съ мстительнымъ оружіемъ мексиканца. Сбитый съ направленія своего кинжалъ, углубился въ песокъ въ некоторомъ разстояніи отъ Фабіана, который въ это время поразилъ Діаза огромною дубиною.

— Демонъ, — кричалъ Пепе, схвативъ своими мощными руками руку обезсиленнаго Діаза, — неужели тебя пулею убить, чтобъ только заставить сдаться?... Вы не ранены, Фабіанъ, ну, слава Богу! безъ этого.... ну, другъ, что намъ теперь дѣлать съ тобой?

— Тоже самое, что сдѣлали вы съ этимъ благороднымъ кавалеромъ, — отвѣчалъ задыхавшійся мексиканецъ и взоромъ показалъ на дона Эстевана, лежавшаго на песокъ.

— Не напрашивайся въ дѣлежъ его жребія, дни этого человѣка уже сочтены.

— Каковъ-бы онъ ни былъ, я могу его разделить, — возразилъ Діазъ, тщетно пытаясь бороться съ превосходной силой испанскаго охотника, — я не принимаю отъ тебя ни пощады, ни благодарности.

— Не шути съ нашимъ гнѣвомъ, — кричалъ Пепе, котораго сильныя страсти уже загорѣлись, — я не имѣю обычая давать въ другой разъ пощаду врагамъ своимъ.

— Я знаю средство заставить его принять милость, — сказалъ, поднимая ножъ Діаза, Фабіанъ. — Пусти его, Пепе.... съ человѣкомъ такого сердца, какъ Діазъ, есть средство сойтись. Тонъ Фабіана не позволилъ возражать, и Пепе развязалъ ремни, жестоко скрутившіе мексиканца. Удивленный, но съ улыбкой презрѣнія, мексиканецъ

огненнымъ взглядомъ постепенно пересматривалъ трехъ своихъ противниковъ.

— Я слушаюсь,—сказалъ Пене, скользя кинжаломъ своимъ по ногамъ его.

— Хорошо,—сказалъ Фабианъ съ улыбкой, расположившей къ себѣ сердце Діаза; — я зналъ, что съ нимъ такъ случится....

И вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ :

— Ты находишься, самъ того не зная, между преступленіемъ и справедливымъ мщеніемъ, которое его преслѣдуетъ. Знаешь-ли ты того чловѣка, для спасенія котораго ты жертвовалъ жизнью и тѣхъ, которые хотягь великодушно пощадить его? Знаешь-ли ты, что мы имѣемъ право требовать у предводителя, котораго ты знаешь безъ сомнѣнія только подъ именемъ дона Эстевана Арехизы, страшнаго отчета за прошедшее, которое тебя неизвѣстно? Отвѣчай въ полной откровенности своей совѣсти на все вопросы, которые я хочу тебя предложить, и рѣши потомъ на чьей сторонѣ правосудіе и истинное право.

Удивленный этою рѣчью, Діазъ слушалъ молча, и Фабианъ продолжалъ.

— Если-бы тебя по рожденію принадлежали знатность рода, наслѣдство огромнаго состоянія, титулъ свѣтлости, и если-бы чловѣкъ, чтобы лишить тебя состоянія и имени, и присвоить ихъ себѣ, бросилъ тебя въ ничтожество—быль-бы ты другомъ такого чловѣка?

— Я былъ-бы его врагомъ, — сказалъ Діазъ.

— Если-бъ этотъ чловѣкъ,—продолжалъ Фабианъ,—чтобъ изгнать даже изъ памяти то, что предоставила тебѣ природа, убилъ даже мать твою, — то чего-бы онъ заслуживалъ?

— Наказанія по возмездію. Ударъ за ударъ, кровь за кровь, это законъ у дикихъ обитателей пустыни.

— Если-бы послѣ озлобленнаго преслѣдованія въ продолженіе многихъ дней, среди постепенно возрастающихъ опасностей, жребій оружія привелъ наконецъ въ твои руки похитителя твоего имени и мучителя матери твоей, исполниль-ли-бы ты надъ нимъ приговоръ, на который самъ сослался.

— Безъ сомнѣнія.

— Ну, хорошо, Діазъ,—возрѣзалъ Фабианъ,—меня лишили моего

имени, моего состоянія, и заръзали мою мать; на днѣ пропасти, въ которую ввергли меня, я не могъ измѣрить высоты, съ которой меня толкнули; я преслѣдовалъ мучителя своей матери и похитителя имени моего; жребій оружія привелъ его въ мои руки и вотъ онъ!

Окопчивъ эти слова, которыхъ звукъ не могъ достигнуть ушей пльнника, Фабианъ указалъ Діазу пальцемъ на графа де-Медіана, котораго судьба предала ему.

Облако печали помрачило глаза авантюриста при взглядѣ на предводителя, надъ которымъ онъ самъ, того не предвидя, пропзнесъ свое мнѣніе, потому что врожденное челоуьку чувство неумолимой справедливости говорило Діазу, что Эстеванъ достоинъ своей участи.

Діазъ печально опустилъ голову, глубоко вздохнулъ и остался безмолвенъ. Между-тѣмъ какъ совершались эти происшествія въ уголкѣ безпредельной пустыни, дѣйствующія лица драмы могли-бы замѣтить, какъ Кухилло, скинувъ съ головы своей зеленую шляпу, бросилъ жадный взглядъ на золотую пустыню и весь мокрый, подобно одному изъ злыхъ духовъ, которыми суевѣріе индѣйцевъ населило мрачныя горы, вышелъ изъ озера.

Но торжественность обстоятельствъ поглощала все вниманіе Діаза, Боа-Розе и двухъ товарищей его.

VI.

Увлеченные быстротою происшествій, описанныхъ въ предыдущей главѣ, Фабианъ, Боа-Розе и испанскій охотникъ совершенно забыли на некоторое время объ отсутствіи Бораджи и Ороха.

Легко было-бы разгадать мысли, гнѣздившіяся въ головѣ этихъ двухъ негодяевъ еще за нѣсколько времени до катастрофы, въ слѣдствіе которой они очутились одни безъ своихъ товарищей, какъ казалось за тѣмъ, чтобъ почувствовать свое взаимное расположеніе, когда они остались одни.

Первый выстрѣлъ изъ карабина, который слышали они во время своего бѣгства (это былъ тотъ самый, который убилъ лошадь донна Эстевана подъ двумя ея всадниками), пробудилъ въ сердца ихъ радость. Одинъ изъ обладателей чудеснаго секрета безъ сомнѣнія былъ поглощенъ безмолвною смертію Другой, вѣроятно, тоже не замедлитъ послѣдовать за нимъ.

Почувствовавъ свою безопасность за крутыми скалами, съ запада замыкающими оградой Золотую Долину, оба путника, не теряя времени, удалялись отъ мѣста, угрожавшаго ихъ жизни. Эта цѣпь скалъ съ какою-то пріятностью спускалась въ долину и сливалась съ Туманными Горами, охватывая ихъ зеленѣвшими оковами.

По этой оградѣ, двумъ авантюристамъ нетрудно было пробраться въ непроникаемая убѣжища Сіэры. Они не замедлили расположиться на отдыхъ въ глубокой пропасти, на днѣ которой покрытые парами, носившимися въ воздухъ, они могли оставаться въ полной безопасности.

Здѣсь, радость овладѣла ихъ сердцами, и испытываемыя ими чувства въ первыя минуты были слишкомъ живы и выразились въ душевномъ разговорѣ.

— Позволь мнѣ, сеньоръ Орохъ, — сказалъ Бораджа, — поздравить тебя съ избавленіемъ отъ этихъ необходимыхъ тигробоевъ.

— Тѣмъ охотнѣе, сеньоръ Бораджа, что если-бы пуля раздробила твоей черепъ:—эти воплощенные дьяволы обладаютъ баснословною способностію поражать людей въ голову, — то тебѣ тогда было-бы довольно трудно принять мои поздравленія, и я очень радъ видѣть тебя еще въ живыхъ.

Къ чему Орохъ подкрашивалъ истину. Въ глубинѣ души, не отдавая впрочемъ себѣ отчета отчего, ему хотѣлось оставаться лучше одному. Сосѣдство сокровища обыкновенно возбуждаетъ въ подобныхъ негодяхъ эти внезапныя желанія одиночества.

Быть можетъ, комплименты Бораджи не столько были чистосердечны какъ и Ороха, и сомнительно, чтобъ привычка охотниковъ мѣтить въ голову враговъ своихъ для него была опаснѣе, чѣмъ для гамбузино, если-бы этотъ остался ея жертвою.

Дѣло въ томъ, что въ слѣдствіе одинаковости своихъ понятій, источника ихъ тѣсной дружбы, эти негодяи сдѣлались вдругъ мечтателями.

Выстрѣлъ изъ карабина, повторенный въ горахъ эхомъ, прервалъ ихъ симпатическій бредъ.

— Это второй уже выстрѣлъ, возмущившій глубокую тишину этихъ пустынь. Первый долженъ былъ раздробить черепъ Діаза и мнѣ прискорбно думать, что и второй окончилъ тѣмъ-же походы дона Эстевана! — вскричалъ Орохъ, худо скрывавшій живѣйшее желаніе

Остаться единственнымъ обладателемъ сокровищъ Золотой Долины.

— Я начинаю думать, — отвѣчалъ съ какою-то разсыянностью Бораджа, — что эта пустыня опасна для одинокихъ людей, какъ мы теперь.

— Сагамба! — подумалъ Орохъ, — другъ мой Бораджа не хочетъ-ли этимъ сказать, что и я для него лишній?

— А за чѣмъ ты заряжаешь свой карабинъ, сеньоръ Орохъ? — живо спросилъ Бораджа у своего друга.

— Развѣ можно знать, что можетъ случиться въ этихъ пустыняхъ? Знаешь-ли, нужно готовиться ко всему.

— Правда, нельзя знать, что можетъ случиться.

Сказавъ это, Бораджа, по примѣру своего друга, зарядилъ тоже свой карабинъ и сталъ держать его на готовъ.

Въ туманъ горъ вдругъ раздался подземный гулъ и будто злой духъ, забавлявшійся борьбою страстей, которыя возбуждала Золотая долина, своимъ гробовымъ голосомъ заставилъ вздрогнуть обоихъ бѣглецовъ.

— Ахъ, что дѣлать теперь? — закричалъ Орохъ, котораго страсть къ уединенію, сначала незначительная, развилась теперь страшнымъ образомъ.

— Сильны-ли мы на столько, чтобъ одолеть трехъ охотниковъ? нѣтъ! въ такомъ случаѣ намъ должно возвратиться въ лагерь, — отвѣчалъ Бораджа, — и оттуда уже поражать этихъ похитителей сокровищъ Золотой Долины.

— Оправимся же поскорѣе! — кричалъ Орохъ.

— Не станемъ терять ни минуты, — прибавилъ Бораджа. Но ни тотъ ни другой не тронулись съ мѣста, по самой простой причинѣ: имъ обоимъ не хотѣлось открыть путь въ Золотую Долину тѣмъ хищнымъ коршунамъ, которые оставались въ ихъ лагерь. Они считывали довольно основательно, что хотя каждый изъ трехъ охотниковъ и унесетъ порядочно золота, то имъ останется за тѣмъ гораздо больше, чѣмъ если, подъ ихъ предводительствомъ, цѣлый отрядъ авантюристовъ расхититъ богатяя сокровища.

И вздыхая, каждый изъ нихъ ясно рисовалъ самъ эту дѣвственную Золотую Долину уже наводненною, обезображенною жадными ихъ товарищами, а на разрытой поверхности ея они видѣли слѣды ихъ нечистаго прохода. Какъ голодные шакалы, подстерегающіе ло-ол

вище льва, чтобы пожрать остатки его пира, Орохъ и Бораджа, не признаваясь въ томъ другъ другу, хотѣли выждать удаленіе охотниковъ, присутствіе которыхъ они страшились.

— Послушай,—сказалъ Бораджа,—я хочу быть съ тобой пооткровеннѣе.

— Какой вздоръ понесетъ мнѣ этотъ негодяй,—думалъ про себя Орохъ.—Я лучшей награды отъ тебя не ждалъ,—сказалъ онъ громко.

— Ты опасаясь, что на возвратномъ пути въ лагерь мы не съумѣемъ укрыться?

— Твоя дальновидность меня удивляетъ, — прибавилъ Орохъ.

— Очень натурально,—продолжалъ Бораджа съ видомъ очаровательнаго добродушія, — двое замѣтнѣе одного.

— Яснѣ всего читается чловѣкъ въ его мысляхъ! — отвѣчалъ въ свою очередь Орохъ такимъ тономъ, что Бораджу поразилъ на нѣсколько минутъ страхъ.

— Ладно! такъ какъ ты раздѣляешь мои мысли, то раздѣлишь также и мой совѣтъ,—сказалъ Бораджа.

— Я принимаю его ужъ прежде, чѣмъ знаю; никогда я не былъ полуоткровененъ съ друзьями моими.

— Не значить-ли это, что ты всегда вполне имъ не доверялъ?

— Охъ! сеньоръ Бораджа, — говорилъ Орохъ, драпируясь съ видомъ оскорбленнаго чистосердечія въ тряпки, которыя онъ называлъ плащомъ,—я постоянно грѣшу излишествомъ противнаго.

— Мой совѣтъ, чтобъ безопасно достигнуть лагера и избавиться отъ охотниковъ, которые мѣтять всегда въ голову, — намъ не дурно было-бы пойти по различнымъ дорогамъ.

— Слова твои—золото, сеньоръ Бораджа.

— Это уже вліяніе почвы и я постараюсь первый показать тебѣ примѣръ.

— Минуту еще!—сказалъ Орохъ,—гдѣ-же мы соединимся потомъ?

— На рѣкѣ. Первый пришедшій туда, будетъ ждать другаго.

— И долго будетъ ждать?—спрашивалъ Орохъ съ забавною наивностію.

— Это будетъ зависеть отъ терпѣнія перваго туда прибывшаго, и отъ степени любви его къ своему другу.

— Чортъ побери! — возразилъ Орохъ, — значить мнѣ придется ожидать долю, когда-бы я пришелъ первый, и тебя

печистый занесъ бы въ пропасть или пуля раздробила-бы тебѣ черепъ.

— Излишняя откровенность съ твоей стороны меня нисколько не удивляетъ, — отвѣчалъ Бораджа тономъ обвиненнаго, — но я не принимаю ее. Дружба должна имѣть также свои предѣлы. Ежели ты съ этимъ согласенъ, то мы назначимъ часъ срока, послѣ котораго....

— Первый пришедшій отправится въ лагерь, оплакивая своего друга....

За этимъ оба бандита взяли дороги, одну отъ другой постепенно расходящіяся, долго шли по нимъ въ виду другъ друга, пока наконецъ каждый исчезъ въ вѣчномъ туманѣ горъ.

Когда Бораджа потерялъ изъ виду гамбузино, плащъ котораго развѣвалъ утренній вѣтеръ, то остановился и посмотрѣлъ вокругъ; но остановился онъ вовсе не затѣмъ, чтобъ измѣрить разстояніе отъ мѣста, гдѣ онъ находился теперь и извилины рѣки, куда шель.

Мы не надѣемся удивить, если скажемъ, что Бораджа, не столько заботился о скорѣйшемъ возвращеніи въ лагерь, какъ о томъ, чтобъ избавиться отъ охотниковъ, которыхъ ужасно боялся. Онъ не былъ слишкомъ и простъ; онъ искалъ просто удобнаго и безопаснаго мѣста для короткаго отдыха, предоставляя Ороху, въ ожиданіи назначеннаго свиданія, даже и простудиться.

Между-тѣмъ жадный золотоискатель не слишкомъ расположенъ былъ удаляться. Обстоятельства съ самаго утра приняли для него столь счастливый оборотъ, что онъ уже рассчитывалъ на новую удачу избѣжать въ этомъ гесперидскомъ саду страшныхъ драконовъ, которые берегли золотые плоды.

Но Бораджа не принималъ въ расчетъ ни страшныхъ хозяевъ пустыни, ни симпатіи своего друга.

Не подалеку отъ него, углубленіе въ скалу образовало родъ логовища, котораго внутренность устлана была длинною сухой травой, еще недавно смятой серною, которая, какъ казалось, въ предшествующую ночь имѣла тамъ ночлегъ свой.

Бораджа сошелъ съ лошади и размундштучивъ ее, пустилъ пасть на траву, потомъ вынулъ изъ небольшого мѣшка горсть простой мансовой муки, смѣшалъ ее въ водѣ, которой налилъ изъ мѣха, и составилъ такимъ-образомъ питательный завтракъ.

Между-тѣмъ крикъ вороновъ въ туманъ отдавался какъ-то печально. Образуемые постоянно влажностію магнетическихъ верхушекъ

Сіэры, потоки воды напъвали по скаламъ какія-то грустныя пьсни, иногда молнія обрисовывала въ волнахъ тумана какіе-то зловщіе фантомы; но въ авантюристъ, закутавшемся въ плащъ, эти дикія картины производили только дрожь пріятнаго чувства.

Напрасно Бораджа пытался заснуть хоть на минуту, — Золотая Долина, искрясь, проносилась и подъ закрытыми его глазами, и прогоняла сонъ. Ему чудилось, будто два блудящихъ огонька плясали въ головѣ его, подобно тьмъ вихрящимся лучамъ, которые оставляетъ солнце въ ослепленныхъ глазахъ того, кто дерзнетъ посмотреть прямо въ его ослепительный кругъ. Наконецъ внезапная и страшная мысль, что, быть-можетъ, Орохъ выжидалъ только легкой дремоты, чтобъ на него напасть и отдѣлаться отъ своего пріятели, — заставила его вздрогнуть.

Бораджа всталъ и внимательно посмотрѣлъ вокругъ себя; но все было покойно, только пустынный вѣтръ напъвалъ въ ухахъ его свою жалобную пьсню.

— Ба! — сказалъ онъ про себя, ложась снова; — Орохъ подождетъ меня-минутъ пять, и потомъ отправится въ ...

Бораджа не окончилъ своей фразы, какъ вѣтеръ донесъ довольно ясное ржаніе до его слуха.

— О, охъ! — думалъ онъ, — едвали Орохъ станетъ въ горахъ ожидать меня?

Проворно замундштучивъ свою лошадь, которая, будучи осторожнѣе своего хозяина предпочитала сухую траву всѣмъ соковыщамъ Золотой Долины, Бораджа выхватилъ изъ сѣдла карабинъ.

Не прошло и минуты, когда онъ примѣтилъ почти у ногъ своихъ зрѣлище столько-же безпокойное, сколько и неожиданное. Мѣсто, гдѣ находился Бораджа, былъ мостъ въ одну арку, брошенный черезъ одинъ изъ рукавовъ рѣки, которымъ она проложила себѣ проходъ сквозь цѣпь Туманныхъ горъ.

Этотъ неширокій и неглубокій потокъ исчезалъ подъ ногами Бораджи и, пробѣжавъ подъ землею довольно значительное пространство, образовывалъ и питалъ озера, недалеко отъ Золотой Долины.

Березовой коры челнокъ, на которомъ были два человека, плылъ по теченію воды, и къ счастью для авантюриста, съ удивленіемъ посмотрѣвшаго на это явленіе, потомъ вдругъ исчезъ подъ аркой скалы.

Бораджа между-тѣмъ успѣлъ подробно замѣтить странный костюмъ незнакомцевъ. Такъ какъ черезъ нѣсколько времени они будутъ играть замѣчательную и страшную роль, то на досугѣ мы опишемъ ихъ въ своемъ мѣстѣ.

Казалось, что пустыни эти вдругъ сдѣлались мѣстомъ сходбища одного или многихъ представителей всякаго класса людей, странствующихъ по американскимъ пустынямъ.

Бораджа не зналъ, что и дѣлать въ минуту волненія и удивленія. Едва исчезли два пловца, какъ новый источникъ ужаса открылся золотоискателю.

Обезпокоившись только-что слышаннымъ ржаньемъ, Бораджа сталъ присматриваться вокругъ себя; а время проходило.

Въ пустынь, съ карабиномъ въ рукѣ, медленно приближался къ нему человекъ, направивъ стволъ ружья прямо въ него.

Человекъ этотъ былъ знакомъ ему: это былъ Орохъ.

Желая укрыться отъ угрожающаго ему удара и удобиве прицѣлиться, Бораджа прыгнулъ съ лошади; грохотъ заливагося смѣхомъ незнакомца долетѣлъ до него вмѣстѣ съ слѣдующими словами:

— Слава Богу! синьоръ Бораджа, издали ты такъ похожъ на Кухило, что я хотѣлъ было съ твоей персоной сыграть штуку, которую оплакивалъ-бы. . .

— До втораго случая, — прервалъ его насмѣшливо Бораджа.

— А можетъ-быть и дольше. Но, сеньоръ Бораджа, такъ какъ мы друзья съ тобой уже по странъ; то не мѣшаетъ намъ теперь себя обезоружить. Какъ тебѣ это кажется?

— Съ охотой, — отвѣчалъ Бораджа, заботившійся не меньше своего друга объ опасной дуэли, которою онъ располагалъ поподчивать пріятеля потомъ, заманивъ его прежде въ западню.

И вскинувъ на плечи карабины, оба поспѣшили другъ къ другу, хотя и мирно, но съ готовностію хотъ тотчасъ-же подрасться.

— Кто не усумнился бы, что ты здѣсь? — закричалъ Орохъ.

— И ты тоже? — сказалъ Бораджа.

— Воздухъ горъ для меня такъ спасителенъ, — безстыдно замѣтилъ Орохъ.

— А мнѣ продолжать путь помѣшало изумленіе мое. Я очень подверженъ этимъ изумленіямъ. . . — отвѣчалъ болезненнымъ тономъ Бораджа.

Два достойные товарища согласились, что каждый съ своей стороны имѣлъ очень уважительныя побужденія не удаляться отъ Золотой Долины, и снова поклялись въ откровенности про всякій случай. Потомъ Бораджа сообщилъ Ороху о своей странной встрѣчѣ.

— Вотъ то то и есть! — сказалъ Бораджа, — ты самъ теперь видишь наконецъ, что интересъ нашъ требуетъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, чтобы мы были неразлучны. Возвратимся же лучше въ лагерь вмѣстѣ: и послѣ, когда захочешь, прійдешь сюда опять подышать горнымъ воздухомъ.

— А у тебя болѣе нѣтъ изумленія?

— Да вѣдь оно у меня было отъ тоски, что я разстался съ тобою.

— И такъ въ дорогу!

Но новый случай замедлилъ снова путь двумъ негодяямъ.

Въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ на соединеніи своемъ, отдыхали два эти пріятеля, проложенная сернами узкая тропинка, змѣясь, вела на высоты. По ней, легко было пройти въ скалы за гробницей пирамиды и оттуда незаметно пробраться въ долину, куда не достали-бы карабины Боа-Розе и Пепе.

— Пойдемъ этой тропинкой, — сказалъ Орохъ Бораджъ. — За чѣмъ долго колебаться? покажи мнѣ дорогу и я послѣдую за тобою.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, — сказалъ Бораджа, — я слишкомъ учтивъ, чтобы позволить себѣ это сдѣлать!

— О! — возразилъ Орохъ, — развѣ друзья чинятся между собою?

— Но лошадь моя пуглива, сеньоръ Бораджа, клянусь честью! ты окажешь мнѣ услугу, выступивъ первый, но долго вѣхать намъ по этой тропинкѣ невозможно, потому что она очень тѣсна.

— Видишь-ли? будь, ради Бога, откровененъ; вѣдь ты не заботишься о томъ, чтобы возвратиться въ лагерь.... — сказалъ Бораджа.

— Ты тоже, кажется, заботишься не болѣе моего.

— Ты не любишь меня, сеньоръ Бораджа.

Бораджа бросилъ на своего пріятеля взглядъ ироніи.

— Не отказывайся отъ этого, сеньоръ Орохъ, — сказалъ онъ, — ты хочешь заставить меня вѣхать впереди за тѣмъ, чтобы сзади повалить меня ударомъ карабина.

— Ахъ! какъ ты могъ это подумать? — возразилъ Орохъ.

— Э, я и самъ имѣю желаніе отдѣлаться отъ тебя.

— Твоя откровенность вызвала мою, — возразил длинноволосый гамбузино. — Я давно испытываю эту мучительную идею; но я подумалъ, что ежели тебя убью, то одному мнѣ не справиться съ этимъ бѣшеннымъ канадцемъ, и вотъ по этому-то я и отказался отъ ея выполненія.

— Я такимъ-же образомъ рассуждалъ.

— Мы другъ друга только кажется дурачимъ, — продолжалъ Орохъ, — вѣдь мы не возвратимся въ лагерь; а засядемъ лучше въ этихъ горахъ. Авось въ эту ночь подвѣдетъ случай отдѣлаться отъ хищниковъ, когда они уснутъ. Тогда Золотую Долину раздѣлимъ только на двое; и не будетъ, кажется, намъ надобности убивать другъ друга. Фи! такимъ богачамъ, какъ мы съ тобою, нужно только о томъ стараться, чтобъ какъ можно долѣе прожить, а не о противномъ. Но въ увѣреніе моего чистосердечія и откровенности, я ѣду первый.

— Я не принимаю на себя этой чести, — вскричалъ Бораджа.

— Я желаю доказать тебѣ мое раскаяніе.

— Я тоже очень желаю, чтобъ ты забылъ мой бредъ.

Бандитамъ хотѣлось сильно отдѣлаться другъ отъ друга, но выполненіе этого убійственнаго желанія они отложили. Это было продолженіемъ той живой симпатіи, которая ихъ одушевляла.

Орохъ выѣхалъ первый. Казалось, въ собственныхъ своихъ мысляхъ, онъ читалъ мысли Бораджи до того четко, что ѣхалъ впереди его вѣдъ всякаго недовѣрія и ни разу не подумалъ даже оборотить головы. Онъ былъ увѣренъ, также какъ и другъ его, что товарищъ искалъ средства воспользоваться его услугами и не прежде разобьетъ орудіе, какъ оно будетъ уже ему не нужно.

Расчетъ этотъ руководилъ каждаго изъ нихъ и потому они рѣшились сначала отдѣлаться отъ Боа-Розе и двухъ его товарищей, а потомъ уже подумать о себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, умертвивъ троихъ охотниковъ ночью во время ихъ сна, по смерти Діаза и дона Эстевана, развѣ не пришлось бы остаться имъ единственными обладателями Золотой Долины?

Не въ далекомъ отъ мѣста, гдѣ изъ-за гробницы, шумя, падалъ въ глубокую пропасть каскадъ, дорога, по которой они ѣхали, представляла для лошадей тысячи такихъ трудностей, на которыя они мало обращали вниманія. Земля была разбросана вулканическимъ

взрывами, которые послѣ глухаго, долго неумолкавшаго въ утробѣ горъ шума, готовились, казалось, на новые подвиги.

На каждомъ шагу обрушившіяся скалы, скользкія отъ непроницаемаго тумана, который, какъ пыль, катился клубами, представляли безпрестанно новыя помѣхи; а подѣ часъ влажная дорожка и со всѣмъ уходила въ глубокіе прорывы и малѣйшая оступь лошади могла ихъ сбросить на дно. Покровъ тумана непроницаемъ былъ до того, что едва позволялъ имъ видѣть головы лошадей.

Среди туманныхъ валовъ, густые кусты поврежденныхъ деревьевъ, колыхавшихъ во всѣ стороны распростертыми корнями, глазамъ пугливыхъ всадниковъ представлялись то индѣйцами въ засадѣ, то бурными животными уродливой формы, которыя, казалось, такъ и стерегли ихъ проѣздъ. Застигнутая въ уединенномъ своемъ убъжищѣ, въ которое не проникала еще нога человѣка, легкая серна, прыгая, убѣгала и исчезала въ туманъ. Посреди этихъ дикихъ сценъ ворчалъ говоръ водопада невидимымъ колдуномъ.

Вдругъ Орохъ такъ быстро остановилъ свою лошадь, что лошадь Бораджи отшатнулась.

— Что это значить? — спросилъ Бораджа Ороха, который вытаращивъ глаза, давалъ рукою знакъ хранить молчаніе. Бораджа не имѣлъ надобности повторять вопросъ.

Сквозь сѣроватыя, полупрозрачныя пары обрисовался челоуѣкъ съ мокрыми волосами, въ платьѣ запачканномъ грязью; раскинувшись поперегъ тропинки, по которой они ѣхали, незнакомецъ лежалъ на брюхѣ. Вотъ все, что можно было замѣтить сквозь туманныя волны, плававшія по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Принадлежала-ли эта неясная фигура дикому или бѣлому? И живая-ли она, или трупъ? Вотъ чего не могъ рѣшить Орохъ.

Къ довершенію хлопотъ, тропинка въ томъ мѣстѣ, гдѣ оба авантюриста принуждены были остановиться, пролежала съ одной стороны подѣ самой перпендикулярной къ пропасти скалой, съ другой она примыкала къ скалистой покатости, въѣхавъ на которую верхомъ, ни какъ уже нельзя было воротиться назадъ.

Испуганный и удивленный встрѣчею съ человѣческимъ существомъ въ такой пустынѣ, гдѣ живутъ лишь орлы да серпы, Орохъ колебался ѣхать дальше, и съ безпокойствомъ созерцалъ только это страшное явленіе.

Голова человека свѣсилась въ пропасть и когда туманъ нѣсколько разсѣялся, то видно стало, что глаза его поглощены были какимъ-то предметомъ.

Водопадъ такъ шумѣлъ въ этомъ мѣстѣ, что нельзя было слышать даже голоса Ороха.

— Это Кухилло, — сказалъ онъ, не оборачиваясь къ своему товарищу.

— Кухилло! — повторилъ удивленный Бораджа, — и что онъ дѣлаетъ здѣсь?

— Не знаю.

— Пустика въ него пулю; это будетъ одна изъ тѣхъ рѣдкостей, отъ которыхъ ему уже не уйти.

— Да! — прибавилъ Орохъ, — чтобы выстрѣлъ увѣдомилъ канадца, что мы здѣсь. Но въ самомъ дѣлѣ онъ только опасался обезоружить себя по милости своего пріятеля.

Въ эту минуту вѣтеръ опять сгустилъ туманъ и Кухилло исчезъ въ движущемся мракѣ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оба путника съ трудомъ могли уже различать одинъ другаго.

Было опасно, невозможно даже вѣхать дальше, не рискуя скатиться въ бездонную пропасть; сверхъ того оба золотискателя ни за что не хотѣли открыть свое присутствіе Кухилло.

— Ни на шагъ дальше, сеньоръ Орохъ, — сказалъ Бораджа такимъ образомъ, чтобы среди шума водопада слышалъ только одинъ его пріятель, — знай, что я безмѣрно цѣню твое драгоценное существованіе.

— Смѣю-ли я беречь себя для другой цѣли? Вѣдь мнѣ известно, какъ эти пустыни страшны для одного человека, и потому я ужъ стою на томъ, чтобы сберечь для тебя товарища.

— Это поступокъ, который я вполне цѣню. Что до меня, ты не сомнѣваешься, надѣюсь, въ моемъ чистосердечіи? Видишь-ли, если моя лошадь толкнетъ хоть нѣсколько грудь твоей то придется мнѣ остаться совершенно одному.

Бораджа говорилъ сущую правду; съ перваго взгляда, испугъ при видѣ пропасти, въ которую онъ легко могъ скатиться, прошелъ ледяною дрожью по лицу Ороха.

— Но, — продолжалъ Бораджа, — вѣдь мы и въ двоимъ не столько сильны, чтобы бороться противъ трехъ враговъ.

— Но, единство творить силу, — заметилъ съ жаромъ длинноволосый гамбузино и, не смотря на этотъ афоризмъ, онъ питалъ живѣйшее желаніе, какъ можно поскорѣе отдѣлаться отъ своего друга.

Спустя нѣсколько времени, когда головокруженіе, казалось, добиралось уже до Ороха, на днѣ пропасти закрытой влажными парами отъ полотна воды, которая билась на ложь своемъ, какъ въ лихорадкѣ, порывъ вѣтра снова открылъ обширную въ туманъ прорубь.

— Ахъ, — закричалъ Орохъ, переводя духъ отъ тоски, — этотъ мошенникъ Кухилло исчезъ.

Дорога мало-по-малу освобождалась отъ препятствій и полная пустынность горъ открылась снова. Орохъ быстро толкнулъ свою лошадь въ то мѣсто, откуда пропалъ Кухилло.

Странная мѣстность, среди которой два бѣглеца искали приключеній, сосѣдство сокровищъ, о которыхъ каждый изъ нихъ мечталъ, душевныя волненія, которымъ они съ ранняго утра обречены были въ добычу, — все это страшно возбуждало ихъ воображеніе.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ ничтожнѣйшій случай бываетъ иногда предметомъ огромнѣйшихъ предположеній. Вниманіе, съ которымъ Кухилло смотрѣлъ во все глаза на какой-то невидимый предметъ, чувствительно кольнуло любопытство двухъ авантюристовъ.

Дорога въ этомъ мѣстѣ расширилась такъ, что можно было уже встать съ лошадей, Орохъ и Бораджа такъ и сдѣлали.

— Что станешь ты дѣлать? — спросилъ первый.

— Тебѣ это очень хорошо извѣстно, потому что ты мнѣ подражаешь, — отвѣчалъ Бораджа; — я хочу посмотреть на что это тамъ такъ внимательно присматривался Кухилло. Это должно быть очень интересно, если я не обманываюсь.

— Берегись однакожь, эти скалы ужасно скользки.

— Будь храбрѣ самъ и не стѣсняйся тѣмъ, что меня беспокоитъ.

Сказавъ это, Бораджа всталъ передъ пропастью на колѣни. Шагахъ въ шести отъ нихъ, какъ бы вздыхая, водопадъ клочкоталъ въ какую-то отдушину, перерывавшую тропинку, которая змѣилась на днѣ этой страшной пропасти чѣмъ-то въ родѣ моста, устроеннаго самою природою.

Орохъ взялъ лошадь свою за поводья и заставилъ ее перепрыгнуть выпуклый каменный сводъ. Это была обычная его предосторожность;

и спустя несколько минут два друга, невидимые один другому, свесили въ пропасть голову и жадно стали смотреть внизъ.

Не смотря на взаимное обязательство охранять другъ друга, всякій изъ нихъ чувствовалъ себя покойнѣе вдали отъ другаго.

Одинъ и тотъ же видъ поразилъ разомъ и вызвалъ самыя мучительныя мысли, о которыхъ они на нѣсколько времени забыли.

Огромный слитокъ золота металъ искры въ каскадъ и чуть не исторгъ изъ груди обоихъ друзей дикаго крика, какъ у Кухилло; но Бораджъ и Ороху нужно было притвориться; впрочемъ это стоило имъ тяжкихъ усилій.

Какъ блестящій алмазъ короны голкондскаго правителя, какъ вынутый изъ солнца и брошенный на скалу лучъ, какъ водослибный глазъ надъ пропастью — это колоссальное зерно золота метало снопы бурой искры и, казалось, манило къ себѣ руку челоуька.

Но ужаснѣе дракона, стоявшаго на стражѣ золотого руна, бездонная пропасть защищала свое сокровище, лаская его влажностью паровъ своего сердца, какъ дыханіе чудовища всегда бодрствующаго, но которое должны убить аргонавты.

Постоянная влага убрала отвѣсныя стѣны скалы покровомъ зеленого мха. Легкая подъ кускомъ золота выпуклость, которую водяные пары замуровали клейкою тиной, казалось, манила смѣлую ногу своей опасной опорой; но одинъ челоуькъ не могъ покуситься на это предпріятіе. Вотъ что было причиной побѣга Кухилло, наслаждавшагося, до прибытія двухъ авантюристовъ, блескомъ драгоценнаго самородка.

Бораджа первый вырвался изъ ужаса, возбужденнаго видомъ золота; въ умъ его запала мысль, что золотой слитокъ могъ всякую минуту скатиться въ пропасть, какъ созрѣвшій плодъ померанца.

Орохъ послѣдовалъ своему товарищу и оба встали почти въ одно время, не зная, что имъ дѣлать дальше, тѣмъ болѣе, что они отдалены были другъ отъ друга аркою скалы, откуда, шумя, поднимался пѣнистый ключъ.

— Ну, что ты видѣлъ? — спросилъ Бораджа.

— А ты! — отвѣчалъ Орохъ.

— Бездонную пропасть.

— Клубы тумана, встающіе изъ пропасти.

— Единство творить силу, — повторилъ Орохъ.

— Въ двоємъ вдвое сильнѣе.

— То, что ты сказалъ — неоспоримо, — сказалъ Орохъ, — bravo!

— Въ двоємъ мы можемъ его достать.

— Что? — сказалъ Бораджа, притворяясь въ незнаніи.

— Чудовище! слитокъ золота, который ты также видѣлъ, какъ и я.

— Какъ это? — спросилъ Орохъ.

— Сплетемъ вмѣстѣ наши лассо, эмблему нашего союза, и пусть одинъ изъ насъ опустится на нихъ по скалѣ и достанетъ изъ пропасти сокровище! — закричалъ Бораджа съ огнемъ въ глазахъ.

— Кто же изъ насъ рѣшится первый?

— Кому жребій прикажетъ, сеньоръ Орохъ, и если это будешь ты...

— Ну что-жъ, если я, ты бросишь меня и размножишь меня на части?

Бораджа поднялъ плечи.

— Болванъ ты, Орохъ, — другъ не роняетъ разомъ и своего друга и сокровище въ три раза великолѣпнѣе. Другъ... за него я не ручаюсь, но за сокровище!...

— Ты шутишь, мой милый Бораджа, съ вещами очень важными, даже съ дружбой! — быстро возразилъ Орохъ и съ такимъ сокрушеніемъ, что Бораджа перетрусилъ не на шутку.

Вскорѣ послѣ этого, уступая влеченію жадности, оба авантюриста оставили борьбу коварства и рѣшились соединить всѣ свои усилія, чтобъ вырвать слитокъ золота изъ скалы.

Бораджа мигомъ вынулъ карты изъ своего кармана; они условились, что тотъ, кто вынетъ старшую карту, получитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право избирать роль, какую ему угодно. Это право взялъ Орохъ.

Кромѣ того, что его поразило сужденіе Бораджи, гамбузино думалъ, что обладаніе сокровищемъ — это просто всемогущественный талисманъ противъ вѣроломства его товарища и, вопреки ожиданію послѣдняго, онъ выбралъ опасную зыгуду висѣть надъ пропастью.

Точно такъ, какъ выдумалъ Бораджа, оба плута отвязали отъ чепраковъ своихъ сѣделъ лассо, которыя держитъ у сѣдла своего всякій мексиканскій всадникъ. Обѣ веревки такъ сплели вмѣстѣ, что изъ нихъ вышла одна, которая могла сдержатъ болѣе тяжести, чѣмъ тѣло одного человѣка; однимъ ея концомъ Орохъ обвилъ и завя-

залъ свое тѣло, а другой замотали вокругъ молодаго зеленого дуба, выросшаго въ трещинѣ скалы, и за этотъ другой конецъ веревки держался Бораджа.

Такъ какъ вѣтвь еще молодая и ломкая каменнаго дуба составляла главную опору, то по справедливости роль Бораджи была столько же опасна какъ и Ороха, который своею тяжестью легко могъ его увлечь въ пропасть.

Обвязавъ себя крѣпко двойною веревкою, Орохъ началъ мало-помалу опускаться, придерживаясь за выпуклости скалы и упираясь ногами въ щели ея.

Тяжелыя мычанія вылетали изъ глубины пропасти. Казалось, что его призывали туда подземные голоса, но жадность взяла верхъ надъ авантюристомъ; порывы страсти въ ушахъ его заглушили стоны пропасти.

Черезъ минуту ноги его стали въ уровень съ кускомъ золота, потомъ и его корпусъ, наконецъ и руки. Онъ могъ уже ласкать его округленныя формы, пробовать твердость слившихся съ нимъ кремней. Пропасть не была уже надъ нимъ, но пѣла сладостно, какъ журчащій и наводящій сладкія грезы потокъ.

Крѣпкіе пальцы гамбузино поколебали золото, которое сначала противилось, но потомъ онъ выдвинулъ его изъ внутренностей скалы. Жадныя руки его едва могли обнять сокровище, при малѣйшей неловкости его оно, оторванное отъ скалы, могло упасть въ пропасть.

Орохъ чуть дышалъ, свѣсившійся надъ нимъ Бораджа раздвѣлялъ его муки.

Эхо пропасти повторило два крика; крикъ торжества Ороха и крикъ его товарища; золотая гряда блистала въ рукахъ восхищеннаго Ороха.... Какъ орелъ, у котораго украли орленка изъ гнѣзда на недоступной высотѣ, гдѣ скрывалъ онъ его, пропасть отражая крики и стоны, казалось, оплакивала вырванную у нея добычу.

— Поднимай меня быстро! — кричалъ Орохъ задыхающимся голосомъ. — Со мною шестьдесятъ ливровъ дѣвственнаго золота! Ахъ, какъ я силенъ!

Бораджа сначала потянулъ веревку съ конвульсивною запальчиво-

стію, вдругъ слабѣе... слабо и потомъ внезапно оставилъ всякое усиліе, когда руки Ороха не дошли еще до уровня платформы.

— Ну, Бораджа, еще! — кричалъ Орохъ; — потяни крѣпче... и я къ твоимъ услугамъ.

Но Бораджа остался недвижимъ. Дьявольская мысль засветилась въ помышавшейся его головѣ.

— Дай-ка мнѣ это золото, — сказалъ онъ; — оно парализуетъ твою тяжесть; а то я выбился уже со всемъ изъ силъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — кричалъ гамбузино, у котораго на лбу заструился внезапный потъ и который изъ всей силы жалъ въ рукахъ свое сокровище; — лучше жизнь мою бери! Ахъ, ахъ! — повторилъ онъ, — чтобъ ты тогда бросилъ меня.

— Кто тебѣ сказалъ, что я не брошу тебя теперь? — глухо сказалъ Бораджа.

— Твой интересъ, — отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ гамбузино.

— Ну, хорошо, я не брошу тебя! Вотъ только на какомъ условіи, чтобъ золото это принадлежало одному мнѣ, мнѣ одному... слышишь? Давай же мнѣ его, или я отправлю тебя въ пропасть!

Орохъ дрожалъ; при видѣ побагровѣвшаго лица Бораджи, несчастный проклялъ свою глупую доверчивость. Онъ остался неподвиженъ, какъ будто человекъ, державшій собственную жизнь въ своихъ рукахъ.

— Я хочу себѣ это золото, слышишь-ли ты, — повторилъ Бораджа; — я хочу его или я брошу... перерѣжу веревку. — И съ ненавистію онъ выхватилъ свой ножъ.

— Лучше я умру! — кричалъ Орохъ. — Пусть лучше меня и это золото вмѣстѣ со мною поглотитъ пропасть!

— Избирай, любое, — повторилъ несчастный: — золото или жизнь.

— Нѣтъ! ты убьешь меня, если я тебѣ его отдамъ.

— Нѣтъ! — сказалъ Бораджа и медленно сталъ рѣзать одну изъ шести нитей двойной веревки, крича несчастному рыпиться, пока еще терпитъ время.

VII.

ДВА МЕДИАНА.

Но остановимся на минуту, чтобы продолжать прежній нашъ раз-

сказъ. Діазъ подавилъ тяжелую тоску и глубокое удивленіе, которыя на минуту взяли верхъ надъ нимъ:

— По законамъ войны я вашъ плѣнникъ, — сказалъ онъ, поднявъ голову, — и желаю знать, чѣмъ вы рѣшите обо мнѣ

— Ты свободенъ, Діазъ, — сказалъ Фабіанъ, — свободенъ безусловно.

— Нѣтъ, нѣтъ! — живо возразилъ канадецъ, — напротивъ того мы предлагаемъ важное условіе твоей свободы.

— Какое? — спросилъ авантюристъ.

— Ты знаешь теперь, также какъ и мы, — возразилъ Боа-Розе, — секретъ, который намъ давно уже былъ извѣстенъ. Я имѣю основанія требовать, чтобы этотъ секретъ умеръ вмѣстѣ съ тѣми, кто объ немъ, къ несчастію своему, узналъ. Ты одинъ, — прибавилъ канадецъ, — составляешь исключеніе изъ этого правила; потому что такой правдивый чело­вѣкъ, какъ ты, долженъ быть рабомъ своего слова. И такъ я требую, чтобы, прежде чѣмъ получишь свободу, ты честью своею обязался не открывать никому о существованіи Золотой Долины.

— Я надялся на завоеваніе лишь только одного сокровища, — грустно сказалъ благородный авантюристъ, — это величіе моей стороны. Но печальная участь чело­вѣка, отъ котораго я ожидалъ исполненія надеждъ моихъ, обратило все это въ одну лишь мечту. Какія бы богатства не лежали въ пустыняхъ Золотой Долины мнѣ до нихъ теперь мало нужды... И такъ я клянусь и отвѣчаю моею честью за то, что я никогда и никому въ міръ не открою существованія ихъ. Даже постараюсь забыть тотъ моментъ, въ который я видѣлъ ихъ.

— Хорошо! — сказалъ Боа-Розе, — теперь ты можешь идти.

— Нѣтъ, еще не пойду, хотя вы это позволяете, — возразилъ плѣнникъ. — Во всемъ, что происходитъ въ глазахъ моихъ, скрывается такая тайна, которую я не стараюсь объяснить себѣ... Но...

— Это довольно просто, — прервалъ Пеле, — этотъ молодой чело­вѣкъ.. — сказалъ онъ, указывая на Фабіана.

— Постой еще, — торжественно прибавилъ тотъ, дѣлая знакъ испанскому охотнику оставить пока свои объясненія; — въ судилищъ, которое должно открыться предъ лицомъ Верховнаго Судьи (Фабіанъ указалъ на небо) обвиненіемъ и защищеніемъ все объяснится передъ глаза-

ми Діаза, если онъ хочетъ остаться съ нами. Въ пустыняхъ минуты драгоцѣнны, и въ разсужденіи и безмолвіи мы должны приготовиться къ дѣлу, которое обязанностью считаемъ выполнить немедленно. —

— Позволеніе остаться здѣсь для меня драгоцѣнно. Я не знаю, виновать ли этотъ человекъ или невиненъ. Онъ предводитель, котораго я избралъ свободно, и я останусь съ нимъ до послѣднихъ его минутъ, и готовъ защищать его отъ вѣсь цѣною моей жизни, если онъ невиненъ, и столько же готовъ склониться передъ приговоромъ, который его осудитъ, если онъ дѣйствительно виновенъ. Вотъ все, что я знаю.

— Хорошо! ты самъ услышишь и будешь судить, — сказалъ Фабіанъ.

— Человекъ этотъ, — печально продолжалъ Діазъ, — лежитъ тамъ въ пыли, связанъ, какъ низкій преступникъ.

— Развяжи его, Діазъ, — сказалъ Фабіанъ, — но не пытайся похитить у мщенія мучителя моей матери, возьми съ Антоніо слово не уходить; въ этомъ отношеніи ты вполне за него ответишь.

— Ручаюсь за него моею честью; онъ не уйдетъ, — отвѣчалъ авантюристъ, — и я не стану помогать ему уходить.

И Діазъ быстро пошелъ къ дону Эстевану. Между тѣмъ Фабіанъ, съ сердцемъ исполненнымъ тоски и торжественными мыслями сидѣлъ въ сторонѣ, вздыхая о несчастной своей побѣдѣ.

Поворотивъ голову, Пепе, казалось, предался внимательному созерцанію игры паровъ на вершинахъ Туманныхъ горъ; что же касается до Боа-Розе, то при его спокойной обыкновенной осанкѣ, взоры его, полныя спокойствія, сосредоточились на молодомъ человекѣ, а физиономія его, казалось, отражала тучи, скопившіяся на челѣ юнаго его любимца.

Діазъ былъ уже съ донъ-Эстеваномъ. Что можно сказать о тѣхъ полнѣхъ страха мысляхъ, которыя непрерывно рождались и умирали въ душѣ испанца, валявшагося въ пыли? Во взорахъ его оставалась таже гордость, которою они блистали въ дни его благополучія, когда мечталъ онъ завоевать царство для испанскаго принца. Между тѣмъ въ лицѣ Діаза, который, казалось, простилъ его вину, выраженіе печали отпечатлѣлось на всей мужественной его фигурѣ.

— Другомъ или врагомъ пришелъ ты ко мнѣ, Діазъ? — сказалъ Эстеванъ. — Не изъ тѣхъ ли ты, которые съ тайнымъ удовольствіемъ

смотреть на униженію людей, которымъ льстили они въ дни ихъ величія ?

— Я изъ тѣхъ, которые льстятъ только падшему величію, — возразилъ Діазъ, — и которыхъ не оскорбляетъ желчь языка великаго несчастія.

Говоря эти слова, смыслъ которыхъ подтверждали его осанка и печальный взоръ, Діазъ успѣшилъ развязать поясъ, скручивавшіи руки плѣнника.

— Я обязался честнымъ словомъ, что ты не уйдешь отъ участи своей, какова бы она ни была, ожидающей тебя въ рукахъ людей, которые по такому несчастному случаю стали на дорогъ нашей, — прибавилъ Діазъ. — Я убѣжденъ, что ты никогда не умѣлъ убѣгать.

— И ты хорошо сдѣлалъ, Діазъ, — сказалъ донъ-Эстебанъ, — но скажи мнѣ, какой жребій готовятъ мнѣ эти сорванцы.

— Они говорятъ объ отмщеніи, объ обвиненіи... о судѣ.

— О судѣ, — возразилъ Антоію съ желчною и надмѣнною улыбкой; — меня могутъ убить, но не осудить.

— Въ первомъ случаѣ я умру вмѣстѣ съ тобою; — сказалъ Діазъ, — но во второмъ... Къ чему болтать о томъ, что быть не можетъ ? Ты невиненъ въ преступленіи, въ которомъ тебя обвиняють.

— Я предчувствую участь меня ожидающую, — возразилъ донъ-Эстебанъ, не отвѣчая на утвержденіе авантюриста. — Но ты будешь продолжать мною начатый трудъ, ты возстановишь Сонору. Возвратись къ Трагадуру, онъ знаетъ, что должно дѣлать, а ты ему поможешь.

— Ахъ ! — вскричалъ Діазъ съ тоскою, — подобный трудъ можетъ быть оконченъ только тобою. Въ рукъ твоей заключалось могучее средство; безъ него я падаю подъ недостатками и моимъ невѣдніемъ. Надежда на спасеніе моей страны угаснетъ съ тобою.

Въ продолженіе этого времени, Фабіанъ и Боа-Розе оставили мѣста, на которыхъ такъ быстро совершились предъидущія событія. Они отошли къ подошвѣ пирамиды. Здѣсь-то должны были открыться торжественныя засяданія.

Пепе сдѣлалъ знакъ Діазу; Эстебанъ видѣлъ и понялъ его.

— Этого мало, что ты не убѣжалъ, — сказалъ онъ; — нужо

еще идти передъ жребій свой, побѣжденный долженъ повиноваться побѣдителю.... Пойдемъ....

Испанскій сеньоръ, съ гордостью, никогда его не оставлявшею, пошелъ твердо къ Золотой Долинѣ. Пепе присоединился къ своимъ товарищамъ.

Видъ донъ-Эстевапа, который приблизился безъ слабости, видъ геройскій и спокойный, удивилъ его враговъ, столь знакомыхъ съ храбростью. За тѣмъ, чтобы сократить путь для плывника, Фабианъ всталъ.

Съ поникшей головой и мрачными мыслями, за испанцемъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ шелъ Діазъ. Все въ поведеніи побѣдителей говорило ему, что право на этотъ разъ было на сторонѣ силы.

— Сеньоръ графъ де-Медіана, вы видите, что я васъ знаю, — сказалъ остановившійся Фабианъ, и за два шага скинувъ шляпу въ знакъ уваженія къ испанцу, который тоже остановился, — вы тоже знаете, кто я.

Герцогъ Армада оставался не подвиженъ, не отвѣчая на учтивость племянника.

Не смотря на свою гордость Антоніо де-Медіана припомнилъ, какъ онъ далекъ теперь отъ того молодаго человека, который произнесъ свой приговоръ надъ ребенкомъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, дрожащимъ и плачущимъ отъ взора его. Боязливый орленокъ сталъ теперь орломъ, который, въ свою очередь, держалъ его въ мощныхъ когтяхъ.

Взоры двухъ Медіановъ скрестились какъ двѣ пшяги, а Діазъ смотрѣлъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ какимъ-то почтеніемъ на усыновленнаго, взрослога и перемѣнившагося сына гамбузино Арелланоса, вдругъ возвысившагося надъ той низкой сферой, въ которой онъ его зналъ.

Авантюристъ ожидалъ объясненія дѣла. Чело Фабиана облеклось гордостью, равную гордости герцога Армады.

— Такъ, — возразилъ онъ, — вы не должны, быть можетъ, забывать, что здѣсь право сильнаго не имѣетъ пустой важности.

— Это правда, — отвѣчалъ донъ Антоніо, который, не смотря на явное свое преданіе суду, чувствовалъ дрожь отъ быяенства и тоски, видя свое паденіе. — Я не долженъ терять изъ виду, что вы готовы, безъ всякаго сомнѣнія, воспользоваться этимъ правомъ. Я стану

отвѣчать на ваши вопросы для того только, чтобъ сказать вамъ, что мнѣ известно только одно, что самъ демонъ вамъ внушилъ безпрестанно бросаться между моею цѣлю и мною... я знаю...

Бъшенство перервало рѣчь его.

Блѣднѣя, неукротимый молодой человекъ проглотилъ обиду отъ убійцы матери своей. Это былъ героизмъ воздержанія, которому можетъ удивляться только тотъ, кто знаетъ какъ маловажна жизнь человека въ этихъ пустыняхъ, гдѣ существуетъ произволь; но времени связей своихъ съ старымъ охотникомъ канадцемъ душа Фабиана подверглась глубокимъ измѣненіямъ.

Замѣчательно то, что цивилизація въ Америкѣ принялась и пошла по слѣдамъ тѣхъ, которые ее убѣгаютъ. Есть здѣсь много между этими людьми такихъ, которые, будучи поражены отверженіемъ, бѣгутъ въ пустыни, гдѣ страстямъ ихъ и порокамъ полный просторъ. Но есть здѣсь и другіе, которые, сами того не зная, повинуются благороднѣйшимъ внушеніямъ.

Здѣсь есть также и тѣ, которыхъ поэтическія души хотя въ грубой еще формѣ, привыкли къ жизни опасностей, какъ моряки, которыхъ тяготитъ земля; и которыхъ сердце бьется радостно только среди безпредѣльности пустыни.

Боа-Розе былъ изъ числа этихъ послѣднихъ. Жизнь на морѣ развила въ немъ любовь къ великимъ сценамъ пустынь; между тѣмъ какъ, американецъ въ душѣ, онъ носилъ въ своемъ сердцѣ почтеніе къ законамъ.

Фабианъ, хотя выросъ при другихъ правилахъ, но не могъ не подвергнуться влиянію охотника. Онъ не былъ болѣе молодымъ человекомъ, не увлекался яростными своими страстями по слѣпому мщенію; но онъ дозналъ, что сила можетъ быть часто безразсудна; словомъ, самъ того не сознавая, онъ былъ впереди съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался послѣдователемъ идеи канадца. Вотъ чѣмъ объясняется воздержаніе Фабиана, противное даже его темпераменту. Легко однако-жъ можно было замѣтить въ немъ какія-то усилія при обузданіи наклонностей, но въ этомъ состояла его побѣда надъ собою. Испанскій сеньоръ тоже пожиралъ гнѣвъ свой въ молчаніи.

— И такъ, — возразилъ Фабианъ, — ничего вы не знаете обо мнѣ? Вамъ не извѣстны ни имя мое, ни мое званіе? Значитъ я ничтожное, какъ-то, чѣмъ я кажусь?

— Разбойникъ, можетъ быть! — сказала Медіана и поворотилась спиной къ Фабиану, желая тѣмъ показать, что онъ даже говорить не намѣренъ съ нимъ.

Въ продолженіе такого разговора между этими людьми одной крови и одинаково неукротимой природы, охотникъ и Пепе стояли въ сторонѣ.

— Подойди, — сказалъ Фабианъ Пепе, — и скажи, — прибавилъ онъ съ поразительною кротостью, — скажи этому чело­вѣку кто я?

Если-бы оставалось еще какое-нибудь сомнѣніе для донъ Антоніо насчетъ расположеній тѣхъ, въ чьи попалъ онъ руки, то оно должно-бы было исчезнуть передъ мрачнымъ видомъ, съ какимъ подходилъ къ нему Пепе по приказанію Фабиана.

Очень замѣтныя усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы подавить дышавшія ненавистію страсти при видѣ сеньора испанскаго, поразило это­го послѣдняго могильнымъ предчувствіемъ. Дрожь потрясла все тѣло донъ Антоніо, но онъ не потупилъ глазъ и крѣпкій своею непреодолимую гордостью, онъ, въ равнодушномъ спокойствіи, ожидалъ Пепе.

— Да! — сказалъ Пепе тономъ, который тщетно силился смягчить, — напрасно было посылать меня въ Средиземное море за тысячу лѣтъ отъ Испаніи съ племянникомъ, котораго мать убилъ ты? Мнѣ неизвѣстно хочетъ-ли сеньоръ донъ Фабианъ де Медіана оказать тебѣ милость; но что до меня, — прибавилъ онъ, ступнувъ прикладомъ карабина въ землю, — то клянусь, отъ меня ее не получишь.

Фабианъ устремилъ на Пепе повелительный взоръ, которымъ ясно пригласилъ къ повинновенію порывъ его, и обратясь къ испанцу, сказалъ:

— Сеньоръ де Медіана, вы здѣсь не передъ разбойниками, но передъ судьями и Пепе этого не забудеть.

— Передъ судьями! — вскричалъ донъ Антоніо, — только за равными себѣ я признаю право судить меня, и изъ здѣсь находящихся я узнаю только бѣглеца изъ президы и нищаго, похитителя титула, на который онъ не имѣетъ права. Кромъ меня нѣтъ здѣсь Медіана, и мнѣ нечего отвѣчать.

— И однако-жъ я все-таки буду твоимъ судьей, — возразилъ Фабианъ, — но судьей нелицепріятнымъ.... Самого Бога, котораго солн-

це насъ освѣщаетъ, я призываю въ свидѣтельство, что отнынѣ сердце мое не питаетъ къ тебѣ ни неудовольствія, ни злобы.

Въ тонѣ, съ какимъ Фабианъ произнесъ слова эти, было столько убедительной правдивости, что лицо Медяны вдругъ потеряло все мрачное недоверіе, и на немъ проскользнула лучъ надежды, потому что герцогъ Армада припомнилъ, что онъ былъ передъ лицомъ того, о которомъ когда-то плакала его гордость. И голосомъ менѣе жесткимъ онъ сказалъ :

— За какое-же преступленіе меня стануть судить ?

— Вы это узнаете,—сказалъ Фабианъ.

VIII.

ИНДѢЙСКАЯ РАСПРАВА.

Въ пустыняхъ Америки, между воюющими сторонами, существуетъ страшный обычай, страшный въ особенности тѣмъ, что сторона побѣдившая, опредѣляетъ разомъ судь, распределение наказанія и исполненіе приговора.

Въ странахъ нѣсколько цивилизованныхъ примѣненіе его смягчается; но общества безъ всякой цивилизаціи продолжаютъ примѣнять его со всею свойственною ему жестокостію безъ всякаго ограниченія.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что столкновеніе цивилизаціи съ варварствомъ, пятно для первой, жалкое подобіе цивилизаціи, которыхъ долгу разсыять и изгладить пятно это съ честью.

Мы сказали уже какая безпокоющая и страшная декорація окружала сцену, однимъ уже видомъ своимъ заставлявшюю вѣрить герцога Армаду, что надъ нимъ тяготѣлъ какой-то страшный сонъ. Въ самомъ дѣлѣ эти мрачныя, покрытыя туманомъ горы, этотъ подземный гулъ вѣчно грохотавшій; содранныя съ головъ человѣческихъ волосы, развѣваемые ветромъ, этотъ голый скелетъ индѣйской лошади, все это въ глазахъ испанскаго сеньора приняло страшный и какой-то фантастическій видъ.

Пальцемъ указалъ Фабианъ герцогу Армадѣ одинъ изъ плоскихъ камней, которыми усыяна была долина, а самъ сѣлъ на другомъ, такимъ образомъ, что на вершинѣ ими занятой образовался треугольникъ между нимъ и испанскимъ охотникомъ.

— Неприлично обвиняемому садиться въ присутствіи судей, — сказалъ испанскій сеньоръ съ ѣдкою усмѣшкой. — Я буду стоять.

Фабианъ не отвѣчалъ. Онъ ожидалъ, что единственный почти непричастный по дѣлу свидѣтель на этомъ судилищѣ, Діазъ, займетъ ему приличное мѣсто. Авантюристъ остался вдали отъ этихъ актеровъ грустной сцены, но на такомъ разстояніи, что могъ все видѣть и слышать. Онъ сохранялъ видъ холоднаго, осторожнаго и внимательнаго присяжнаго, который хочетъ составить свой приговоръ изъ преній, готовыхъ открыться передъ его глазами.

— Вы хотите знать преступленіе, — сказалъ Фабианъ, — въ которомъ васъ обвиняють. Но я здѣсь только судья, который слушаетъ, судить или оправдываетъ.

Сказавъ это, казалось, онъ предался размышленію. Но прежде всего онъ долженъ былъ доказать равенство свое съ обвиненнымъ.

— Вы-ли спросилъ онъ, донъ Антоніо, котораго называли графомъ де Медіана?

— Нѣтъ, — твердо отвѣчалъ испанецъ.

— Кто-же вы? — продолжалъ Фабианъ съ удивленіемъ почти печальнымъ, котораго не могъ скрыть; онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Медіана захотѣлъ прибѣгнуть къ низкой уверткѣ.

— Я былъ графомъ де Медіана, — прибавилъ надменно улыбаясь Антоніо, — теперь меня зовутъ въ Испаніи не иначе какъ герцогомъ Армада. Это имя я могъ бы передать тому одной со мной крови, котораго-бы я захотѣлъ усыновить.

Последняя эта фраза, случайно сказанная обвиняемымъ, тотчасъ-же должна была образовать первое средство къ защитѣ его.

— Хорошо, — сказалъ Фабианъ, — герцогъ Армада узнаетъ, въ какомъ преступленіи обвиняется донъ Антоніо де Медіана. Расскажи Боа Розе, и рассказывай только то, что знаешь, и ничего болѣе.

Приказаніе это было бесполезно, на суровой и мужественной фізіономіи гиганта, остававшагося неподвижнымъ, съ карабиномъ на плечѣ, было столько спокойствія и праводушія, что одинъ взглядъ на него уже отталкивалъ всякую мысль о неправдѣ. Боа Розе всталъ, медленно снялъ мѣховую шапку и обнажилъ свое широкое и благородное чело.

— Я скажу только то, что знаю, — началъ онъ.

— Въ туманную ночь ноября 1808 года, на люггеръ контра-

бандиста французскаго Альбатроса я былъ матросомъ ; мы пристали къ берегу Бискайскаго залива. Я не стану рассказывать вамъ (при этихъ словахъ улыбка разцвѣла на губахъ Пепе), какъ мы были прогнаны пальбой изъ ружей отъ берега, къ которому мы пристали, мнѣ достаточно объявить, что когда мы снова были на водѣ, крики дитяти, которые, казалось, выходили изъ глубины Океана, ковернулись моего слуха. Крики эти выходили изъ оставленной въ морѣ шлюбки. Съ опасностію жизни, потому что не далеко видѣлся огонь на сторожевыхъ судахъ, на эти крики я отозвался...

Въ шлюбкѣ этой лежала мертвая женщина ; подлѣ нея умирало маленькое дитя, я схватилъ это дитя и вотъ этотъ человекъ ! (Онъ указалъ на Фабіана.)

Взявъ дитя, трупъ женщины я бросилъ въ волны. Кто сдѣлалъ это преступленіе, я не знаю, и этимъ кончаю рѣчь мою.

Сказавъ это, Боа Розе замолчалъ снова надѣлъ свою шапку и сѣлъ на прежнее мѣсто.

За тѣмъ послѣдовало торжественное молчаніе. Фабіанъ опустилъ на землю молнію своихъ глазъ и потомъ спокойно и холодно онъ возвелъ ихъ на таможеннаго стража, за которымъ была очередь говорить. Фабіанъ бросилъ на Пепе взоръ, исполненный власти, которому дикій охотникъ не могъ не покориться.

Стражъ всталъ и выступилъ на два шага впередъ. На лицѣ его можно было читать только твердую рѣшимость говорить не иначе, какъ по чистой совѣсти.

— Я васъ понимаю, графъ де Медіана, — сказалъ онъ, обращаясь къ Фабіану, который одинъ, въ глазахъ его, имѣлъ право носить этотъ титулъ, — забуду-ли я, что присутствующій здѣсь человекъ заставилъ меня провести нѣсколько лѣтъ съ негодными людьми въ сѣлкѣ. Самъ Богъ, когда я предстану на судъ Его, позволить мнѣ повторить слова, которыя я хочу сказать ; я ихъ слышалъ и никогда не стану раскаиваться въ томъ, что произнесу ихъ.

Фабіанъ сдѣлалъ жестъ одобренія.

— Ночью поября 1808 года, — сказалъ онъ, — я былъ тогда каибинеромъ или прибрежнымъ таможеннымъ стражемъ въ испанской службѣ ; я находился на стражѣ со стороны Эланхови ; три человека, идя не близко одинъ отъ другаго, остановились на берегу моря.

Одинъ изъ нихъ прошелъ запрещенную черту. Я получилъ отъ него плату за преступную мою слабость.

На другой день графиня де Медіана съ маленькимъ сыномъ своимъ исчезла изъ своего замка. Графиня была убита, маленький графъ исчезъ. Спустя нѣсколько времени явился дядя ребенка; онъ потребовалъ имущества и титулы своего племянника; все ему было дано; я думалъ, что допускаю какую-нибудь интригу, но вмѣсто того помогъ убійству.

Я упрекалъ передъ людьми за это преступленіе новаго графа де Медіана; пять лѣтъ въ Цейтъ вознаградили меня за мой проступокъ. Теперь, передъ лицомъ Бога, который насъ видитъ, я обвиняю, какъ и тогда, графа присутствующаго теперь здѣсь, похитителя имени де Медіана, въ убійствѣ графини; онъ былъ одинъ изъ трехъ разбойниковъ, перелзшихъ черезъ стѣну въ замокъ, котораго мать дона Фабіана не должна была болѣе видѣть. Болѣе мнѣ нечего говорить. Пусть убійца обличитъ меня.

— Вы это слышали, — сказалъ Фабіанъ; — что скажете въ оправданіе себя?

Въ минуту, въ которую Фабіанъ кончилъ этотъ вопросъ, въ сторону, гдѣ потокъ воды, изгибаясь, падалъ въ пропасть, послышался печальный крикъ.

Все посмотрѣли въ ту сторону и, сквозь прозрачную пыль каскада, казалось, увидѣли человѣческую форму, которая колеблясь съ минуту надъ пропастью, падая, очертила черную линію.

Если-бы созерцатели этого страшнаго эпизода знали о существованіи золотого куска, они-бы не нашли его въ томъ мѣстѣ, въ которомъ много лѣтъ берегла его скала; онъ исчезъ; и тотъ, кто уносилъ его, былъ поглощенъ вмѣстѣ съ нимъ.

Мертвое молчаніе послѣдовало за крикомъ, который они услышали; между-тѣмъ въ Туманныхъ горахъ глухіе отзвуки пробудили гробовое эхо.

Сцена гармонировала вполне съ актерами. Черные ястребы рвали кругами надъ ними и какъ-бы чуяли близкую добычу или сожалѣли о поглощенномъ бездною трупѣ; пронзительные ихъ крики смѣшались съ отдаленнымъ рокотомъ на холмахъ.

Послѣ первой минуты удивленія, причиненной зрѣлищемъ, которому все издали дивились, Фабіанъ повторилъ:

— Что-же можете вы сказать въ защиту свою?

Жестокая борьба совѣсти и гордости захватила душу де-Медіана; но гордость взяла верхъ.

— Ничего, — отвѣчалъ Антонію.

— Ничего, — возразилъ Фабіанъ; — но вы не постигаете, быть можетъ, страшнаго долга, который мнѣ остается исполнить?

— Я его понимаю.

— И я, — сказалъ Фабіанъ смѣлымъ голосомъ, — я съумью его исполнить; и между-тѣмъ хотя кровь матери моей вопіетъ объ отмщеніи, оправдайте себя и я благословлю ваши слова. Клянитесь мнѣ именемъ де-Медіана, которое мы оба носимъ, вашей честью, душею, что вы не виноваты, и я буду счастливъ вамъ повѣрить.

Потомъ съ гнетомъ невыносимой тоски, Фабіанъ ожидалъ отвѣта Медіаны, но непреклонный и мрачный Медіана хранилъ молчаніе.

Въ эту минуту Діазъ выступилъ передъ судьей и обвинилъ своего предводителя.

— Я выслушалъ, — сказалъ онъ, — выслуцалъ въ глубокимъ вниманіемъ обвиненіе противъ дона Эстевана де-Арехиза, котораго я также зналъ подъ именемъ герцога Армада. Могу-ли изложить здѣсь свободно то, что я думаю?

— Говорите! — отвѣчалъ Фабіанъ.

— Дѣло казалось мнѣ сомнительнымъ. Я не знаю подлинно-ли преступленіе, возводимое на этого кавалера, было имъ сдѣлано; но допуская это, имѣете ли вы право судить его? По обычаемъ дикой пустыни, гдѣ судилища не могутъ засѣдать, только ближайшіе родственники жертвы имѣютъ право требовать крови виновнаго. Молодость сеньора дона Тибурціо прошла въ этой странѣ; я зналъ его за сына гамбузино Марка Арелманоса. Кто доказываетъ, что Тибурціо Арелманосъ есть сынъ убитой женщины? Какъ послѣ столькихъ лѣтъ, старый матросъ, вотъ этотъ охотникъ, можетъ распознать въ глубинѣ этихъ пустынь дитя, которое онъ видѣлъ только минуту и еще въ туманную ночь?

— Отвѣчай Боа-Розе, — хладнокровно сказалъ Фабіанъ.

Канадецъ снова всталъ.

— Я скажу тебѣ — началъ старый охотникъ, — что не одну только минуту и въ туманную ночь я видѣлъ упоминаемаго ребенка. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, спасши его отъ смерти, я жилъ

вмѣстѣ съ нимъ на палубѣ судна, куда я его перенесъ. Черты сына не глубже врѣзаются въ память отца, какъ черты этого ребенка въ мою память.

Теперь же какъ я распозналъ его?

Когда ты идешь по пустынь безъ видной дороги, не направляешь-ли ты по теченію рѣчекъ, по примѣтамъ на деревьяхъ, по мху, ихъ покрывающему, по звездамъ неба? Когда ты опять возвращаешься въ слѣдующій годъ, или лѣтъ двадцать спустя, или въ другой часъ ночи, когда отъ дождей поднялись рѣчки, которыя теперь солнце до половины высушило, мхи на деревьяхъ сдѣлались гуще, сѣверная звезда перемѣнила мѣсто, не распознаешь-ли ты опять звезды, дерева или рѣчки?

— Безъ сомнѣнія, — прибавилъ Діазъ, — человекъ, проѣхавшій пустыню, не заблудится.... но....

— Канадецъ снова началъ, прервавъ авантюриста.

— Когда ты встрѣчаешь въ саваннахъ (гористыя мѣста въ Америкѣ) незнакомца, который на твой зовъ отвѣтитъ тебѣ крикомъ птицы, голосомъ животнаго, словомъ сигналомъ соединенія между собою и твоими пріятелями, не скажешь-ли ты: этотъ человекъ изъ нашихъ?

— Правда!

— Вотъ такъ-то и я узналъ дитя въ мужъ, какъ и ты бы узналъ деревцо въ большомъ деревѣ, рѣчку нѣкогда чуть журчащую въ шумной и полной отъ дождя рѣкѣ; я узналъ дитя по паролю, который цѣлые двадцать лѣтъ могли заставить его забыть только въ половину.

— Сближеніе это отчасти странно? — прибавилъ Діазъ, побужденный правдивостію канадца.

— Богъ, — сказалъ Боа-Розе торжественно, — Богъ, который повелѣваетъ вѣтру принести черезъ пространства финиковому дереву оплодотворяющую пыль; Богъ, повелѣвающий всему, развѣ не можетъ Онъ также легко послать на одну дорогу преступника и обвинителей?

Діазъ на минуту замолчалъ; потомъ не зная чѣмъ утѣшить себя противъ пламенной рѣчи канадца, которой правдивая наружность, тонъ истинности придавали непоборимую убедительность, онъ обратился къ Пепе.

— Узналь ли ты, — спросил онъ, — въ усыновленномъ сынѣ гамбузино Арелланоса сына графини де-Медіана?

— Нужно бы было никогда не видѣть его матери, чтобы не узнать его, — возразилъ Пепе; — впрочемъ пусть герцогъ Армада скажетъ самъ.

Донъ Антоніо былъ слишкомъ гордъ, чтобы лгать, онъ не могъ отвергнуть истины, не унижая себя въ глазахъ трехъ членовъ импровизованнаго судилища, не уничтоживъ единственнаго средства къ защитѣ.

— Это истинно, — сказалъ онъ, — человекъ этотъ происходитъ отъ моей крови; я не могу этого отрицать, не осквернивъ устъ своихъ ложью, ложь — дочь низости.

Діазъ поникъ головой, занялъ прежнее свое мѣсто и не сказалъ ничего болѣе.

— Вы слышали, — сказалъ Фабіанъ, — я сынъ той женщины, которую убилъ человекъ здѣсь находящійся. И такъ я имѣю право отмстить за нее. Теперь, что же говоритъ голосъ пустыни?

Потомъ обратясь къ дону Антоніо, онъ значительно и медленно произнесъ :

— Вы пролили кровь и причинили смерть, съ вами будетъ сдѣлано тоже, что сдѣлали вы другимъ.

Фабіанъ обнажилъ кинжалъ. Солнце изливало волны утренняго свѣта на пустыню и предметы бросали длинныя тѣни на ея поверхность. Молніей блеснулъ обнаженный клинокъ въ рукахъ молодаго де-Медіана; Фабіанъ погрузилъ его въ песокъ.

Кинжалъ бросилъ тѣнь равную длинѣ своей.

— Солнце, — сказалъ онъ, — измѣритъ минуты вамъ остающейся жизни. Когда тѣнь отъ кинжала этого будетъ перпендикулярна, судьба ваша будетъ рѣшена.

Мертвое молчаніе послѣдовало за послѣдними словами Фабіана, который, подъ гнетомъ сильныхъ и продолжительныхъ движеній, болѣе упалъ чѣмъ съѣлъ на надгробный камень. Боа-Розе и Пепе сидѣли также молча и такимъ образомъ, что образовывали вокругъ осужденнаго треугольникъ изъ карабиновъ, изъ которыхъ каждые два составляли уголь; потомъ всѣ четверо остались неподвижны.

Діазъ почувствовалъ тогда, что все уже конечно и не хотѣль остаться при исполненіи приговора.

Молча онъ подошелъ къ герцогу Армадъ, преклонилъ передъ нимъ колѣна, взявъ его руку и молча поцѣловалъ ее.

— Я стану молиться о спасеніи вашей души, — сказалъ онъ наконецъ тихо, — сеньоръ герцогъ Армада разрешите-ли вы меня отъ присяги.

— Да, — отвѣчалъ твердо Антоніо; — иди, и да благословить тебя Богъ за твою правдивость!

Молча удалился благородный авантюристъ. Лошадь его была недалеко. Діазъ подошелъ къ ней и, взявъ ее за поводья, медленно спустился къ рѣкѣ.

Между-тѣмъ подъ чистымъ небомъ солнце описывало вѣчную свою параболу. Тѣни уменьшались медленно. Черные ястребы безпрестанно парили надъ ихъ головами и, какъ за минуту прежде, въ Туманныхъ горахъ глухой шумъ стоналъ, какъ дальняя буря.

Блѣдный но рышительный, стоялъ злополучный графъ де-Медіана. Поглощенный послѣднимъ хаосомъ мыслей, онъ, казалось, не замѣчалъ постоянного уменьшенія тѣни.

Между прошедшимъ, ему болѣе не принадлежавшимъ, и вѣчностью, которая наставала, вышніе предметы исчезли изъ глазъ его.

Между-тѣмъ гордость боролась еще въ немъ и онъ хранилъ упорное молчаніе.

— Сеньоръ графъ де-Медіана, — сказалъ Фабіанъ, желавшій испытать послѣдній шагъ, — черезъ пять минутъ не будетъ тѣни отъ кипжала.

— Мнѣ нечего сказать о прошедшемъ, — отвѣчалъ Антоніо, — я думаю только о будущемъ для моего имени. Теперь обратите ваше вниманіе на слова, которыя сейчасъ услышите отъ меня; въ какомъ бы видѣ смерть не пришла ко мнѣ, я ничего не страшусь.

— Я слышу, — тихо сказалъ Фабіанъ.

— Вы еще очень молоды, Фабіанъ, — возразилъ Медіана; — пролитая кровь долгу будетъ тяготѣть надъ вами. Фабіанъ сдѣлалъ печальный жестъ.

— За чѣмъ осквернять жизнь, которую вы только что начали? За чѣмъ не идти по пути, который открыла вамъ неожиданная милость Провидѣнія. Вчера вы были бѣдны, безъ фамили; Богъ от-

крылъ вамъ фамилію, а она въ тоже время дала вамъ богатства; наследство имени вашего не погубило въ рукахъ моихъ; въ продолженіе двадцати лѣтъ носилъ я имя де-Медіана и я готовъ его вамъ возвратить. Возьмите сокровище, которое я уступаю вамъ съ радостью, съ счастьемъ; потому-что мое одиночество въ жизни казалось мнѣ тяжелымъ; но не приобретайте его преступленіемъ, котораго даже мнимое правосудіе не оправдаетъ и которое вы оплатите въ послѣднія минуты вашей жизни.

— Судья не долженъ слушать голоса своего сердца. Въ этихъ пустыняхъ эти два человека и я представляемъ правосудіе человеческое. Опровергните обвиненія надъ вами тяготящія, донъ Антонію, и счастливѣйшій изъ насъ обоихъ будете вы, потому-что я обвиняю, дрожа отъ ужаса, но безсилею устранить себя отъ долга.

— Подумайте объ этомъ, Фабіанъ, вѣдь это не будетъ прощеніе, но забвеніе, котораго я требую; благодаря этому забвенію вамъ предстоитъ только сдѣлаться наследникомъ Медіана, но послѣ моей смерти титулы эти обратятся въ ничто.

Послѣ словъ этихъ мертвенная блѣдность покрыла чело молодого человека; но подавляя въ глубинѣ своего сердца чувство гордости, Фабіанъ заперъ слухъ свой для голоса, предлагавшаго ему богатства вмѣстѣ съ величіемъ человеческимъ и слушалъ какъ бы пустой вѣтеръ шумящій по листьямъ ивъ.

— О! Медіана, за чѣмъ вы убили мать мою! — сказалъ Фабіанъ, закрывъ лицо свое руками.

— Сеньоръ герцога Армада, кинжалъ безъ тѣни! — торжественно прибавилъ онъ.

Донъ Антонію невольно вздрогнулъ; вѣроятно онъ вспомнилъ ту пророческую угрозу, которую двадцать лѣтъ тому назадъ высказала ему графиня де-Медіана.

Обвинитель, судья и свидетель всѣ были передъ глазами его. Вдругъ шумъ зашелестьвшихъ вѣтвей занялъ взоры актеровъ драмы, которой развязка опредѣлялась теченіемъ солнца.

Человѣкъ, въ мокромъ и запачканомъ грязью костюмѣ, показался изъ за стѣны хлопчатника: это былъ Кухило. Съ видомъ невозмутимой радости разбойникъ шелъ впередъ, слегка прихрамывая. Видъ его не тронулъ улыбкой ни одного изъ четырехъ людей такъ глубоко погруженныхъ въ себя.

— Саганба! Вы меня не ожидали?—закричалъ онъ,—я долго упорствовалъ оставаться въ банъ, самой неприятной какую когда-либо я принималъ собственно изъ опасенія причинить всеъ вамъ безпокойство, которымъ страдало мое самолюбие (Кухилло не говорилъ о вылазкѣ своей въ горы), но вода этого озера такъ холодна, что я чуть не умеръ тамъ отъ холода—опасность гораздо большая, чѣмъ встрѣча съ старыми друзьями; прибавьте къ этому еще и то, что рана въ ногъ моей открылась, я почувствовалъ ее снова, я ее уже давно получилъ.... очень давно, очень давно, еще въ молодости своей. Сеньоръ донъ Эстеванъ, донъ Тибурціо, я вашъ покорнѣйшій слуга.

Глубокое молчаніе поглотило эти слова Кухилло. Онъ почувствахъ себя въ роль зайца, уходящаго отъ зубовъ гончихъ, но онъ прикрылся безстыдствомъ, чтобы уладить свое болѣе чѣмъ ненадежное положеніе.

Одинъ охотникъ устремилъ на Фабіана взоръ, когорымъ, казалось, спрашивался о побужденіи насильнаго вступленія этого челоуька съ безстыднымъ и злобнымъ видомъ, съ грязно зеленоватою бородою.

— Это Кухилло!—сказалъ Фабіанъ въ отвѣтъ на взглядъ Боа-Розе.

— Кухилло недостойный вашъ рабъ,—сказалъ негодой,—удивляющійся, сеньоръ охотникъ, вашимъ великимъ подвигамъ. Рѣшительно, —думалъ Кухилло, — мое присутствіе для нихъ гораздо сноснѣе, чѣмъ я думалъ.

Потомъ желая удвоить безстыдство свое на этотъ холодный приѣмъ, на это молчаніе подобное тому, которое встрѣчаетъ всякаго приходящаго въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, онъ снова началъ громко, примѣтя во всеъ торжественное какое-то состояніе.

— Но я замѣчаю, что вы заняты дѣлами, и я, можетъ быть, въ этомъ случаѣ пошутилъ нескромно, я удаляюсь: есть минуты, въ которыя не терпится помѣха, я это знаю по опыту.

Сказавъ слова эти, Кухилло сдѣлалъ попытку убраться вторично сквозь зеленую ограду Золотой Долины, но суровый голосъ Боа-Розе его удержалъ.

— Остаься здѣсь, Кухилло! — сказалъ ему охотникъ.

— Охотникъ слышалъ о моихъ умственныхъ способностяхъ,—говорилъ самъ себѣ Кухилло;—они нуждаются во мнѣ. Гораздо лучше же съ ними подѣлиться, чѣмъ ничего самому не имѣть, но навѣрно эта золотая доля не околдована. Вы позволите, сеньоръ канадецъ,

сказалъ онъ, относясь къ охотнику.

Повелительный жестъ Фабіана быстро прервалъ вопросъ Кухилло.
— Тине, — сказалъ онъ, — не возмущай послѣднихъ мыслей христіанина, готовящагося къ смерти...

Мы уже сказали, что подъ книжаломъ не было тѣни.

— Сеньоръ де-Медіана, — прибавилъ Фабіанъ, — я требую еще отъ васъ именемъ, которое мы носимъ, честью и спасеніемъ вашей души, невидны-ли вы въ смерти моей матери?

На этотъ послѣдній вопросъ донъ-Антоніо сказалъ со всею твердостью.

— Мнѣ нечего говорить, только равные со мною имѣютъ право судить меня, да исполнится же нашъ жребій!

— Богъ видитъ и слышитъ меня! — сказалъ Фабіанъ.

Потомъ отвелъ Кухилло въ сторону:

— Этотъ человекъ, осужденъ на смерть, — сказалъ онъ ему. — Въ качествѣ представителей человѣческаго правосудія пустыни этой, мы возлагаемъ на тебя исполненіе приговора и за это сокровища этой долины будутъ твоими.

— Не проживешь сорока лѣтъ безъ того, чтобы не имѣть грѣховъ на совѣсти, сеньоръ донъ-Тибурціо. Вѣдь вы сказали, что все золото Золотой Долины мое?

— Все, до послѣдней частички!

— Сагамба! Не смотря на мою скромность, это однакожъ цѣна хорошая, я не стану торговаться и еслибы вамъ нужна была съ моей стороны еще какая-либо услуга, пожалуйста не стѣсняйтесь; я готовъ сдѣлать ее за ту же цѣну.

Все сказанное нами передъ этимъ оправдало появленіе Кухилло. Скрывавшійся въ соседнемъ озерѣ, бандитъ вышелъ изъ него въ то время, когда совершался прологъ драмы, въ заключеніе которой онъ явился. Встрѣча въ горахъ Бораджи и Ороха заставила его приняться за первую его идею, то есть пристать къ побѣдителю. Сообразивъ все, онъ увидѣлъ, что дѣла приняли оборотъ гораздо лучшій, чѣмъ онъ ожидалъ. Между тѣмъ онъ не скрывалъ опасности быть убійцею того человека, которому извѣстны были все его преступленія и который однимъ своимъ словомъ могъ предать его неумолимому суду пустыни.

Онъ понялъ, что для того, чтобы получить обѣщанную плату,

чтобы на всегда закрыть ротъ Антонію, нужно было обмануть его самого и оъ нашель случай шепнуть на ухо осужденному :

— Не бойся ничего ... съ тобою я.

Созерцатели этой страшной сцены сохраняли глубокое молчаніе подъ различными впечатльнїями, которыя она въ нихъ возбудила. За энергіей воли въ душѣ Фабіана послѣдовало совершенное изнеможеніе, чело его поникло къ землѣ, то блѣдень, то багровъ, онъ похожъ былъ на человѣка, надъ которымъ собственное его правосудіе произнесло приговоръ.

Боа-Розе, у котораго ежедневныя опасности жизни матроса и охотника сгладили этотъ физическій страхъ при гибели человѣка, казалось былъ единственнымъ задумчивымъ зрителемъ молодаго человѣка, котораго онъ любилъ какъ сына и котораго грустный видъ возбудилъ въ немъ тоску.

Пепе съ своей стороны подъ маскою безчувственности старался скрыть мятежныя чувствованїя удовлетвореннаго мщенїя и, по примѣру своихъ товарищей, сохранялъ молчаніе.

Одинъ Кухилло съ трудомъ обуздывалъ радость свою при мысли объ огромной суммѣ, которую онъ получить.

И онъ сталъ приближаться къ дону Антонію. Блѣдный, съ пылающими глазами, не зная видѣть-ли въ Кухилло избавителя или орудіе казни испанецъ не трогался съ мѣста.

— Мнѣ предсказано было, что я умру въ пустынь, и я осужденъ на смерть. Неужели мнѣ еще суждено умереть отъ руки этого человѣка ?

Сеньоръ Фабианъ, я прощаю васъ, но можетъ ли этотъ бандитъ не быть и для васъ также пагубнымъ, какъ онъ теперь пагубенъ для брата вашего отца, какъ былъ. ...

Крикъ Кухилло, крикъ ужаса прервалъ послѣднюю рѣчь герцога Армады.

— Къ оружію, къ оружію ! вотъ индѣйцы ! — кричалъ онъ.

Въ безпокойствѣ, Фабианъ, Боа-Розе и Пепе схватили свои ружья ; Кухилло воспользовался этимъ короткимъ мигомъ и бросился къ донъ Антонію. Несчастннй Медіана, въ крови, повалился на землю.

Улыбка показалась на устахъ Кухилло, донъ Антонію унесъ съ собою тайну бандита.

IX.

За столь быстро совершившимся убійствомъ послѣдовалъ моментъ совершеннаго изумленія . Донъ Антонио уже не трогался съ мѣста. Фабианъ, казалось, забылъ, что бандитъ только посвѣшилъ исполнить приговоръ, который онъ самъ произнесъ :

— Несчастный ! — закричалъ онъ, бросившись съ карабиномъ въ рукахъ на Кухилло, и какъ бы намъревааясь поподчивать убійцу прикладомъ ружья своего.

— Ба, ба ! — отступая сказалъ Кухилло, когда увлеченный снисхожденіемъ къ убійцѣ дона Антонио, Пеле сталъ между ихъ обоихъ, — вы горячи и запальчивы какъ дикій конь или мгновенно подымающій на рога свирѣпый быкъ. Индѣйцы слишкомъ заняты, чтобы думать объ насъ. Это была хитрость съ моей стороны затѣмъ, чтобы поскорѣе выполнить свое дѣло. Не будьте неблагодарны ; отчего вамъ не согласиться ? Передъ донъ Эстеваномъ вы всякую минуту были такимъ снисходительнымъ, какого я не видывалъ никогда. Вы добры, благородны, великодушны ; цѣлую жизнь свою вы тосковали бы о донъ Эстеваномъ : всѣ угрызенія я принялъ на себя, вотъ и все тутъ.

— У этого негодяя быстрое соображеніе и вѣрная рука, — замѣтилъ эксъ-карабинеръ.

— Да, — отвѣчалъ Кухилло явно похваленный.

Когда я люблю людей, то всегда для нихъ забываю себя ; — это моя слабость. Когда я увидѣлъ, что вы такъ великодушно простили мнѣ ударъ.... царапину, которую я вамъ нанесъ, я захотѣлъ отплатить вамъ за нее новою услугою ; а остальное беру на себя и на свою совесть.

— Ахъ, — прошепталъ Фабианъ, вздохнувъ, — я все еще надѣялся простить его.

— Къ чему это ? — прервалъ его эксъ-карабинеръ. — Простить убійцу своей матери, сеньоръ донъ Фабианъ, это было бы низко ; наказать преступника, на это я согласенъ даже, но Кухилло вывелъ насъ изъ затрудительнаго положенія. Какъ думаешь ты, Боа-Розе ?

— Съ доказательствами, какими мы владѣемъ, и судилище городское присудило бы убійцу къ смерти ; индѣйское право также его бы

не пощадило ; и я скажу, какъ и Пепе, что это дѣло Кухилло.

Передъ рѣшеніемъ стараго охотника Фабіанъ преклонился, но по временамъ, молча, онъ какъ бы не могъ освободиться въ глубинѣ своего сердца отъ голоса упрековъ, его не оставлявшихъ, когда только начиналъ онъ радоваться или скучать объ этой неожиданной катастрофѣ.

Между тѣмъ облако тяжелой печали затмило чело его. Менѣе привыкшій, чѣмъ двое его дикихъ товарищей къ кровавымъ сценамъ, онъ признавалъ, только вздыхая, неумолимую ихъ логику.

Въ продолженіе этого времени, Кухилло прибѣгнувъ снова къ своей дерзости, обстоятельства клонились къ лучшему. На трупъ, который не могъ уже говорить, онъ бросилъ взглядъ ненависти и проворчалъ въ полголоса :

— Что значить судьба ! Двадцать лѣтъ уже какъ жизнь моя зависѣла отъ недостатка только дерева.

Потомъ обратясь къ Фабіану :

«Дѣло доказанное,—сказалъ онъ,—что я сдѣлалъ для васъ большую услугу. Ахъ ! Тибурцію, вы должны навсегда быть мнѣ обязаны ; тѣмъ болѣе что я великодушно предложилъ вамъ даже средства къ расплатѣ. Тамъ есть много сокровищъ, относительно которыхъ вамъ стоитъ только припомнить свое слово данное тому, кто для васъ не устранился въ первый разъ, осмѣливаясь это замѣтить, рѣшиться на явную борьбу съ своей совѣстью.

И Кухилло, не смотря на обѣщаніе Фабіана оставить ему золото, предметъ его алчности, ожидалъ отвѣта Фабіана.

— Ахъ ! это правда ! цѣна за кровь—вамъ должно,—сказалъ онъ бандиту. Кухилло показавъ недовольный видъ.

— Хорошо. За то ты будешь щедро награжденъ,—сказалъ съ видомъ презрѣнія молодой человекъ.—Вѣдь не было же сказано, что я стану дѣлиться съ тобою ; золото все твое.

— Все ! — закричалъ не хотѣвшій вѣрить ушамъ своимъ Кухилло.

— Развѣ я этого тебѣ не сказалъ ?

— Вы поступаете безразсудно ! — разомъ закричали охотникъ и карабинеръ, — бездѣльникъ убилъ бы его ни за что.

— Вы ! — кричалъ Кухилло, — вы одни достойною цѣною цѣните мои мученія. Какъ ? все это золото ?

— Все до пылинки,—возразилъ Фабианъ ;—общаго въ немъ между мною и тобою не будетъ ничего.

И онъ сдѣлалъ знакъ Кухилло. Перескочивъ черезъ кусты хлопчатника, бандитъ устремился къ Туманнымъ горамъ, къ тому мѣсту, гдѣ привязалъ свою лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ, Кухилло возвращался уже съ цаноромъ своимъ въ рукъ. Пробравшись сквозь густоту вѣтвей, замыкавшихъ Золотую Долину, онъ тотчасъ исчезъ изъ глазъ Фабиана.

Солнце, достигши середины пути своего, светило какъ-то особенно ярко, испуская тысячи огненно-золотыхъ лучей, разсѣвавшихся по долинамъ.

Дрожь пробѣжала по всемъ жиламъ Кухилло. При видѣ этихъ огненныхъ струй свѣта, сердце его трепетало, онъ похожъ былъ на тигра, вскочившаго въ овчарню, не зная на какую напасть жертву ; дикимъ взоромъ онъ пробѣжалъ по сокровищамъ, разсыпаннымъ подъ его ногами, и не доставало только, чтобы въ безумномъ восторгѣ онъ не закружился въ этихъ золотыхъ волнахъ, какъ отчаянная лапа въ волнахъ озера. Тѣмъ не менѣе однакожъ самая сила жадной страсти, кипѣвшей въ его сердцѣ, вызвала въ немъ какое-то хладнокровіе. Онъ раскинулъ на песокъ свой плащъ и безсильный захватить все сокровища Золотой Долины, онъ только бросалъ вокругъ себя безпокойные взоры. Кухилло наслаждался зрѣніемъ.

Въ продолженіе всего этого времени, сидѣвшій на долинахъ Діазъ не пропустилъ изъ виду почти ни одной подробности изъ этой сцены. Онъ видѣлъ внезапное появленіе Кухилло, разгадалъ роль, которую ему поручили выполнить, слышалъ крикъ ложной тревоги бандита, потомъ наконецъ и кровавая развязка драмы отъ него не ушла.

До-сихъ-поръ онъ оставался неподвиженъ среди долины, какъ статуя.

Когда трое охотниковъ увидѣли, что Діазъ всталъ и подходилъ къ шимъ, Кухилло исчезъ уже въ Золотой Долинѣ. Діазъ шель медленно.

Рука его держалась за узду коня, омраченное печалью чело повикло къ землѣ. Авантюристъ бросилъ грустный взглядъ на герцога, плававшего въ крови ; смерть не измѣнила на лицѣ его выраженія постоянной его гордости.

— Я не порицаю тебя, — сказалъ онъ. — На твоемъ мѣстѣ я сдѣ-

лалъ-бы тоже, сколько индѣйской крови не пролилъ-бы я, для утоленія своего мщенія!

— По дѣламъ и мука! — сказалъ Боа-Розе, проведя рукой по сѣдымъ своимъ волосамъ и бросивъ на авантюриста взглядъ симпатіи. — Пепе и я, мы должны сказать, что съ нашей стороны...

— Я не осуждаю васъ, но плачу, потому что я видѣлъ, какъ въ моихъ глазахъ почти палъ человекъ съ сильнымъ сердцемъ, человекъ, въ рукахъ котораго была будущая судьба Соноры и что вмѣстѣ съ тѣмъ погибла и слава моего отечества.

— Это былъ человекъ не съ сильнымъ, но каменнымъ сердцемъ, — замѣтилъ Боа-Розе; — пусть Богъ упокоитъ его душу!

Печальная дрожь овладѣла сердцемъ Фабіана. Надъ тѣломъ герцога Діазъ прочиталъ отходную.

— Вмѣстѣ съ нимъ, мы мечтали объ освобожденіи могущественной провинціи и о дняхъ ея блестящей славы; но ни онъ, ни я и никто въ міръ не увидитъ ея. Ахъ! почему вмѣсто его не убили меня! Никто и не подумалъ-бы о томъ, что меня не стало.

Смерть воина ни сколько не повредила дѣлу, которому мы служили оба; но смерть предводителя сгубила его на вѣки. Сокровища, здѣсь скопившіяся, послужили-бы только средствомъ къ возрожденію Соноры. Вамъ неизвѣстно, быть можетъ, то, что есть близъ этихъ мѣстъ...

— Нѣтъ, мы это знаемъ! — прервалъ его Фабіанъ.

— Хорошо, но я не хочу теперь заниматься этими безпредѣльными принсками, я всегда предпочиталъ лучше собственноручно убить индѣйца, чѣмъ любоваться видомъ цѣлаго озера золотоноснаго песку.

Эта ненависть къ индѣйцамъ еще болѣе увеличила симпатію Боа-Розе, полюбившаго уже Діаза за его некорыстолюбіе и храбрость.

— Еще въ гавани, — продолжалъ Діазъ печальнымъ тономъ, — мы поставили на мель все это изъ за обмана измѣнника, котораго я хочу предать вашему правосудію, не потому что онъ васъ обманулъ, но потому что онъ разбилъ орудіе, избранное для возведенія моего отечества на степень могущественной державы.

— Что ты хочешь сказать, — закричалъ Фабіанъ, — неужели это Кухилло?...

— Да, этотъ негодяй покушавшійся васъ зарѣзать однажды на мызѣ

дель Вепало, а въ другой разъ въ сосѣднемъ лѣсу, когда провожалъ насъ въ Золотую Долину.

— Такъ это Кухилло продалъ вамъ секретъ? Я былъ впрочемъ въ томъ увѣренъ; но знаете-ли вы объ этомъ подлинно?

— Такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что некогда я предстану предъ Богомъ; несчастный донъ-Эстебанъ рассказывалъ мнѣ, какъ узналъ Кухилло о существованіи и мѣстѣ сокровища; потому-то онъ и убилъ того, кто первый открылъ ему секретъ этотъ. Теперь судите, что человекъ, дважды злоумышлявшій на жизнь вашу, заслуживаетъ примѣрное наказаніе, опредѣленіе котораго зависитъ отъ васъ.

Окончивъ это показаніе, Педро Діазъ подтянулъ у своей лошади подпруги и готовился уѣхать.

— Еще слово, — сказалъ Фабіанъ. — А давно-ли у Кухилло, вотъ эта сѣрая лошадь, что хромаетъ на правую ногу?

— Больше двухъ лѣтъ она у него, какъ онъ самъ мнѣ сказывалъ.

Стѣна хлопчатника скрыла отъ взоровъ Кухилло послѣднюю эту сцену; но упавшая къ ногамъ его стрѣла не отвлекла-бы ни одного изъ его взглядовъ отъ зрѣлища, ослѣпившаго глаза его. Ставъ на колѣни, онъ ползалъ по землѣ, усѣянной золотыми кремнями. По распухшимъ на лбу его жиламъ и вспотѣвшему лицу, онъ похожъ былъ болѣе на жертву какой-то моральной муки, чѣмъ на полнаго обладателя столькихъ сокровищъ — цѣли, къ которой непрерывно стремились всѣ его мечты.

Діазъ кончилъ страшное свое показаніе въ ту минуту, когда Кухилло, вполне поддавшись своимъ чувствамъ, нагребъ наконецъ передъ собою цѣлую пирамиду блестящаго золота.

— Ахъ! ужасенъ и пагубенъ день этотъ, — сказалъ Фабіанъ, въ глазахъ котораго послѣдняя часть показанія Діаза устранила всякое сомнѣніе. — Что долженъ я сдѣлать съ этимъ человекомъ; вамъ объ немъ извѣстно, какъ поступилъ онъ съ отцемъ меня усыновившемъ? Пепе, Боа-Роза, дайте мнѣ советъ, потому что я потерялъ и силы и рѣшимость: — да, слишкомъ уже много душевныхъ тревогъ для одного дня,

— Низкій плутъ, убившій вашего отца неужели заслуживаетъ болѣе уваженія, чѣмъ тотъ, который убилъ вашу мать, дитя мое? — рѣшительно отвѣчалъ канадецъ.

— Будь отецъ вашъ или кто другой его жертвой, этотъ раз-

бойникъ заслуживаетъ смерти, — прибавилъ прянувшій въ сѣдло Діазъ, — и я оставляю его вашему правосудію.

— Мнѣ жаль, что ты уезжаешь, — сказалъ Боа-Розе авантюристу, — такой заклятый врагъ индѣйцевъ, какъ ты, — товарищъ, сообщество котораго я вполне оцѣнилъ-бы.

— Мой долгъ зоветъ меня въ лагерь, изъ котораго я выгналъ подл несчастной звѣздой злополучнаго дона Эстевана, — отвѣчалъ авантюристъ, — но есть двѣ вещи, которыхъ я никогда не забуду, это поступокъ благороднаго непріятеля и клятвы моей, вамъ данной: никому въ мірѣ не открывать безчисленныхъ сокровищъ этихъ. Сказавъ эти слова праводушный Діазъ быстро удался, разсуждая о средствахъ снискать любовь и уваженіе къ себѣ и о попеченіи на счетъ безопасности экспедиціи, предводитель которой, умирая, поручилъ ему начальство.

Три друга скоро потеряли его изъ виду.

Но удаленіи Діаза вдоль по рѣкѣ, по направленію къ мексиканскому лагерю, вѣхалъ другой всадникъ — это былъ Бораджа.

Съ сердцемъ, исполненнымъ гнусныхъ страстей, погубившихъ его товарища, и томимый болѣе, чѣмъ когда-нибудь жаждою золота, онъ рѣшился наконецъ разделить добычу и скакалъ отыскать подкрѣпленіе, надѣясь найти въ лагерь мечъ и огонь для окончанія дѣла.

Солнце поднялось и освѣтило на долину Кухилло, жадно согнувшася надъ кучею золота да трехъ совѣщавшихся между собою всадниковъ.

Фабіанъ молча слушалъ Боа-Розе и Пеле.

— Вы дали обѣтъ, — сказалъ послѣдній, — отъ котораго ничто не можетъ васъ отрѣшить; жена Арелланоса приняла его на смертномъ одрѣ; вы имѣете убійцу мужа ея въ своей власти; не нужно-же отъ него отказываться.

Потомъ замѣтя въ фигурѣ Фабіана перъшинтельность, исполненную тоски, — онъ прибавилъ съ тою ѣдкою провіею, которая составляла главную черту его характера:

— Но если роль эта такъ отвратительна для васъ, то я принимаю ее на себя; хотя не имѣю противъ Кухилло ни малѣйшей злобы, я могу его повѣсить безъ всякаго сожалѣнія и вы увидите, довѣ Фабіанъ, что плутъ этотъ ни мало не удивится тому, что я ему скажу. Народъ съ наружностью, какова у Кухилло, того только и

ждетъ постоянно, чтобъ повѣсили его въ первую-же удобную минуту.

Послѣ такого разумнаго сужденія, Пепе пошелъ къ зеленой оградѣ ихъ отдѣлявшей отъ Кухилло, который, чуждъ всего вокругъ его происходившаго, озаренный и ослѣпленный сверкающими искрами золота, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Скорчившіеся его пальцы рыли песокъ съ жадностью голоднаго отрывающаго трупъ шакала.

— Сеньоръ Кухилло! — кричалъ, разведя вѣтви хлопчатника, Пепе, — гей! сеньоръ Кухилло, слово одно!

Но Кухилло не слышалъ. Только послѣ третьяго воззванія онъ повернулъ голову и показалъ карабинеру пылающую свою физиономію, прикрывъ прежде полою своего плаща кучу нагребеннаго имъ золота.

— Сеньоръ Кухилло! — повторилъ Пепе, — сейчасъ я слышалъ, что ты произнесъ философскую истину, которая даетъ мнѣ высочайшую идею о твоёмъ характерѣ.

— Убирайся ты себя!... — утирая вспотѣвшій лобъ свой, говорилъ про себя Кухилло, — на что я тебя нуженъ. Этотъ народъ становится слишкомъ нескромнень; но, вѣдь, онъ чортъ побери, платитъ очень щедро....

Потомъ громко :

— Философскую истину! — сказалъ онъ, съ презрѣніемъ выбросивъ изъ руки песокъ. — Какую? Я ихъ много хорошихъ говорилъ: моя философія въ большомъ ходу.

Въ позѣ гордаго нераднія, опершись на карабинъ, стоялъ Пепе за зеленымъ заборомъ Золотой Долины, а Кухилло нѣсколько дальше возвысилъ свою голову на верхъ невысокаго уровня зеленого холма. Съ виду они оба похожи были на двухъ деревенскихъ соседей, сошедшихся побесѣдовать на обильную тему о погодѣ

Судя по тону миролюбія, съ которымъ они переговаривались, ни кто-бы и не подумалъ о страшной развязкѣ ихъ бесѣды.

— Я тоже говорилъ, — отвѣчалъ онъ. — Отъ чего можетъ зависть, какъ ты сказалъ судьба челоуѣка! — Вотъ двадцать лѣтъ уже, какъ жизнь моя зависитъ только отъ отсутствія дерева.

— Это правда, — разсѣянно отвѣчалъ Кухилло, — но я примирился съ большими деревьями и сталъ предпочитать имъ кустарники.

— Я тоже говорилъ.

— И потомъ по моему любимому правилу, благоразумный чело-
вѣкъ долженъ примиряться съ маленькими неудобствами.

— Я тоже это говорилъ.

— Но кстати, — прибавилъ съ какимъ-то перадышемъ Пене, —
вотъ на томъ крутомъ холмѣ есть двѣ великолѣпныя ели, которыя
свѣсились надъ самою пропастью; онѣ, я думаю, въ продолженіи цѣ-
лыхъ двадцати лѣтъ порядочно таки тебя обезпокоивали.

— Не скажу, нѣтъ; но теперь я объ нихъ столько-же беспокоюсь,
какъ о кустъ орегано.

— Я тоже это говорилъ.

— Я это говорилъ? — повторилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ
Кухилло. — Ахъ да! — вѣдь ты сдѣлалъ мнѣ честь замѣтить обо мнѣ?
и съ какой стороны?

— О! но вѣдь это простая только замѣтка. Я и двое моихъ дру-
зей мы имѣли нѣкоторыя основанія думать, что близъ этихъ горъ
есть Золотая Долина; но нашли ее только послѣ долгихъ поисковъ.
А ты, вѣроятно, ее знаешь лучше нашего; потому что не даромъ безъ
всякаго колебанія и не теряя ни минуты вѣрно укажешь на то, что
ты называешь родникомъ и изъ котораго, я думаю, ты уже поживился.

При воспоминаніи о неблагоразуміи, которое онъ сдѣлалъ и о нео-
жиданной этой атакѣ у Кухилло подкосились ноги.

— Да мое памѣреніе тоже ни на что другое не употреблять это зо-
лото, какъ только на дѣла благотворенія, — сказалъ онъ, скрывая
сколько могъ досаду свою. — А что касается до чудесной этой
долины, но это... просто... это дѣло случая, что я узналъ о ней.

— Случай всегда помогаетъ добродѣтели, — флегматически при-
бавилъ Пене. — Впрочемъ на твоемъ мѣстѣ я не оставался-бы по-
коенъ на счетъ сосѣдства двухъ этихъ елей!

— Что ты хочешь мнѣ сказать? — закричалъ, блѣднѣя, Кухилло.

— Ничего, кромѣ того, что это одно изъ тѣхъ маленькихъ не-
удобствъ, на которыя, какъ ты сейчасъ самъ сказалъ, челоувѣку не
нужно обращать вниманія. Чортъ побери, вѣдь ты досталъ такую
себѣ добычу, которой позавидуетъ самъ голкондскій владѣтель!

— Но я правильно приобрьлъ это золото! — закричалъ раздраженный
Кухилло, — и не доверяя помѣхамъ карабинера, онъ въ его угро-
жающихся прималчиваньяхъ видѣлъ только сожалѣніе обманутой стра-
сти. Подобно пловцу, который въ бурю выбрасываетъ часть своего

груза, чтобы спасти остальную, Кухилло, вздыхая, рѣшился отвратить угрожающую ему опасность на свой счетъ.

— Я тебя повторяю, — говорилъ онъ, понизивъ голосъ, — что одному случаю обязанъ я знаніемъ объ этомъ приискѣ, но я сознаю всю выгоду своего поступка и вовсе не намѣренъ брать твоей доли. Послушай! — продолжалъ онъ, — здѣсь въ одномъ мѣстѣ есть такой кусокъ золота, который выше всякой цѣны. И онъ будетъ твой. Ахъ! твоя доля гораздо будетъ драгоценнѣе моей.

— Надѣюсь, — отвѣчалъ Пепе, — но въ которомъ-же мѣстѣ призапасъ ты мою долю!

— Вотъ тамъ на верху! — сказалъ Кухилло, указывая на вершину пирамиды.

— На верху? Близъ этихъ елей? Ахъ! сеньоръ Кухилло, какъ я радъ, что ты не пошелъ въ дурную сторону глупой шутки, и что ели не внушаютъ тебѣ отвращенія, какъ и кустъ орегано. Между нами будь сказано, донъ Тибурціо, котораго ты видишь столь погруженнымъ въ задумчивость, сожалѣетъ только объ огромной платѣ за трудъ тебѣ имъ порученный, который онъ самъ могъ-бы легко сдѣлать.

— Огромная плата! Это самая умеренная цѣна, и я въ ней потерялъ еще, — кричалъ Кухилло, не скрывая уже своего обычнаго безстыдства, замѣтивъ перемену въ тонѣ и въ манерахъ карабинера.

— Согласенъ, — возразилъ Пепе, — но наконецъ онъ сталъ-бы раскаиваться въ дешевицѣ и я долженъ признаться въ томъ, что если бы онъ приказалъ прострѣлить тебя, чтобы поправить дѣло, то я бы его, право, не слушался. Впрочемъ для успокоенія его, позволь мнѣ позвать его къ намъ, или покажи лучше мнѣ долю, которой угодно было твоей милости меня подарить. После чего мы сравнимъ наши части, и что ты себѣ не рассказывай, но часть достающаяся на твою долю превзойдетъ все твои ожиданія.

— Пойдемъ, — сказалъ Кухилло, въ восторгъ, что такъ выгодно окончилось для него дѣло, развязка котораго начинала серьезно его беспокоить.

И бросивъ томный взглядъ на нагребенную кучу золота, онъ пошелъ къ вершинѣ горы. Но какъ только онъ достигъ ее, Фабианъ и Боа-Розе, по приглашенію Пепе, взбирались уже на крутизну съ другой стороны.

— Никто не можетъ избѣгнуть своей участи, — сказалъ Пепе Фабиану, — и я хорошо предвидѣлъ, что этотъ негодяй не поморщится, но какъ-бы то ни было, вспомните, что вы поклялись отмстить смерть отца, васъ усыновившаго. Спихожденіе подобнымъ плутамъ есть преступленіе передъ цѣлымъ обществомъ. Боа-Розе и мы нуждаемся въ вашей помощи.

— Маркъ Арелланосъ просилъ милости, но не получилъ ее, — сказалъ Фабианъ; — пусть и съ этимъ извергомъ будетъ поступлено такъ, какъ онъ самъ поступалъ съ другими.

И три эти неумолимые челоѵка торжественно съѣли па вершинѣ пирамиды, гдѣ ждалъ уже ихъ Кухилло. При видѣ суровой наружности тѣхъ, къ кому онъ такъ основательно постигъ внутреннюю боязнь, всѣ опасенія его поднялись съ новой силой, хотя старался онъ сохранить все свое спокойствіе.

— Посмотрите, — сказалъ Кухилло, указавъ на дугообразное полотно шумѣвшаго водопада, — посмотрите вотъ до того мѣста доходили блестящіе лучи золотаго самородка, котораго одинъ слѣдъ остался теперь подъ стѣпой скалы.

И тотчасъ примѣтивъ жаднымъ взоромъ, что золота тамъ не было, онъ дико и глухо вскрикнулъ.

Но глаза его судей не смотрѣли туда, куда указывалъ Кухилло.

Фабианъ медленно поднялся; дрожь страха потрясла Кухилло, когда взглянулъ на него Фабианъ.

— Кухилло, — сказалъ онъ, — ты помѣшалъ умереть мнѣ отъ жажды, но я не остался неблагодарнымъ передъ тобою. Я простилъ тебѣ ударъ кинжаломъ, которымъ ты поразилъ меня въ гациндѣ дель Венадо. Я простилъ тебѣ за выстрѣлъ изъ карабина, которымъ ты одинъ только могъ поподчивать насъ съ этой пирамиды, наконецъ я простилъ тебѣ и всѣ покушенія на жизнь мою, которую ты мнѣ спасъ однажды, но не довольствуясь всѣми этими прощеніями тебѣ, я даже заплатилъ тебѣ очень щедро.

— Я этого не отрицаю, но этотъ почтенный охотникъ, который съ такой заботой вызвалъ меня проводить васъ до столько интересующаго васъ мѣста, долженъ-бы сказать вамъ, какъ я необходимъ для васъ въ этомъ отношеніи.

— Я простилъ тебя, — возразилъ Фабианъ, — но въ числѣ прочихъ

преступлений твоихъ одно есть такое, за которое даже обыкновенная твоя совѣсть оправдать тебя не можетъ.

— Я не умѣю ссориться съ моею совѣстью, — возразилъ Кухилло, лукаво улыбаясь, — по мнѣ кажется, что мы удаляемся отъ нашего предмета.

— Этотъ другъ, котораго такъ подло ты убилъ....

— Онъ торчалъ мнѣ бѣльмомъ на глазахъ, и право утрата его очень полезна, — прервалъ Кухилло. — Но позвольте.. .

— Не притворяйся, будто ты меня не понимаешь! — закричалъ выведенный изъ терпѣнія безстыдствомъ плута Фабианъ.

Кухилло сталъ припоминать:

— Если выговорите о Тіо Томасъ, то это дѣло темное, но....

Фабианъ открылъ уже ротъ съ полнымъ намѣреніемъ обвинить Кухилло въ убійствѣ Арелланоса, но Пепе предупредилъ его.

— Меня интересуетъ, — сказала онъ, — подлинная исторія о Тіо Томасъ; и если сеньоръ Кухилло откажется удовлетворить мое любопытство, это будетъ досадно.

— На опытъ я дозналъ, — сказала довольный комплиментомъ Пепе, Кухилло, — какъ мало людей на свѣтѣ съ такой щекотливою совѣстью, какъ моя; вотъ въ чемъ дѣло: Тіо Томасъ былъ мой другъ и имѣлъ у себя племянника, которому невыносимо было ждать наследственныхъ богатствъ отъ дяди своего. За то, чтобы прервать ожиданіе и ускорить полученіе наследства, племянникъ далъ мнѣ сто піастровъ, но дѣло это ничтожно за столь огромное наследство.

Я предупредилъ Томаса и получилъ отъ него двѣсти піастровъ, чтобы устранить навсегда наследника отъ его наследства. Я сдѣлалъ впрочемъ глупость.... не предупредивъ племянника, какъ нужно-бы было сдѣлать. Съ-этихъ-то-поръ я узналъ, что значитъ имѣть дѣло съ такой сварливой совѣстью, какъ она у меня. Въ слѣдствіе чего я постарался за дѣло примириться съ нею. Деньги, полученные мною отъ племянника, не давали мнѣ покоя и я рѣшился отдаться и отъ этого.

— Отъ денегъ?

— Нѣтъ!

— А ты отдѣлался отъ дяди въ свою очередь! — вскричалъ Пепе.

Кухилло поклонился.
— Съ-тѣхъ-поръ-то совѣсть моя и покойна, потому-что я получилъ триста піастровъ.

Еще улыбка не оставила Кухилло, когда Фабіанъ сказалъ:
— Такъ тебѣ заплатили за убійство, Марка-Арелланоса?

При этомъ гнѣвномъ обвиненіи блѣдность разстроила черты Кухилло. Онъ не могъ болѣе не узнать жребія его ожидающаго. Появка съ глазъ его вдругъ упала и мечту быстро смѣнила страшная дѣйствительность.

— Марка Арелланоса,—повторилъ онъ, заикаясь, какъ-бы потухшимъ голосомъ,—кто вамъ это сказалъ? Я его не убивалъ.

Фабіанъ горько улыбнулся.

— Кто говоритъ,—закричалъ онъ,—пастуху, гдѣ берлога ягуара? Кто говоритъ пастуху, куда ушла лошадь, за которою онъ гнался? Кто говоритъ индѣйцу о врагѣ, котораго онъ ищетъ? Развѣ поверхность озера не показываетъ сверхъ водъ его летящей птицы или тучи въ ней отражающейся; земля, трава, мохъ развѣ не хранятъ для глазъ нашихъ пустынныхъ тропинокъ, слѣдовъ ягуара, лошади, индѣйца, развѣ ты этого самъ не знаешь, какъ и я?

— Я не убивалъ Арелланоса,—повторялъ убійца.

— Ты его убилъ, ты зарѣзалъ его у огня общаго и бросилъ тѣло его въ рѣку! Земля все мнѣ рассказала, начиная съ изъяна лошади, на которой ты ѣздилъ, и до раны въ ногу, которую ты получилъ въ борьбѣ ...

— Пощадите, сеньоръ донъ Тибурціо! — кричалъ Кухилло, пораженный внезапнымъ открытіемъ. — Возьмите все золото, которое вы мнѣ дали, только пощадите мою жизнь, и чтобы васъ отблагодарить, я готовъ служить вамъ, но оставьте мнѣ жизнь, жизнь... — вопилъ онъ, ваяясь у ногъ Фабіана.

— Арелланосъ также молилъ тебя о пощадѣ, но послушалъ-ли ты его?—сказалъ отворотившись Фабіанъ.

— Но я убилъ его за тѣмъ, чтобъ одному завладѣть золотомъ, которое теперь я вамъ предлагаю за жизнь мою; чего-же вамъ больше? — продолжалъ онъ, противясь Пепе, который не позволялъ ему цѣловать ногъ Фабіана.

Съ чертами искаженными страхомъ, съ сѣдою пѣной на губахъ,

съ необыкновенно разширившимся глазами, но безъ взора, Кухилло молилъ еще о пощаду, усиливаясь доползти до Фабиана и въ усильяхъ своихъ бандить незаметно очутился у самаго края платформы, за которою, пвнясь, извергался водопадъ.

— Пощадите, пощадите во имя вашей матери, во имя доньи Розариты, которая васъ любитъ; я знаю, она васъ любитъ... я слышала...

— Какъ? — закричалъ бросившись въ свою очередь на Кухилло, Фабианъ, но вопросъ умеръ уже на губахъ его.

Стойквутый ногой карабинера, Кухилло, внизъ головой, полетѣлъ въ пропасть.

— Что ты сдѣлалъ, Пепе? — закричалъ Фабианъ.

— Плутъ этотъ не стоялъ ни веревки, ни заряда.

Крикъ раздирающій, крикъ вынесшійся изъ пропасти покрылъ голоса и заглушилъ даже шумъ каскада; Фабианъ наклонился, чтобы посмотреть, и отступилъ какъ-бы пораженный ужасомъ. Онъ увидѣлъ Кухилло зависшимъ въ вѣтвяхъ кустарника, растущаго изъ трещины скалы надъ бездной.

— Помогите, помогите, — кричалъ онъ, — помогите, если есть у васъ милость человѣческая!

Трое друзей перекинулись невыразимымъ взглядомъ и каждый изъ нихъ отеръ потъ на лицъ своемъ. Потомъ всѣ трое стали прислушиваться; за мольбами Кухилло послѣдовало краткое молчаніе. Ужасъ задушилъ его голосъ, когда разумъ его угасъ въ страшномъ стремленіи. Вдругъ отвратительный хохотъ поразилъ ихъ ужасомъ.

— Ахъ, ахъ!... слышно было въ голосъ бандита, — ахъ! ахъ! такъ ужасно блестятъ глаза донъ-Эстевава!... Зачѣмъ такъ горитъ этотъ кусокъ золота?... Ахъ! я помню... Донъ-Эстевава... золото... глаза... ахъ! ахъ!...

Пропастъ завывала еще ужаснѣе и это было знакомъ, что тѣло долетѣвъ до дна ея, упало въ подземное озеро, образовавшееся отъ водопада, который тотчасъ же принялъ всю прежнюю свою торжественную монотонность.

—

—

—

X.

ВНУТРЕННИЕ ГОЛОСА.

Между тѣмъ длинныя тѣни, отброшенные высотами, незамѣтно вытягивались къ востоку и закрывали мало-по-малу долину. Надъ этими тѣнями, которыя выросли по мѣрѣ того какъ солнце, описывающее свой вѣчный злисъ, сходило къ западу, гасли волны Золотой Долины въ очаровательномъ миражѣ. Еще нѣсколько времени и тотъ-же мракъ, таже тишина снова покрыли пустыни, гдѣ прошли все эти происшествія послѣдняго дня. Оставалось выполнить послѣдній долгъ: это опредѣлить для тѣла дона Антонио де-Медіана достойную его гробницу. За исполненіе его взялись Пепе и канадскій охотникъ и тѣло Антонио, перенесенное на рукахъ ихъ на вершину пирамиды, нашло послѣднее убѣжище въ гробъ индѣйскаго старшины. Сувѣрїе, бывшее надъ этимъ мѣстомъ, приняло его подъ свое покровительство отъ оскорбленія людекаго. Дующій съ высоты вѣтерокъ далеко разносилъ запахъ смерти и обливалъ гробъ ароматомъ дикихъ растений; а служившіе вмѣсто крыши гроба камни достаточно защищали трупъ Медіаны отъ хищныхъ птицъ.

— Сколько разъ, — меланхолически сказалъ охотникъ, — съ-тѣхъ-поръ какъ я взялся за ружье приходилось присутствовать мнѣ при торжественныхъ минутахъ похоронъ! Ахъ! что не говорите, по кровавый инстинктъ чловѣка ни когда не потухнетъ; хотя-бы въ безпредѣльности пустынь или океана онъ встрѣтилъ себя подобныхъ, но всегда одинъ и тотъ-же результатъ: кровью обагрятся море или напITYвается песокъ, а между тѣмъ Богъ повидимому создалъ землю и море пустынями за тѣмъ, чтобы заселить ихъ чловѣческимъ родомъ.

— Не на мой-ли счетъ эта козвенная жалоба? — болзненно спросилъ Фабианъ. — Я судилъ убійцу моей матери, но рука другаго исполнила приговоръ. Я судилъ убійцу отца меня усыновившаго, но выполнить приговоръ постарался другой. — Я прощаю ихъ обоихъ того и другаго.

— Горестъ превозмогла твою душу, дитя мое, — вскричалъ Боа-Ро-

зе. — Неужели я не подаль-бы тебѣ добраго совѣта въ этомъ странномъ дѣлѣ, за которое я не смѣю осудить тебя.

— Мы во зло употребили мщеніе, мы сдѣлались карою правосудія, — прервалъ Фабианъ; — а это развѣ не несчастіе для насъ?

Боа-Розе, машинально игравшій въ это время огнивомъ карабина, бросилъ на Фабиана взоръ, исполненный вѣжной любви.

Легко было видѣть, какъ молодой человекъ явно предался тайной печали своего сердца.

— Я вовсе не хотѣлъ сказать, — возразилъ канадецъ, невольно самъ опечаленный пророческимъ смысломъ собственныхъ словъ, — чтобы и защита не относилась къ правосудію человѣческому. Это одна изъ печальныхъ необходимостей, которой намъ должно покориться. Вы ей покорились со всею благородствомъ вашего сердца. Развѣ вы не отвергли благородно величій мірскихъ, которыя сулили вамъ убійца матери вашей? Дѣйствовать иначе — было-бы подло. Я горжусь вами, мое любезное дитя! Смотрите на мои разсужденія объ озлобленіи людей убивать другъ друга, какъ на мысль только мнѣ принадлежащую. Наступаетъ время, когда я останусь одинъ, и я не могу оторваться отъ мысли, что наставетъ нѣкогда также и моя очередь, быть можетъ не найдется тогда врага, который укрылъ бы тѣло мое отъ дикихъ животныхъ и оскорбленій людскихъ.

Фабианъ не отвѣчалъ и охотникъ продолжалъ, подавляя вздохъ.

— Прежде чѣмъ отыскалъ я васъ, Фабианъ, я не смѣлъ думать о прошедшемъ, не смѣю и теперь думать о будущемъ.

У охотника снова вырвался вздохъ.

— Но къ чему заниматься тѣмъ, что прошло уже или чего нѣтъ еще?... Чего мнѣ желать болѣе въ настоящемъ? Развѣ вы не со мною и развѣ я не пекусь еще о дитятѣ, которое вручило мнѣ само небо? Когда-же васъ здѣсь болѣе не будетъ, я-скажу-тогда: «Ежели Богъ, пославшій мнѣ тебя два раза, мнѣ снова не возвратитъ тебя, который теперь богатъ, счастливъ и которому не грозитъ ни какая опасность, — пусть такъ! Но одна мысль о тебѣ будетъ утѣшать меня въ пустыняхъ этихъ.»

И охотникъ отворотился, чтобы скрыть движеніе, скользнувшее на лицѣ его и поправить свой голосъ. Казалось онъ дожидался отвѣта Фабиана, но Фабианъ молчалъ.

— Все золото это твое, дитя мое! говорилъ Боа-Розе, — это

слѣдство послѣ отца, тебя усыновившаго. Но мы съ Пепе пойдемъ добывать все, что по силамъ нашимъ. Мы много уже потеряли времени.

— Ну, Пепе, на работу! — продолжалъ канадецъ, обратясь къ испанцу, который подпершись рукой, грустно глядѣлъ на пустынную даль.

— Пойдите еще! — тихо произнесъ юноша, растроганный пѣжностью Боа-Розе, — и если вамъ угодно, то проведемъ здѣсь вмѣстѣ ночь эту. Мнѣ нужно подумать. Что-то странное всколебало духъ мой. Я попрошу себя совѣта у безмолвнѣйшей ночи и пустынь этихъ о томъ, какъ мнѣ быть и на что рѣшиться; а завтра извѣщу и васъ о своемъ рѣшеніи.

— На что-же вы должны рѣшиться? — спросилъ удивленный Боа-Розе.

— Теперь поздно уже вамъ пускаться въ дорогу, — отвѣчалъ Фабіанъ, не желая объясняться болѣе.

— Пусть такъ! Я согласенъ съ вами, и одинъ день съ вами для меня всегда безцѣненъ. Ты согласенъ, Пепе, на мое желаніе? Вотъ тамъ, на вершинѣ холма, мы займемъ себѣ мѣсто для ночлега. Эта высота укроетъ насъ отъ всякой внезапности.

— Да, — сказалъ Фабіанъ, — сосѣдство того, кто почиваетъ уже съ часъ близъ индѣйскаго предводителя, быть-можетъ, внушитъ мнѣ полезный совѣтъ. Солнце болѣе и болѣе садилось по горизонту и три друга снова взошли на высоту. Съ вершины холма видъ господствовалъ надъ далью и поверхность пустынь предвѣщала тихую ночь. Повсюду воцарилась торжественная тишина. Только стая коршуновъ кружилась надъ лошадейо дона Эстевана, трупъ которой, оставаясь на долину, напоминалъ кровавую катастрофу. Затѣмъ все приняло покровъ мертвой тишины.

Тихій вечеръ въ поляхъ пробуждаетъ мечту, но въ пустынь чувство какого-то страха всегда смѣшивается съ мыслию, его вызывающей. Одинъ только Пепе, менѣ погруженный въ себя, чѣмъ его двое товарищей, время отъ времени печально поглядывалъ на горизонтъ.

— По моему, — сказалъ онъ наконецъ, — мы поступили очень неблагоразумно, оставаясь на эту ночь здѣсь.

— Почему-же такъ? Гдѣ-же мы найдемъ безопаснѣе и удобнѣе убѣжище, какъ на этой высотѣ? — возразилъ канадецъ.

— Въдь мы упустили двухъ негодяевъ, которые не своей злобъ могутъ сыграть съ нами дурную штуку.

— Кто? эти два червяка? Развъ ты забылъ, что одинъ изъ этихъ воровъ слетвъль въ бездну, куда отправилъ ты и Кухило.

— Это правда, и я долго не забуду раздирающихъ криковъ несчастнаго, — сказалъ Пепе, вздыхая при этомъ страшномъ воспоминаніи. Но въдь другой-то отправился въ лагерь, и очень можетъ статься, что въ этотъ-же вечеръ онъ нагрянетъ къ намъ съ цѣлой полсотней сорванцовъ.

— Нѣтъ! этому я не вѣрю, слетвѣвшій почти въ глазахъ нашихъ въ пропасть, безъ всякаго сомнѣнія отправился туда не случайно. Я бьюсь объ закладъ, что его столкнулъ туда его-же товарищъ. А зачѣмъ? Чтобы одному остаться обладателемъ тайны, и если онъ не захотѣлъ ею подѣлиться съ своимъ пріятелемъ, то неужели онъ пригласить полсотни голодныхъ золотенекателей на пиръ, который онъ приготовилъ себѣ одному. До лагера далеко, то навѣрное бездѣльникъ теперь залѣзъ въ какую-нибудь щель, и тамъ ждетъ почи, а когда на эти пустыни ляжетъ мракъ, онъ будетъ рыскать вокругъ сокровища также, какъ волкъ около лошадинаго трупа.

Канадецъ не обманулся въ своихъ догадкахъ относительно Ороха.

— Все, что ты сказалъ весьма вѣроятно, — отвѣчалъ Пепе; — но тѣмъ не менѣе, я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи.

— У насъ еще часа по два въ остаткѣ дня. Возьмемъ каждый изъ насъ по тридцати или сорока ливровъ этого золота. Оно и легко, и если я не ошибаюсь составитъ значительную сумму. Потомъ пойдемъ прямо по направленію къ Тубако. Тамъ найдемъ гдѣ-нибудь потайное мѣсто и въ немъ зароемъ нашъ кладъ, а потомъ опять воротимся за новой добычей. Негодяй тотъ намъ въ этомъ не помѣшаетъ. Неужели и онъ возьметъ съ собой золота болѣе, чѣмъ останется его на долю Фабіана. Въ-самомъ-дѣль, въдь это просто чудо — такая куча золота въ долине этой ... Говорю вамъ, что человекъ этотъ не пойдетъ въ лагерь, это было бы противъ его интереса, — сказалъ Боа-Розе; — а впрочемъ черезъ нѣсколько часовъ мы отправимся.

— А чтобы словить этого мерзавца, гдѣ-нибудь укрывающагося, неужели мы не обождемъ до завтра.

— Зачѣмъ же намъ ждать. Я ручаюсь, что золотая горячка усыпить его на цѣлый день, какъ сопливую бѣлку, — отвѣчалъ Боа-Розе. — Онъ безопасенъ, у него будетъ вода, и мы ничего и завтра съ нимъ не сдѣлаемъ. Мое мнѣніе — оставить его въ своемъ мѣстѣ. Это, можетъ статься, вамъ кажется нѣсколько страннымъ, но, вспомните, что онъ вѣдь подъ бокомъ сокровища и въ безопасномъ мѣстѣ. Прогнавъ его оттуда, гдѣ онъ теперь, мы только взбѣсимъ его; а если дадимъ взять ему нѣсколько золота, мы... Ахъ, вотъ затрудненіе, что намъ съ нимъ дѣлать?

— Мы объ этомъ подумаемъ; но я предполагаю, что набивъ себѣ карманы золотомъ, онъ ничѣмъ не стѣснитъ, распостится съ нами и съ украденнымъ золотомъ отправится въ свояси.

Разговоръ этотъ между двумя охотниками происходилъ въ то время, когда Фабіанъ, для болѣе свободнаго размышленія, сонелъ на нѣсколькомъ времени въ долину.

— Изъ всего этого явно, — заключилъ Пепе, — что мы оба одного мнѣнія. Но вѣдь странная фантазія зашла въ голову Фабіана — остаться здѣсь на цѣлую ночь; а для тебя, Боа-Розе, его желанія законъ.

Канадецъ улыбнулся и не отвѣчалъ. Въ это время возвратился къ друзьямъ своимъ и Фабіанъ.

— Мнѣ тоже захотѣлось, — сказалъ карабинеръ, — осмотрѣть въ свою очередь эти скалы.

И вскинувъ на плечо свой карабинъ, Пепе удался. Черезъ полчаса онъ возвратился опять. Въ горахъ онъ отыскалъ слѣды Бораджи и Ороха. Но онъ не заблагоразсудилъ слѣдить ихъ. Потомъ онъ пробрался за зубчатую цѣпь скалъ, за которою скрылись оба авантюриста отъ ихъ карабиновъ.

— Вершина этихъ скалъ, — прибавилъ микелеть, оканчивая свой рапортъ; — вы оба даже отсюда можете то примѣтить, — покрыта такимъ густымъ кустарникомъ, что пять или шесть человѣкъ могли бы нанести намъ страшный вредъ на этой платформѣ; вотъ по чему мое желаніе — оставить постъ этотъ, а занять тотъ.

Только одно мѣстное обстоятельство помѣшало канадцу принять мнѣніе Пепе, именно то, что въ случаѣ нападенія на нихъ, водопадъ

былъ такъ близко, что стоило только привязать тыкву къ вѣтви, чтобъ достать себѣ изъ него воды. А во время солнечной жары источникъ этотъ былъ безцѣненъ, потому-что вода въ этомъ случаѣ необходимѣе съѣстныхъ припасовъ.

Съ общаго согласія три охотника рѣшились остаться на платформѣ, а въ четыре часа утра отправиться въ путь.

Канадецъ не забылъ появленія вдали таинственной лодки во время утренней ихъ поѣздки. Онъ никакъ не сознавался, чтобы то была, по выраженію Пепе, опасная фантазія Фабіана — провести ночь въ такомъ мѣстѣ, которое легко могло быть открыто лагеремъ золотоискателей. Но для достойнаго канадца достаточно было и одного намека на желаніе его дѣтища, чтобы онъ согласился съ нимъ съ ученическою покорностію.

Впрочемъ платформа индѣйской гробницы была гораздо выше цѣпи скалъ. Два огромныхъ плоскихъ камня, которыхъ такое множество разбросано на долинѣ, стояли передъ ними какъ бы стѣною крѣпости, прибавивъ къ этой защитѣ еще нѣсколько зубцовъ натурально какъ бы сложеннаго холма, составилось тотчасъ же укрѣпленіе, за которымъ три охотника могли оставаться въ безопасности отъ пуль въ случаѣ нужды.

Понявъ эту безопасность, канадецъ бросилъ вокругъ себя взоръ, исполненный самодовольнаго спокойствія. Запасъ пороха и пуль былъ у нихъ болѣе чѣмъ достаточенъ; наконецъ охотникъ не могъ еще не положиться на счастливую свою звезду, на неустрашимость своего духа, на вѣрность зрѣнія своего и на тотъ обильный запасъ удачныхъ и быстрыхъ расчетовъ, который онъ извлекалъ изъ всѣхъ своихъ отчаянныхъ походовъ, съ примѣненіемъ ихъ къ настоящей непреодолимой обстановкѣ мѣстности.

— Впрочемъ передъ наступленіемъ первой четверти ночи, — сказалъ Пепе, — намъ не помѣшаетъ поѣсть. Нѣтъ-ли тамъ въ твоей лядункѣ, Боа, хоть кусочка сушеннаго мяса? Въ моей, братъ, кромъ крохъ — ни зерна.

По осмотрѣ съѣстной провизіи оказалось, что за исключеніемъ «пинолей» ея было достаточно еще дня на два.

Одного сушеннаго на солнцѣ мяса хватало только для скуднаго подкрѣпленія себя. Но такъ какъ Фабіанъ объявилъ, что для него достаточно и сухарей изъ маиса, размоченныхъ въ водѣ, то оба охотника остались такимъ образомъ очень сыты ужиномъ, оказавшимся въ мясной лядункѣ Боа-Розе.

— Знаете-ли, господа, — сказалъ Пепе, принимаясь за дѣло, — что съ той поры, какъ мы выѣхали изъ мызы, за исключеніемъ той козлятины, которую мы вывалили на солнцѣ, мы все какъ-то голодаемъ.

— Чего же тебѣ еще хочется? — отвѣчалъ канадецъ. — Ты только сообрази, что насъ то здѣсь всего трое и то въ такой пустынь, что мы не можемъ ни огня разложить, ни выстрѣлить по первой же лани.

— Это правда! Но чтобы не случилось — горе первой же козъ, которая попадетъ подъ мой карабинъ.

Къ концу ужина охотника и Пепе, солнце уже исчезло и за нимъ показались звѣзды одна за другою. Густой и холодный туманъ упалъ на вершины горъ.

— Кто же начнетъ первую четверть ночи? — спросилъ Пепе.

— Я, — отвѣчалъ Фабіанъ, — а вы съ Розе-Боа ложитесь спать; я постерегу васъ, сонъ далекъ моихъ глазъ.

Напрасно настаивалъ охотникъ, что Фабіану, какъ младшему изъ нихъ, первому слѣдовало отдохнуть и успокоиться сномъ, Фабіанъ твердо отстоялъ свое рѣшеніе.

Подлѣ карабинера растянулся Боа-Розе, и оба не замедлили забыть о всѣхъ превратностяхъ дня.

Оставшись одинъ на сторожѣ, Фабіанъ закутался въ свой плащъ и присвѣвъ, направилъ взоръ свой на западъ, откуда главнымъ образомъ можно было ожидать опасности и столько же остался неподвиженъ, какъ и двое спящихъ его друзей.

Среди ночной тишины, близъ дымящагося еще свѣжью кровью гроба размышленіе его было долго и глубоко. Луна уже взошла и накинула бѣлый саванъ свой на далекую долину, когда онъ покинулъ

мѣсто, гдѣ такъ долго и неподвижно оставался и пошелъ къ краю плагиформы.

Луна засвѣтила блѣдными лучами по золотымъ слиткамъ, разсыпаннымъ въ тѣсномъ оврагѣ. Какой-то довольно крупный предметъ будто отдѣлялся и выходилъ поверхъ всѣхъ искрящихся камней, которыми засыпана была сверкающая поверхность земли. Это было то самое сокровище, которое сгребъ въ кучу и покрылъ полой своего плаща Кухилло.

Долго разсуждалъ Фабианъ объ этомъ несмѣтномъ богатствѣ, о которое разбилося столько страстей человѣческихъ. Здѣсь, у ногъ молодого челоука въ бѣдныхъ лохмотьяхъ, лежала цѣлая жизнь могущества и роскоши, передъ которой жизнь Крезовъ — была бы только блѣднымъ призракомъ.

Золото и голодъ одинаково дурные совѣтники. Слова странныя, слова матери его на смертномъ одрѣ, вдругъ раздались въ ушахъ Фабиана: — «покайся отомстить Арелланоса, — нѣкогда говорила умирающая, — и я открою тебѣ секретъ, который такъ обогатитъ тебя, что если на часъ, на день, на мѣсяцъ тебѣ угодно будетъ купить предметъ самой глупой страсти, то ты будешь въ состояніи...»

Подъ вліяніемъ этой глубоко его потрясшей фантазіи Фабианъ остановился и вздохнулъ о любви своей; ослѣпляющій вихрь пронесся передъ глазами его, сильно колотившееся сердце его затихло тотчасъ при видѣ этой кучи золота и наполнилось невыразимымъ отвращеніемъ; имъ овладѣла жолчная тоска, подобная той, когда въ жизни ничего болѣе не осталось испытать челоуку. Онъ чувствовалъ горькое разочарованіе, какое чувствуютъ люди, которымъ кромѣ невозможнаго, не о чемъ болѣе мечтать.

Фабиану вдругъ казалось, что холодная рука старости оледѣнила пламенное его сердце, которое билось въ груди его.

А между-тѣмъ бѣлый огонь, скользившій по золоту, разсыпанному у ногъ его, подобно блудящимъ огнямъ, которые провожаютъ въ бездну черную ночь, очаровалъ взоръ молодого графа. Потухшій взоръ его ожилъ снова, пурпуромъ крови зардѣлись его щеки; но

не надолго. Ему показалось, что на этихъ блѣдныхъ, околдовывающихъ лучахъ висѣли заплаканные бѣлые воздушные фантомы, которые давили молодаго человѣка неизлечимой тоской, какая раждается только отъ пресыщенія.

— Нѣтъ! — сказалъ онъ про себя, — уповать въ страданіи, жить въ испытаніяхъ, постигать добро по сравненію его со зломъ, уноситься золотыми мечтами, которыя блекнутъ и исчезаютъ отъ прикосновенія дѣйствительности, — вотъ въ чемъ заключается моя жизнь.

И молодой графъ, зажмуривъ глаза, сѣлъ снова на прежнее свое мѣсто. Онъ предался невозвратно своей участи.

Между-тѣмъ удовлетворивши первому спу, Боа-Розе открылъ глаза, когда Фабіанъ былъ погруженъ еще въ мечты свои. Голосъ охотника какъ-бы пробудилъ юношу.

— Ничего новаго? — спросилъ Боа-Розе.

— Ничего, — былъ отвѣтъ Фабіана, — но зачѣмъ ты такъ скоро проснулся?

— Скоро? но вѣдь звѣзды пробѣжали уже четвертую часть своего пути, и вѣрно уже за полночь.

— Неужели, какъ быстро идутъ ночи!

— Ложись спать въ свою очередь, дитя мое, — сказалъ Боа-Розе. — Не хорошо, что юноша не спитъ, какъ старикъ.

— Спать! — возразилъ Фабіанъ, коснувшись пальцемъ руки стараго охотника. — Возможно-ли уснуть, слыша вокругъ себя подобные вои.

Въ самомъ дѣлѣ жалобные вои послышались изъ долины въ томъ мѣстѣ, гдѣ лошадь дона Эстевана пала отъ пули канадца, Въ невѣрномъ освѣщеніи луны неясно обозначались какія-то черныя фигуры.

— Это волки, — сказалъ Фабіанъ. — Они плачутъ по добычѣ, которой не смѣютъ жрать въ присутствіи человѣка. Быть-можетъ, не мы одни ихъ пугаемъ.

Вдругъ далекій выстрѣлъ какъ-будто подтвердилъ опасенія Фабіана.

Опытному въ извлеченіи вѣрныхъ заключеній изъ ничтожѣйшихъ признаковъ, какъ напримѣръ изъ легчайшаго шума въ пустыняхъ,

охотнику достаточно было одной минуты, чтобъ разгадать причину далекой тревоги.

Мексиканцы опять вторично уже дерутся съ апахами; впрочемъ далеко отъ насъ. Что-же касается до этихъ волковъ, то мы одни ихъ пугаемъ; ложись-же спать, дитя мое, — говорилъ Боа-Розе, — и спи безопасно всякій разъ, когда я тебя охраняю. Тебѣ теперь нуженъ сонъ.

— Увы! — сказалъ Фабіанъ, — съ нѣкотораго времени дни мои стали годами, и теперь я имѣю привилегію на бессонницу. Могу-ли я ожидать покоя послѣ такого дня?

— Какъ-бы ужасенъ онъ ни былъ, сонъ никогда не лишній человѣку, который бодро исполнилъ долгъ свой, — возразилъ Боа-Розе. — Повѣрь опытности человѣка, котораго сужденіе созрѣло въ пустыняхъ.

Подъ реакцію страшныхъ дневныхъ волненій, разбитые мускулы его тотчасъ-же какъ-бы разенастились, его глаза какъ-то невольно закрылись, и сонъ, глубокій сонъ, извѣстный одной только юности, вдругъ остановилъ ходъ его мыслей. Какъ и въ прежніе дни юности Фабіана, великанъ склонился надъ его лицомъ, озареннымъ блѣднымъ свѣтомъ полной луны.

— Свѣтлокудрый ребенокъ, надъ которымъ столько разъ нѣкогда я бдѣлъ, — сказалъ Боа-Розе про себя, переносясь въ ранніе дни жизни Фабіана; — ты, спишь теперь въ полнотѣ силъ, лицо твое загорѣло на солнцѣ, а волосы очернило время; ты сначала и до конца представляешься теперь мнѣ какимъ-то непрерывнымъ сномъ, засни еще разъ покойно подъ глазомъ охотника, тебя обогатившаго, какъ нѣкогда ты спалъ подъ охраной матроса, спасаго тебѣ жизнь; настанетъ время и наши дороги снова разойдутся, чтобы уже болѣе не сойтись; дорога инаго рода, не дорога въ пустынь; дубъ и пальма не растутъ подъ однимъ небомъ.

Произнося тономъ глубокой меланхоліи эти слова, Боа-Розе поднимая голову молодаго человѣка такъ ловко, что движеніе не раз-

будило его; онъ положилъ голову Фабиана себѣ на колыни и собой заслонилъ глаза спящаго отъ лучей луны. А надъ ними небо мерцало милліонами звѣздъ.

Въ продолженіе тридцати лѣтъ своей жизни матроса и охотника никогда еще канадецъ не созерцалъ безъ волненія этой движущейся безпредѣльности, гдѣ каждая искра — цѣлый міръ, гдѣ, не сталкиваясь, движется столько милліоновъ звѣздъ. Величественныя и печальныя грезы одолѣли старика и онъ внималъ земной гармоніи, слившейся съ нѣмою гармоніею высшихъ областей. Водопадъ глухо ревѣлъ на днѣ пропасти, гдѣ томно замирали воды его; порой ночной вѣтеръ шептался съ листьями роскошныхъ елей; таинственный гулъ какъ-бы вылеталъ изъ Туманныхъ горъ и гулъ этотъ разносился по долинь.

— Какъ похожъ океанъ на пустыню, и пустыня на океанъ, — говорилъ про себя Боа-Розе. — Я слышу отсюда, какъ море бѣшуетъ и шумитъ своими волнами; слышу перекатъ его пушечнаго выстрѣла. Сколько разъ трескъ мачтъ напоминалъ мнѣ скрипъ большихъ деревьевъ. Сколько разъ я предавался мечтамъ, и когда вѣтеръ колыхалъ этими деревьями, я слышалъ скрипъ мачтъ Альбатроса.

Океанъ, пустыня, Фабианъ! вотъ три страсти моей жизни.

Только въ пустынѣ забываю я море. Что-же и мнѣ замѣнить пустыню? — Фабианъ...

— Ну! такъ испытаю-же, — продолжалъ охотникъ съ улыбкой; — человекъ не созданъ на то, чтобъ цѣлую жизнь проводить въ лѣсахъ, вдали отъ подобныхъ себя. Такъ! Я откажусь отъ своей страннической жизни; и Фабианъ поможетъ мнѣ въ этомъ.

Охотникъ унесся мечтами въ міръ, давно уже забытый; но вдругъ печальное чувство овладѣло его сердцемъ.

— Чтобъ Фабианъ добровольно согласился на жертву, которая безъ сомнѣнія сократитъ жизнь мою, неужели мнѣ нужно еще объ этомъ у него спрашивать?

Дважды уже мечталъ я о нашей разлукѣ и дважды его молчаніе

сокрушало мое сердце. Боже мой! какое еще испытание ты мне назначишь?

Потомъ, какъ весь желающіе постигнуть будущее, охотникъ вель глаза свои къ небу.

Голова Фабіана все еще покоилась на колынахъ канадца.

РЫБАКИ.

Ваня! сядемъ въ лодку!
Понесемся въ море!...
Дружно грянемъ пьсню
«Сгинь, лихое горе!...»

Буйный вѣтеръ — свистомъ
Пьсню намъ подтянетъ....
И тоска-злодѣйка
Грудь давить не станетъ?...

А съдья волны
Насъ баюкать любятъ....
Только злые люди —
Счастье наше губять.

Знаешь, Ваня, — бурь
Мы родныя дѣти....
Съ нею неразлучны
Рыбаки да сѣти.

Другъ! отъ бездны моря
Есть защита Неба!...
А лежать на печкѣ —
Такъ умрешь безъ хлѣба.

Лучше грудью смѣлой
Переплыть пучину,
Чѣмъ, отъ глупой льни,
Грѣть на печкѣ спину.

Эту правду-матку
 Дядь твердилъ перьдко....
 Старина, бывало,
 Слово скажетъ мѣтко.

Ну! садись-же, Ваня!
 Понесемся въ морь!
 Вольный втерь — думы
 Съветъ на просторъ!...

И СУСЛОВЪ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ XIX СТОЛѢТІЯ.

КАРЛЬ-МАРІЯ ВЕБЕРЬ.

(Статья Скудо.)

Карль-Марія Веберъ родился въ Эслингѣ, небольшомъ городкѣ Голштиніи, 18-го декабря 1786. Его отецъ, человекъ образованный, очень хорошо игралъ на скрипкѣ. Мать его была женщина съ изящными манерами, которой русые волосы и прекрасные голубые глаза, одаренные томностію и глубокою чувствительностію, дѣлали ее какъ-бы живымъ выраженіемъ нѣмецкой поэзіи. Печально и уединенно провелъ свое дѣтство Веберъ. Живя постоянно съ своими родителями, къ которымъ пріѣзжали немногіе, и притомъ только лица зрѣлаго возраста, онъ не имѣлъ счастливой беззаботности и блестящей веселости юнаго возраста.

Всегда сосредоточенный въ самомъ себѣ, и получая образованіе только отъ отца и матери, Веберъ заблаговременно пріобрѣлъ привычку размышлять и анализировать дѣйствія своего духа; въ этомъ отношеніи, онъ только слѣдовалъ природному стремленію

страны и вѣка, въ которомъ родился. Призваніе Вебера къ изящнымъ искусствамъ обнаружилось въ первыхъ годахъ, но музыка не была сначала исключительнымъ предметомъ его склонностей. Руководимый своимъ отцемъ, который имѣлъ скорѣе легкія и разнообразныя склонности, характеризующія дилетанта, а не глубокую и сосредоточенную страсть артиста, молодой Веберъ занимался въ одно время, и съ успѣхомъ, живописью масляными красками, пастелью, миниатюрною и гравированіемъ аква-тинтою; это любознательное расположеніе его духа увлекло его, на тринадцатомъ году его возраста, даже до того, что онъ хотѣлъ усовершенствоваться способъ литографірованія, который только что открытъ былъ въ Мюнхенѣ. Но скоро онъ отсталъ отъ этого страннаго предубѣжденія, которое ослабляло высшіе вѣстники его натуры.

Музыка одержала верхъ надъ всѣми этими фантазіями его неопредѣлившейся души. Принужденный столь-же часто мѣнять учителей, какъ его отецъ перемѣнялъ свое мѣстопробываніе, что къ несчастію случалось очень часто, Веберъ продолжалъ свое музыкальное воспитаніе подъ различными руководствами, и по этому ему не доставало методы. Въ запискахъ, которыя онъ намъ оставилъ о своей жизни, онъ сознается, что знаніемъ истинныхъ началъ хорошей игры на фортепiano, онъ обязанъ какому-то Гавшкелю (Hauschkel), профессору фортепiанной игры, котораго онъ встрѣтилъ въ Гильдбургаузенѣ, въ 1796; Веберу было тогда десять лѣтъ.

Его отецъ, котораго онъ былъ идоломъ, узнавъ наконецъ его сильное расположеніе къ музыкѣ, повезъ его въ Зальцбургъ, чтобы тамъ онъ могъ пользоваться совѣтами Михаѣла Гайдна, брата безсмертнаго творца Симфоніи. Кажется, что молодой Веберъ не могъ быть доволенъ своими отношеніями съ этимъ учителемъ, котораго грубое обращеніе и слишкомъ преклонный возрастъ запугали его воображеніе, не просвѣтивъ его ума. Въ Зальцбургѣ, въ этомъ живописномъ городѣ, въ которомъ родился Моцартъ, отецъ Вебера велѣлъ напечатать первыя произведенія своего сына, состоящія изъ шести маленькихъ фугъ, о которыхъ мѣстные журналы говорили съ похвалою. Такимъ образомъ авторъ Фрейшюца испыталъ свои силы возлѣ колыбели автора Донъ-Жуана, котораго знаменитыя преданія онъ долженъ былъ нѣкогда отвергнуть.

Въ 1798 г., Веберъ, всегда сопровождаемый своимъ отцемъ, возвратился въ Мюнхенъ, гдѣ онъ бралъ уроки пѣнія у сопраниста Валези, и изучалъ композицію подъ руководствомъ придвор-

паго органиста Кальхера. Вліяніе этого послѣдняго учителя на Вебера было весьма велико. Отъ него-то, онъ научился искусству хорошо писать на четыре голоса, что составляетъ краеугольный камень, на которомъ покоится все зданіе гармоніи. Трудясь съ жаромъ и упорствомъ, чтобъ овладѣть необходимымъ инструментомъ для выраженія своей мысли, Веберъ воспользовался превосходными совѣтами Кальхера, когда сочинялъ небольшую оперу, *Могущество любви и вина*, многія сонаты для фортепьяно, вариацию, тріо для скрипки и прочее, опыты трудолюбиваго ученика, которые были преданы огню нѣсколько лѣтъ позже. Послѣ развлеченія въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые Веберъ употребилъ на изученіе литографіи, онъ возвратился къ изученію музыки съ большимъ жаромъ и сочинилъ «*Лисью диву*,» для которой либретто было написано Штернбергомъ. Эта опера, которая была представлена на Мюнхенскомъ театрѣ, переведена на языкъ Чешскій и давалась съ успѣхомъ, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Преебургѣ, есть первое произведеніе, въ которомъ Веберъ открылъ стремленіе своего генія.

Эта пьеса, которую авторъ возобновилъ позже подъ именемъ «Сильваны», уже заключаетъ въ себѣ зародышъ удивительнаго произведенія, которое должно было выразить всю мысль художника. Въ немъ уже слышится и этотъ запахъ темныхъ лѣсовъ и это звонкое эхо уединенныхъ мѣстъ, которые предвѣщаютъ Фрейшюца. Веберъ говоритъ, что произведеніе «*Лисья Дива*» не чуждо воспоминаній. Онъ влилъ себя даже въ томъ, что импровизировалъ второй актъ въ теченіе десяти дней, въ подражаніе тому, что ему рассказывали о чудной легкости нѣкоторыхъ композиторовъ. Тогда онъ имѣлъ охоту заняться нѣкоторыми старыми, брошенными инструментами, чтобы ввести ихъ въ новый оркестръ. Эта попытка къ древностямъ, которой идею внушила ему статья лейпцигской музыкальной газеты, не имѣла послѣдствій; но она измѣнила разныя предубѣжденія его еще юношескаго духа. Привужденный возвратиться въ Зальцбургъ, чтобы присмотрѣть за домашними дѣлами, онъ написалъ тамъ, въ 1801 г., маленькую комическую оперу, «*Петръ Шмолль и его сосѣди*,» которая была рекомендована благосклонности публики пьесомъ его стараго учителя, Михаила Гайдна. Одна увертюра этой маленькой оперы была напечатана послѣ исправленія ея авторомъ.

Въ 1802 г., Веберъ въ сопровожденіи своего отца, сдѣлалъ артистическое путешествіе на сѣверъ Германіи, давая прибыльные концерты въ Лейпцигѣ, Гамбургѣ и въ Голштиніи, что ему не

мѣшало съ жадностію читать кучу теоретическихъ сочиненій о гармоніи и контрапунктѣ. Посреди этой совершенно созерцательной работы, и въ то время, когда его мысль, казалось, находила удовольствіе шевелить проблемы музыкальной метафизики, Веберъ, которому было тогда восемнадцать лѣтъ, встрѣтилъ доктора медицины, испровергшаго все основаніе его возникающей доктрины этимъ вѣчнымъ вопросомъ: Warum? Зачѣмъ это? который опъ ему предложилъ.

Это страшное Warum, которое можетъ только служить основаніемъ науки, тогда какъ для искусства довольно имѣть въ виду вопросъ, какъ удивительно замѣтилъ Аристотель, повергла Вебера въ хаосъ недоумѣній. Вотъ характеристическая черта этой націи метафизиковъ, пробравшаяся къ поэзіи сквозь чашу схоластики, какъ рудокопъ, который погружается въ пѣдра земли, далеко отъ благодатнаго свѣта неба, чтобы искать тамъ драгоценнаго металла.

Никогда Россіи, никогда поэты южный, изъ племени латинскаго, не имѣлъ такихъ предубѣжденій. Старые итальянскіе артисты мало разсуждали, они думали, что искусство, какъ любовь :

Un certo non socte
(he delilar mi fa...

И они не испытывали пужды знать больше.

Въ концѣ 1802 г., Веберъ сдѣлалъ поѣздку въ Вѣну. Онъ только въ первый разъ посѣтилъ этотъ центръ музыкальнаго міра, какъ онъ самъ называетъ столицу Австріи, средній городъ, въ которомъ гений сѣверный и южный, соприкасаясь въ тысячѣ противоположныхъ точекъ, оплодотворяли свои взаимныя особенности въ счастливомъ соединеніи.

Прибывъ въ это мѣсто стеченія разныхъ доктринъ и школъ, Веберъ началъ поглощать произведенія великихъ виртуозовъ, которыя онъ анализировалъ и разбиралъ съ тонкостію немножко хитрою (un peu subtile), какую только могъ употребить александрійскій писатель при толкованіи поэмъ Гомера. Два года, которые онъ провелъ въ Вѣнѣ, имѣли величайшее вліяніе на развитіе его собственной индивидуальности. Здѣсь онъ встрѣтился съ аббатомъ Воглеромъ, замѣчательнымъ человѣкомъ, который щедро отерылъ ему обширное сокровище своихъ знаній. По совѣтамъ этого виртуоза, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить болѣе, Веберъ издалъ въ Вѣнѣ только увертюру Самори, оперу аббата Воглера, которую онъ передѣлалъ для фортепіано.

Оставляя Вѣну, Веберъ былъ призванъ управлять оркестромъ бреславскаго театра, постъ довольно значительный для молодого композитора, гдѣ онъ имѣлъ случай прочесть много партитуръ и ознакомиться съ великимъ числомъ новыхъ исполненій. Обязанности его мѣста, которыя въ Германіи, какъ въ Италіи и въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, простираются на все исполненіе лирическаго произведенія, позволили ему сочинить только одну оперу, *Rubezahl* которой либретто было отчасти профессора Роде. Веберъ былъ доволенъ этимъ вынужденнымъ молчаніемъ своей музы, потому что это дало ему время привести въ зрѣлость свои впечатлѣнія и, лучше сообразить плоды своего трудолюбиваго ученія. Въ 1806 г., принцъ Евгеній Виртембергскій, большой любитель музыки, привлекъ Вебера въ свой маленькій дворъ въ Карлерузъ, въ Силезію, и ввѣрилъ ему управленіе своимъ театромъ и капеллою. Въ этой мирной резиденціи, онъ написалъ двѣ симфоніи, много концертовъ и отрывки гармоніи инструментальной. Но скоро война разсѣяла дворъ принца и превосходныхъ музыкантовъ, которыхъ онъ имѣлъ въ своей службѣ.

И вотъ Веберъ еще разъ принужденъ ѣздить по свѣту и искать безопаснаго уголка, гдѣ-бы могъ кончить свое назначеніе.

Послѣ артистическаго путешествія, которое смуты войны сдѣлали безплоднымъ, онъ нашелъ убѣжище въ домѣ принца Людовика Виртембергскаго, въ Штутгартѣ.

Поощряемый совѣтами Франциска Даци, придворнаго капельмейстера, человѣка съ большими заслугами, Веберъ написалъ въ Штутгартѣ оперу *Сильвана*, которой сюжетъ заимствованъ изъ *Лисной Дивы*, за ново передѣланной поэтомъ Гимеромъ. Онъ сочинилъ также увертюру, *Первый звукъ* и припаявшись за все прежнія свои сочиненія, онъ передѣлалъ ихъ вновь, работая и, безпрестанно исправляя плоды своей мысли, которыми онъ никогда не былъ доволенъ. Видите-ли вы этого блѣднаго молодого человѣка, двадцати одного года, котораго пожираетъ лихорадка вдохновенія и который подавляетъ бѣшенія своего сердца, чтобы собрать и тщательно пересмотрѣть первыя прелюдіи своей фантазіи? По этой чертѣ можно узнать трудолюбиваго и упорнаго генія автора Фрейшюца.

Веберъ оставилъ Штутгартъ, чтобы снова проѣхать Германію, которой онъ посѣтилъ главные города, какъ то: Франкфуртъ, Вѣну, Мюнхенъ и Берлинъ. Онъ хвалится блистательнымъ пріемомъ, какой почти вездѣ дѣлали его художническому таланту, равно какъ и его музыкальнымъ сочиненіямъ. Въ то время, какъ его

оперы съ успѣхомъ игрались во многихъ значительныхъ городахъ, Веберъ, котораго гениальный умъ былъ столько-же занятъ механизмомъ дѣла, какъ и самымъ вдохновеніемъ, отправился къ аббату Воглеру, который находился тогда въ Дармштадтѣ, чтобы укрѣпиться болѣе подъ вліяніемъ его ученія. Здѣсь мѣсто познакомиться, въ нѣсколькихъ словахъ, съ этимъ страннымъ человѣкомъ, который подарилъ Европѣ автора Фрейшюца и Роберта-

Георгій Іосифъ Воглеръ родился въ Вюрцбургѣ, 15 го іюня 1749 г. Сыпъ инструментальнаго мастера, онъ началъ свое ученіе въ іезуитскомъ коллегіумѣ своего отечественнаго города, а кончилъ его въ Бамбергѣ въ другомъ коллегіумѣ того-же общества. Кажется, что онъ поступилъ тогда въ орденъ и былъ принятъ въ число членовъ этого общества, которыхъ протекція была ему чрезвычайно полезна въ теченіе его полной приключеній жизни. Въ 1771 г., аббатъ Воглеръ возвратился въ Мангеймъ, одинъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ Германіи того времени и мѣстопробываніе знаменитой школы, которой ученіе мы опишемъ. Написавъ музыку балета, который съ успѣхомъ былъ данъ на придворномъ театрѣ, онъ получилъ денежное пособіе отъ курфюрста палатина, Карла Теодора, чтобы ѣхать въ Италію для изученія композицій. Скоро проѣхавъ Венецію, аббатъ Воглеръ прибылъ въ Болонью къ отцу Мартини, который давалъ ему уроки контрапункта.

Послѣ шестинедѣльнаго ученія, которое, кажется, не произвело слишкомъ большаго результата, аббатъ Воглеръ отправился къ отцу Валотти, регенту капеллы церкви Св. Антонія въ Падуѣ. Этотъ отецъ Валотти былъ авторъ системы гармоніи, которой начало онъ привилъ къ аббату Воглеру, но этотъ измѣнивъ ихъ значительно, сдѣлалъ изъ нихъ основу своего ученія, и сообщилъ своимъ безсмертнымъ ученикамъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Падуѣ, Воглеръ оставилъ отца Валотти, посѣтилъ Римъ и возвратился въ Мангеймъ въ 1775 году. Назначенный вторымъ регентомъ придворной капеллы, аббатъ Воглеръ имѣлъ несчастіе находится въ Мангеймѣ въ то время, когда проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ Мопартъ въ 1777. Имѣвъ случай слышать нѣкоторыя его композиціи и особенно Miserere въ большомъ оркестрѣ, авторъ Донъ-Жуана произнесъ объ нихъ судъ, можетъ-быть, слишкомъ строгій, но котораго слѣды остались неизгладимы въ душѣ аббата Воглера.

Когда курфюртъ палатинъ Карлъ-Теодоръ вступилъ на тронъ баварскій, въ 1779, Воглеръ послѣдовалъ за дворомъ своего госу-

дара и поселился въ Мюнхенѣ. Въ 1783 году онъ ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ въ италіанской комедіи дана была его опера *Kermesse*, которая не имѣла успѣха. Тогда аббатъ Воглеръ отправился въ Испанію, объѣхалъ Грецію и Востокъ, съ намѣреніемъ изслѣдовать тамъ музыкальное искусство. По возвращеніи въ Европу, въ 1786, онъ вступилъ въ службу короля шведскаго, въ званіи регента капеллы. Въ 1780, аббатъ Воглеръ былъ въ Лондонѣ, гдѣ подъ его надзоромъ дѣлался органъ, потому-что этотъ удивительный человѣкъ съ обширными музыкальными познаніями соединялъ страсть къ инструментальной работѣ. Удивительная дѣятельность его духа, обнимавшая все отрасли искусства и науки звуковъ, гнала его безпрестанно изъ края въ край.

Въ 1791 году, онъ далъ въ Мангеймѣ оперу *Касторъ и Поллуксъ*, лучшее изъ его драматическихъ сочиненій и самое популярное. Весною 1794 года, онъ еще разъ прибылъ въ Парижъ. Въ это именно время аббатъ Воглеръ игралъ на органѣ Св. Сюльпиція и произвелъ весьма большое впечатлѣніе на многочисленныхъ слушателей, которые стеклись по его приглашенію. По возвращеніи въ Швецію, онъ оставался тамъ до 1799 года, потомъ снова объѣхалъ Германію, останавливаясь то въ одномъ, то въ другомъ городѣ, и внося во всякое мѣсто строптивость своего характера и своихъ истинно энциклопедическихъ познаній, которыя навлекли ему неумолимыхъ враговъ и жаркихъ почитателей. Онъ умеръ въ Дармштадтѣ 6 мая 1814 года.

Дикостію своего характера, который не боялся нападать на большія знаменитости, живостію своего бродячаго прозелитизма, который заставлялъ его безпрестанно перемѣнять мѣстопробываніе и вездѣ открывать школы, гдѣ онъ великодушно поощрялъ любознательное юношество; разнообразіемъ своихъ познаній не много смѣшанныхъ, въ которыхъ глубокость теоретика не заглушала совершенно чувствительности поэта, наконецъ странною смѣсью ученаго педантизма и юношеской страсти, аббатъ Воглеръ походилъ не много на одного изъ тѣхъ докторовъ XVI вѣка, которые ѣздили по міру, всюду проповѣдая ту энциклопедическую науку, на основаніи которой все чудесное происходитъ отъ несовершеннаго познанія природы. Аббатъ Воглеръ много писалъ, большое число теорическихъ сочиненій и о музыкѣ всякаго рода. Изъ наиболѣе почитаемыхъ его композицій приводятъ его религіозную музыку и въ особенности его *Requiem*, которое не можетъ быть забыто и послѣ образцоваго произведенія Моцарта.

Въ половинѣ 1840 года Веберъ сошелся съ аббатомъ Воглеромъ въ Дармштадтѣ, гдѣ этотъ имѣлъ постоянное пребываніе съ 1807. Здѣсь онъ встрѣтилъ двухъ соучениковъ, Генсбахера и М. Мейербера, которые раздѣляли съ нимъ вниманіе и благосклонность учителя. Такимъ образомъ сближенные обстоятельствами, эти молодые люди коротко познакомились и почувствовали другъ къ другу пѣжную и постоянную любовь, которая никогда не измѣнялась.

Особенно между Веберомъ и М. Мейерберомъ завязалась въ то время дружба, которая укрѣпляется съ жизнью, не смотря на время, превратность судьбы, различіе склонностей и характеровъ. Въ самомъ дѣлѣ трогательно видѣть, какъ эти два живые, любознательные и однаково упорные чело­вѣка черпаютъ изъ одного источника, поощряютъ другъ друга въ борьбѣ и, въ часы уединенія и сердечныхъ изліяній, предсказываютъ другъ другу чудное назначеніе. Веберъ, который былъ нѣсколькими годами старше Мейербера, натурально имѣлъ на своего любезнаго соученика вліяніе, которое ему давали большая опытность и начало извѣстности. Такимъ образомъ онъ никогда не терялъ его изъ вида, и живя съ нимъ вмѣстѣ и вдали, онъ не щадилъ для него ни полезныхъ совѣтовъ, ни пошривіей самой пѣжной дружбы. Авторъ Фрейшюца предсказалъ славу творца Роберта, которой, увы! онъ увидѣлъ только первые проблески.

Всякій день послѣ обѣди аббата Воглера, которому Веберъ обязанъ былъ прислуживать, какъ католикъ, соединялись въ домѣ учителя, чтобы слушать объясненіе его ученія. Послѣ этого вступленія, профессоръ давалъ тему для разсужденія или назначалъ писать изъ религіозной музыки, и сеансъ оканчивался подробнымъ разборомъ композицій троицъ учениковъ. Часто они ходили также въ соборъ, гдѣ было два органа, на которыхъ Веберъ, Мейерберъ и аббатъ Воглеръ импровизировали по очереди. Лѣтомъ, во время долгихъ и прекрасныхъ вечеровъ, учитель и его ученики дѣлали небольшія поѣздки въ окрестности прелестнаго города Дармштадта, гдѣ царствовалъ государь, большой любитель музыки, которую онъ зналъ почти также хорошо какъ аббатъ Воглеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ III, великій герцогъ гессенъ-дармштадтскій, который скончался 6 апрѣля 1830, 77 лѣтъ отъ роду, былъ дилеттантъ самый отличный. Онъ пріятно игралъ на скрипкѣ, умѣлъ цѣнить произведенія великихъ виртуозовъ, и привлекъ къ своему двору лучшихъ музыкантовъ и са-

ныхъ знаменитыхъ пѣвцовъ Германіи. Опера исполнялась тамъ столь замѣчательнымъ образомъ, что любители стекались въ Дармштадтъ изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ. Любопытное зрѣлище въ эти дни представляли дороги изъ Франкфурта, Майнца и Мангейма, которыя были покрыты общественными каретами и красивыми экипажами, полными путешественниковъ, спѣшившихъ въ резиденцію великаго герцога, чтобы послушать исполненіе новаго или извѣстнаго произведенія. Избранное общество береговъ Рейна назначало себѣ rendez-vous въ оперѣ дармштадтской, и съ удовольствіемъ встрѣчалось въ этой прекрасной, великолѣпно освѣщенной залѣ, гдѣ герцогъ наслаждался успѣхомъ своихъ виртуозовъ. Великій герцогъ способствовалъ процвѣтанію своего театра не только щедростію, съ которою онъ содержалъ артистовъ, но и хорошими совѣтами, которые онъ имъ давалъ.

Расположенный близъ Рейна, въ нѣсколькихъ мѣ отъ Майнца, Франкфурта и Гейдельберга, городъ Дармштадтъ впродолженіи 25 лѣтъ нашего вѣка былъ тѣмъ, чѣмъ Мангеймъ во второй половинѣ предъидущаго столѣтія: счастливымъ мѣстопребываніемъ и центромъ музыкальной школы, полной блеска и движенія.

15 мѣсяцевъ, которые Веберъ провелъ въ Дармштадтѣ были вполне посвящены ученію и подготовленію. Онъ написалъ только небольшую оперу-буффъ въ одномъ актѣ, *Абу Гассанъ*, которая съ успѣхомъ была дана на театрѣ этой столицы и которой пріятныя мелодіи и легкія формы находятся въ противорѣчій съ общимъ характеромъ его произведенія. Онъ оставилъ аббата Воглера, котораго имѣлъ счастье еще разъ видѣть въ Вѣнѣ въ 1812 году, и отправился въ Прагу, чтобы принять управленіе оркестромъ, куда онъ былъ опредѣленъ въ январѣ 1813 года, достопамятнаго великими политическими событіями, которыя въ немъ исполнились. Такимъ образомъ, когда вся Германія, возставъ противъ Наполеона, шла на завоеваніе своей независимости, распѣвая патриотическіе гимны, сочиненные Веберомъ на слова поэта Кернера, гимны, полные гордости и лирическаго восторга, которые распространяли его имя во всѣхъ классахъ народа, — авторъ Фрейшюца помогалъ освобожденію генія своего отечества, завѣдывая управленіемъ нѣмецкой оперы, живымъ и постояннымъ занятіемъ своей жизни. До конца 18 столѣтія опера и виртуозы Италіи господствовали почти исключительно въ столицѣ Богеміи, какъ и во всѣхъ княжескихъ резиденціяхъ Германіи.

Извѣстно, что Моцартъ для Праги сочинилъ своего Донъ-Жуана въ 1787 году, и *Титово милосердіе* въ 1790.

Тогдашнія событія во Франціи, нарушивъ покой міра пробудили также старый духъ тевтонскаго племени, который попробовалъ раскрыть себя во всѣхъ формахъ мысли. Веберъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ двигателей этого порыва германской фантазіи, какъ мы увидимъ это позже, и подъ его дирекціей была разыграна въ городъ Прагъ музыкальная драма на языкѣ Клопштока и Гете. Здѣсь же онъ познакомился съ дѣвицею Каролиною Брандтъ, молодою и прелестною актрисою, которая блеснувъ на франкфуртскомъ театрѣ, пріѣхала въ Богемію.

Это была умная комическая актриса, которая пѣла со вкусомъ, и которой изящныя манеры и смѣшанная съ нѣжностію веселость произвели впечатлѣніе на сердце Вебера. Онъ на ней женился въ 1818 году, чрезъ нѣсколько времени послѣ того какъ поселился въ Дрезденѣ.

Веберъ оставался въ Прагѣ до 1816 года, и его время, поглощаемое службою и ученіемъ, которымъ никогда не утомлялся его упорный и анализирующій духъ, позволило ему издать только большую кантату, *Битва и побѣда*, которая была почти дѣломъ случая. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, съ 1816 до 1818 года, онъ жилъ независимо, посѣщая разные города, какъ любопытный путешественникъ, который наблюдаетъ, размышляетъ и готовится сдѣлать рѣшительный шагъ въ своей судьбѣ. Онъ пріютился на нѣкоторое время въ домѣ одного друга въ Берлигѣ, гдѣ сочинилъ лучшія свои три сонаты для фортепіано, многія кантаты, увертюру и другія сочиненія болѣе или менѣе разобранныя. Не смотря на то, что Веберъ былъ далеко не богатъ и что, напротивъ, онъ нуждался въ вознагражденіи за свои труды, чтобы жить очень скромно самому съ семействомъ, однако онъ не могъ рѣшиться оставить свою независимость, чтобы снова принять регулярныя и подчиненныя обязанности. Со всѣхъ сторонъ дѣлали ему самыя выгодныя предложенія, которыя онъ равнодушно отвергалъ, пока король саксонскій не предложилъ ему пріѣхать ко двору управлять нѣмецкою оперою.

При этомъ словѣ, которое отвѣчало самымъ любимымъ и тайнымъ его мыслямъ, Веберъ не мѣшкалъ болѣе. Онъ пріѣхалъ въ Дрезденъ въ началѣ 1818 года, вступилъ въ управленіе оркестромъ, который ввѣренъ былъ его попеченію, и трудился съ жаромъ, чтобы произвести національные успѣхи въ музыкѣ и языкѣ этого города, въ которомъ съ начала 18 столѣтія

восхищался только виртуозами и композитами Италіи. Занятый исполненіемъ довольно трудныхъ обязанностей регента капеллы, которыхъ бремя онъ раздѣлялъ съ итальянскимъ композитомъ Морлокчи, Веберъ посвящалъ остальное время развитію своего гевія, размышленію, пересмотру и постоянному направлению плодовъ своего трудолюбиваго вдохновенія. Въ минуты досуга, и, какъ бы давая роздыхъ своимъ высокимъ способностямъ, Веберъ занимался сочиненіемъ небольшихъ критическихкихъ статей, гдѣ онъ разбиралъ съ такою же тонкостію какъ и безпристрастіемъ произведенія, которыхъ исполненіемъ онъ распоряжалъ. Эти статьи, которыхъ онъ не подписывалъ, и которыя были собраны, помѣщались то въ лейпцигской музыкальной газетѣ, то въ литературныхъ журналахъ, разсыянныхъ въ Германіи. Между сочиненіями на случай, которыя Веберъ долженъ былъ писать по обязанностямъ своего мѣста, указываютъ соборную обѣдню, одну симфонію и многія каптаты. Веберъ, который до того времени кочевалъ изъ города въ городъ, безпрестанно размышляя и изучая все школы, чтобы извлечь изъ нихъ характеристическій духъ и воспользоваться ихъ плодотворными свойствами, произвелъ только еще второстепенныя сочиненія, которыя болѣе доказывали трудолюбіе терпѣливой и очень даровитой организаціи, нежели широкое развитіе высшаго гевія; онъ пробовалъ свои силы на многихъ предметахъ; писалъ оперы, множество музыкальныхъ сочиненій для фортепіано, симфоній, увертюры, каптаты и особенно народныя гимны, которые давали его имени болѣе извѣстности, нежели истинной славы. Такимъ образомъ его репутація, уже значительная, не простиралась далѣе хорошаго капельмейстера, умнаго дирижера, наконецъ отличнаго артиста, котораго талантами интересуются, но на челѣ котораго не сіялъ еще тотъ вѣнецъ славы, который возвѣщаетъ избраннаго Богомъ.

Веберъ, который чувствовалъ свою внутреннюю силу и который видѣлъ себя непонятнымъ, не имѣя права винить публику въ неблагодарности или невѣжествѣ, потому-что онъ былъ довольно образованъ, чтобы понять, что не могло же большинство людей оцѣнить тѣхъ предварительныхъ внутреннихъ ощущеній, гдѣ гевій борется, какъ Геркулесъ съ змѣями, которыя овладѣли его колыбелью: Веберъ, говоримъ мы, жестоко страдалъ отъ невѣжестности, еще покрывавшей его имл. Онъ уже былъ близокъ къ той точкѣ, когда артистъ, держась еще нѣкоторыми нетвердыми связями за жизнь прозябаемую, нуждается только въ

последнемъ успѣи, чтобы возвыситься надъ толпой, которая заграждаетъ ему путь, и исполнить свое безсмертное превращеніе. Но какъ медленно идутъ часы, предшествующіе развитію великихъ артистовъ, какъ медленно приходитъ день правосудія, который долженъ освѣжить всю ихъ судьбу и вознаградить за столько трудныхъ работъ! Тоска, которую Веберъ испытывалъ, прежде нежели общественное мнѣніе увѣчило его успѣя, была столь же мучительна, какъ непродолжительна радость триумфа. Едва онъ достигъ до той блистательной высоты, къ которой столько лѣтъ стремился, какъ долженъ былъ оставить жизнь, восторженную дальностію путешествія и жестокостію борьбы.

Весной 1820 года, Веберъ далъ въ Берлинѣ Preciosa, родъ мелодрамы, смѣшанной съ пѣніемъ и симфоніею, которая была принята съ большою благосклонностію; а 18 іюня 1821 года, показавшись наконецъ на кенигштадтскомъ театрѣ Фрейшюцъ, котораго огромный успѣхъ потрясъ всю Германію. Упоенный счастіемъ, Веберъ возвратился въ Дрезденъ, гдѣ провелъ часть 1822 года, наслаждаясь новою своею славою, и потомъ отправился въ Вѣну, чтобы копчить тамъ Евріанту, которая была представлена 23 октября 1823 года, но которой успѣхъ не отвѣчалъ ни его надеждамъ, ни надеждамъ его многочисленныхъ почитателей. Огорченный потерею, которую онъ испыталъ въ лицѣ Бетховена въ знаменитомъ городѣ, наполненномъ тогда славою Россини, и гдѣ родились величайшіе артисты, Веберъ возвратился въ свое мирное мѣстопробываніе, нося уже въ своихъ органахъ зародышъ глубокаго разстройства.

Въ началѣ 1824 года, директоръ коventь-гардеискаго-театра предложилъ Веберу написать для Лондона новую оперу на данный ему сюжетъ. Утвердившись на баснѣ Оберона, Веберъ началъ изучать англійскій языкъ съ тѣмъ горячимъ упорствомъ, которое характеризуетъ его духъ. По мѣрѣ того какъ поэтъ Плаше присылалъ ему изъ Лондона сцены своего либретто, композитъ полагалъ ихъ на музыку, побѣждая такимъ образомъ и чрезвычайныя трудности иностраннаго языка и то неудобство, что онъ не имѣлъ подъ рукою виртуозовъ, которые бы перевели его мысль. Принимая предложеніе написать оперу для лондонскаго театра, Веберъ заключилъ также контрактъ, чтобы ѣхать туда лично распоряжаться постановкой на сцену своего произведенія. Когда приблизилось время отъѣзда, Веберъ не могъ защититься отъ печальныхъ предчувствій. Онъ чувствовалъ себя слабымъ; борьба, которую онъ выдержалъ противъ трудностей

жизни и медленнаго развитія его собственнаго генія, продолжительная работа, которую онъ едва кончилъ, истощили его слабое сложеніе. Ни любовь жены, ни нѣжность, какую онъ имѣлъ къ своимъ дѣтямъ, не могли разсѣять печали, которая овладѣла его душою. Онъ былъ унылъ, его исхудавшіе члены согнулись подъ тяжестію воли, облако трогательной меланхоліи покрыло его потускншій отъ ночныхъ трудовъ взоръ.

Въ іюнь 1825 года, одна знаменитая особа, бывшая его ученицей, увидѣвъ его въ загородномъ домѣ, который онъ имѣлъ близъ Дрездена, была горестно поражена переменною, которая произошла въ его лицѣ.

Оставшись съ нимъ на минуту безъ свидѣтелей въ его рабочемъ кабинетѣ, гдѣ стояло фортепяно, она съ нѣжностію взяла его руку и съ волненіемъ сказала ему:

— Какъ все скоротечно въ этомъ мірѣ! вотъ передъ этимъ фортепяно я провела самыя счастливыя минуты въ моей жизни.

— Да, дитя мое, — отвѣчалъ опечаленный учитель, — все проходитъ, и мой часъ пробилъ! О еслибъ вы вѣкогда не знали, что значить чувствовать, что умираешь и видѣть приближеніе смерти, какъ грозную тѣнь*.

Таково было расположеніе духа Вебера, когда онъ оставилъ Дрезденъ, 16 февраля 1826 года въ сопровожденіи своего друга Фюрстенау, отличнаго виртуоза на флейтѣ. Сѣвъ въ покойную карету, онъ проѣхалъ Лейпцигъ, Франкфуртъ, куда многіе друзья, и между прочими соученикъ его Годфридъ Веберъ, спѣшили, чтобы обнять его, и 25 числа того же мѣсяца онъ прибылъ въ Парижъ. Здѣсь многочисленные почитатели его генія привали его съ необыкновеннымъ почетомъ.

6 Марта 1826 года Веберъ былъ въ Лондонѣ. Англійская публика приняла великаго композитора сначала съ энтузіазмомъ. Когда онъ былъ на одномъ представленіи въ коветъ-гарденскомъ театрѣ, его замѣтили въ ложѣ и привѣтствовали самыми восторженными восклицаніями. Онъ скрылся было за лицами, которые его сопровождали, но публика заставила его показаться нѣсколько разъ, и при громкихъ крикахъ требовала увертюры «Фрейшюца», которой исполненіе возбудило неистовые восторги. 8-го Марта, Веберъ, согласно съ своимъ обязательствомъ, принялъ управленіе оркестромъ коветъ-гарденскаго театра, когда давали

* Воспоминаніе госпожи Левассеръ, урожденной Цейсъ, ученицы Вебера.

«Фрейшюца», и былъ предметомъ еще болѣе необыкновенныхъ триумфовъ. Когда онъ показался въ оркестръ, публика поднялась массою, женщины замахали платками, а мужчины привѣтствовали его рукоплесканіями. Увертюра была повторена, равно, какъ и многія части партитуры.

«Оберонъ» былъ представленъ на ковенъ-гарденскомъ театрѣ 12 апрѣля 1826 года. Успѣхъ этого сочиненія, надъ которымъ мазетро такъ много трудился, не соответствовалъ надеждамъ, какія на него полагали. Его слова перевели и въ новомъ переводѣ давали въ послѣдующія представленія, но никогда онъ не достигалъ той всеобщей популярности, какою пользовался Фрейшюцъ. Англійская публика, для которой все капризъ и предметъ скоропреходящаго интереса, скоро забыла знаменитаго композитора, котораго сначала окружила такимъ почтеніемъ.

Давъ концертъ чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго представленія «Оберона», Веберъ не выручилъ даже своихъ издержекъ и долженъ былъ изъ своего кошелька заплатить недостатокъ сбора. Ударъ былъ нанесенъ. Усталость отъ путешествія, долгія ночи, которыя онъ долженъ былъ проводить, чтобы окончить множество сочиненій, только набросанныхъ въ легкихъ очеркахъ въ Дрезденѣ, суровость климата и глубокая горестъ о томъ, что столько трудовъ такъ холодно приняты, разрушили это слабое тѣло. Веберъ умеръ въ Лондонѣ, 5 іюля 1826, достигши сорока лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Веберъ оставилъ по себѣ почти безъ состоянія, жену и двоихъ дѣтей, которыхъ онъ любилъ нѣжно и которыя были постояннымъ предметомъ его послѣднихъ заботъ.

Въ перепискѣ его съ женой во время этой гибельной поѣздки, истощившей послѣдній запасъ его силъ, видно много чертъ, которыя вполне изображаютъ тонкость его ума и трогательную простоту характера.

По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ былъ на первомъ представленіи второй части «Олимпіа», Спонтини, и писалъ своей женѣ:

«Какой прекрасный спектакль—парижская Большая Опера! Огромность залы, масса хористовъ, многочисленный оркестръ, имъ акомпанирующій, все это составляетъ ансамбль истинно чудный. Сочиненіе разыграно въ совершенствѣ, оркестръ владѣетъ силой исполненія, о которой я не имѣлъ понятія. Публика много аплодировала и это было справедливо.»

Чрезъ нѣсколько строкъ онъ прибавляетъ:

«Я не стану тебѣ описывать, какъ меня здѣсь приняли. Бумага

покрасѣла бы, если бъ я ей ввѣрилъ все комплименты, какіе мнѣ были сдѣланы знаменитѣйшими артистами. Большое будетъ счастье, если моя скромность устоитъ противъ жестокихъ испытаній, какимъ ее подвергли въ Парижѣ *.»

Видъ Англии, красота ея мѣстоположеній, изящество городовъ, комфортъ и обширность ея цивилизаціи произвели живое впечатлѣніе на образованный умъ и воображеніе Вебера. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ этой землѣ, покрытой зеленью, плодотворимой удобствомъ рѣкъ и дѣятельностію народа серьезнаго, который столькими связями соприкасается къ племени германскому. Онъ съ удовольствіемъ останавливается на малѣйшихъ подробностяхъ пріема, какой ему сдѣлали въ Лондонѣ. Однако посреди павной радости, которую онъ испытываетъ, видя, что его имя возбуждаетъ живые восторги, Веберъ высказываетъ сожалѣніе, что предпринялъ такое дальнее путешествіе, и бросаетъ печальный взглядъ на тотъ уголокъ земли, гдѣ находятся предметы его страсти.

«Боже мой!—воскликаетъ онъ,—когда я подумаю, что множество людей почли бы себя счастливыми на моемъ мѣстѣ, меня беретъ двойная горестъ, что я остаюсь безчувственнымъ къ такимъ обольщеніямъ. Чтò стало съ радостію, которою я нѣкогда владѣлъ! Пока здоровье мое будетъ колебаться, для меня не будетъ счастья.»

Это расположеніе къ печали, это сожалѣніе о родной странѣ и мирныхъ радостяхъ жизни еще съ большей энергіей обнаруживаются въ слѣдующемъ мѣстѣ.

«Сегодня стоитъ такая погода, что можно придти въ отчаяніе. Во всемъ Лондонѣ царствуетъ такой густой желтоватый туманъ, что въ комнатахъ едва можно быть безъ огня. Солнце, лишенное животворныхъ лучей, походитъ на красную точку посреди темнаго облака. Нѣтъ, я не захотѣлъ бы жить въ этомъ печальномъ климатѣ. Деревья въ публичныхъ мѣстахъ и многочисленныя сады этого города покрыты мрачною зеленью, которая наводитъ печаль, имъ не достаетъ свѣта и горизонта. Желаніе, какое я испытываю, увидѣть голубое небо невозможно описать. Терпѣніе, терпѣніе, дни текутъ за днями и вотъ ужъ два мѣсяца прошло.»

Черезъ нѣсколько дней, Веберъ писалъ своей женѣ письмо, ко-

* Оставшіяся послѣ смерти сочиненія Карла-Маріи Вебера, 3 томъ, стран. 10.

торое выражаетъ полное разочарованіе и рѣшительное отрѣченіе отъ мечтаний славы.

«Меня ждутъ въ Германіи, на слѣдующее лѣто, чтобы распоряжаться тамъ постановкою на сцену моего «Оберона.» По увѣ! я не знаю, что могло бы меня заставить принять это предложеніе. Покой, покой, вотъ отнынь моей единственный вопиющій кличъ! Я такъ усталъ отъ всѣхъ занятій славы, отъ всѣхъ пустыхъ криковъ, которые возбуждаютъ тщеславіе, что не мечтаю о большемъ счастьи, какъ жить въ неизвѣстности въ какомъ-нибудь уголку, подобно простому работнику, который владѣетъ хорошимъ желудкомъ и спокойнымъ духомъ.»

Когда болѣзнь усилилась, Веберъ старался скрыть отъ жены почти отчаянное положеніе, въ которомъ онъ себя видѣлъ.

«Милая Анна, — писалъ онъ ей 30 мая 1826, — я долженъ извиниться въ молчаніи къ тебѣ, которое я хранилъ съ нѣкотораго времени. Мнѣ такъ трудно писать! У меня трясутся руки и нетерпѣніе волнуется мое сердце. Ты будешь получать отъ меня немного писемъ, и я прошу тебя не адресовать уже ко мнѣ своихъ писемъ въ Лондонъ, но во Франкфуртъ, *poste restante*. Не правда-ли, что тебя удивляетъ это порученіе? Ну, нѣтъ! я поѣду въ Парижъ, что мнѣ тамъ дѣлать? Я не могу ни ходить, ни говорить! Слѣдовательно лучше взять прямую дорогу домой чрезъ Кале, Брюссель, Кобленцъ и по Рейну спуститься во Франкфуртъ. Какое пріятное путешествіе! Если Богъ допуститъ, я надѣюсь сжать тебя въ моихъ объятіяхъ въ концѣ іюня. Я обвиняю васъ отъ глубины души, мои милыя дѣти.»

2 Іюня 1826, за три дня предъ смертью, слабая рука Вебера начертила эти послѣднія и трогательныя слова:

«Да благословитъ, и сохранитъ Богъ всѣхъ васъ въ добромъ здоровьи. Зачѣмъ я не среди васъ! Тысячу разъ обвиняю тебя, о милая мать моихъ дѣтей! Сохрани свою любовь ко мнѣ, и часто думай о бѣдномъ твоёмъ Карлѣ, который любитъ тебя болѣе всего въ мірѣ.»

Веберъ былъ роста больше средняго; онъ имѣлъ длинныя ноги, изъ которыхъ одна была короче другой; худое и слабое тѣло, длинную и тонкую шею, которая съ гордостію носила голову, полную ума, все это показывало деликатную натуру, долго страдавшую подъ суровымъ бичемъ воли. Черты его лица были правильны и имѣли благородное выраженіе. Его сѣровато-голубые глаза были полны огня, и изливали тихій и прощательный

свѣтъ, а его лобъ, болѣе возвышенный нежели широкій, ясно показывалъ, что преобладающимъ свойствомъ его гевія было воображеніе. Веберъ былъ челоѣкъ очень образованный: онъ легко писалъ на своемъ природномъ языкѣ, говорилъ по итальянски, по французски, и наконецъ достаточно изучилъ языкъ англійскій, чтобы свободно на немъ объясняться.

Его умъ, воспитанный чтеніемъ поэтовъ и философовъ, соединялъ прелесть и милую находчивость свѣтскаго челоѣка, когда нужно было изслѣдовать свойство вещей, и проникнуть до основнаго принципа. Онъ любилъ общество, и принималъ довольно живое участіе въ удовольствіяхъ, имъ доставляемыхъ, и въ обязанностяхъ, которыя оно налагаетъ. Въ отвѣтахъ онъ былъ находчивъ и тонокъ, а его рѣчь, всегда умѣренная, была полна, то свѣтлыхъ образовъ, то ѣдкихъ насмѣшекъ.

Веберъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ то, что во Франціи называютъ un homme bien élevé. Обращеніе его было учтивое, и его хорошая распорядительность по дому тотчасъ показывала вкусъ и отличіе лица, въ немъ обитавшаго. Онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ короля саксонскаго, Фридриха Августа, его заискивали князья, а особенно женщины, въ которыхъ его музыка возбуждала энтузіазмъ. Въ характерѣ Вебера было то, что находили въ его умѣ, возвышенность и много простоты, чрезмѣрное добросердечіе въ его отношеніяхъ съ артистами, и со всѣми тѣми, которые отъ него зависѣли. Онъ былъ благосклоненъ и какъ отецъ для молодыхъ людей, которые нуждались въ покровительствѣ и добрыхъ совѣтахъ. Его кошелекъ также легко открывался какъ и его сердце на призывъ нужды. Обвиняемый иногда въ несправедливости и въ пристрастіи людьми, которые завидовали его гевію и общему почтенію, которымъ онъ былъ окруженъ, Веберъ не всегда хранилъ молчаніе на эти темные проски посредственности; онъ отвѣчалъ на нихъ съ спокойствіемъ, и оправдывался рѣчью, полною умѣренности и вѣжливости. Дружба его къ М. Мейерберу была не измѣнна и полна попеченія. Онъ сохранилъ благоговѣйную и пѣжную память объ аббатѣ Воглерѣ, котораго обширнымъ знаніямъ онъ удивлялся, и никогда не прерывалъ ни одной изъ связей, родившихся въ школьные ясные дни, которые онъ провелъ возлѣ этого почтеннаго наставника.

Соученики его Гейсбахеръ, Годфридъ, Веберъ, знаменитый теоретикъ навсегда сохранили къ нему привязанность и оплакивали, со всей Германіей, преждевременную его смерть. Въ его

правахъ и искреннихъ привычкахъ его жизни, находили то свойственное влеченіе натуры Вебера, которое было вмѣстѣ изящно и просто, образованно, и при всемъ томъ наивно. Онъ любилъ общество, какъ мы уже сказали, любилъ и удовольствія стола, которыя сообщали ему большую живость, и искалъ плодотворнаго уединенія, гдѣ дѣятельный его геній безпрестанно получался, выжидая благопріятнаго часа, часа удовольствія, когда муза напечатлѣтъ поцѣлуй вдохновенія на челѣ любимца. Удалвшись на мѣсто въ скромный загородный домъ, который онъ занималъ близъ Рильтша, окруженный своимъ семействомъ, посреди прелестнаго пейзажа, котораго безконечный горизонтъ онъ любилъ обнимать взоромъ и дышать спасительными благовоніями, Веберъ слагалъ здѣсь тихо большую часть своихъ произведеній, которыя разнесли его имя по всей Европѣ.

Своимъ пытливымъ и ученымъ умомъ, своимъ глубокомысленнымъ и смѣлымъ воображеніемъ, своимъ любящимъ и полнымъ религіозныхъ предощущеній сердцемъ, Веберъ соединялъ въ себѣ всѣ выдающіяся качества его націи. Его душа была подобна лирѣ, настроенной на ладъ пѣмецкой поэзіи, которой онъ владѣлъ двумя крайними и главными струнами, наивнымъ и благочестивымъ отголоскомъ древней народной баллады, стремительнымъ восторгомъ и героическою звучностію эпоса.

Не смотря на глубоко-оригинальный характеръ, который замѣчаютъ въ произведеніяхъ Вебера; и не смотря на его живое предпочтеніе ко всему тому, что носило печать генія его отечества, его критическій умъ умѣлъ сохранить большое безпристрастіе. Онъ говоритъ о Моцартѣ, какъ прилично говорить о величайшемъ музыкантѣ, какой никогда не существовалъ ни въ какой странѣ и ни въ какое время.

Онъ имѣлъ особенный вкусъ къ прелестнымъ учителямъ французской школы, къ операмъ Гретри, Далепрака, Боэльде и Николо. Онъ оказывалъ большое удивленіе къ строгому таланту Мегюля, къ силѣ и драматической страсти Спонтини, и склонялся предъ именемъ Херубини съ покорностію ученика, всегда признавая совершенство его маперы; онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что внимательно разсматривая партитуру этого учителя, приходишь къ мысли, что аккомпанименты были сочинены прежде мелодической идеи, которой они должны быть аксессуаромъ.

Наконецъ удивленіе къ Херубини, которое раздѣлялъ Бетховенъ, легко объясняется высокими качествами, глубокимъ знаніемъ и ясностію стиля, которыя характеризуютъ автора Лодон-

ски, Водовоза и Меден; потому что Германія всегда была расположена преувеличивать важность воли и знанія въ произведеніяхъ воображенія. Веберъ, который всегда выражался умѣренно на счетъ современныхъ музыкантовъ, который съ такою справедливою оцѣнилъ Мейера, его собрата Молакки, Вейгля и другихъ компонистовъ втораго и третьаго разряда, кажется, не былъ совершенно свободенъ отъ личнаго предубѣжденія и менѣе владѣлъ своимъ умомъ, когда произносилъ судъ объ обширномъ и несравненномъ гевн Бетховена. Эти два высшіе человѣка, которые выходили отъ одной точки взгляда, которые чувствовали себя принадлежащими къ одному разумному семейству, мѣрили другъ друга взглядомъ безпокойнымъ, какъ два завоевателя, которые стремятся къ одной славѣ и видятъ себя принужденными раздѣлить власть, которою каждый изъ нихъ хотѣлъ бы владѣть одинъ; раздражительный по характеру Бетховенъ, которому Веберъ смиренно послалъ партитуру Евріанты, не имѣвшей ожидаемаго успѣха, отвѣчалъ съ живостию:

— Надо было посовѣтоваться со мной прежде перваго представленія, а не послѣ.

И потомъ онъ прибавилъ злобно:

— Это собраніе аккордовъ седьмой величины... Когда этимъ господамъ, молодымъ нѣмецкимъ компонистамъ, нечего сказать, они прибѣгаютъ, тотчасъ къ аккорду седьмой...

Веберъ обмѣнялся также довольно живыми словами съ Францискомъ Шубертомъ, по поводу Евріанты, которую великій нѣмецкій мелодистъ судилъ также строго какъ Бетховенъ; но этотъ споръ между двумя музыкантами земляками не оставилъ никакого тягостнаго чувства въ благородной душѣ Вебера, который спѣшилъ, напротивъ, на дрезденскомъ театрѣ поставить лучшую оперу Шуберта. Легче понять, почему Веберъ не былъ расположенъ не только признать и громко провозгласить заслугу Россини, но и раздѣлять энтузіазмъ Европы и части Германіи къ этому беззаботному гевнѣ истинны, который старался болѣе прельщать людей, а не трогать ихъ сдержаннымъ и строгимъ выраженіемъ высокихъ чувствъ. Вся жизнь Вебера, его самыя глубокія убѣжденія, свойство его способностей серьезныхъ и медленныхъ въ производительности, вѣра его, какъ поэта, патріота и реформатора возстали противъ этого дерзкаго иностранца, который испортилъ вкусъ Германіи и снова подчинилъ ее упоющей чувственности итальянской мелодіи. Менѣе исключительный и менѣе несправедливый, нежели Бетховенъ, который, пробѣжавъ

взглядомъ партитуру Севильскаго цирюльника, сказалъ о Россини:

— Если бы его учитель дралъ ему уши за каждую ошибку, которую онъ дѣлалъ, то онъ могъ бы сдѣлать что-нибудь хорошее.

Веберъ былъ огорченъ не менѣе высокаго симфониста изумительнымъ успѣхомъ, какой имѣли въ Вѣнѣ, Дрезденѣ и въ главныхъ городахъ Германіи оперы этого любимаго чада побѣды, какъ онъ его называетъ въ одномъ мѣстѣ. Въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Жизнь артиста,» въ которомъ Веберъ въ формѣ діалога колко изложилъ ensemble своихъ идей о музыкальномъ искусствѣ, и особенно о лирической драмѣ, одинъ изъ разговаривающихъ сильно возстаетъ противъ злоупотребленія слишкомъ изысканной гармоніи и шумной инструментовки, которую замѣчаютъ въ новѣйшихъ операхъ.

«Частое употребленіе тромбоновъ, — говоритъ онъ, — составляетъ нынче большое пособіе всякаго композиста, который хочетъ произвести драматическій эффектъ; не умѣютъ написать ни одной сцены водевиля безъ пышнаго прибора четырехъ рожковъ.»

Все принесено въ жертву матеріальной звучности, цвѣтъ заступилъ мѣсто мысли и чувства. Онъ сравниваетъ музыку Россини съ вѣтромъ сирокко, который расслабляетъ самыя свѣныя души, и котораго быстрые порывы возбуждаютъ чувство похожее на укушеніе тарантулы. Веберъ непыталъ тягостное изумленіе, которое понятно, когда увидѣлъ, съ какою удивительною легкостію Россини, казалось, почти импровизировалъ свои произведенія и усыпалъ свой триумфальный путь самыми счастливыми пѣснями.

Эта чудная непринужденность, которую много преувеличивали, но которая составляетъ отличительную черту генія Россини, какъ преобладающая способность всѣхъ южныхъ народовъ, оскорбляла-сосредоточенныя привычки Бетховена и Вебера, которымъ нужны были долгія и горестныя размышленія, чтобы произвести трогательнѣйшія страницы.

Строгій судъ, который произнесли надъ Россини нѣмецкая школа и въ особенности Веберъ и Бетховенъ, дѣтскость, съ которою они открыли въ его сочиненіи нѣсколько несправностей въ стилѣ, которыя, очевидно, были результатомъ беззаботности и разсѣянности, объясняются тою же причиною, которой стоила Херувини столь огромная народность по эту сторону Рейна. Это сѣверное племя, которое всегда сосредоточено въ самомъ себѣ,

которое своими прекрасными завоеваніями обязано только силѣ труда и размышленія, имѣеть чрезмѣрную склонность преувеличивать заслугу произведеній, выражающихъ трудъ, и не признавать цѣны граціи, легкости и избытка, истинныхъ атрибутовъ могущества человѣческаго духа, которое состоитъ именно въ томъ, что обнаруживается безъ замѣтныхъ слѣдовъ усилія.

Веберъ выразилъ свое сужденіе о Россіи живописнымъ сравненіемъ, которымъ совершенно характеризуется духъ великихъ соперничающихъ школъ, и въ которомъ удивительно выражается двойственная тенденція автора Севильскаго Цирюльника и Фрейшюца.

«Посмотрите,» — говоритъ одинъ изъ разговаривающихъ въ сочиненіи «Жизнь артиста,» — въ глубину этой мрачной комнаты, посмотрите на этого бѣднаго ученика, который работаетъ, печально сидя у стола, съ головой, поникшей надъ книгами, и котораго уединенія никто не приходитъ развеселить.... это — вѣмецкій композитъ; тогда какъ веселое и прекрасное дитя, которое вы видите тамъ играющимъ въ полномъ свѣтѣ, и которое садится на колѣняхъ прекрасныхъ дамъ, оспаривающихъ его другъ у друга и осыпающихъ его ласками и поцѣлуями, это маэстро счастливой Италіи.

Во время пріѣзда своего въ Парижъ, въ февралѣ 1826 года, Веберъ сказалъ одной особѣ, принявшей на себя обязанность руководить его въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ онъ никогда не былъ:

«Я долженъ сдѣлать два визита, изъ которыхъ одинъ мнѣ дорого стоитъ и отъ котораго мнѣ скорѣе хочется отдѣлаться. Я хочу сначала засвидѣтельствовать мое почтеніе Херубини, а потомъ вы поведете меня къ Россини, къ которому я чувствую почти отвращеніе.»

И онъ дополнилъ это выраженіе своего мнѣнія, отозвавшись съ горечью о произведеніи знаменитаго маэстро. Веберъ бросился почти на колѣни предъ Херубини, говоритъ мнѣ таже особа, бывшая при свиданіи, и эта униженная покорность автора Фрейшюца предъ главою французской школы совершенно была сообразна съ удивленіемъ, которое онъ обнаруживалъ къ этому замѣтному представителю преданія и авторитета принциповъ.

Но какъво было удивленіе чичероне, у котораго я замѣтвую этотъ анекдотъ, когда онъ услышалъ, какъ эти два высшіе чело-вѣка, при своемъ свиданіи, обмѣнялись самыми лестными похвалами и взаимно приводили самыя лучшія мѣста ихъ партитуръ!

Особенно Веберъ былъ столько-же краснорѣчивъ какъ и остроумень въ открытіи выдающихся качествъ своего безсмертнаго соперника.

Краткостію своей трудолюбивой карьеры, благородствомъ своего характера и возвышенностію своего генія, постоянствомъ въ стремленіи къ осуществленію знаменитой идеи, наконецъ согласіемъ своей жизни какъ артиста и гражданина, которой эстетическіе принципы были выводомъ внушеній его совѣсти, Веберъ заслужилъ, чтобы на его надгробномъ камнѣ вырѣзали эту эпитафію, помѣщенную пмъ самимъ въ концѣ его автобіографіи:

«Здѣсь покоится человекъ, желавшій добра подобнымъ себѣ и возвышенія искусства*».

* Посмертныя сочиненія, 1 томъ, стр. 14

ЮМОРИСТКА.

ЧЕРНОЕ СТЕКЛО.

I.

16 Июля настоящаго года Петръ Николаевичъ проснулся ровно въ 7 часовъ. Утро было пасмурное и сонъ, какъ сторукий Фо, ухвативъ Петра Николаевича всего тысячью пальцевъ потянулъ его въ свои объятія. Смирный, какъ ягненокъ, послушный, какъ мужъ съ характеромъ Петръ Николаевичъ зѣвнулъ и тихо склонился къ подушкѣ.... Но здѣсь Морфей сдѣлалъ жестокою ошибку: ткни онъ Петра Николаевича носомъ въ стѣну, въ одѣяло или даже въ ширмы, раздѣлявшія его единственную комнату, — онъ проспалъ бы сладко и безмятежно до 10 часовъ. Вышло такъ, что Петръ Николаевичъ ткнулся лицомъ прямо въ подушку, оцарапалъ высунувшимся изъ наволочки перомъ кончикъ носа, вздрогнулъ и открылъ глаза, зрачки которыхъ остановились на масляномъ пятнѣ наволочки.

— Странно, — подумалъ очнувшійся, — я такой акуратный, даже вотъ и сплю въ колпакъ.... а тутъ, прошу покорно, пятно!... И пятно какое-то жирное.— При этомъ Петръ Нико-

лаевичъ, не переводя дыханія обнюхалъ наволочку. — Да... жирное! — повторилъ онъ въ раздумьѣ; — это удивительно!... Наволочка не моя.... должно быть Марѳа Ѳедосѣвна какъ-нибудь подмѣнила наволочку.... Марѳа Ѳедосѣвна! — вскрикнулъ Петръ Николаевичъ.

— Иду, батюшка, — отвѣчалъ голосъ за дверью, и вслѣдъ за тѣмъ, старая Марѳа Ѳедосѣвна, дальняя родственница и хозяйка Петра Николаевича вошла въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, батюшка, — сказала старуха, не переставая вязать чулокъ и отсчитывать прибывавшія на немъ петли.

— И васъ также-съ.... А, вотъ у меня пятно.

— Гдѣ, батюшка?... разъ.... два...

— На наволочкѣ, Марѳа Ѳедосѣвна.... и знаете.... этакое жирное.

— Три.... четыре.... на наволочкѣ?

— Что вы.... какихъ четыре.... одно только.

— Пѣть-съ.... это я петельки считаю, Петръ Николаевичъ... позвольте-ка взглянуть.

— Нельзя, Марѳа Ѳедосѣвна.... я, знаете, безъ халата.... Киньте мнѣ, пожалуйста, халатъ: онъ тамъ, на стулѣ.

Старушка сыскала пестрый халатъ своего нахлѣбника, и перекинула его черезъ ширмы.

— Удивительно, просто удивительно, — продолжалъ Петръ Николаевичъ, — откуда взялось это пятно?

— Эхъ, батюшка, велика бѣда... Вотъ говорятъ и на солнцѣ есть пятна.

— Ай!... На счетъ солнца, Марѳа Ѳедосѣвна!...

— Что вы это, батюшка, какъ будто что въ воду оброшили? — спросила старушка, удивленная рѣзкимъ восклицаніемъ своего родственника.

— Да, какъ же вѣдь сегодня 16 іюля.

— Ровнехонько шестнадцатое, и хозяйнѣ сегодня сказалъ: Марѳа Ѳедосѣвна, пора бы, говорить, полатиться за квартиру; шестнадцатый день другого мѣсяца пошелъ.

— Ну, а на счетъ солнца ничего не говорилъ?...

— Да, что ему до солнца... онъ, вишь-ты, только мѣсяцы считаетъ....

— Э.... такъ стало быть и вы ничего не знаете.... и не слышали, что случится сегодня съ солнцемъ?..

— Вотъ-те на! Да что-жъ съ нимъ можетъ случиться? Вѣстимо, какъ взошло, такъ и закатится.

— То то есть, что не такъ.... Сегодня назначено солнечное затмѣніе.

— Какъ назначено.

— Ну, да.... Астрономы рассчитали... говорятъ будетъ затмѣніе, да и баста! Видите... солнце почернѣетъ, вотъ, какъ уголь.... какъ сковорода, только маленькій кусочекъ останется свѣтлымъ....

— Что вы это, отецъ родной.... не грѣшно ли вамъ такія слова говорить! Ну... неровенъ часъ... могутъ посторонніе люди подслушать этакое вольнодумство...—добавила старушка тономъ убѣжденія.

— Да вѣдь это не я выдумалъ, Марѳа Федосѣевна, это астрономъ сказалъ... книжечку, знаете, такую напечаталъ... Вѣдь это дѣло обыкновенное... такъ ужъ Богъ устроилъ... А астрономы рассчитали, когда должно случиться затмѣніе... имъ не почему это... а плюсь б, равняется говорить с, или тамъ говорить синусъ, помноженный на тангенсъ... въ родѣ этого, знаете, Марѳа Федосѣевна... ну, вотъ, говорить и вышло въ 1851 году затмѣніе, а случится оно, добавляетъ онъ, такого-то числа, во столько-то минутъ, секундъ и проч. очень просто...

— Шути... шути, Петръ Николаевичъ; принимай грѣхъ на душу... Словно малаго ребенка нашелъ... вишь-ты астрономы какіе-то... ужъ гдѣ, родимый, знать человѣку, что тамот-ко дѣется...

— Вотъ то-то и есть, Марѳа Федосѣевна, ученье свѣтъ, а неученье тьма.

— Слыхали мы, батюшка, эту пословицу... — сказала старушка со вздохомъ.

— Ну, а если слыхали, такъ стало быть знаете, что для ученаго всякая премудрость ни почему... Мы, вотъ примѣрно—живемъ съ вами на Козьемъ Болотѣ второй десятокъ.... все намъ кажется, что оно стоитъ себѣ не шелохнеть, а по ученому оно вертится.

— Какъ... вертится?..

— Такъ таки веретеномъ и идетъ... и мелочная лавка Назарова, и трактиръ, и рынокъ, и будка, и домъ нашъ— все вертится, потому что земля то не стоитъ на мѣстѣ.

— Ну-ужъ проказникъ ты, Петръ Николаевичъ!

— Проказникъ!... Знаете-ли вы, что земля наша—шаръ! Ась! Вотъ просто шаръ круглый, какъ тыква, или какъ кочанъ капусты, если съ него срѣзать кочерыжку... А всѣ

наукой, астрономіей дойдено, и извѣстно, что шаръ этотъ вертится около солнца, ну... и луна тоже... Вотъ нынче и рассказываетъ астрономъ, что луна пойдетъ мимо солнца, броситъ на него тѣнь свою, а отъ этой тѣни оно и почернѣетъ... Просто и удобопонятно, Марѳа Федосѣевна... Вотъ жаль, нѣтъ подъ рукою географіи Арсеньева; я-бы вамъ все растолковалъ и пояснилъ, какъ слѣдуетъ... Безъ книги всего не упомяну... слишкомъ тридцать лѣтъ, какъ о землѣ, лунѣ и разныхъ моряхъ рассказывалъ намъ Кузьма Федѣвичъ нашъ приходскій учитель.

— Мудрено что-то, родимый, очень мудрено!

— Хе!... Да вы спросите подъ рукою Карпа Матѣевича, онъ тоже самое скажетъ.

— Какого Карпа Матѣвича?

— Ну... штурмана-то... всю родословную всякой звѣзды знаетъ, какъ свой кондуитъ... Иной разъ бывало спросишь: это, Карпъ Матѣвичъ, какая звѣзда, съ вашего позволенія?—Свѣтлая-то? говоритъ; — да. — Венера... утромъ, говоритъ, она всегда на западѣ; вечеромъ на востокѣ... а это, говоритъ, медвѣдица... а это, говоритъ: Понъ Оріона... а эта Сатурнъ; да его, впрочемъ, невооруженнымъ глазомъ не увидишь, а посмотрѣть въ трубу, такъ словно на ладонь посадишь. Ужъ такова наука, Марѳа Федосѣевна... посмотрѣли бы вы, примѣрно, сказать, какъ Карпъ Матѣвичъ море измѣряетъ... Нагнется, съ лодки посмотритъ... и говоритъ: степъ! тутъ, говоритъ: 18 футовъ, или тамъ 30, 40, 50... 100! Все знаетъ! — Здѣсь, говоритъ, банка... т. е. мѣль по ихнему... да такъ пальцемъ и ткнетъ... Стопъ! говоритъ... А все наука, Марѳа Федосѣевна!

— Мудрено, родимый, очень мудрено!—повторила старушка.

— Разумѣется для насъ съ вами мудрено; а для нихъ ни почему... все прошло... И вы вотъ сегодня... я васъ научу, какъ наблюдать затмѣніе солнца... посите кофе.

Старушка отправилась за кофеиникомъ, а Петръ Николаевичъ, никогда не измѣнявшій своимъ привычкамъ, къ зеркалу. Медленно скинулъ онъ съ головы своей бѣлый колпакъ, заглянулъ въ зеркало разъ, другой, сдѣлалъ какую-то неразгаданную гримасу и повидимому остался весьма недоволенъ своею физиогноміею.

— Странно,—подумалъ Петръ Николаевичъ,—только сорокъ пять лѣтъ и такая пропасть морщинъ... съ каждымъ днемъ

прибываютъ... вотъ вчера, подъ глазами ихъ не было... а теперь... Марѳа Ѳедосѣевна, — сказала онъ, въ то время, какъ старуха поставила на столъ кофейникъ и небольшой подносъ съ чашками, — посмотрите-ка на меня?...

Старушка тряхнула головой и фалборками чепца и устремила на своего родственника взоръ, выражавшій вопросъ и недоумѣнiе.

— Смотрю, батюшка, — прошептала она нерѣшительно.

— А... ну-съ, ничего во мнѣ особеннаго не замѣчаете?

— Ничего-съ, родимый; все слава Богу.

— Въ лицѣ т. е. ни чего?

— Ни чего...

— Особеннаго... лишняго, Марѳа Ѳедосѣевна?

— Право слово ничего, какъ вчера такъ и сегодня; лицо какъ лицо... ни царапины, ни пупырышка!

— Ну... а здѣсь? — и Петръ Николаевичъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ подъ лѣвый глазъ; — не видите лишняго? — спросилъ онъ.

— Да, что сдѣлалось съ вами?

— Поглядите-ко, какъ будто бы морщинки...

— А... морщинки... есть... есть, родимый; что грѣхъ таить.

— Есть! очень гадко, коли они въ самомъ дѣлѣ есть... ихъ вчера не было... И я думаю, что это отъ кофею... не хочу я кофею, Марѳа Ѳедосѣевна, право не хочу!

— Полноте, батюшка Петръ Николаевичъ, что это вамъ вздумалось? — велика бѣда лишняя морщина... вѣдь не невѣстамъ на васъ смотрѣть.

— Гм... того и оно.

— Что, батюшка?

— А то, что я сегодня отправляюсь на смотрины.

— Опять? Да вы, никакъ ужъ закаялись свататься!... Петръ Николаевичъ выразительно пожалъ плечами.

— Да-съ... почти!... — отвѣчалъ онъ, вытянувъ впередъ обѣ губы; — теперь опять хочу поиспробовать, Марѳа Ѳедосѣевна... десятый и послѣднiй разъ... Не удастся ли встрѣтится какая-нибудь помѣха, тогда стопъ! какъ говорить Карпъ Матвѣевичъ... тогда доживу вѣкъ одной головой, скоротаю жизнь холостякомъ.

Старушка, повидимому сильно была изумлена словами своего родственника.

— Гм... вотъ какъ, — замѣтила она, — не бось мнѣ ни сло-

вечка не промолвилъ, что вотъ дескать—невѣсту нашелъ, да и дѣло порѣшить хочу.

— Да съ чего вы взяли, что ужъ и дѣло хочу я порѣшить? Понимаете-ли... смотрины только назначены... Видите-ли, пріятель мой живетъ у отца этой дѣвушки... такъ, знаете, комнатку занимаетъ... тамъ въ Волынкиной, за Екатерингофомъ... ну, вотъ однажды онъ и говоритъ: что ты, Петръ Николаевичъ, не женишься?... Да невесты, говорю, нѣтъ... вотъ сватался, почитай, разъ восемь, все какъ-то дѣло не клеится... а что? говорю... развѣ того... посватать хочешь? Да и посваталъ-бы, говоритъ, дѣвушка... этакая... ничего, ну и денежки и всякое за нею есть: салоны тамъ, комоды, говоритъ, словомъ—говорить—невѣсту съ цѣлой обузой добраго возьмешь... ну, и подбилъ, знаете... дай, говорю, полюбопытствовать, кто это?... А она, какъ тутъ, въ саду смородину щиплетъ... Дочь хозяйская... ничего—нѣмочка такая королекъ, въ локоячикахъ, знаете, полная, бѣлая... такая *коминзигеръ*, что просто безъ обузы бы взялъ... я и того: ладно, говорю, замолви словцо... А сегодня, видите-ли, тамъ соберутся гости наблюдать затмѣніе, какъ будто бы, понимаете, затмѣніе! А я, разумѣется, въ рѣчи пущусь... ну о томъ, о семь... повыспрошу, поузнаю... ну, что будетъ... попытка не пытка!

— Да кто же это... въ Волынкиной?— въ раздумѣ спросила Марѳа Ѳедосѣвна.

— Рангу не высокаго,— смиренно отвѣчалъ Петръ Николаевичъ,—отецъ ея... слесарь... но прекраснѣйшій человѣкъ... резонный, умный... нѣмецъ во всѣхъ статьяхъ, кровный нѣмецъ!—добавилъ Петръ Николаевичъ тономъ убѣжденія;— фамилья его... какъ бишь?... Да, Эйзельманъ.

— Иванъ Ивановичъ! — вскричала старушка.

— Ну, ужъ коли нѣмецъ, то понимается, что онъ Иванъ Ивановичъ.

— Ахти мои свѣтики!... да дочь-то ни Шарлотой-ли зовутъ?

— А вы отъ кого это знаете?

— Да какъ-же, родимый, вѣдь за нее нашъ верхній нѣмецъ просватанъ, сынъ-то сапожника Югансона.

— Важная штука — сапожникъ!... Ужъ, гдѣ я встану своей особою, тамъ... позвольте вамъ сказать... сапожники могутъ посторониться... Это вѣдь какое-нибудь свидѣтельство ремесленника, — сказалъ Петръ Николаевичъ,

гордо и съ достоинствомъ указавъ на печатную бумагу, вставленную въ рамку, за стекло, и повѣшенную надъ письменнымъ столомъ.

— Дай Богъ ! Дай Богъ !—прошептала старушка, собравъ чашки и отправляясь за дверь.

Между тѣмъ Петръ Николаевичъ взглянулъ еще разъ въ зеркало, потомъ на часы и, отворивъ ящикъ комода, принялся вынимать оттуда свой праздничный нарядъ, который онъ называлъ не иначе, какъ свадебнымъ... Въ самомъ дѣлѣ исторія этого гардероба тѣсно связывалась для Петра Николаевича съ грустными воспоминаніями о его десяти неудачныхъ сватовствахъ... Въ свѣтлыхъ бронзовыхъ пуговицахъ своего фрака, въ полоскахъ пестрыхъ брюкъ, въ мелкихъ цвѣточкахъ, разбросанныхъ малиновыми кустиками по жилетѣ, въ коричневой косынкѣ съ зелеными дорожками, даже въ лакированныхъ сапогахъ, во всемъ Петръ Николаевичъ видѣлъ — начало девяти своихъ надеждъ и закатъ ихъ.... Фракъ былъ сшитъ лѣтъ шесть тому назадъ, когда еще сѣдина только начала показываться на вискахъ Петра Николаевича ; фракъ этотъ дебютировалъ на первыхъ смотринахъ, и онъ же предалъ своего владѣльца... Новый, глянце-витый, безъ сборки и складочки, онъ рѣзко отдѣлялся отъ прочаго костюма, выказавъ все долготѣе и ветхость его... вслѣдствіе этого—Петру Николаевичу сказали, что невѣста еще молода и что надо подождать годъ, другой ; а настоящая—то причина отказа, какъ стороной провѣдалъ Петръ Николаевичъ, заключалась въ томъ : за чѣмъ у жениха рыжій жилетъ, который предъ щегольскимъ фракомъ казался просто ветошкой. Однакожь это не огорчило нашего героя, чрезъ годъ онъ отправился въ новый нарядъ, въ пестромъ жилетѣ, съ такими дивными малиновыми цвѣточками, что, казалось, стоило только пройти мимо невѣсты Петру Николаевичу, такъ точно фунтъ малины пронесли мимо носа... Герой былъ убѣжденъ въ успѣхѣ, но не такъ случилось ! Бѣднякъ забылъ, что у нѣкоторыхъ матушекъ, опытныхъ старушекъ, есть очень разсудительное обыкновеніе, въ то время какъ женихъ входитъ въ комнату самъ и вноситъ на плечахъ своихъ новый фракъ съ принадлежностями, заглянуть на его верхній костюмъ и узнать—шуба-ли это, плащъ-ли, шинель-ли и какой на послѣдней воротникъ, и есть-ли на ней заплаточки и какъ онѣ заштопаны ; изъ всего этого онѣ выводятъ свои заключенія

и часто, посоветовавшись съ шинелью жениха, забываютъ красоту его жилета.... На бѣду Петра Николаевича сватовство случилось зимой; а шинель-то его, не смотря на трескучій морозъ, была подбита воздухомъ.... И тутъ отказъ! Петръ Николаевичъ—пожалъ годъ, переѣхалъ въ Коломну, опять посватался.... Здѣсь сказали, что женихъ старъ.... Словомъ до девяти разъ Петръ Николаевичъ стоически и съ геройскою отвагою предлагалъ девяти красавицамъ свою руку, свое сердце — и свою душу.... Вездѣ находили, что руки Петра Николаевича безъ перчатокъ, сердце безъ крови и холодно, потому что оно мерзнетъ въ дырявой шинели.... Петръ Николаевичъ послѣ девятаго наѣзда, разбитый, уничтоженный и пораженный воротился домой съ клятвою ни свататься, ни заглядываться на женщинъ и даже по возможности не водить дружбы съ женатыми.... Праздничный гардеробъ онъ бережно уложилъ въ комодъ, и въ теченіи шести лѣтъ, только двѣнадцать разъ — вынулъ его, чтобы побранить моль, почистить пуговики на фракѣ, съ сожалѣніемъ взглянуть на поблекшіе малиновые кустики жилета — и снова запереть все это на долгую разлуку въ комодъ.... по время переходчиво!... Петръ Николаевичъ увидѣлъ Шарлоту Ивановну, сердце его запылало, надежды оживь, взоры и руки обратились къ комоду, къ свидѣтелямъ и товарищамъ его девяти наѣздовъ.

— Ну, ужъ — десятый, для счету! — думалъ Петръ Николаевичъ, вѣжно и осторожно бороздя метелкой полы своего фрака.... Быть или не быть, какъ говорить Каратыгинъ, — продолжалъ онъ, — что доблестнѣе для души — остаться-ли холостымъ или сочетаться бракомъ! Марѳа Федосѣевна, что доблестнѣе для души! А.... да, ея вѣтъ!... Ну, ладно!

Вдругъ лицо Петра Николаевича подернулось судорогою, трепеща всѣмъ тѣломъ, онъ дрожащими руками вынулъ жилетъ — и вперилъ въ него болѣзненный взоръ....

— Что.... если я потолстѣлъ! — прошепталъ Петръ Николаевичъ съ видимымъ ужасомъ. — Шу, что если я потолстѣлъ?... Если предчувствіе меня не обманываетъ.... Если онъ не сойдется! Все это было высказано тономъ сильнаго отчаянія. Петръ Николаевичъ то вертѣлъ, то встряхивалъ жилетъ, то щупалъ внимательно ребра и грудь свою, долго не рѣшался примѣрить жилета.... Наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ — конвульсивно продѣлъ въ рукавъ од-

ну руку, потомъ другую и быстро вздернувъ жилетъ на плечи, началъ стягивать пуговицы.... «Впрору! впрору!» — воскликнулъ радостно Петръ Николаевичъ — и затѣмъ принялся одѣваться. Спустя два часа Петръ Николаевичъ былъ умытъ, тщательно приглаженъ и одѣтъ. Сдѣлавъ репетицію входной рѣчи, и передъ зеркаломъ репетицію входнаго поклона, холостякъ наивно шаркнулъ раза два ножкой, пристукинулъ каблукомъ и надѣвъ на ухо шляпу, развернулъ перчатку.

— Марья Федосѣевна, — сказалъ Петръ Николаевичъ, манерно играя тростью; — такъ, если вы желаете наблюдать затмѣніе солнца, это великолѣпное явленіе.... я васъ научу, какъ приступить къ дѣлу.... Возьмите вы бумажку, проколите ее мѣстахъ въ пяти булавкою — и извольте смотрѣть на солнце въ одну изъ дырочекъ.... солнце будетъ, какъ на ладонѣ.... Прощайте.... Ухъ!.. быть или не быть!..

— Смотри ты пожалуй.... — шептала старуха, высунувшись въ окно и глядя вслѣдъ удалявшемуся родственнику; — экимъ фертомъ пошелъ.... живой такой сдѣлался.... Смотри-ка.... смотри пожалуй.... Марья Антоновнѣ — амура подарилъ.... ручку сдѣлалъ!.. Ну.... у!

II.

Время близилось къ полдню. Солнце, до того скрывавшееся за легкою сѣткою облаковъ, теперь, какъ-бы нарочно, готовое утѣшить общее ожиданіе, рассыпало надъ городомъ снопы своихъ жаркихъ лучей. Худой, тощій и рыжій нѣмецъ, Иванъ Ивановичъ Эйзельманъ, отодвинувъ горшекъ герани, высунулся въ окно, глубокомысленно взглянувъ на небо, вынулъ дымомъ сигары — и также глубокомысленно спряталъ свою рыжую голову за цвѣтами, поставленными на окнѣ....

— Будетъ, — сказалъ онъ, — весьма большое и ясное затмѣніе....

— Да, ужъ я вамъ говорилъ, Иванъ Ивановичъ, что это не облыжно сказано.... ученый человекъ придумалъ; стало быть расчиталъ, что дождю не бывать... — сказалъ какой-то щеголь, помѣщавшійся на диванѣ, противъ хозяина. Онъ былъ одѣтъ въ старомъ истертномъ фракѣ, бѣломъ гал-

стукъ и прическъ, взбитой на одно ухо, такъ, что голова его представляла діагонально сръзанный конусъ.

— И это все наука дошоль.... все разумъ знать и понимать далъ! — сказалъ нѣмецъ; — я, на свой жизни, Козьма Акакъичъ, только два разъ — этакую удивительность смотрѣлъ....

— Я то же помню.... да, кажись, энто, если память не отупѣла, было въ сорокъ второмъ году.... Еще помню покойный баринъ, знаете, ученый былъ царство ему небесное.... У, такой дока до всего, такъ онъ, знаете, во время затмѣнія, наблюденіе учалъ дѣлать надъ собакой.... у насъ лягавая была — такая рыжая....

— А! — перебилъ нѣмецъ, — надъ зобакой?... Ну — и какъ онъ себя чувствовалъ?

— Да—ничего.... правда, была маленько рахманна, скучлива,—знаете....

— А?—выразительно повторилъ Эйзельманъ.

Между-тѣмъ, какъ гость и хозяинъ вели между собою этотъ ученый разговоръ, третій ихъ собесѣдникъ, грустный и молчаливый Югансонъ, помѣщавшійся рядомъ съ Назаромъ Акакъевичемъ, внимательно слѣдилъ сцену, происходившую въ смежной комнатѣ, которой полуотворенная дверь предательски выказывала все тоалетныя тайны юной Шарлоты Ивановны. Дѣвушка приготовляясь къ свиданію съ почтеннымъ женихомъ и, занятая своими локонами и наставленіями, которыя читала ей мать, хлопотавшая около закуски, — не замѣчала ревнивыхъ и любсырныхъ глазъ Югансона.... Заглянувъ еще разъ въ зеркало, дѣвушка самодовольно улыбнулась, осторожно провела чѣмъ-то по бровямъ, — отчего онѣ приняли болѣе правильную форму, яснѣе оттѣнившись надъ парюю карихъ глазъ,—и опустилась на стулъ.... Въ ту же минуту стройная ножка Шарлоты Ивановны отдѣлилась изъ подъ драпировки кисейнаго платья; съ ножки прыгнула туфля и ее замѣнилъ башмакъ.... Молодой человѣкъ заморгалъ глазами и судорожно ущипнулъ свой подбородокъ; обольстительная ножка исчезла; мѣсто ея заняла другая, такая-же маленькая и стройная. Спустя нѣсколько минутъ, ножки и Шарлота Ивановна скрылись въ противоположныхъ дверяхъ—и только розовая, шейная косынка дѣвушки мелькала теперь въ саду—между кустовъ смородины и крыжовника....

— Измѣнница!—думалъ Югансонъ; — если она сегодня

скажетъ мнѣ: я васъ забыла.... О, тогда я уйду на край свѣта.... дальше.... уѣду въ Митаву!—Съ этими мыслями Югансонъ вышелъ въ садъ. Онъ шелъ осторожно и медленно.... платье и розовая косынка Шарлоты Ивановны еще мелькали вдали между сплошною массою зелени; преслѣдуя ихъ, молодой человѣкъ перепрыгнулъ аллею, потомъ другую—и на третьей встрѣтилъ дѣвушку. Шарлота Ивановна, при этой неожиданной встрѣчѣ была въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи.... она сорвала кустъ смородины и ощипывая съ него листки, бросала ихъ на землю, не зная, что отвѣчать на вопросъ или восклицаніе отринутаго.

— Шарлота Ивановна.... извините!—нерѣшительно прошепталъ Югансонъ.

— Ничего-съ... что вамъ угодно?

— Да.... я.... такъ.... послушайте, Шарлота Ивановна!

— Ну-съ;—дѣвушка опустила глаза и снова принялась ошипывать бесплодный кустъ смородины;—извольте, я слушаю!...—сказала она.

— Ахъ!...—началъ Югансонъ, съ глубокимъ вздохомъ;—когда бы я.... да, нѣтъ.... Шарлота Ивановна... вы просто.... ужъ не знаю-съ, что и сказать....

— Что-же?

— Ни чего-съ.... вы меня—того.... какъ-бы это?... извините, Шарлота Ивановна.... вы меня—не любите?...

— Ахъ.... Карлъ Христофоровичъ!

— А.... ахъ, Шарлота Ивановна!

— Папенька—такъ хочетъ; онъ говоритъ: Югансонъ—такой женихъ, который.... пожалуйста не оскорбитесь, который пригодится только въ крайности.... я вѣдь говорю откровенно....

— Шарлота Ивановна,—отвѣчалъ молодой человѣкъ;—Папенька.... ужъ если онъ въ самомъ дѣлѣ вамъ папенька.... то онъ человѣкъ резонный-съ.... что я такое?... Югансонъ изъ Митавы—только!... но, вѣдь, какъ я васъ люблю—ужасъ.... любовь рѣшительно съѣла мое сердце.—Шарлота Ивановна.... душечка.... королекъ.... изумрудъ.... будьте вы моею женою.... просто распластаюсь, если этого не случится!

— Ахъ.... Карлъ Христофорычъ.... не могу.... очень хочется.... пріятно-бы.... да не могу.... папенька.... знаете?

— Знаю!... но вѣдь вы можете сказать: не хочу!... и баста....

— Нельзя!... папенька сказалъ: Шёрхенъ.... если онъ чело-
вѣкъ-того... такъ ты этого... вы понимаете, особенно,—
добавилъ онъ,—если Петръ Николаевичъ чело-вѣкъ солид-
ный... понимаете?

Югансонъ не отвѣчалъ,—онъ только наклонилъ голову,
покачалъ ею и, съ тою же бессмысленностью, какъ и Шар-
лота, принялся общипывать безплодный кустъ смородины.

Долго-бы молодые люди оставались въ этомъ затрудни-
тельномъ для себя положеніи, если-бы дребежжаніе и звонъ
извоищичьихъ дрожекъ, остановившихся у рѣшетки сада, не
вызвалъ ихъ вниманія.

— Приѣхалъ!—вскричала Шарлота, болѣе съ испугомъ
нежели съ радостію. Югансонъ вздрогнулъ.

— Приѣхалъ?—прошенталъ онъ; — и такъ, Шарлота Ива-
новна, вы рѣшительно....

— Дѣло невольное, Карлъ Христофоровичъ.... велятъ....
ужъ извините!—Дѣвушка граціозно присѣла и почти бѣгомъ
пустилась къ калиткѣ.

— Велятъ?—подумалъ молодой чело-вѣкъ,— вотъ тутъ и
раздумаешься надъ женскимъ сердцемъ,—продолжалъ онъ;—
назадъ тому пять дней говорила: Карлуша.... ты.... Кар-
линька.... люблю; могила, говоритъ, насъ разлучитъ толь-
ко.... умру безъ тебя.... а теперь!—Карлъ Христофоровичъ
тяжело вздохнулъ и побрелъ велятъ за Шарлотою Иванов-
ною. Между тѣмъ Петръ Николаевичъ, расплатившись съ
извоищикомъ, и никѣмъ не встрѣченный въ прихожей, сбро-
силъ съ себя пальто, вытащилъ изъ кармана головную
щеточку, заглянулъ въ ея зеркало—и съ подобающею важ-
ностію вступилъ въ зало.

— А! Петеръ Николаичъ,—вскричалъ Эйзелманъ,— ми
большой радости получаемъ, имѣя васъ... очень большой
счастье.... сѣдайте пожалуста....

— Благодарю.... очень благодарю,—бормоталъ Петръ Ни-
колаевичъ, встрѣтивъ пламенные взоры Шарлоты Иванов-
ны и непріязненные взгляды Югансона.

— Что вы говорите?—спросилъ внимательный Эйзелманъ.

— На счетъ погоды.... жаркая.... знаете.... такъ-съ, хоть
безъ фрака ступай.

— А, безъ фраки?

— Да-съ.... ужасно....

— Ужаста!—подхватилъ Назаръ Акакьевичъ;—примѣрно
сказать, хошь сто разъ на дню купайся.... еще больше по-

тянетъ тебя къ прохлажденію.... Да, вотъ-съ.... я, чай, какъ солнце затмится — будетъ маненечко повальяжиѣ, крошечку прохладыѣ то есть. Покойный баринъ говорилъ : Ужъ если, говорилъ, затмѣніе—то стало быть солнце и грѣть перестало.

— Не, можно! — сказала Эйзелманъ, — когда солнце не будетъ жарко.... тогда.... все пропадать.... Да! ви знаете, Назаръ Акакьевичъ, что есть солнце? А?

— Какъ-же-съ; — отозвался съ наивною улыбкою гость; — извѣстно, знаемъ.

— Ну.... однако?...

— Планида, разумѣется....

— И очень важный планедъ.... ви знаете—всякій маленькій мошка и букашка полюбайтъ много здоровья отъ солнца.... тоестъ, какъ это сказать по-русски.... по нѣмецки это говорится.

— Да очень понятно, Иванъ Ивановичъ, — подхватилъ женихъ, съ самодовольною улыбкою; — вотъ хоть-бы посмотрѣть зимой, когда солнце почти не грѣетъ: хоть-бы мухи.... всѣ лежатъ вверхъ ножками, или комары, — съ вашего позволенія совсѣмъ пропадутъ.

— Ну, чтожъ, — отозвался Назаръ Акакьевичъ, — увидите, что и сегодня во время затмѣнія мухамъ тошно придется, да и комары спашуютъ....

— А вотъ будемъ знать! — глубокомысленно замѣтилъ Эйзелманъ, и въ ту же минуту взглядъ его съ видимымъ выраженіемъ вопроса и недоумѣнія остановился на отверстіи противуположныхъ дверей, въ которыхъ супруга Ивана Ивановича, нахмуривъ брови и вытянувъ губы, выразительными жестами указывала то на жениха и Шарлоту, то на самого Эйзелмана и остальныхъ гостей, вызывая послѣднихъ за двери.... Эйзелманъ понялъ этотъ телеграфическій приказъ.

— А?... понимаю! — проворчалъ онъ; — сѣдайте пожалуста, Петеръ Николаичъ.... не угоднולי закусывать.... я тотчасъ буду распорядиться... — сказалъ Эйзелманъ. Съ этими словами нѣмецъ осторожно дернулъ Назара Акакевича за фалду фрака, выразительно указавъ глазами Югансону на двери — и чрезъ нѣсколько секундъ Петръ Николаевичъ и Шарлота оставались одни въ комнатѣ. Глубокое молчаніе водворилось теперь въ этой комнаткѣ, тишина, которая изрѣдка нарушалась, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, чириканьемъ чирика, заключеннаго надъ окномъ въ клѣткѣ,

да несмѣлымъ кашлемъ жениха, повидимому чрезвычайно затрудненнымъ своимъ лестнымъ положеніемъ:

— Ахъ, эти нѣмцы,—думалъ Петръ Николаевичъ, какъ флюгеръ, судорожно повертываясь на стулѣ;—не даромъ сказано,—продолжалъ онъ,—что во всемъ у нихъ мастерская смѣтка.... натко!... дескать пусть ихъ поворкують.... пусть она его раскусить, пусть дескать перемолвятся.... еще придетъ-ли по вкусу....—Петръ Николаевичъ искоса и вполуборотъ взглянулъ на свою собесѣдницу; дѣвушка, зардѣвшись стыдливымъ румянцемъ, въ замѣшательствѣ и опустивъ глаза, дрожавшею рукою дергала шелковинки изъ своего шарфа.

— Прелесть, просто прелесть;—подумалъ женихъ,—поленькая.... красенькая.... и волосъ такой.... нѣмецкій.... и пукли въ трубочку.... амурная нѣмочка.

— Что-жъ это онъ молчитъ?—думала въ свою очередь Шарлота Ивановна.... Петръ Николаевичъ крикнулъ и поправилъ свою прическу.—А, вотъ начнетъ!...—продолжала дѣвушка.

— Это у васъ птица? — нерѣшительно спросилъ Петръ Николаевичъ, ткнувъ пальцемъ чуть не въ самую клѣтку.

— Да-съ.... птица-съ.... папенькина!—отвѣчала дѣвушка, вытянувъ свою бѣлую шейку и поднявъ глаза.

— Шарлота Ивановна, вы любите птичекъ?

— Ахъ, очень.... очень люблю!... сама всегда: и воды ей налью.... и песочку посыплю.... и смѣчка....

— Акуратная.... хозяйка... ну, и будетъ, какъ видно, нѣжною матерью,—думалъ Петръ Николаевичъ.

— А, какая это, смѣю спросить, птица?

— Чижъ-съ....

— Какая-съ?

— Чижъ-съ!

— А!... чижикъ!... извольте видѣть.... желтенькая-съ.... да-съ чижикъ.... А, ну-ка;—продолжалъ, про себя, Петръ Николаевичъ,—пройдемся на счетъ ея скромности.... Что же это чижъ, или чижовка?—спросилъ онъ, наивно щура свои глаза.

— Что вы изволили сказать?

— Я говорю—чижъ или чижовка это?... Гм.... видимо смѣшалась.... конфузная дѣвушка.... поняла, да виду не подаетъ.

— Я, извините, право не понимаю, что угодно вамъ спросить?—отозвалась дѣвушка.

— Я говорю: чижъ это или чижевка, — настойчиво продолжалъ гость; — то есть самецъ или самка?

— А!... да.... это самецъ! — отвѣчала дѣвушка, съ видомъ особенной наивности и простодушія.

— Вотъ-те на! — Петръ Николаевичъ вздрогнулъ; — по чему же съ.... какъ это?... — скороговоркою спросилъ онъ.

— Да, потому что папенька называетъ эту птичку чижигомъ!... да-съ! — отвѣчала Шарлота Ивановна съ тѣмъ же простодушіемъ.

— Каково? — думалъ Петръ Николаевичъ, — и съ какимъ обширнымъ образованіемъ: грамматично умѣетъ отличить мужескій родъ отъ женскаго.... такъ это чижижъ!... Вотъ что.... — пробормоталъ онъ, — ну, и поетъ такъ?

— Да.... по утрамъ.

— Скажите.... приятно имѣть птичку-съ....

— Очень....

— Ужасно, сказать вамъ Шарлота Ивановна.... кажется такъ-съ: Шарлота Ивановна?

— Да-съ.

— Ужасно, говорю я, люблю всякое пѣніе.

— Скажите....

— Ужасно.... Вотъ думаю иногда себѣ.... думаю, знаете: если женюсь когда-нибудь.... съ женою все буду въ Итальянскую оперу ходить.... говорить.... поютъ заслушаешься.... тамъ, говорятъ, Рубини соловьемъ свистеть.... вотъ настоящимъ соловьемъ! — продолжалъ Петръ Николаевичъ, воодушевляясь съ каждымъ словомъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ нынче — не Рубини.... лучше, говорятъ, есть.... Маріо.... Ахъ, душка.... говорятъ.

— Да.... Марія!... О, должно быть душка, если изъ Италіи.... только имя-то, знаете, какъ будто на русское смахиваетъ?

— Похоже.... очень похоже!...

— Да-съ.... Я ужъ, знаете, сейчасъ ухомъ слышу: какъ угодно назовите.... сейчасъ скажу.... Эйзелманъ — нѣмецъ.... Абдулъ-Хамурзинъ-Харчъ-Базарскій — татаринъ; Карпенко, Яковленко, Лайденко — малороссъ.... Рубини, Сапожини — итальянецъ; — Наполеонъ — французъ; Франгопуло — грекъ-съ!... А лучше всѣхъ люблю итальянцевъ.... отлично поютъ!... вотъ цыгане — не уступятъ тоже!... слышали вы, Шарлота Ивановна, у Излера примѣрно?

— Нѣтъ-съ; папенька, знаете, нынѣшнее лѣто все хвораютъ....

— Ахъ-съ.... объяденье цыгане!... я вамъ скажу и пѣсни какія—прелесть!... всѣ безъ ума отъ цыганъ, разъ пять заставляютъ ихъ повторять одну и ту же пѣсню.

— Скажите?

— Да-съ.... вотъ, напримѣръ, есть одна.... прекраснѣйшая!... всѣмъ полюбилась.... даже этакъ, хорошо одѣтые господа—съ бородами.... браво кричатъ.

— Какая-же это?... скажите пожалуйста, скажите.

— Это?... это—отличная вещь.... пѣсня о томъ, какъ Ванька Таньку полюбилъ.

— Ахъ.... что вы, Петръ Николаевичъ!...

— Честный человѣкъ.... игривинькая.... знаете.... Ванька, говоритъ, дудочку беретъ.... Танькѣ пѣсенку поетъ.

— Ахъ.... ахъ.... какъ это дудочку?....

— Просто—дудочку.... ну, и знаете.... такъ всѣ—фора! Браво ... биссъ, говорятъ, еще.... ну и опять: Ваньку съ дудочкой ... большой славой пользуется эта пѣсня-съ, Шарлота Ивановна.... ноты,—вонъ, въ Пассаждѣ продаютъ.... Я вамъ, если не погнушаетесь, привезу Ваньку съ дудочкой.

— Покорно васъ благодарю.... скажите вы часто бываете у Излера.

— Очень часто: у меня, надо вамъ сказать, есть знакомый, а у него семейный билетъ.... на все лѣто; такъ онъ иногда меня съ собой и прихватитъ, ну, какъ будто-бы я членъ его семейства.... За это, знаете, угощаешь его тамъ.... то сигаркой, то въ буфетъ.... оно, смотришь, въ тридорога и обойдется.... Да не жаль, Шарлота Ивановна, какія тамъ удивительности напримѣръ: есть одинъ господинъ, который говоритъ животомъ.

— Животомъ! что вы?... какъ можно?... Ахъ, какой вы шутникъ, Петръ Николаевичъ!

— Увѣряю васъ.... животомъ, просто животомъ.... и канарейкой поетъ, и мухой такъ жужжитъ, что, вотъ и думаешь.... ну, сейчасъ шпанская губу укуситъ.

— Ахъ, скажите?

— Да-съ. А по сабачьи начнетъ лаять.... просто барбось, вотъ точно у него въ животѣ цѣлая неария.... такъ и заливается.... нечего сказать, этотъ господинъ собаку съль.

— Скажите.... И, какъ видно не одну.

— Пропастъ! А Ивана начнетъ кликать, да самъ живо-

томъ же, какъ будто издали отвѣчаетъ: не могу... я пьянъ! ну, и такъ я вамъ скажу натурально... даже, вотъ, кажется—водкой пахнетъ.

— Ахъ, душка! какой онъ милый, разговорчивый!—думала дѣвушка.

— А Карпенко, знаете... пѣвецъ малороссійскій... Степанъ Поливодъ называется...

— Что-же онъ?

— Поетъ-съ.

— Ахъ, животомъ тоже!

— Э... нѣтъ-съ!... онъ языкомъ малороссійскимъ, примѣрно сказать, очень смѣшныя штуки поетъ... ну, и съ приличнымъ выраженіемъ, съ декламаціею... волосы, такъ знаете, поправляетъ... приплясываетъ, удивительно!... ну, и братья Мальчугины—тоже, то есть не то чтобы братья—это братья и сестра.

— Скажите!... такъ, какъ-же это они.

— Ну, видите... они люди со вкусомъ... ну, имъ кажется неловко, нецлвно, знаете, ставить на афишѣ: братья и сестра... толи дѣло: братья Легать, братья Мальчугины, братья Синеусъ... Ахъ, да Синеусъ...

Но Петръ Николаевичъ успѣлъ только начать послѣднюю фразу... слова его были прерваны восклицаніемъ: «началось! началось!» восклицаніемъ, раздавшимся за дверью—и въ ту же минуту—въ противоположныхъ отъ дивана дверяхъ показалась супруга Эйзельмана, вооруженная огромнымъ подносомъ, который занимали: графинъ водки, бутылка съ какимъ-то полосканьемъ, названнымъ мадерою, селедка фигурно убранныя лукомъ и кусокъ сыра. За селедкою и мадамъ Эйзельманъ слѣдовалъ глубокомысленный Иванъ Ивановичъ, рядомъ съ нимъ Назаръ Акакъевичъ; за ними Югансонъ; первый созерцалъ жену, второй водку и полосканье, послѣдній Шарлоту и многогѣчиваго Петра Николаевича.

— Пожалуста, Петеръ Николаичъ... маленькій рюмку шнапсу... и будемъ наблюдать!—сказалъ Эйзельманъ.

Петръ Николаевичъ шаркнулъ пожкой, подошелъ къ столу, выпилъ рюмку, похвалилъ селедку, находя ее довольно вкусною, еще выпилъ, крякнулъ, повернулся на

коблукѣ и теперь съ особенной развязностію подсѣлъ къ Шарлотѣ Ивановнѣ.

Назаръ Акакіевичъ ревностно повторялъ весь маневръ Петра Николаевича.

— А, мадеры! Кушайте, Назаръ Акакычъ!...—сказалъ Эйзельманъ.

— Нѣтъ-съ... Ужъ на этомъ атаде-съ... Поѣхала дальше.. ни какихъ заморскихъ, виноградныхъ не употребляемъ,—отвѣчалъ гость; — да и что въ нихъ... Прахъ ихъ возьми!.. Баринъ говорилъ, отъ нихъ подагра можетъ приключиться.. Да и не наше дѣло... Что это—квасъ фарисейской... дамской напитокъ—слабость энтакая... Вотъ-бы Шарлотѣ Ивановнѣ... Шарлота Ивановна... *meinе герце*... пригубьте маленько.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Что же-съ... веселій бы были... въ маленькомъ куражѣ — пріятное удовольствіе находить можно...

— Петеръ Николаичъ,—снова началъ Эйзельманъ,—еще одна рюмка... и наблюдать будемъ.

Однако женихъ не отзывался на приглашеніе хозяина; все его вниманіе и всѣ мысли были сосредоточены теперь на и въ Шарлотѣ Ивановнѣ.

— О... я васъ научу,—говорилъ Петръ Николаевичъ,—очень просто... въ дырочку—я вамъ скажу.

— Какъ?...

— Да! Въ бумажкѣ проткнуть дырочку—и смотрите... Солнце какъ на ладонѣ будетъ...

— Эвося!—вскричалъ Назаръ Акакъевичъ, подслушавшій слова Петра Николаевича,—въ дырочку!... бумажка...

— Да.. а ну-ко.. Не въ микроскопъ-же!—запальчиво вскричалъ женихъ;—да и гдѣ его взять... Что не въ карманѣ-ли онъ у васъ?...

— Да дляче мнѣ митроскопъ?... Почище вашего митроскопа штуку смастеримъ..., Солнце-то такъ на палецъ и посадимъ; хоть поворачивай его, да разматривай... Баринъ отъ самъ былъ астрономъ... а—не бось, говорилъ, что въ черное, то-есть, въ копченое стекло повадиѣ смотрѣть...

— Да!... это есть правда!...—замѣтилъ Эйзельманъ.

— Какъ же разумѣтся!—презрительно прошепталъ Югансонъ.

— Ахъ-ты немытое мурло, судомой-ты этакой, ! — подумалъ Петръ Николаевичъ;—еще учить вздумалъ!... — Однако скрывая свое негодование, онъ принужденно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Что жъ, если вы находите это средство лучшимъ... научите...

— А вотъ обождите... сбѣгаю въ садъ и наберу черепковъ.

Черезъ десять минутъ Назаръ Акакьевичъ явился съ тарелкою, нагруженною черепками битыхъ и закопченныхъ стеколъ.

Гости чинно разобрали черепки, при чемъ Петру Николаевичу изъ особеннаго уваженія къ нему цѣлаго общества былъ предложенъ самый большой. Довольный Шарлотою Ивановною, водкой, полосканьемъ и вниманіемъ общества, Петръ Николаевичъ вслѣдъ за другими отправился въ садъ наблюдать солнце.

Больше часа эта разнохарактерная группа гостей Эйзельмана слѣдила затмѣніе, перебѣгая съ мѣста на другое—и, дѣлая неизбѣжно свои остроумныя замѣчанія... Петръ Николаевичъ былъ внимательнѣе другихъ... съ каждою минутою интересъ его наблюдений росъ все болѣе и болѣе, а между тѣмъ огромное стекло то задѣвало кончикъ его носа, то ложилось на протяженіи всего лба, то липло къ губамъ... Петръ Николаевичъ, въ жару наблюдений, вертѣлъ стекло со стороны на другую, принаравливался, шурилъ глаза—и не смотря на замѣчаніе Назара Акакьевича, общаваго во время затмѣнія прохладу, обливался горячимъ потомъ, отирая его со лба, носа и висковъ широкою ладонью.

Стекло, надо полагать, было накопчено довольно усердно... Петръ Николаевичъ превращенъ рѣшительно въ арапа, и потому неудивительно, что общество наблюдателей, при первомъ взглядѣ на жалкаго жениха, разразилось самымъ веселымъ и продолжительнымъ смѣхомъ... Югансонъ хохоталъ больше другихъ...

— Что они... взбѣсились!—подумалъ Петръ Николаевичъ.

— Ай... какъ вы смѣшны!—кричала Шарлота Ивановна.

— Смѣшонъ?... Какъ это... я-то... я?

— Ви... ви!. Ахъ, какой курьозна пассажъ!—воскликнулъ Эйзельманъ.

— Что за лицо!... только губу потолще... Эхъ, не укусила-ли васъ муха, кетати?—говорилъ Югансонъ.

— Ну, ужъ просто, Петръ Николаевичъ... лицо у васъ такое!... Просто сапогъ!... — подхватилъ Назаръ Акакъевичъ.

— Ахъ, сапогъ!... Батюшки... Ахъ... извините.. Ужасно... смѣшно!—шептала Шарлота, помирая со смѣху. Петръ Николаевичъ приходилъ въ ужасъ и ярость... Онъ поворачивался на одной ногѣ, какъ журавль, пыхтѣлъ, поводилъ грозно очами и повторялъ безсвязно сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ восклицанія : «Смѣшонъ... Рожа какъ сапогъ... у меня... Извольте... смѣшно... Ахъ, вы ракалии... Да за кого жъ вы меня принимаете!...»—вскричалъ онъ.

— Да за кого васъ теперь принять... развѣ за того, вонъ, что у Излера-то въ красной курткѣ.. Курчавый-то.. знаете!.. — отозвался Назаръ Акакъевичъ.

— Ай батюшки... Умру... Ухъ!... Смѣшно! — кричала простодушная Шарлота Ивановна,

— Обида!... Миѣ обида!... Смѣшно такъ.. очень смѣшно!—трагически и внѣ себя вскричалъ Петръ Николаевичъ, дѣлая наступательное движеніе впередъ ;—а я васъ всѣхъ... я васъ!...

— Успокойтесь... пожалуйста, Петеръ Николаевичъ... ай-какой... ай... ну, зачѣмъ-тутъ разсерживаться!—сказалъ Эйзельманъ, сопровождая слова свои угрожающимъ жестомъ, обращеннымъ къ дочери.

— Нѣтъ-съ!.. Не могу успокоиться!.. Обидѣли... Насмѣялись... Лицо, какъ сапогъ сказано... Не могу... Прощайте... Дайте мое пальто... Хе!... вы думали, что я того... Ошибаетесь!.. я самъ смѣялся... я очень смѣялся самъ въ себѣ... вишь ты!.. нѣмецъ!.. Чужка простой... думалъ миѣ сбить свой залежалый товаръ... знаю я васъ... обезьяну выдумали!... пальто!—Съ этими словами Петръ Николаевичъ бросился въ прихожую, схватилъ пальто и шляпу—и пустился бѣгомъ вдоль Волюнкиной деревни.

— Крякнулъ!..—кричалъ онъ, —десятый и послѣдній...
Итъ, вѣрно доблестнѣе остаться холостымъ!

Съ тѣмъ же неутѣшнымъ смѣхомъ Эйзельманъ, дочь и гости слѣдили удалявшагося Петра Николаевича. Наконецъ, когда онъ скрылся за послѣднею дачею, старый нѣмецъ выразительно взглянувъ на дочь и потрепавъ по плечу Югансона, сказалъ: «Правда херъ Югансонъ, какой онъ большой чудакъ!...»

— Не правда-ли удивительный! — съ особенною нѣжностію добавила дѣвушка, ласково пожимая руку молодого человека.

Югансонъ торжествовалъ; онъ забылъ минутную холодность Шарлоты Ивановны, и въ тотъ же вечеръ формально объявилъ Эйзельману, что онъ заводитъ свою собственную мастерскую: при чемъ желалъ бы обзавестись и женою... Эйзельманъ одобрилъ мысль земляка и сказалъ: «Мы будемъ думать, херъ Югансонъ!»

Между тѣмъ Петръ Николаевичъ съ неописанной быстротою пробѣгалъ улицы, толкая встрѣчныхъ, и прыгая черезъ канавки и рытвины. Встрѣчные принимали его за сумасшедшаго и долго слѣдили его глазами... Вотъ наконецъ онъ и дома... Марѳа Федосѣевна встрѣтила своего родственника на порогѣ кухни, вскрикнула и всплеснувъ руками, опустилась на табуретъ.

— Что это, родимый, съ вами?—спросила она.

— Что... измѣнился я!... Вѣрно того... блѣденъ?...—ско-
роговоркою спрашивалъ Петръ Николаевичъ.

— Чего блѣденъ, батюшка,—чернехонекъ... сапогъ—са-
погомъ...

— Какъ... и вы тоже!.. А!—Тутъ только Петръ Николаевичъ разгадалъ въ чемъ дѣло. Съ замирающимъ сердцемъ онъ подбѣжалъ къ зеркалу, заглянулъ въ него, горько улыбнулся и печально поникъ головою. «Несудьба мнѣ!—прошепталъ онъ съ невыдержанною тоскою;—вѣчно что-нибудь да подкузьмитъ мнѣ!»

Вечеромъ того дня старый холостякъ бережно уложивъ на вѣки вѣчный свой свадебный нарядъ въ комодъ, записалъ въ свою памятную книжку слѣдующія строки: «16 Юля 1851 г.—Очень много говорилъ о чревоущателѣ и о

разныхъ другихъ матерiяхъ съ одною хорошенькою нѣмочкою; наблюдалъ солнце, выпачкалъ лицо свое сажею, чему было причиною копченое стекло,—и потерялъ десятую невѣсту!...»

В И САВИНОВЪ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ. Опера. Слова *Гн. А. Шаховскаго*; музыка *К. Кавоса*.
УКРАИНСКАЯ СВАДЬБА. Съ хорами и плясками, аранжированная изъ малороссійскихъ пѣсень *г. Артемовскимъ*.

Сцена изъ втораго дѣйствія Оперы:

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА. Муз. *М. Н. Глинки*.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГЛАЗУ СУЧОКЪ МЫ ВИДИМЪ. ВЪ СВОЕМЪ НЕ ВИДИМЪ И БРЕВНА.
Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Огдорваиль*.

(*Бенефисъ г. Артемовскаго*),

Мы не будемъ говорить о томъ, что повторялось тысячу разъ въ стихахъ и прозѣ, пройдемъ молчаніемъ, всѣ пытки, хлопоты и суету, какіе выпадаютъ нашимъ артистамъ по случаю ихъ бенефисовъ... это исторія грустная, неизбѣжная и старая!... Скажемъ только, что комическій и драматическій артистъ всегда, въ этомъ случаѣ, счастливѣе опернаго. Первые сколько нибудь достигаютъ своей цѣли и, если ихъ бенефисная афиша — часто лишена изящнаго вкуса и разборчиваго выбора, за то она, болшею частію, бываетъ полна новизны. Но оперный артистъ лишень и этой микроскопической выгоды, потому что оперы и оперетты не родятся также обильно на драматической почвѣ,

как оперки и грузди, или все равно, как фарсы и подевили. Имъ выбирать не изъ чего: стараго немного, да и то у всякаго на памяти отъ первой до послѣдней потки, а новаго нѣтъ!... Вотъ почему сколько-нибудь удачно составленный бенефисъ опернаго артиста, при новой пьесѣ, хотя бы она далеко не достигала цѣли, какъ музыкальное твореніе, всегда долженъ заслуживать сноходствительное вниманіе — и даже вызывать благодарность.

Господинъ Артемовскій, артистъ смѣтливый, ловкій, талантливый и вполнѣ постигающій свое назначеніе, на этотъ разъ успѣлъ, по возможности, удовлетворить ожиданіе своихъ почитателей. Бенефисъ его былъ полонъ разнообразія и не лишень повизвы. Не рассказывая содержанія пьесъ, такъ давно извѣстныхъ всѣмъ и каждому, мы перейдемъ прямо къ ихъ исполненію. Капитальною пьесою бенефиса была опера: «Сусанинъ». Обставленная съ большимъ умѣнемъ и разученная превосходно, опера была разыграна болѣе, нежели удачно. Гг. Мелѣва, Петровъ и Булаховъ — исполнили свое дѣло, какъ нельзя лучше, особенно г. Петровъ, въ мѣстахъ патетическихъ, своею игрою былъ неподражаемъ. Г. Булаховъ выполнилъ свою партію прекрасно: въ его голосѣ и манерѣ пѣнія много обаятельнаго, но голосъ его еще не окрѣпъ и не достигъ полной своей силы.

Музыкальная часть оперы во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна: видишь настоящаго мастера своего дѣла, который, если, по вышшему усовершенствованію инструментовки, и не очень цвѣтнеть, но за то строгъ и изященъ въ своемъ стилѣ и въ выборѣ эффектовъ. Какъ драма, опера написана съ удивительнымъ знаніемъ сцены, полна движенія и интереса, но противорѣчитъ исторической истинѣ, а это одинъ изъ тѣхъ недостатковъ въ твореніи, передающемъ народное событіе, котораго никакой интересъ не искупаеть.

Нигдѣ и ни въ чемъ не выказался такъ рѣзко прекрасный талантъ г. Артемовскаго, какъ въ оперѣ «Русланъ и Людмила». На этотъ разъ онъ исполнилъ изъ нея свою превосходную арію изъ втораго дѣйствія: «*О поле, поле! кто тебя усыпалъ мертвыми костями?* ... и проч. Г. Артемовскій этой аріи умѣеть придать особенный колоритъ: здѣсь каждое его слово полно анализированнаго чувства и удивительной чистоты звуковъ.

Немногіе изъ нашихъ вышшихъ водевилистовъ и постоянныхъ дѣятелей на драматическомъ поприщѣ владѣютъ такимъ тактомъ — въ дѣлѣ пересозданія пьесы, какъ П. С. Оедоровъ. Въ каждой его переклѣкѣ — вы видите

тщательное вниманіе къ созданію, умѣнье приспособить положеніе дѣйствующихъ къ русской жизни, къ нашему быту, такъ, чтобы въ ней отражались наши замашки и недостатки, непохожіе ни одною складкою, ни одною гримасою на замашки и недостатки тѣхъ, кого наряжаетъ опъ въ русскій кафтанъ, съ кого стряхнетъ пудру, не оставивъ ни въ немъ, ни на немъ ничего французскаго. Сознайтесь, что въ жизни своей вы вѣрно встрѣчали когда-нибудь *Шпилькина* — этого неутомимаго прожектера, построившаго на блюдечкѣ каменные палаты, эту ржавую иглу и занозу, готовую впитаться въ тѣло пріятеля, чтобы сказать только: «я все устрою... положись на меня... я придумалъ слабую штуку...»; эту язву семейнаго счастья, который въ чаду своихъ мыслей нисколько не подозреваетъ, что дѣлаетъ зло и, помогая мнимому горю пріятеля, попадаетъ самъ въ пропасть. Г. Самойловъ, какъ нельзя вѣрнѣе и естественнѣе олицетворилъ печальное и поучительное лицо Шпилькина: — игра его полна удивительной вѣрности и патуры. Г. Мартыновъ въ роли озадаченнаго и совершенно сбитаго съ толку мужа — былъ, по обыкновенію, отчетливо хорошъ.

Наконецъ, заключая отчетъ о бенефисѣ г. Артемовскаго, мы должны сказать и о пьескѣ, принадлежавшей самому бенефицианту. «*Украинская свадьба*», какъ внимательно составленный девертисманъ, не заключающа въ себя никакой особенной мысли, пріятно дѣйствовалъ на зрителя своею картинною обстановкою, вѣрно охарактеризовавшею веселый бытъ малороссійскихъ поселянъ.... Къ тому-же нѣсколько народныхъ малороссійскихъ пѣсень, исполненныхъ г жею Жулевою и г. Артемовскимъ, да разгульная пляска господъ Шамбурскаго и Стуколкина, подъ хорovou: «*Била жинка мужика*», заключали въ себѣ много повизны, составляющей неизбежное требованіе каждаго бенефиса. Эта интермедія долго будетъ приносить удовольствіе зрителямъ, и всякій разъ заслужитъ новое спасибо ловкому ея изобрѣтателю.

ИТАЛЬЯНСКІЯ НАСЛАЖДЕНІЯ ИЛИ КАПРИЗЪ И СЮРПРИЗЪ. Шутка-водевиль въ 3-хъ отдѣленіяхъ *П. Я. Яковлевскаго*.

БУРЯ ВЪ СТАКАНѢ ВОДЫ. Водевиль въ 1 дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *П. С. Федорова*.

ТЕРЕЗА. Драма-водевиль, въ 1 дѣйствіи. *Ө. А. Коки*.

ДАЙТЕ МНѢ СТАРУХУ! Шутка въ 1 дѣйствіи. *В. П. Савинова*.

(Бенефисъ г-жи Сандуновой.)

Г-жа Салдупова, известная въ литературѣ — подъ псевдонимомъ *г-жи Юрьевой*, — весьма хорошо, въ послѣднемъ отношеніи, знакома читателямъ Пантеона. Подаривъ ихъ въ настоящемъ году прекрасною повѣстью «*Цылковый*», она въ бенефисъ свой не порадовала насъ ни однимъ изъ своихъ драматическихъ произведеній, по примѣру прошедшаго, въ которомъ ея драма: «*Норыль и Страсть*», при отчетливой и талантливой игрѣ г-жи Жулевой, — имѣла такой заслуженный успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, выборъ пьесъ, данныхъ ею въ бенефисъ, вполне оправдываетъ ея любовь къ своему дѣлу, добросовѣстное вниманіе къ публикѣ и знаніе дѣла.

Капитальными пьесами ся бенефиса были: «*Тереза*» и «*Буря въ Стаканъ воды*». Остальныя двѣ, если и не достигли полного успѣха, то это уже не вина бенефициантки: — пьесы эти теряютъ много въ сравненіи съ первыми и по содержанію и по неопытности въ сценическомъ дѣлѣ ихъ авторовъ.

Начнемъ съ послѣднихъ, въ главѣ которыхъ ставимъ *Итальянскія наслажденія*. Не больше двухъ лѣтъ, какъ г. Яковлевскій началъ свое драматическое поприще. Изъ пяти пьесъ, написанныхъ имъ въ это время, можно остановиться только на комедіи: «*Левъ и Лывица*». Первая его пьеса «*Дядюшкинъ фракъ и тетюшкинъ капотъ*» хотя и пользуется постояннымъ успѣхомъ, по этимъ обязана не литературному своему достоинству, а прекрасной игрѣ — Мартынова. «*Левъ и Лывица*» одна изъ лучшихъ пьесъ г. Яковлевскаго, какъ по своей современной мысли, такъ и по обработкѣ... Всѣ другія пьесы этого автора доказываютъ только его умѣнье изобрѣсти сюжетъ, вадъ которымъ онъ трудится весьма немного, пренебрегая обработкою сценъ и отдѣлкою характеровъ, особенно въ литературномъ отношеніи. Такъ и послѣдняя его анекдотическая шутка, при тщательномъ и художественномъ развитіи, могла бы получить болѣе правильную форму, близкую къ истинѣ. Упрекать г. Яковлевскаго въ незнаніи сцены и въ неумѣннн выполнить задуманнаго — нельзя: это онъ доказалъ пьесами: «*Черный день на Черной рычкѣ*» и «*Левъ и Лывица*». Не такъ случилось съ послѣднимъ его произведеніемъ. Въ плавировкѣ онъ чрезвычайно раздвинулъ пьесу и расплодилъ до того сцены, что нить содержанія совершенно въ нихъ теряется. Два пріятеля, Алеша и Вася, въ которыхъ одинъ изъ нашихъ рецензетовъ, не узналъ даже *русскихъ людей*, — жили въ Римѣ, чтобы изучать итальянскую музыку. Ожидая своего дядюшку съ его громадною оперою и хорошенькою дочкою, имъ

пришла фантазія парядиться въ костюмы итальянскихъ лазарони, чтобы поугатъ добряка, подъ видомъ разбойниковъ. Оттого они, разумѣется, попадаютъ въ тысячу комическихъ положеній. Авторъ вполне воспользовался жалкимъ положеніемъ этихъ бѣдныхъ туристовъ, но расплодивъ положеніе другихъ дѣйствующихъ лицъ, только дополняющихъ пьесу, онъ далеко ушелъ отъ своего плана.... Во всякомъ случаѣ, шутка эта, при хорошей игрѣ г. Марковецкаго и Каратыгина 2, не лишена была эффекта и въ двухъ или трехъ сценахъ заслужила сильное рукоплесканіе.

Дайте мнѣ старуху! Пьеса эта была приложена при № 8 Репертуара. Безъ всякаго пристрастія скажемъ, что это вещь слабая, но какъ шутка, безъ особенныхъ претензій, она не заслуживаетъ и особенныхъ порицаній. Она видимо написана для одной главной роли переодѣваній. Она много обязана артистамъ, на долю которыхъ выпали ея неполныя и неокругленныя роли.

Буря въ стаканъ воды — при своемъ обыкновенномъ сюжетѣ, умно и бойко обработана. Она достигла полнаго успѣха при отчетливой и дружной игрѣ г-жи Орловой и Максимова 1. — Трудно указать, которая изъ сценъ ея произвела болѣе впечатлѣнія на зрителя. Отъ пачала до конца — она была ведена этими опытными артистами съ такимъ вниманіемъ, что послѣдовательный и очевидный интересъ пьесы постоянно увеличивался съ каждымъ словомъ и движеніемъ дѣйствующихъ.

«*Тереза*,» драма водевилъ, какъ кажется принадлежитъ къ первымъ, сценическимъ трудамъ автора. Возобновленіе такихъ пьесъ, при сотнѣ новорожденныхъ, — постоянно улыбающихся въ Лету, — замѣняетъ всякую новость. Давно, очень давно, сердце постоянныхъ посѣтителей Александрискаго Театра — не отдыхало на такомъ благородномъ и занимательномъ сюжетѣ, сцены котораго то полны истиннаго и натурального комизма, то чисто драматическаго элемента, которому зритель невольно отвѣчаетъ сочувствіемъ. Г-жа Жулева и г. Марковецкій — одною этою пьесою совершенно высказываютъ обширность своихъ талантовъ. — Имъ предшествовали въ роляхъ *Терезы и Жака* — Асенкова и Дюръ, два незамѣнимыя свѣтила русской сцены; игра этихъ артистовъ глубоко запала въ памяти публики; не смотря на то, г-жа Жулева и г. Марковецкій вырывали самыя искреннія

и заслуженныя рукописанія. Г. Самойловъ — въ роли Филиппа не оправдалъ нашихъ ожиданій. Онъ, кажется, слишкомъ слегка взглянулъ на этотъ характеръ, написанный авторомъ для незабвеннаго Мочалова. Притомъ г. Самойловъ выпустилъ большую часть куплетовъ, полныхъ чувства и характеризующихъ лицо Филиппа, отчего очертаніе его вышло не полно. Пьеса эта, написанная семнадцать лѣтъ тому, двѣнадцать лѣтъ не игралась, и не смотря на то, при возобновленіи, имѣла огромный успѣхъ и авторъ былъ единодушно вызванъ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЭМЕРАЛДЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ. Комедія-анекдотъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Соч. Г***.

ПАРИКИ. Комедія-водевиль въ 4-хъ картинахъ, передѣланная съ французскаго Гг. Тарновскимъ и Рудневимъ.

МОЯКЪ ПЬЕРЪ, или ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПЛѢНА. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго г. Бурдина.

БЫЛО ИЛИ НЕ БЫЛО? НА ЯВУ ИЛИ ВО СНѢ? Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи, съ французскаго.

(Бенефисъ г. Смирнова 2.)

Прослѣдя сценическое поприще г. Смирнова 2, мы ничего не прибавимъ къ тому, что уже разъ о немъ сказали, назвавъ его *старательнымъ и полезнымъ актеромъ*... Вѣрный своему назначенію, онъ всегда съ особеннымъ тщаніемъ выполняетъ каждую роль, выпадающую на его долю и если онъ не можетъ выбиться изъ колеи однообразія, то это уже не его вина.... Занимая амплу любовниковъ, для котораго роль, какъ извѣстно, всегда выкранваются по одной и той же мѣркѣ, при постоянно повторяемой фразировкѣ воркующаго голубка, или отвергнутаго страдальца — г. Смирновъ поставилъ противъ воли въ положеніе вѣчно зашпаурованной красавицы, которая никакъ не можетъ вздохнуть полною грудью.

При настоящемъ неурожаѣ драматическихъ произведеній — мы всегда должны быть довольны, если изъ четырехъ пьесъ, данныхъ бенефициантомъ, три останутся лебедою, а четвертая скольконибудь приближается къ плодovitому растенію. Такъ водится сплошь да рядомъ... случается и хуже! Повторяемъ, обвинять артиста въ неудачномъ выборѣ бенефисныхъ пьесъ — нельзя и

нѣ должно : онъ невольно держится русской поговорки : на безрыбь и ракъ рыба.

Правда, такіа произведенія, какъ «Представленіе Эмеральды въ провинціи» — по нашему мнѣнію, ни ракъ и ни рыба; ихъ нельзя причислить даже и къ театральнымъ амфибіямъ!... Быть можетъ, на Меркуріѣ, или на какой нибудь не открытой еще планетѣ существуютъ провинціальныя труппы, которыхъ быть въ этой пьесѣ срисованъ г. Г***, обычнымъ поставщикомъ бенефисныхъ бездѣлушекъ, по на землѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, по опыту и убѣжденію, смѣемъ увѣрить автора, — такихъ нѣтъ!

Видите ли въ чемъ дѣло : на Меркуріѣ — въ непоказанномъ уѣздѣ, проживаетъ и благоденствуетъ съ своею доморощепною труппою антрепренеръ Рошинскій. Актеры у него отчаянные пьяницы, людшки негодные даже на балаганный балконъ, особенно Арасинъ — трагическій актеръ. Чтобы напиться онъ лезетъ изъ шкуры, а чтобы произвести эффектъ пролѣзаетъ въ суфлерскую будку.... Случилось такъ, что въ день представленія «Эмеральды» актеры Рошинскаго вкусили черезъ край влаги, запрещенной Магометомъ, но не Мельпоменою.... Замѣтите, что вся пьеса основана на *пьяномъ*, не будь его въ рукахъ Квазимодо, не было бы и пьесы.... Рошинскій въ отчаяніи, но вотъ является избавитель отъ бѣды неминуемой : юный туршетъ, заѣзжій изъ Петербурга, который беретъ на себя выполненіе роли трагика. Онъ же кетати и влюбленъ въ сестру Рошинскаго.... Послѣдній въ восторгѣ, дѣло уладилось!... Но вдругъ совершается казусъ, который повергаетъ антрепренера въ отчаяніе. Дебютантъ, не столь жадный до аплодисмана, какъ до хорошенькой Эмеральды, увезъ сестру Рошинскаго.... Начинается суматоха.... Братъ оставляетъ сцену, городъ, пьянаго Квазимодо и, наконецъ, настигаетъ бѣглецовъ.... но туршетъ улаживаетъ дѣло : онъ женится на Эмеральдѣ, а Рошинскому подаетъ документъ, на основаніи котораго онъ назначается режиссеромъ на Петербургскую сцену. Сколько мы могли замѣтить, г. Г*** всегда обращается къ сюжетамъ, не достойнымъ ни труда, ни изящнаго вкуса. Ошибка ли это или особенное влеченіе къ такого рода предметамъ, не знаемъ! Во всякомъ случаѣ, автору этихъ произведеній нельзя совершенно отказать въ юморѣ, въ который онъ впадаетъ весьма часто и довольно удачно!...

Пьеса «Парики», передѣланная съ французскаго, въ которой герой, рожденный съ рыжими волосами, не знаетъ куда приклонить свою голову и, спрятавъ ее два раза подъ предательскіе парики,

все-таки остается рыжимъ, не имѣла успѣха. Въ пей только одинъ г. Бурдивъ, въ роли *Тюто*, былъ вѣренъ своему положенію.

Моракъ-Шерь (le petit Pierre) — довольно удачный переводъ г. Бурдина. Эта пьеса, пользующаяся большимъ успѣхомъ на нашей французской сценѣ, при отчетливой и артистической игрѣ г-жи Жуковой и г. Самойлова, была украшеніемъ бенефиса г. Смирнова. Мы не рассказываемъ ея содержанія, потому что даемъ ее цѣликомъ въ нынѣшнемъ номерѣ «*Репертуара русской сцены.*» Что же касается до *Было или не было?* то мы останавливаемся на этомъ вопросѣ, и никакъ не можемъ сказать: что было и чего не было?

ПЯТНИЦА, или **ВСЯКОЕ ШУТКѢ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГРАНИЦЫ**. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи.

БЪШЕНСТВО. Водевиль въ 1 дѣйствіи.

ОДИНЪ СТУЛЪ ДЛЯ ДВОИХЪ. Водевиль въ 1 дѣйствіи.

СЦЕНА изъ **ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА**, передѣланная изъ поэмы *А. С. Пушкина*, съ сохраненіемъ стиховъ его.

ЖЕНИХЪ СЪ ЛОНДОНСКОЙ ВЫСТАВКИ. Оригинальный фарсъ à-propos, въ 1 дѣйствіи. Соч. Г...*

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ. Отрывокъ изъ поэмы Пушкина, декламировалъ *г-нъ Каратыгинъ А.*

(Бенефисъ *г-на Марковецкаго.*)

Нельзя быть болѣе тактически-смышленнымъ артистомъ и вѣрнымъ каждому своему сценическому положенію, какъ г. Марковецкій. Комизмъ его, при совершенномъ и похвальномъ отсутствіи фарса, смѣло и свѣжо выражается въ каждомъ его появленіи. Марковецкій создаетъ свои роли оригинально, тщательно, и облакаетъ ихъ, по возможности, въ форму естественности и правдоподобія.

И если, по отпадному случаю, на его долю выпадаютъ роли хорошо обрисованныя, роли, отвѣчающія его таланту, онъ становится артистомъ высокимъ и почти неподражаемымъ... Очень недавно въ роли Жака (пьеса *Тереза*, *Ф. А. Кони*) онъ доказалъ это вполне. Мы не знаемъ даже плохой пьесы, изъ которой бы г. Марковецкій не вышелъ побѣдителемъ, и, въ которой бы, уловляя невыгодное и неестественное положеніе дѣйствующаго, онъ съ умомъ и артистическою находчивостію — не замѣнилъ фарса натурою, всегда полною неукоризненнаго комиз-

ма. Но нѣтъ правила безъ исключенія — или нѣтъ добра безъ худа: во сколько г. Марковецкій старательный артистъ, почти во столько-же, онъ всегда несчастливъ въ выборѣ пьесъ. Постоящій бенефисъ его былъ менѣе, чѣмъ замѣчательнъ... Только одна афиша, раскрытая въ эту минуту передъ нами, можемъ напомнить о пьесахъ минувшаго бенефиса.... Правда, приятно, когда намъ стараются напомнить объ нашемъ высокомъ поэтѣ, особенно если его стройную, игривую мысль, закованную въ гармоническую рпому — выскажутъ г. жа Самойлова 2-я и г. Каратыгинъ 1, но сознайтесь, что въ тоже время рождается грустная мысль въ головѣ зрителя: что же мы создаемъ сами въ настоящее время?... И когда мы отдохнемъ на отрадномъ и пзщномъ цѣломъ, не потѣшаясь сценами и неудачно вырванными монологами изъ того, что мы еще выучили наизусть въ молодости, чѣмъ восхищались еще тогда, когда подбривали поворожденный пушокъ на усахъ перочиннымъ ножичкомъ!...

При трехъ переводныхъ пьесахъ, которыя скучно разсказывать и о которыхъ мы умалчиваемъ, и двухъ сценахъ или отрывкахъ изъ поэмъ Пушкина, бенефициантъ далъ еще и оригинальный à-propos «Женихъ съ Лондонской выставки», соч. г. Г.** Къ этому то фарсу мы и обращаемся, какъ къ произведенію оригинальному....

Съ нѣкоторыхъ поръ русская драматическая литература потеряла къ себѣ самой всякое уваженіе. Если она что-нибудь родитъ самобытное, не передѣланное и не переведенное — то прямо титулуетъ свое произведеніе *оригинальнымъ*, чѣмъ непременно хочетъ сказать: «все это, господа, мы сами придумали, до всего собственнымъ умомъ дошли, такъ ужъ сдѣлайте одолженіе, имѣйте къ этому полное уваженіе! Это не заимствовано, не передѣлано, не переведено и не перекрасно.... Это наше собственное мануфактурное издѣліе: вотъ и клеймо на немъ, никакъ нельзя ошибиться! Это *оригинальное*.» Но, какъ часто это оригинальное далеко ниже плохаго перевода и не мастерской передѣлки! Такъ и «Женихъ съ Лондонской выставки» фарсъ оригинальный только по названію: это повтореніе тысячи тысячъ фарсовъ, сстряпанныхъ на драматической кухнѣ по известному и неизмѣнному рецепту.

Селфонтъ Прокловичъ Кочка (г. Мартыновъ) чудакъ, какихъ вовсе нѣтъ.... Онъ спитъ и видитъ обзавестись машинами, онъ готовъ самъ сдѣлаться вѣтреною мѣльницею или архимедовымъ винтомъ, словомъ онъ влюбленъ въ механику пылко, страстно,

влюбленъ, какъ въ женщину, почти, также, какъ въ его дочь влюбленъ актеръ нижегородской провинціальной труппы Аполлонъ Струскій (г. Марковецкій). Получивъ отъ отца отказъ на бракъ съ возлюбленною и зная слабость любознательнаго Кочки, Струскій наряжается англичаниномъ и выдаетъ себя за механика съ Лондонской выставки.... Кочка въ восторгѣ... на радостяхъ онъ дѣлается совершенною машиною: языкъ его, какъ механическій клапанъ, свиститъ и хлопаетъ безъ умолку и безъ смысла.... Онъ очарованъ до того, что даже, открывъ пещеру, механически сочеталъ влюбленныхъ.... При очевидномъ стараніи охарактеризовать свои роли, наши отличные и талантливые артисты гг. Мартыновъ и Марковецкій — потратили здѣсь свое усердіе.... Сдѣлать что нибудь — изъ ровно *ничего* ни съ какимъ талантомъ нельзя!

—

ПАРИ, драма въ 2 дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ, соч. *Князя Кугушева*.

ФРЕНОЛОГЪ и ФИЗИОНОМЕСТЪ, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

МАРФА ИВАНОВНА и ЗАХАРЪ ЗАХАРОВИЧЪ СОБАЧКИНЫ, водевилъ въ 1 дѣйствіи, передвѣанный съ французскаго г. *Соловьевымъ*.

МАЛЬ ДА УДАЛЪ, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

(*Бенефисъ г. Третьякова.*)

Вотъ бенефисъ замѣчательный по двумъ пьесамъ — одной оригинальной и одной переводной.... Первая, хотя и не вполне достигаетъ своей цѣли, какъ произведеніе литературное, за то не лишена интереса и сильныхъ положеній въ сценическомъ отношеніи.... Содержаніе ея, какъ кажется, заимствовано изъ французской повѣсти. Мы говоримъ о драмѣ «*Пари.*»

Князь Клязьминскій, повѣса и самонадѣянный волокита, похвасталъ однажды въ кругу друзей, что при небольшихъ хлопотахъ и маленькомъ лицемѣрствѣ — онъ успеетъ восторжествовать надъ суровостію молодой вдовушки Бѣлогорской. Онъ даже предлагаетъ на этотъ случай — пари, которое принимаетъ графъ Бутоинъ, влюбленный въ невинную жертву злословія. Но Бутоинъ принимаетъ закладъ съ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ они, по истеченіи назначеннаго срока, должны стрѣляться на смерть. По общему ходу всѣхъ модныхъ драмъ и повѣстей,

вдова должна непременно влюбиться въ своего врага, а онъ, разумѣется, въ нее — и какъ водится — до безумія. Такъ и случилось! Накапунѣ поединка князь открылъ графу, что онъ не имѣлъ никакого успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ — и, отправляясь къ мѣсту роковаго свиданія съ графомъ, прощается съ Бѣлогорскою, отъ которой въ эту минуту получаетъ письменное доказательство ея любви. Записка остается при немъ. Враги стрѣляются.... Князь раненъ и падаетъ замертво.... въ свою очередь графъ, бросившись помогать раненному, находитъ у него записку и платокъ Бѣлогорской.... Уничтоженный соперникъ отправляется съ поля — на свиданіе со вдовою и рассказываетъ ей о смерти графа.... Бѣлогорская впадаетъ въ помѣшательство на весьма короткій срокъ — и возвращается къ разсудку въ то время, какъ любимецъ ея сердца уведомляетъ чрезъ секунданта о своемъ возвращеніи къ жизни.

Г-жа Самойлова 2 въ роли Бѣлогорской была прекрасна, особенно въ сценѣ помѣшательства. Но вся роль ведена ею съ милымъ кокетствомъ истинно образованной и свѣтской дамы.

Незамысловатый водевиль «*Марѳа Ивановна и Захаръ Захаровичъ Сабачкины,*» лишенный почти содержанія, но написанный съ знаніемъ сцены, при отличной игрѣ гг. Сосницкихъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и, какъ помнится, повторился разъ до трехъ....

«*Френологъ и фیزیогномистъ или Шутка актрисы,*» весьма забавная шутка, хотя мысль ея и замѣтована изъ старой комедіи. Лицо Петра Ивановича Ладогина, готоваго перешупать все лбы и затылки, чтобы узнать о наклонностяхъ его окружающихъ, было исполнено г. Григорьевымъ такъ забавно, что многія неестественныя положенія этой роли сгладились и исчезли при натуральной игрѣ нашего смѣтливаго артиста.

Отдавая послѣдовательный отчетъ о бенефисныхъ спектакляхъ за іюль, августъ, сентябрь и первую половину октября мѣсяцевъ, мы бы должны были сказать что-нибудь и о бенефисѣ г-жи Громовой, — но здѣсь сказать о немъ нечего.... Бенефисъ былъ составленъ изъ старыхъ, давно извѣстныхъ пьесъ, ничего не выигравшихъ при возобновеніи въ настоящемъ.... Что-же касается до одной новой пьесы этого бенефиса, названной въ афишѣ — *Тришка*, то мы должны сказать, что это одна изъ тѣхъ провинціальнхъ сценъ, въ которыхъ, кромѣ лицъ, нѣтъ дѣйствія, а въ этой, даже нѣтъ и самаго Тришки. Публика не одобрила пьесу, попавшую не въ свое мѣсто.

НЕ ХОТЯ. Комедія водевиль, передѣланная съ французскаго *А. Т.*

ШАЛУНЫ, или **ЕЩЕ БѢДОВАЯ ДѢВУШКА.** Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи соч. **.

СЕМИКЪ ВЪ РЫБАЦКОЙ. Интермедія въ одномъ дѣйствіи.

КАРЛЬ XII ПОДЪ ПОЛТАВОЙ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. *Россійское* сочиненіе. — Г. *Славинъ* въ роли *Мазены*.

(*Бенефисъ г. Толченова 1.*)

Андрей Ивнивъ, старый холостякъ, или молодой вдовецъ, не помнимъ хорошенько, наживъ солидный капиталъ и добраго племянника, Сашу Ивина, непременно хочетъ женить послѣдняго, передавъ ему первое... Онъ готовъ ухаживать за всѣми женщинами, какихъ встрѣтитъ, и все это въ пользу племянника. Наконецъ невѣста пайдена; но по странному стеченію обстоятельствъ, это молодая вдова, съ которою когда-то Александръ Ивнивъ встрѣтился въ Оперѣ и, обмѣнявшись двумя, тремя словами, *возымляя* къ ней сильную антипатію, — на что она отвѣчала ему тѣмъ же. Встрѣча этихъ двухъ лицъ полна сценическаго интереса, и подаетъ поводъ къ разнымъ забавнымъ сценамъ, которыя, разумѣется, кончаются свадьбою обонхъ антипатирующихъ къ удовольствію дяди — и зрителей.

Пьеса эта была разыграна весело и дружно. Г-жа Самойлова и г-жа Орлова и гг. Мартыновъ, Максимовъ и Григорьевъ 1-й исполнили свое дѣло добросовѣстно и съ артистическимъ тактомъ. Особенно сцена, исполненная г-жею Самойловою и г. Максимовымъ, въ которой они, *не хотя*, узнаютъ настоящее свое чувство, была полна натуры и сильнаго эффекта.

А вотъ вамъ и еще «*Видовая дѣвушка!*» Теперь у насъ ихъ двѣ. И вся разница между первою и второю заключается только въ томъ, что та дурачила одного стараго волокиту — а эта, вдвоемъ съ братцемъ, — дурачатъ двухъ. Надпѣвка Трунова въ самомъ дѣлѣ бѣдовая дѣвушка, готовая на всякую шалость, надъ которой иногда могъ бы призадуматься и бѣдовый школьникъ. Въ слѣдствіе этого призванія къ проказамъ, она однажды, ожидая, кажется, жениха своего, съ которымъ до того ни разу не встрѣчалась, какъ водится въ водевиляхъ, рѣшилась позабавиться на его счетъ и нарядилась мальчикомъ. Является жданный Алеша Голубковъ, съ своимъ задушевымъ пріятелемъ Платошею Горлицынымъ. Съ перваго шагу въ комнату, старый, почти израсходованный проказникъ Голубковъ начинаетъ высовываться въ окно,

заглядывать въ полуоткрытыя двери и все съ непремѣннымъ желаніемъ мигнуть глазкомъ или хорошенькой горничной, или кухаркѣ, или кому-бы-то ни было. Другъ его Платоша повторяетъ тотъ-же самый маневръ, но съ желаніемъ подглядѣть гдѣ-нибудь въ отрадной перспективѣ вкусную закуску или лакомый обѣдъ. Но вмѣсто женщины и закуски, пріатели находятъ на полу записку, которая предательски поясняетъ имъ замыселъ бѣдовой дѣвушки.... Въ эту-же минуту является и она вмѣстѣ съ своимъ братцемъ. Волокиты становятся въ тупикъ, не зная, въ комъ изъ нихъ отгадать дѣвушку. На этомъ вертится вся пьеска и съ этого-же момента начинаются весьма забавныя сцены. Голубковъ и Платоша попеременно цѣлуютъ руки у мальчиковъ и кланутся имъ въ страстной любви... Г. Самойловъ съ изумительнымъ совершенствомъ исполнилъ роль Голубкова, въ каждой его позѣ, во взглядѣ, улыбкѣ — высказывалась чрезвычайно вѣрно эта жалкая, обветшалая натура волокиты, измученнаго проказами молодости и подагрою, шалуна, какъ онъ называетъ себя, которому, не смотря на его близкій закатъ, — «не клади пальца въ ротъ!» Много, даже очень много выигрываетъ эта пьеска также и отъ игры г жи Жулевой и г. Марковецкаго.

Но вотъ и капитальная пьеса бенефиса г. Толченова, которая по своей мысли и содержанію, рпеующимъ эпизодъ изъ эпохи столь славной для Россіи, составляетъ весьма замѣчательное и пріятное явленіе между бенефиснымъ ополченіемъ незабавныхъ фарсовъ, водевилей безъ куплетовъ, драмъ безъ страстей, комедій безъ дѣйствующихъ, безъ характеровъ и названій... Пьеса эта, хотя и давно извѣстна читающей публикѣ, (она напечатана въ одной изъ книжекъ Репертуара 1847 года) но тѣмъ не менѣе на сценѣ — она все таки остается явленіемъ пріятнымъ. Чудное дѣло народность! Берите любое событіе изъ нея.... напишите что нибудь, какъ нибудь, но лишь бы былъ тутъ нѣкоторыя магическія имена, однимъ звукомъ своимъ напоминающія намъ былыя подвиги вашихъ предковъ — и васъ непремѣнно примутъ съ радостію обычные зрители, вамъ даже простятъ все недостатки и погрѣшности противъ условій и законовъ драмы!.. Точно такъ и въ драмѣ «Карлъ XII подъ Полтавой» мы невольно забываемъ все несовершенства, которыя здѣсь очевидно встрѣтились не по неопытности или незнанію автора, но единственно изъ желанія произвести сильныя сценическіе эффекты. Въ этой драмѣ, ко-

тору ю самъ авторъ называеьт *слабымъ произведеніемъ* *, зритель забываетъ небольшіе недосмотры, благодаря предмету, который выводитъ передъ нимъ эпоху, когда рѣшалась судьба славы и величія Россіи....

Передовой отрядъ шведскихъ войскъ за три дни до полтавской битвы вступаютъ въ одну изъ подъ полтавскихъ деревень.... Главная квартира Карла назначена въ хатѣ старосты Кремненки, стараго рубака, добраго казака, преданнаго Царю душой и тѣломъ.... Завидѣвъ только передовыхъ вражескихъ всадниковъ, Кремненко посылаетъ объ этомъ вѣсть въ русскій ставъ и утѣшаетъ въ тоже время дочь свою Амзюю, женихъ которой, молодой запорожець Юрій, отправился къ русскимъ съ порученіемъ старосты, путеводимый сумасшедшею Машею, знакомою со всѣми тропинками окрестныхъ лѣсовъ и степей. Тотъ же Юрій и второй разъ рѣшается на подобный подвигъ, и когда войска шведскія получили диспозиціи, онъ снова отправился въ русскій лагерь съ извѣстіемъ о расположеніи шведскаго войска.... но на возвратномъ пути онъ замѣченъ на шведскихъ передовыхъ постахъ — казакъ бросился на поляну, въ болото.... За нимъ мчатся королевскіе драбанты и впереди всѣхъ рослый, грозный и величественный всадникъ преслѣдуетъ его неутомимо.... Юрій дрогнулъ.... взвелъ вичтовку и нацѣлилъ ее въ всадника.... Послѣдній приподнялся во весь ростъ — и погрозилъ казаку.... Юрій задрожалъ всѣмъ тѣломъ, отвелъ вичтовку и брякнулъ куркомъ — ему показалось, что онъ прострѣлилъ погу преслѣдователя.... оказывается, что онъ ранилъ самого Карла XII.

Мы не рассказываемъ всего плана пьесы, знакомаго читающей публикѣ, но указываемъ на это мѣсто особенно, какъ на мысль и фактъ, на которыхъ, по нашему мнѣнію, авторъ развилъ свою драму.... Лицо Карла XII — этого солдата-рыцаря, наѣздника и героя-короля, прихотливаго на подвиги, благороднаго съ врагомъ, обрисовано художественно вѣрно... и въ числѣ многихъ прекрасныхъ историческихъ ролей, вызванныхъ изъ мнѣншаго и олицетворенныхъ талантомъ В. А. Каратыгина, роль Карла XII займетъ не послѣднее мѣсто. Сильнѣе и талантливѣе нельзя олицетворить этой весьма трудной роли, какъ ее олицетворилъ нашъ знаменитый драматическій артистъ.

Переходя къ лицу *Мазепы*, мы должны сказать, что лицо это выставлено авторомъ въ грустномъ и не совсѣмъ вѣрномъ свѣ-

* Свѣ Пчела 1851 г. № 221.

тѣ; но по положеніямъ сценическимъ и мѣстамъ эффектнымъ, оно въ драмѣ стоитъ даже выше роли Карла, — а между тѣмъ, оно совершенно исчезло при слабомъ исполненіи г. Толченовымъ.

Пиперъ, исполненный г. Каратыгиннымъ 2-мъ, далеко оставилъ за собою роль Мазепы, при всѣхъ ея выгодахъ.... Нельзя не замѣтить, что г. Каратыгинъ 2-й передалъ одну изъ своихъ сценъ съ большимъ чувствомъ и точностію.... Сцену съ Мазепою, гдѣ Пиперъ, преданный душою своему королю и отчизнѣ, высказываетъ все зло измѣны гетмана, вовлекшей друзей его въ тяжелое и уже ничѣмъ не выкупаемое положеніе, г. Каратыгинъ 2-й высказалъ съ жаромъ и благородствомъ, въ которомъ такъ вѣрно отразилось едва скрываемое имъ презрѣніе къ измѣннику....

Отличное и артистическое созданіе роли Карла г. Каратыгиннымъ 1, заставило насъ еще разъ прослушать эту пьесу, и на этотъ разъ въ роли Мазепы мы встрѣтили г. Славина. Не знаемъ, всегда-ли можно изъ чисто патетической роли создать комическое лицо, забавное въ самыхъ сильныхъ положеніяхъ, по должно отдать полную справедливость г. Славину: ему это удалось, какъ не лзя болѣе. Гдѣ эта душа, окрѣпшая въ своемъ преступленіи? гдѣ это горькое чувство безпрестанно оскорбляемаго самолюбія?... Гдѣ этотъ, преслѣдуемый бѣдою, измѣнникъ гетманъ? Наконецъ, гдѣ этотъ старый злодѣй, вздрогнувшій всѣми фибрами при встрѣчѣ съ бѣдною Марією, жертвою его злодѣяній?.. Все это осталось только въ намѣреніи и словахъ автора, зритель видѣлъ наморщенное лицо, неподвижные глаза и слышалъ или крикливую фразу, или ничего невыражающій шопотъ; вотъ все, чѣмъ его подарилъ актеръ! Гдѣ-же драматическій талантъ г. Славина — и почему этотъ артистъ давно не хочетъ согласиться съ добрыми совѣтами и стать на второе амплу драмы. Тутъ кстати было бы вспомнить стихъ Вольтера:

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier!

(Иной блеститъ на второмъ планѣ и совсѣмъ исчезаетъ на первомъ.)

Прослѣдите все сценическое поприще г. Славина и вы увидите, что онъ жестоко ошибся, не понявъ своего назначенія. Вотъ первые его дебюты въ Москвѣ:

Г. Славинъ въ роли *Гамлета*, отзывъ Галатеи 1839 г., N. 38, стр. 119.

«Однимъ словомъ, г. Славинъ, представляя Гамлета, былъ также похожъ на него, какъ походить на свой образецъ Аполлонъ Бель-

ведерскій, изваянный изъ глины нашими брадатыми подражателями валяю...»

Г. Славинъ, *Чацкій*. Галатея 1839 г., N. 28, стр. 132.

«Чацкій у г. Славина до того холодепъ, до того бездушепъ, что вы готовы дорого дать, чтобъ видѣть въ немъ болѣе огня, болѣе чувства...» и проч.

Г. Славинъ, *Карлъ-Моръ*. Галатея 1839 г. N. 25 стр., 577.

«Роли Гамлета и Карла Морла, какъ мы сказали, были разыграны самымъ неудовлетворительнымъ образомъ г. Славинымъ !...»

Накопецъ, мы помнимъ дебюты въ этихъ-же великихъ созданіяхъ и роляхъ г. Славина и на нашей сценѣ, о нихъ говорить нечего, всё ихъ помпять.... И всё это мы приводимъ для того, чтобы сказать откровенно и прямо г. Славину, что его мѣсто — роли второстепенныя ; увѣрены, что тутъ онъ будетъ имѣть полный успѣхъ.... При ничтожномъ числѣ хорошихъ пьесъ, жаль и очень жаль губить въ нихъ мѣста, стоившія автору труда и художественной отдѣлки, а тѣмъ самымъ губить и весь трудъ !

Мы имѣемъ еще нѣсколько пріятныхъ сценическихъ новостей, въ числѣ которыхъ первое и почетное мѣсто занимаетъ новая драма *Греческій-Философъ*, В. Р. Зотова, но объ нихъ мы дадимъ отчетъ въ слѣдующей книжкѣ, желая о такомъ пріятномъ драматическомъ произведеніи поговорить подробнѣе.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ АКТРИСА. Сцены изъ жизни артистовъ, въ 2 дѣйствіяхъ, П. А. Смирнова.

БѢДА ОТЪ СЕРДЦА И ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, О. А. Коки.

СЦЕНА ИЗЪ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДІИ : КЕРИМЪ ГИРЕЙ, Крымскій Ханъ, или Бахчисарайскій фонтанъ. Князя А. А. Шаховскаго.

ВОТЪ ТАКЪ ПОЛКОВНИКЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго Гг. Тарновскаго и Рудиса.

УЗКІЕ БАШМАКИ. Оперетта въ одномъ дѣйствіи, съ хорами; слова П. С. Федорова ; новая музыка О. П. Дютша.

(Бенефисъ г-жи Жулевой).

На поприщѣ истиннаго искусства и труда дѣйствительно художественнаго есть два рода дѣятелей, которые болѣе другихъ подлежатъ общему суду массы : это сценическіе артисты и драматическіе авторы. Ихъ труды, успѣхи и усилія болѣе доступны на-

блюдательности каждаго, потому-что находятся подъ вѣчнымъ анализомъ зрителя. Часто приговоры зрителей бывають пристрастны, но время легко уничтожаетъ заблужденіе и истина остается за правымъ. Мы не знаемъ, кто бы въ послѣдніе годы изъ среды нашихъ артистовъ стяжалъ столько справедливаго вниманія и столько непреувеличенныхъ похвалъ, какъ г-жа Жулева; время, безпрестанныя усилія и добросовѣтность этой артистки доказали, что талантъ ея — неподдѣльное золото. Въ этомъ случаѣ всего отраднѣе видѣть, что съ этою любимицею нашей публики не повторилась грустная и почти неизбежная истина, какая сбывалась надъ многими: похвалы не остановили артистку на первыхъ ея успѣхахъ. Съ каждымъ ея появленіемъ на сценѣ мы убѣждаемся все болѣе и болѣе, что поприще г-жи Жулевой еще широко и представляетъ много прекраснаго въ будущемъ. Она идетъ впередъ съ изумительною дѣятельностію, исполняя каждую роль съ глубокимъ вниманіемъ, съ любовью истинно артистическою и съ добросовѣстною отчетливостію. Даже въ самомъ составѣ ея бенефисовъ всегда выказывается истинное желаніе удовлетворить всемъ требованіямъ вкуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣлое намѣреніе выказать всю силу своего глубокаго и разпороднаго таланта. Ничто такъ не оправдываетъ словъ нашихъ, какъ послѣдній бенефисъ г-жи Жулевой.... Вотъ его программа: оригинальная комедія, водевиль, оперетта, явленіе у насъ чрезвычайно рѣдкое, и переводный водевиль — цѣфра довольно видная въ общемъ итогѣ бенефисныхъ пьесъ. Сцену изъ «*Керимъ Гурей*» и сцену изъ жизни Артистовъ подъ названіемъ: «*Провинціальная Актриса*» мы проходимъ молчаніемъ. Вторая изъ нихъ по цѣли и по основной своей мысли никакъ не подлежитъ обыкновенному разбору театральныхъ пьесъ; она вызываетъ или строгій взглядъ критики или вовсе не подлежитъ суду ея. Прослушавъ эту сцену, мы могли только пожалѣть о напрасно употребленныхъ усиліяхъ бенефициантки, которая, при всемъ очевидномъ желаніи вынести на плечахъ своего таланта эту пьеску, не принадлежащую ни къ какому роду драматическихъ созданій, выказала только умѣнье изъ слабой роли создать типичное лицо и дать ему положенія, но не оправдала недостатковъ пьесы, что въ самомъ дѣлѣ было бы выше силъ всякаго таланта. Въ этой же пьесѣ мы встрѣтили и любимца Александринской публики г. Мартынова, въ роли, которая никакъ нейдетъ въ уровень съ его прекраснымъ дарованіемъ.

«*Узкіе Башмаки*,» пьеса давно знакомая всемъ и каждому: она

игралась прежде подъ видомъ водевиля. О достоинствѣ ея перевода говорить нечего, если известно, что надъ этимъ переводомъ трудился П. С. Федоровъ. Пьеса эта — нравоученіе въ лицахъ, о томъ, какъ невыгодно много кокетничать и стягивать ножки. Двѣ молодыя дѣвушки едва не остаются отъ этого на весь остальной вѣкъ безъ жениховъ; по счастью, онѣ поправляютъ общій грѣхъ прекраснѣйшей половины человѣческаго рода — чистосердечнымъ раскаяніемъ. Въ настоящее время водевилъ этотъ явился опереттою: слова и куплеты принадлежать П. С. Федорову, а музыка г. Дютшу, который самъ управлялъ оркестромъ въ первое представленіе оперы. Мы не знаемъ ни одного музыкальнаго дебюта на русской сценѣ, который-бы выказалъ въ начинающемъ композиторѣ столько вкуса и тщательности въ обработкѣ каждаго музыкальнаго пассажа, столько задушевной мелодіи и мастерства въ оркестровкѣ, какъ дебютъ г. Дютша, которому можно смѣло обѣщать болѣе важныхъ успѣховъ, если бы даже онъ взялъ на себя трудъ исполнить и обработать сюжетъ болѣе серьезный. Мы имѣли пріятный случай слышать отдѣльно нѣсколько пьесъ, принадлежащихъ этому молодому и талантливому артисту, и должны сознаться, говоря безъ всякаго пристрастія и преувеличенія, что въ каждомъ его созданіи невольно подмѣчаешь творческую силу и свѣжесть мысли, и что всего важнѣе — энергію и чувство, съ которыми онъ вникаетъ въ идею либреттиста, постигая ее вполне и передавая ясно, выразительно и съ возможною точностію. Въ этомъ артистѣ таится могучее дарованіе, и съ его любовью къ предмету, съ его жаждою истинной артистической дѣятельности, при тѣхъ скудныхъ жертвахъ, какія приносятся и дарятъ намъ наши русскіе композиторы, труды г. Дютша могутъ значительно украсить нашъ бѣдный русскій музыкальный репертуаръ. — Однимъ словомъ, эта пьеса при ея умной литературной обработкѣ, при одушевленной и прекрасной музыкѣ г. Дютша и при отчетливомъ исполненіи — была явленіемъ рѣдкимъ и вполне пріятнымъ. Берліозъ всегда говорилъ, что если только инструменты полны, онъ изъ какихъ угодно исполнителей составитъ самый увлекательный оркестръ. Теперь, видя энергію и стройность нашего оркестра, подъ вліятельнымъ жезломъ г. Дютша, мы убѣдились, что Берліозъ совершенно правъ и что талантливый и знающій капельмейстеръ всегда перельетъ свою душу въ инструменты.

Г-жа Жулева, какъ актриса и пѣвица, исполнила роль свою съ большимъ совершенствомъ; г. Булаховъ, въ роли *Мишеля*, доказалъ свое постоянное совершенствованіе и вообще въ ду-

этахъ съ бенефицианткою вызывалъ всеобщее одобреніе. Что же касается до г. Марковецкаго, то исполненіе имъ роли *Жана Башмачника* — выше всякой похвалы. Отъ первой до послѣдней сцены онъ былъ вѣренъ себѣ изумительно, какъ нельзя болѣе выказалъ эту добрую, простую натуру, которая характеризуетъ это лицо, особенно въ сценѣ, гдѣ Жанъ, отринутый и растерзанный нежданымъ коварствомъ Луизы, приходитъ въ полное отчаяніе, г. Марковецкій передалъ положеніе жалкаго любовника съ удивительнымъ комизмомъ.... нельзя было не смѣяться до слезъ, глядя на его горе — и въ тоже время не сочувствовать ему.

Бѣда отъ сердца и горе отъ ума — новая пьеса Ф. А. Коня, который очень рѣдко даритъ сцену своими произведеніями. Принявъ на себя обязанность записать въ лѣтопись Пантеона бенефисъ г-жи Жулевой, въ которомъ самъ авторъ не присутствовалъ, мы позволимъ себѣ, не оскорбляя его скромности, высказать прямо наше мнѣніе о его новой пьесѣ. Мысль пьесы оригинальна. Трифонъ Ануфріевичъ Разумникъ Муромскій помѣшанъ на двухъ идеяхъ, которыя непременно требуется доказать: первая заключается въ томъ, что онъ практическій философъ; вторая, вытекающая изъ первой, что бракъ по любви есть ничто иное, какъ пустой билетъ, вынутый въ аллегри, что жена, добытая по увлеченію сердца, а не по расчету есть единица, вынутая изъ мѣшка, наполненнаго нулями.... Такихъ людей, какъ Трифонъ Ануфріевичъ можно встрѣтить на каждомъ шагу.... Если Трифоны Ануфріевичи скоротали безмятежно пятьдесятъ лѣтъ холостой жизни, если они спокойно кейфуютъ за трубкою и стаканомъ мокекаго, если маленькое потомство не таскаетъ ваты изъ прорѣхъ ихъ шлафрока, если неумытый лакей кейфуетъ также на счетъ барина, а ключница обраетъ по зерну весь его домъ,—то всѣ эти выгоды жизни Муромскіе-Разумники непременно приписываютъ своей практической философіи и тому убѣжденію, что они очень умно распорядились, оставшись на берегу моря ждать погоды и не женились по страсти. Этого мало, нашъ Трифонъ Ануфріевичъ, при его степенной, положительной методѣ жить и учить — хочетъ доказать на дѣлѣ успѣхи своей философіи, — доказать такъ, чтобы завѣщаніе покойнаго брата, тоже Разумника-Муромскаго, сдѣлать совершенно нелѣпымъ. Покойный братецъ его, въ своемъ завѣщаніи, сказалъ: что его сынъ и дочь, племянники Трифона Ануфріевича, оставленные на попеченіе послѣдняго, должны жениться не иначе, какъ по влеченію сердца, и что дядя *не долженъ въ выборъ чи-*

нить или на малѣйшаго препятствіи. — Покойникъ былъ слабой натуры человекъ, какъ говоритъ Трифонъ Ануфріевичъ, «чуть, бывало, увидитъ какую-нибудь этакую Прищурку Матвѣвну, ну, и гуть-моргенъ, весь въ леденецъ и распустился.»

Трифонъ Ануфріевичъ, крѣпившись до пятого десятка, наконецъ убѣдился, что онъ вполне созрѣлъ для семейнаго счастья, и что, по всѣмъ расчетамъ, ему всего выгоднѣе предложить руку своей экономкѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, женщиנѣ, вполне оправдывающей его философію. Этимъ онъ только хотѣлъ сказать племяннику и племянницѣ: вотъ вамъ примѣръ, а въ немъ и вся сила моей философіи. На бѣду, его племянница, помня завѣтъ отца, какъ дѣвочка молоденькая и легкомысленная, предалась первому влеченію сердца и полюбила красиваго фокусника Антоніо Регатти. Трифонъ Ануфріевичъ въ совершенномъ отчаяніи: всѣ убѣжденія и доводы его, наперекоръ здравой и практической философіи, не дѣйствуютъ на дѣвушку: она доказываетъ законныя свои права на свободный выборъ и прихоть сердца. Разумникъ - Муромскій, махнувъ рукой на своеволие дѣвушки, прибѣгаетъ къ утѣшительной мысли, что племянникъ не повторитъ подобной глупости и явится къ нему съ невѣстою, вполне достойною выбора сына человека почтеннаго и чиновнаго.... Является племянникъ съ своей суженою — и въ ней Муромскій-Разумникъ видитъ выборъ, совершенно соответствующій его философіи.... Онъ даже готовъ признать въ будущей племянницѣ графиню, или по-крайней-мѣрѣ — баронессу. Но вдругъ откровенный разговоръ племянника разбиваетъ въ прахъ всѣ мечты и надежды философа-дяди.... Послѣдній, къ своему ужасу, узнаетъ въ мншмой баронессѣ хорошенькую акробатку.... Можете вообразить положеніе нашего философа! По счастью, приходъ Регатти окончательнo уничтожаетъ планы племянницы и племянника и вполне осуществляетъ, кажется, философскія идеи дяди.... Регатти узнаетъ въ фигуранткѣ свою жену. Теперь то настаетъ минута истиннаго торжества Трифона Ануфріевича.... Мало того, что молодые люди доказали неудачу въ выборѣ мужа и жены по влеченію сердца, — онъ самъ, собственнымъ своимъ примѣромъ, довершитъ эту мысль и докажетъ ее какъ дважды два четыре! Онъ ждетъ только прихода Каролины Ивановны, которая должна явиться въ подвѣнчномъ платьѣ и пріятно поразитъ всякаго и cadaго — торжественно объявивъ, что она полное и фундаментальное олицетвореніе идей Трифона Ануфріевича, ибо она до сорока-трехъ лѣтъ умѣла со-

храпить непорочность, не предавшись ни какймъ соблазнамъ и не увлекаясь порывами сердца. Является Каролина Ивановна и... что же? Регатти узнаетъ въ ней свою маминьку, а Трифонъ Ануфріевичъ узнаетъ въ ней — прахъ и тлѣніе всей своей философіи...

О литературномъ достоинствѣ пьесы, о ея умной планировкѣ, о прекрасныхъ куплетахъ мы не будемъ слишкомъ распространяться: опытность г-на Кони въ сценическомъ дѣлѣ уже давно всемъ извѣстна; но не можемъ, вмѣстѣ съ другими журналами, не отдать полной справедливости тому умѣнью поразить печальностію, заинтересовать зрителя, заставить его отъ души хохотать и притомъ заронить въ немъ мысль, а главное, вырвать его изъ давно проторенной, избитой колеи — свѣжестію и оригинальнію вымысла, которымъ авторъ обладаетъ вполне и который, въ этой пьесѣ, выказалъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества, и сильно дѣйствуя на душу въ настоящемъ, оно неумовимо въ прошедшемъ... Спрашивается — какъ назвать игру артиста, которая страстно сживаясь съ памятью, при малѣйшемъ воспоминаніи невольно олицетворяется и снова доставляетъ вамъ наслажденіе?... Это уже почти гениальность!... Есть предметы, которые хвалить и которыми льстить опасно, есть предметы, съ которыми трудно подняться на одну высоту; похвала гораздо труднѣе порицанія; для похвалы надо имѣть много изящной тонкости, много свѣтлости во взглядѣ, много опыта и навыка къ дѣлу.... Все это мы говоримъ по поводу игры г. Самойлова, въ роли *Регатти*. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой похвалы, потому только, что, анализируя его игру, надо бы было далеко уйти отъ предмета и посвятить таланту г. Самойлова отдѣльную статью. Довольно одного, если мы скажемъ, что г. Самойловъ въ роли, проникнутой сильнѣйшымъ комизмомъ и исполненной съ неслыханнымъ совершенствомъ, умѣлъ подмѣтить и найти, хотя минутный, но сильный драматическій элементъ.... Минута, въ которую онъ рассказываетъ свое одиночество, свое сиротство, эта наружно комическая минута — была въ его игрѣ передана съ такою силою, съ такою задушевностію, что вы невольно сочувствуете этому ребенку, брошенному на скользкое, бродяжное поприще фиглярства.... Мы не знаемъ примѣра, чтобы въ водевилѣ артистовъ вызывали по нѣсколько разъ — за отдѣльныя сцены, а г. Самойловъ былъ вызванъ два раза. Г-жа Сосницкая, артистка съ дарованіемъ

рѣдкимъ и счастливымъ, исполнила роль *Каролины Ивановны* такъ что была вызвана, во время пьесы, — также два раза. Г. Григорьевъ былъ вѣренъ своей роли и видимо помогалъ общему успѣху, но намъ странно показалось, что во второе представленіе г. Григорьевъ не пѣлъ нѣкоторыхъ куплетовъ, которые въ первое заслужили общее одобреніе публики. Намъ кажется, если авторъ пьесы нашелъ нужнымъ помѣстить куплеты, то актеру слѣдуетъ только исполнять его буквально. Г. Григорьевъ самъ пишетъ пьесы и долженъ бы больше другихъ понимать, что подобныя сокращенія чужихъ сочиненій вовсе неумѣствы, тѣмъ болѣе со стороны автора-актера. Тутъ то и слѣдовало бы показать полное свое безпристрастіе и уваженіе къ чужому труду и успѣху. На долю г. Максимова выпала въ этомъ случаѣ роль, хотя не первостепенная, но довольно эффектная, и она вышла изъ нея съ полнымъ успѣхомъ, какъ актеръ умный и талантливый.

Ай да полковникъ! Поручикъ Шамиль злой рубака, отчаянный воловита и завихохъ. При помощи хлыста и своей удали оцъ хозяйничаетъ на станціи, какъ въ своей квартирѣ; онъ никакъ не можетъ вызвонить Кошмара, содержателя станціи, и удивляется терпѣнію другаго проѣзжаго, въ которомъ не узнаетъ своего будущаго полковника. Появленіе двухъ проѣзжихъ женщинъ, — изъ которыхъ одна рѣшилась надѣть полковничій костюмъ брата, чтобы наступательно дѣйствовать на станціяхъ, — заставляетъ Шамиля забыть Кошмара; поручикъ любезничаетъ съ Серафимою, женою своего будущаго полковника, а между тѣмъ не узнаетъ свою возлюбленную въ полковничьемъ мундирѣ.

Изъ этого произвольнаго маскарада простекаетъ нѣсколько смѣшныхъ, хотя довольно натянутыхъ и неправдоподобныхъ сценъ, напоминающихъ нѣсколько въ каррикатурѣ прежніе водевили «Женщину-полковникъ» и «Дѣвushку-Гусарь».

Чрезвычайно удачная игра г-жи Жуевой и г. Максимова оживили этотъ запутанный фарсъ и доставили ему нѣкоторый успѣхъ.

В. НАТУЖАЙСКІЙ.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа.)

Въ настоящее время театры здѣсь стоятъ на второмъ планѣ, потому что Парижу не до нихъ; онъ бережетъ всѣ свои способности наслажденія для испанскихъ, чудовищныхъ праздниковъ, которые ему общаются въ непродолжительномъ времени, и которые, по увѣренію антрепренеровъ, должны занять въ лѣтоплен увеселеній тоже мѣсто, какъ Лондонская выставка въ промышленности. Говорятъ, что компанія, составившаяся подъ распоряженіемъ и отвѣтственностью гг. Оро, Пласа и Руджіери, готовитъ такіа чудеса, какихъ не придумало бы даже плодовитое воображеніе графа Монтекристо. Увидимъ! а между тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о другомъ предпріятіи для увеселенія скучающей публики, которое возбудило очень горячіе толки и перестрѣлки какъ въ обществѣ, такъ и въ журналахъ, и сильное негодованіе почти во всѣхъ театральныхъ директорахъ. Нѣкто, какъ должно полагать спекуляторъ первой руки, подписывающійся Ріонъ и Ко, пустилъ великолѣпную программу, въ которой приглашалъ почтеннѣйшую публику внести по пятнадцати франковъ съ человека, за что онъ обязывался заботиться о ея забавахъ продолженіе *тридцати дней* и насытить ее наслажденіями на поваль.

Кромѣ баловъ, загородныхъ вечеровъ, фейерверковъ, воздушныхъ шаровъ, которые теперь въ большой модѣ, фокусниковъ, сеньоры Хуаниты, которая ѣдетъ въ Парижъ, чтобы вступить въ соперничество съ аэростатами посредствомъ крыльевъ новаго изобрѣтенія, съ помощью которыхъ она такъ-же легко переносится по воздуху, какъ мы грѣшные ходимъ по улицѣ, и многого множества другихъ чудесъ, гг. Рюиъ и Ко, обѣщали давать ежедневно каждому подписчику по билету въ любой изъ здѣшнихъ театровъ. И все это за полфранка въ день! Ну, какъ не заплатить пятнадцати франковъ, чтобы навеселиться за цѣлый годъ! Антрепренеры были вполнѣ убѣждены, что число охотниковъ перейдетъ за миллионъ, однако выпустили, или обѣщали выпустить только двѣсти тысячъ билетовъ, потому что, по ихъ статистическимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что только такое количество зрителей можетъ помѣститься во всѣхъ театрахъ Парижа и городской черты. Къ-несчастью они не подумали, что прежде чѣмъ приглашать къ взносу денегъ, слѣдовало увѣриться въ согласіи тѣхъ лицъ, которыхъ содѣйствіе было имъ необходимо для осуществленія ихъ плана. На другой же день по выходѣ ихъ программы, директоры большей части парижскихъ театровъ сочли долгомъ протестовать противъ ихъ плана, объясняя, что имъ даже не было сдѣлано предложенія по этому предмету, что имъ самимъ каждое мѣсто въ театрѣ обходится дороже той цѣны, за которую гг. Рюиъ и Ко намѣрены отдавать его подписчикамъ въ придачу къ другимъ увеселеніямъ, что имъ пришлось бы изъ своего кармана заплатить авторскіе танъемы, потому что авторы, хотя довольно охотно уступаютъ свои права, когда представленія даются съ благотворительною цѣлью, однако едва-ли отказались-бы отъ нихъ въ пользу какого-нибудь спекулятора, и сборъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, который расчитанъ на основаніи обыкновенныхъ цѣвъ мѣстамъ и составляетъ одиннадцать процентовъ годоваго дохода. По всѣмъ этимъ причинамъ они на отрѣзъ отказались отъ преступленія къ плану г. Рюиъ, прибавивъ, что даже еслибъ не существовало всѣхъ исчисленныхъ препятствій, они и тогда сочли бы такое непомерное пониженіе цѣвъ скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ театру. По усамъ текло, а въ ротъ не попало! *Тридцать дней забавъ за пятнадцать франковъ* разлетѣлись за облака, какъ миниатюрные воздушные шары, которыми украшена великолѣпная афиша гг. Рюиъ и Ко, и мы принуждены идти въ кассу театра и платить по-прежнему опредѣленную цѣну за билетъ, чтобы потомъ, можетъ-быть, жалѣть о деньгахъ и объ

убитомъ времени. Впрочемъ, его уйдетъ не такъ много, потому что мы обязапы слѣдить только за новостями театровъ, а ихъ въ настоящее время не слишкомъ много: комедія Бальзака, двѣ пьесы Дюге, нежданное представленіе г-жи Рашель, медвѣдь актеръ, вотъ и все почти; остальное.... но не будемъ забггать впередъ, а начнемъ по порядку.

Большая Опера, какъ театръ съ политичнымъ обхожденіемъ, вздумала внести свою ленту въ угощеніе, которое Парижъ сдѣлалъ своему заморскому сосѣду, Лондону, въ лицѣ его лорда-мэра. Для этого она заказала своему даровитому декоратору, Демплену, великолѣпную декорачію, изображающую Кристалльный дворець, а какой-то г. Бавиль написалъ драматическую аллегорію, въ которой дѣйствующія лица: Франція, Англія, Америка, Германія, и не припомнимъ какія еще государства. Зачѣмъ сходятся все эти барыни мы никакъ не могли разобрать; а слышала только, что онѣ пѣли какіе то очень высокопарные стихи на музыку Адольфа Адама, которая, мы полагаемъ, была очень хороша и торжественна, потому-что трубы, контробасы, барабаны и лютавры ужасно бѣсновались, точно бѣсъ вдохновенія овладѣлъ ими и такъ и рвалъ ихъ за облака.

Комическая Опера разсудила, что съ ея шутивою веселостію не къ лицу ей встрѣчать такихъ важныхъ гостей, какъ лондонскій лордъ-мэръ, и предоставивъ это дѣло величавой Большой-Оперѣ сама озаботилась только объ удовольствіи своихъ посѣтителей и втихомолку поставила новую оперу, подъ названіемъ «Серафина.» Либретто этой оперы принадлежитъ г. Сень-Жоржу, музыка г. Сень-Жюльену. Серафина знаменитая итальянская пѣвица; два года производила она фуроръ въ Римѣ, но вдругъ непостоянная публика бросила ее и полюбила другую пѣвицу, которая постоянно фальшитъ и одержима безсмѣннымъ насморкомъ. Оскорбленная Серафина поклялась навсегда отказаться отъ театра. Какой-то сеньоръ Монте-Фосколо давно уже добивается ея руки; онъ старъ, невзраченъ и смѣшонъ; къ этимъ достоинствамъ онъ присоединяетъ еще то, что былъ когда-то ростовщикомъ, и накралъ у разныхъ лицъ, въ томъ числѣ у графа Джуліо, порядочную сумму денегъ. Не смотря на все это, Серафина соглашается быть его женою, и ѣдетъ съ нимъ и съ своею компаньонкою въ его помѣстье, гдѣ должна быть отпразднована свадьба. Но есть еще одно лицо, вовсе неизвѣстное пѣ-

вищѣ, которое имѣетъ притязанія на ея сердце и руку: это живописецъ Леони. Гуляя съ пріятелями по большой дорогѣ, онъ сталкивается со всею шайкою разбойника Вампы; и какъ влюбленные въ водевилахъ и операхъ, всегда очень храбры, а разбойники трусы, то не мудрено, что горсть пріятелей перевязываетъ всю шайку и поселяется въ ея пещерѣ, какъ у себя дома. Тутъ синьору Леони приходитъ въ голову счастливая мысль. Маркизь съ своею певѣстою долженъ ѣхать по этой же дорогѣ; Леони и его пріятели рѣшаются разыграть роль разбойниковъ, нападаютъ на карету маркиза и приглашаютъ путешественниковъ въ свою пещеру. Маркизь дрожить отъ страха; но Серафина и ея спутница смѣются и советомъ не прочь познакомиться съ сподвижниками синьора Лупджи Вампы. И въ самомъ дѣлѣ разбойники люди очень благовоспитанные, обходятся съ дамами очень любезно, угощаютъ ихъ такимъ отличнымъ обѣдомъ, что самъ маркизь изъявляетъ желаніе присоединиться къ пиру.

— Милости просимъ, — говорятъ эсауль Скорпіоне, графъ Джуліо тожъ; — мы не дорого возьмемъ за обѣдъ: пять тысячъ скуди за похлѣбку, столько же за хлѣбъ, за жаркое, за воду, за десертъ, и прочее, всего пятьдесятъ тысячъ скуди. — Какъ ни голоденъ маркизь, а съ деньгами разстаться тяжело; впрочемъ, онъ человекъ умный, ему недолго смекнуть, что вѣдь вѣрно разбойники не отпустятъ его съ деньгами; стало быть, чѣмъ отдать ихъ даромъ, ужъ лучше пообѣдать, и скрѣпя сердце, отсчитываетъ онъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. За тѣмъ ему даютъ пообѣдать и отпускаютъ его на всѣ четыре стороны. Между-тѣмъ Серафина угадала предѣлку молодыхъ людей, и потѣшается надъ ними. Но вдругъ комедія принимаетъ трагическій оборотъ. Двѣ роты жандармовъ окружили пещеру, для поимки разбойниковъ, и оставили на нихъ ружья. Но оперные жаңдармы въ Италіи очень сговорчивы; проказникамъ стоитъ только объявить свои имена и рассказать свою шалость командиру, и ихъ отпускаютъ; рука Серафины будетъ наградою Леони за его изобрѣтательность, а маркизь, взаменъ, своихъ пятидесяти тысячъ скуди получаетъ квитанцію въ деньгахъ, которыя онъ некогда укралъ у отца графа Джуліо.

Музыка господинна Сень-Жюльена мало, чѣмъ новѣе и свѣжѣе либретто господинна Сень-Жоржа; впрочемъ, въ ней есть все, что требуется отъ лѣтней комической оперы: есть хоръ разбойни-

ковъ и застольный хоръ, есть нѣсколько чувствительныхъ романсовъ и арій съ аккомпаниментомъ виолончели соло и контробаснаго пиццикато, есть полька съ варіаціями для пѣнія, есть непавскій болеро, заглушаемый кастаньетками. Жаль, что дирекція поспѣшила постановкою оперы; не то, композиторъ могъ-бы воспользоваться однимъ новымъ изобрѣтеніемъ, которое, если войдетъ въ употребленіе, какъ должно надѣяться, избавитъ фигурантовъ отъ утомительной обязанности щелкать кастаньетками. Господинъ Каччіа, мужъ извѣстной пѣвицы Россія Каччіа, которая нѣсколько лѣтъ назадъ была въ Парижской Большой-Оперѣ, а въ прошломъ году приводила въ восторгъ Мадридъ, Лиссабонъ и Барселону, приладилъ кастаньетки къ фортепіанному механизму, подобравъ ихъ притомъ подъ всѣ тоны гаммы и прибѣлавъ педаль для произвольнаго усиленія или ослабленія звука. Онъ теперь строитъ такія кастаньетки - фортепіано, и намѣренъ представить ихъ на судъ публики. Великое приобрѣтеніе для искусства!

На Французскомъ Театрѣ были мы свидѣтелями необыкновенной любезности со стороны одной артистки, которая никогда не баловала любезностями ни публику, ни дирекцію. Госпожа Рашель которая, какъ вамъ уже извѣстно изъ предъидущихъ писемъ, отправилась въ большую артистическую экспедицію, воспользовалась однимъ свободнымъ днемъ, выпавшимъ между окончаніемъ ея лондонскихъ представленій и началомъ брюссельскихъ, чтобы махнуть по желѣзной дорогѣ въ Парижъ и сыграть одну изъ своихъ лучшихъ ролей, Федру. Мало того; знаменитая актриса, которая, какъ достойная дочь девятнадцатаго вѣка, внолиѣ постигаетъ брэнность славы, когда слава трубитъ не въ золотую трубу, отказалась отъ любезности въ видѣ двухъ съ чѣмъ то тысячь франковъ, которою директоръ счелъ обязанностью отвѣчать на ея любезность! Чему приписать такую безкорыстную угодливость? Говорятъ, дареному коню въ зубы не смотрятъ; поэтому, казалось бы, что если госпожа Рашель доставила своимъ почитателямъ пріятный вечеръ, на который они не имѣли ни права, ни поводу рассчитывать, то можно бы и не доискиваться источника ея поступка. Но есть такіе злые языки, которымъ и радость не въ радость, если нельзя указать въ ней порока; эти злые языки тотчасъ разнесли, что неожиданное явленіе въ Парижѣ госпожи Рашель только благодарность за выгодный ангажементъ на Французскій Театръ, который она устроила для своей сестры, Сары

Феликсъ; известно, что она очень заботливая сестра и очень ловко пристроила къ разнымъ театрамъ трехъ сестеръ и даже бездарнаго своего брата, мосье Рафаэля Феликса. Мы, однако, повторяемъ эту молву только по долгу безпристрастнаго лѣтописца, а не хотимъ присоединяться къ злымъ языкамъ. Госпожа Сара Феликсъ уже доказала на другихъ театрахъ, что она артистка съ талантомъ и не нуждается въ особенномъ покровительствѣ сестры, а почему же госпожѣ Рашель и не оказать иногда любезности своей дирекціи безъ всякихъ корыстныхъ видовъ? Публика также не хотѣла заслужить укора въ неблагодарности и приняла свою любимцу съ обычнымъ восторгомъ, не заботясь о побужденіяхъ, которыми она руководствовалась.

Недавно дебюты одной молодой артистки произвели довольно сильное ощущеніе въ посѣтителяхъ Французскаго Театра и возбудили очень различныя сужденія. Тѣ, которые видѣли госпожу Биронъ только въ роляхъ Мольеровскихъ служанокъ, въ восторгѣ отъ ея естественной, умной и живой игры; видѣвшіе ее въ субреткахъ Мариво упрекаютъ ее въ нѣкоторой грубоватости, а по нашему въ естественности, которая не свойственна этимъ тепличнымъ цвѣткамъ. Намъ дебютъ ея только убѣждаетъ въ мнѣніи, которое мы уже высказали однажды по поводу дебютовъ Магдалены Броганъ: что для молодаго, неопытнаго таланта характеръ очерченный смѣлою, шикорою кистью гораздо доступнѣе и выгоднѣе миниатюрныхъ акварелей, какія рисовали Мариво и Седенъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно наблюденія, опытности, владѣнія собою, чтобы условить и обозначить почти микроскопическую черту, которая отдѣляетъ въ субреткахъ Мариво служанку отъ барышан! Во всякомъ случаѣ, г-жа Биронъ показала признаки несомнѣннаго таланта, и что она можетъ, со временемъ, быть однимъ изъ лучшихъ украшеній ангажированнаго ее театра.

Перейдемъ къ новымъ пьесамъ. Французскій Театръ поставилъ ихъ двѣ: комедію Камилла Дюге «*Баронъ Лафлеръ*», и драму Фердинанда Дюге «*Матюренъ Ренье*». Первая нова только на сценѣ этого театра, но играна уже года два назадъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, на театрѣ Олеона. Мы говорили о ней въ то время и теперь ограничимся тѣмъ, что при возобновленіи на другой сценѣ она имѣетъ такой же успѣхъ второй руки, какъ и при первомъ своемъ появленіи.

Г. Дюге, въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, былъ ученикомъ

и послѣдователемъ Феликса Пиа; въ настоящей же драмѣ, и въ другой, дающей на театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ, онъ пустился въ ложный, по нашему мнѣнію, родъ, который можно назвать біографическою драмою. Впрочемъ и тутъ, видно сильное вліяніе на него Пиа, которое проявляется въ томъ, что, именно въ «*Матюрень Ренье*», біографія служитъ у него только рамкою для того, чтобы провести нравственную мысль: но можно спросить, удобно ли рамка прилагается къ мысли, и не принуждены ли авторъ иногда натягивать ту или другую, чтобы они сошлись? «*Матюрень Ренье*» въ этомъ отношеніи отвѣтитъ не въ пользу автора. Вотъ что исторія сохранила намъ о его героѣ. Матюрень Ренье, одинъ изъ самыхъ старинныхъ французскихъ сатириковъ, родился въ Шартрѣ, въ 1573 году. Съ дѣтства показалась въ немъ сильная охота писать стихи, и беспокойный, необузданный нравъ; въ одиннадцать лѣтъ былъ онъ, противъ воли, посвященъ въ духовное званіе, и вскорѣ за тѣмъ поѣхалъ въ Римъ съ кардиналомъ де Жоайезомъ, при которомъ пробылъ десять лѣтъ; но потомъ, видя, что ему не дождаться отъ кардинала никакой награды, перешелъ къ герцогу де-Бетюну, который исходатайствовалъ ему званіе каповика и далъ двѣ тысячи франковъ ежегодной пенсін съ аббатства Во де-Серне, принадлежавшаго прежде его дядѣ, Филиппу Депорту, любимцу Генриха III, такому же поэту и такому же беспокойному человѣку, какъ онъ самъ. Ренье могъ-бы жить безбѣдно, занимаясь поэзіею, отъ которой тщетно старался отклонить его отецъ; но онъ не умѣлъ удержаться въ милости герцога; безпорядочная жизнь, къ которой онъ привыкъ съ молодости, разстроила его здоровье и ввергла его въ бѣдность; онъ переѣхалъ въ Руанъ, и тамъ скоро умеръ въ шестѣ, на сороковомъ году жизни, въ 1613 году, оставивъ множество элегій, одъ, посланій, эпиграмъ, и шестнадцать сатиръ, полныхъ ума, силы и злости, но которыхъ пышче никто не читаетъ, кромѣ записныхъ ученыхъ, частью потому что языкъ ихъ, темный и въ свое время, устарѣлъ и сталъ почти непонятенъ, а частью и потому, что наши понятія и приличія слишкомъ несходны съ понятіями сатирика, образовавшагося въ школѣ Ювенала. Г. Дюге понимаетъ эту личность иначе. Спорить съ нимъ довольно трудно, потому что, какъ видно изъ предъидущаго очерка, свѣдѣнія, сохранные исторіею, довольно скудны. Драма открывается тѣмъ, что Жакъ Ренье уговариваетъ сына, Матюрена, бросить стихоплетство и цыганскую жизнь и искать честнаго промысла, грозя въ противномъ случаѣ выгнать его изъ

отеческаго дома. Поэтъ лучше соглашается скитаться по свѣту нищимъ, безъ гроша за душою, чѣмъ отказаться отъ некущества; онъ будетъ мученикомъ дарованія. Тутъ является ему старуха, которая предлагаетъ ему богатства, почести, земное счастье, если онъ заключитъ съ нею условіе, по которому талантъ его будетъ принадлежать ей и онъ станетъ орудіемъ ея замысловъ. Ренье съ негодованіемъ отвергаетъ ее предложеніе и она клянется въ вѣчной мести, клянется гнать его до гроба. Эта женщина, Масетта, — олицетвореніе лицемерія и корысти. Авторъ пустился въ аллегорію, не подумавъ, что драма должна быть живьемъ вырвана изъ дѣйствительности, а аллегорія убиваетъ жизнь и дѣйствительность. Прогнанный изъ отеческаго дома, Ренье попадаетъ въ кругъ современныхъ цыгановъ поэтовъ; тутъ Пасера, профессоръ Элоквенціи, преемникъ Рамуса, тутъ Бертело, другъ и сотрудникъ сатирика; Сигонъ, Мотень, вся компанія, которую такъ остроумно, хотя не совсѣмъ справедливо, заклеилъ Буало. Ренье влюбленъ въ Липотту, бѣдную швею, которая поняла его гешій и дѣлается его хранительницею и спасательницею, платитъ его долги, выручаетъ его отъ тюрьмы, заботится о всѣхъ его нуждахъ. Масетта продолжаетъ преслѣдовать Ренье своею мстительною, лишаетъ его наслѣдства, похищаетъ у него возлюбленную, сеоритъ его съ соперникомъ. Тутъ авторъ, давъ зрителямъ только мелькомъ взглянуть на жизнь и борьбу своего героя, вдругъ переноситъ ихъ къ послѣднимъ его минутамъ. Ренье въ Руанѣ; тотъ же самый шинкарь, который во второмъ дѣйствіи хотѣлъ засадить его въ тюрьму за ничтожный должекъ, пріютялъ его у себя изъ жалости. Изнуренный болѣзнію и страданіями, поэтъ кается въ своей грѣшной жизни, и готовится къ смерти; но не можетъ удержаться отъ послѣдней пирушки съ друзьями, и умираетъ за бутылкою вина. Мстительная Масетта снова является, чтобы въ минуту смерти поругаться надъ своею жертвою; но Пасера принуждаетъ ее преклонить колѣно передъ трупомъ поэта.

Изъ этого очерка видно, что г. Дюге хотѣлъ высказать въ своей драмѣ мысль, и мысль прекрасную, хотя, можетъ быть, избранный имъ герой не совсѣмъ соотвѣтствуетъ возложенному на него значенію. Но высказалъ-ли авторъ свою мысль? Нѣтъ, и по двумъ причинамъ: во-первыхъ, различные эпизоды его драмы слишкомъ обрывчаты и недосказаны; особенно переходъ отъ втораго дѣйствія къ третьему вовсе не подготовленъ; вы видѣли

Ренье, хотя не въ завидномъ положеніи, однако здоровымъ добрымъ, безопаснымъ, веселымъ; потомъ вдругъ переноситесь, къ его смертному одру, и должны догадываться, что привело его къ такому жалкому концу. Правда, явленіе Масеты въ концѣ втораго дѣйствія намекаетъ на то, что это послѣдствія ея мести; но такой намекъ недостаточенъ. Вообще мысль ввести это аллегорическое лицо чрезвычайно неудачна, и она же, по нашему мнѣнію, вторая причина, почему основная мысль драмы не высказывается. Аллегорія никогда и никого ничему не учила; это такъ хорошо уже доизано, что нынче и дѣтей перестали учить благоправію посредствомъ аллегорическихъ сказочекъ. Не учительскую указку долженъ ставить поэтъ, въ видѣ аллегорій, а навести читателя или зрителя на размышленіе, заставить его углубиться въ себя и въ окружающее, чтобы посредствомъ этого процесса развивать присущія въ душѣ его начала. Только такое ученіе возможно поэзіи и достойно ея.

Другая пьеса господина Дюгè, «Сальваторъ Роза», игранная на театрѣ Сень-Мартенскихъ веротъ, чисто драматическая біографія; но въ своемъ родѣ, если требовать отъ нея условій драматическаго произведенія только въ той степени, какъ они возможны драматизированной біографіи и заранѣе примириться съ неизбежными для нея недостатками, то «Сальватора Розу» можно назвать хорошею, или, по крайней мѣрѣ, занимательною пьесою. Жизнь Сальватора Розы, поочередно живописца, поэта, музыканта, актера, солдата, товарища шайки разбойниковъ, если не участника ихъ грабежей, даже среди его романтическаго вѣка выдается какъ нѣчто необыкновенное, по своему богатству самыми романтическими приключеніями; такъ что автору немного нужно было прибавить вымысла къ біографическимъ даннымъ, чтобы представить живую и оригинальную картину итальянской жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія; это очень удачный эпизодъ историческаго романа въ драматической формѣ; но есть ли тутъ драма это ужъ другой вопросъ. Итальянская ночь сходитъ на Неаполь. Человѣкъ, въ которомъ по изящной простотѣ его наряда не трудно узнать художника, собирается провести ночь на каменной скамьѣ, положивъ мандолину въ погахъ, длинный мечъ подъ рукой, а въ головахъ кипу бумагъ. Но передъ тѣмъ какъ уснуть, надо поужинать; на это съ него достаточно немощко воды, которую онъ уже собирается черпнуть изъ фонтана по-діогеновски, ладонью, когда дѣвушка подастъ ему кувшинъ, приглашая его напиться;

она видѣла, какъ художникъ рисовалъ для одной плачущей крестьянки портретъ съ умершаго ребенка, и съ-тѣхъ-поръ образъ сньюра Сальватора врѣзался въ сердце дѣвухки; а съ этой минуты и художникъ не забудетъ прелестной Маріи. Онъ ложится, но сонъ бѣжитъ отъ его глазъ; искра любви, запавшая въ его сердце, возвращаетъ ему бодрость и онъ хочетъ еще разъ попытаться найти средство пропитанія. Издатели смѣются надъ его музыкальными произведеніями и съ него же требуютъ денегъ за напечатаніе его стиховъ; картины его стоятъ въ кладовой жидаторговца, потому что Неаполь никого не признаетъ живописцемъ, кромѣ испанца, Рибейры, друга герцога Аркоси, и его учениковъ. Сальваторъ могъ бы также добиться чести попасть въ его ученики, потому-что какой-то Фальконе устрояетъ между ними свиданіе; но они ссорятся съ первыхъ словъ за нѣкоторые слишкомъ откровенные отзывы молодого артиста о любимцахъ великаго Рибейры. Затѣмъ онъ преспокойно засыпаетъ, но не надолго, потому-что замаскированная женщина, бывшая невидимою свидѣтельницацею ссоры, покупаетъ его картину и беретъ съ него слово, что онъ немедленно удалится въ Римъ для избѣженія мести Рибейры. Сальваторъ отправляется, мечтая о румяномъ личикѣ Маріи и бѣлыхъ ручкахъ замаскированной женщины. Второе дѣйствіе доказываетъ, что совѣтъ незнакомки былъ не безполезенъ. Въ бѣдной рыбацкой хижинѣ бесѣдуютъ два человека; это Томмазо Аніелло и бандитъ Пьетрамала; послѣдній объясняетъ, что ему поручено убить нѣкоего Сальватора Розу, что онъ уже получилъ деньги; однако не тропеть его, если онъ пріятель Аніелло. Томмазо отвѣчаетъ, что онъ вовсе не знаетъ этого Сальватора Розы, и участь живописца рѣшена. Но едва Пьетрамала вышелъ, является Гермоза, сестра Аніелло, она же и замаскированная спасительница художника, и открываетъ ему свою любовь къ Сальватору; братъ даетъ ей свой крестъ, совѣтуя ей спѣшить, если она желаетъ спасти его отъ убійцъ, подкупленныхъ Рибейрою. Между-тѣмъ Сальваторъ, на пути въ Римъ, остановился, чтобы снять одинъ горный видъ, и жалѣетъ о томъ только, что не достаетъ разбойниковъ для украшенія пейзажа; желаніе его исполнено, потому-что въ это самое мгновеніе является не одинъ бандитъ, а цѣлая шайка съ уставленными въ него карабинами. Однако артистъ такой милый собесѣдникъ, такъ охотно рисуетъ портреты своихъ гостей и поетъ имъ пѣсни, что они готовы бы отпустить его, еслибъ не то, что атаманъ не можетъ отступить отъ дѣла, за которое онъ получилъ деньги. Впрочемъ

есть талисманъ, передъ которымъ склоняется даже его рѣшимость: это крестъ Аниелло, который показываетъ ему подоспѣвшая во время Гермоза. Въ то время какъ Сальваторъ отправляется опять въ путь, къ ногамъ его падаетъ букетъ цвѣтовъ, брошенный со скалы Марією, сестрою Гермозы; Гермоза, по этому знаку, узнаетъ въ сестрѣ соперницу, и великодушно отказывается отъ своей любви, понималъ, что ея предъидущая жизнь не позволяетъ ей состязаться съ чистымъ сердцемъ Маріи. Въ Римѣ слуга отводитъ Сальватора и друга его Фальконе въ великолѣпный палаццо синьоры Лукреціи, знаменитой пѣвицы, въ которой зритель опять узнаетъ таинственную благодѣтельницу артиста. Рибейра съ своими рубаками также пріѣзжаетъ въ Римъ посмотреть на карнавалъ. Сальваторъ, въ минуту хандры и досады настигаетъ ихъ среди толпы маскъ, остритъ надъ дамскимъ кавалеромъ Бернини, надъ рубакою Рибейрою и всюю ихъ свитою; дѣло не обошлось-бы безъ крови, еслибъ Аниелло и Фальконе не успѣвши увести Сальватора почти силою и отправить съ нимъ въ Неаполь.

На театрѣ Драматической Гимназій имя Бальзака привлекаетъ съ каждымъ разомъ увеличивающуюся толпу любопытныхъ. Давно уже разнесся слухъ, что, по смерти знаменитаго романиста, въ бумагахъ его найдена комедія; и что одинъ изъ театровъ пріобрѣлъ ее. Счастливою обладательницею этой пьесы оказывается Драматическая Гимназія. «*Меркаде смысленный человекъ*» (*Mercadel lefaiseur*), вращается въ сферѣ, которую Бальзакъ очень любилъ описывать, и изучилъ какъ немногіе: въ сферѣ спекуляторовъ, мелкихъ торговцевъ, ростовщиковъ, мѣнялъ, и прочая. Меркаде былъ вѣкогда богатымъ банкиромъ, но бѣгство компаньона, Бодо, съ кассою, свергло его въ очень неловкое положеніе. Однако, какъ человекъ смысленный, онъ не отказывается отъ надежды поправить свои дѣла и даже разбогатѣть больше прежняго. Для этого ему нужно прежде всего уломать своихъ кредиторовъ, чтобы они ждали уплаты и дали ему еще денегъ взаймы, и женить дочь на графѣ Делабривѣ, безобразномъ старикѣ, но человекѣ очень богатомъ. Надо видѣть съ какимъ искусствомъ онъ принимается за первое дѣло; какъ ловко онъ подмѣчаетъ слабую сторону каждаго кредитора и дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ, выманиваетъ даже деньги на приданое. Гораздо труднѣе ему уломать дочь, которая любитъ его прикащика Минара; однако молодые люди отказываются отъ своей любви, когда имъ объясняютъ, что отъ

этого завлечь спасеніе Меркаде. Но едва онъ все это устроилъ, какъ открывается, что онъ трудился понапрасну, потому что Делабривъ самъ нищій и рассчитывалъ на приданое жены, чтобы поправить собственныя свои дѣла. Сцену, въ которой хитрецы сознаются, что они хотѣли другъ друга провести, можно смѣло поставить рядомъ съ самыми удачными комическими сценами, такъ часто встрѣчающимися въ сочиненіяхъ Бальзака. Свадьба разстроена, почти къ удовольствію невѣсты, потому что первое слѣдствіе этого — свадьба ея съ Минаромъ, но не такъ думаютъ кредиторы Меркаде; они не хотятъ уже слушать никакихъ отговорокъ и обѣщаній, и приступаютъ съ пожемою къ горлу за деньгами. Находчивость Меркаде и въ этой крайности не измѣняетъ ему. Минаръ получилъ наслѣдство въ тридцать тысячъ франковъ, которые онъ отдаетъ на приданое невѣстѣ. Меркаде хочетъ на эти деньги сдѣлать аферу, купивъ акціи, которыя подвѣять въ цѣнѣ будетъ ему такъ же легко, какъ прежде было сбить ихъ съ цѣны. Но для этого нужно время, нужно, чтобы кредиторы согласились ждать нѣсколько дней. Меркаде сговаривается съ Делабривомъ, чтобы послѣдній выдалъ себя за Годо, возвратившагося будто бы съ милліонами изъ Остиндіи. Делабривъ соглашается, но потомъ раздумываетъ, разсудивъ, что затѣя рискованная, и что глупо подвергаться опасности изъ чужой пользы. Меркаде между тѣмъ, не зная объ измѣнѣ сообщника, распускаетъ слухъ о пріѣздѣ Годо, и посылаетъ къ нему своихъ кредиторовъ; но самъ приходитъ въ изумленіе, въ ужасъ, въ отчаяніе, когда кредиторы возвращаются отъ Годо съ деньгами; несчастный аферистъ думаетъ уже, что сообщникъ его раздалъ имъ тридцать тысячъ франковъ его зятя, послѣднее его спасеніе; и глазамъ не вѣривъ, когда Годо, дѣйствительный Годо является самъ на лицо и объявляетъ, что онъ въ-самомъ дѣлѣ былъ въ Остиндіи, возвратился оттуда милліонеромъ, и намѣренъ рассчитаться съ кредиторами и съ компаньономъ, какъ честный человѣкъ. И не одного Меркаде изумилъ Годо своею странною фантазіею пріѣхать въ концѣ пьесы. Зрители удивляются не менѣе Меркаде; и въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ, какъ Бальзакъ, писатель умный и опытный могъ испортить комедію, такъ прекрасно начатую, такую дѣтскою развязкою.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ артистическомъ кругу и модныхъ гостиныхъ Парижа только и было рѣчи, что о праздникѣ, происходившемъ у ветерана Французской Комедіи, Сапсона, и на

которомъ была исполнена комедія въ одномъ дѣйствіи: «*Двадцатилѣтніе философы*,» очень милое произведеніе его дочери, г-жи Каролины Бертоны. Нынче эта пьеса явилась на сценѣ Драматической Гимназіи и успѣхъ ея вполне оправдалъ лестные отзывы знакомыхъ и друзей. Содержаніе пьесы чрезвычайно просто. Карлъ и Маріанна, начитавшись разныхъ бредней, стали въ двадцать лѣтъ самыми скептическими философами. Карлъ въ негодованіи на своего брата, который собирается жениться, а Маріанна всячески отговариваетъ отъ замужества сестру. Одинаковый образъ мыслей сблизилъ молодыхъ людей, а въ частыхъ бесѣдахъ о любимомъ предметѣ своихъ мудрствованій, они и не замѣтили, что сердца ихъ роютъ могилу ихъ философій. Любовь исправляетъ ихъ; они убѣждаются, что правила и системы, за которыя они ратовали, несогласны съ требованіями человѣческаго сердца, и рѣшаются окончить все свои философскія бредни свадьбою. На этотъ простенькій сюжетъ, г-жа Бертоны написала нѣсколько сценъ очень умныхъ, и живыхъ и пьеска ея слушается съ большимъ удовольствіемъ.

Г. Жюль де-Вальп, авторъ знаменитой драмы «*Генералъ Монкъ*,» которая, года полтора назадъ, наводила такую громадную скуку на слушателей, и нѣсколькихъ комедій, не имѣвшихъ особеннаго успѣха, также написалъ новую пьесу для Драматической Гимназіи, скромный водевилъ въ одномъ дѣйствіи, «*Contre fortune bon soeur*,» которому повезло ни чуть не лучше, чѣмъ драмѣ и комедіямъ. Это блѣдный сколокъ съ старинной комедіи Дюфрени «*Двойное вдовство*.» Комедія Дюфрени была очень незамысловата, но, по-крайней мѣрѣ, довольно забавна; подражаніе г. Вальп не имѣетъ и этого достоинства.

Театръ Разнообразія пользуется послѣднимъ лѣтнимъ мѣсяцемъ, чтобы спустить накопившейся литературный хламъ, который въ другое время не обошелся-бы безъ свисту. Самая спосная изъ этихъ пьесъ водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ гг. Кормона, Гранже и Дютертра, названный авторами, неизвестно почему «*La Goutte de Bégarier*.» Между пьесами Бераиже есть, правда, одна, въ которой разсказывается, какъ кухарка Готонъ женятъ на себѣ своего выжившаго изъ ума господина и дѣлается барынею. Въ водевилѣ также старій господинъ хочетъ жениться на кухаркѣ, но она довольно разумна, чтобы понять, что ея мѣсто на кухнѣ, а не въ гостиницѣ, и потому выходитъ за садовника; и притомъ

этотъ эпизодъ занимаетъ только пятое дѣйствіе ; первыя же четыре дѣйствія представляютъ рядъ приключеній той-же Готонъ, сначала простой крестьянки, потомъ корчмарки, гризетки, и наконецъ кухарки. Назидательнаго въ этихъ приключеніяхъ нѣтъ, конечно, ничего, а занимательнаго — только вставленныя, не всегда кетати и ловко, пѣсни Беранже.

По этой пьесѣ, лучшей изъ новыхъ пьесъ театра Разнообразія, можно судить о достоинствѣ остальныхъ. «*Выигрывающій нумеръ*», водевилъ г. Коллио и Лесевбра, авторовъ водевиля «*На томъ свѣтъ*», памятнаго своимъ блистательнымъ паденіемъ, достоинствъ своего старшаго брата. Зубной врачъ Озапоръ Аршибальдъ узналъ что № 1,852 непременно возьметъ 400,000 въ лотереѣ калифорнекихъ золотыхъ слитковъ, и приобрѣлъ этотъ счастливый нумеръ. Будущее богатство кружить ему голову, и онъ уже знать не хочетъ бѣдной Віолетты, на которой обѣщавъ жениться. Но лукавый, чѣмъ не шутить? Старикъ шарманщикъ поселился подъ окномъ Віолетты, и безпощадно шипитъ на своей шарманкѣ «*Per tanto amore.*» Чтобы избавиться отъ него Віолетта бросаетъ ему два су, завернувъ ихъ въ клочекъ бумаги, а этотъ клочекъ оказывается безцѣннымъ лоттерейнымъ билетомъ; Аршибальдъ хочетъ получить выигрышъ, а билета нѣтъ, какъ нѣтъ! Но Пиверъ, если ходить по улицамъ съ шарманкою, то не для того чтобы собирать деньги, а только, чтобы воспѣвать свою скромную любовь подъ окномъ Віолетты. Онъ приноситъ ей билетъ, который она возвращаетъ Аршибальду, а Аршибальдъ, тронутый такимъ безкорыстіемъ, отказывается отъ намѣренія гоняться за болѣе важными новѣстами и женится на Віолеттѣ.

«*Музыкъ хорошенькой жены*», водевилъ гг. Шолера и Сентъ-Иванисколько не отстаетъ отъ предъидущаго. Дѣло въ томъ, что у очень невзрачнаго мужа, мосье Шовеля красавица жена и множество друзей. Весь городъ носитъ его на рукахъ, и лѣзетъ изъ кожи, чтобы угодить ему; такъ, что мосье Шовель начинаетъ крѣпко подозрѣвать, что все это не къ добру, и что предметъ всѣхъ этихъ угожденій, не онъ самъ, а красавица жена. Для избѣжанія бѣды, онъ рѣшается обратить свой домъ въ пустыню и безъ церемоніи выгоняетъ всѣхъ гостей. Но мадамъ Шовель столько-же умна, какъ и хороша; она успокоиваетъ мужа, доказавъ ему, что предметомъ угожденій была не она, а хорошенькая племянница; почему остается только выдать племянницу за того изъ претен-

дательей, котораго она избереть, и за тѣмъ всё заживуть на славу.

Театръ Монтансье морить со смѣху своихъ посѣтителей «Приключеніями соломенной шляпки», водевилемъ гг. Маркъ Мишеля и Лабпша. Эта несчастная шляпка, надѣлавшая столько хлопотъ, не въ добрый часъ была повѣшена на дерево въ Венсенскомъ лѣсу, въ то время, какъ мось Фадинарь садился въ свою одноколку, чтобы ѣхать за невѣстою. Проѣзжая черезъ лѣсъ, лошадка его подаяла голову, увидѣла соломенную шляпку, схватила ее и съѣла. А шляпка принадлежала мадамъ Бопертюи, которая въ это время изволила прогуливаться по лѣсу съ своимъ кузеномъ. «Отдайте шляпку!» кричитъ хозяйка. «Отдайте шляпку!» еще грозвѣе подхватываетъ кузень. — Но Фадинарь, стегнувъ по лошади, удираетъ и благополучно пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, усаживаетъ ее и гостей въ восемь извозничьихъ каретъ, и везетъ въ Парижъ, на свою квартиру, чтобы оттуда ѣхать къ меру и въ церковь. На своей квартирѣ застаётъ опъ хозяйку съѣденной шляпки, и ея кузена, которые объявляютъ ему, что не отпустятъ его, пока не получатъ шляпки. Фадинарь ѣдетъ въ модный магазинъ, и весь свадебный поѣздъ за нимъ; у мамзель Клары была одна только соломенная шляпка, и ту она продала баронессѣ. Фадинарь туда и свадебный поѣздъ за нимъ. Баронесса отчаянная покровительница итальянскихъ пѣвцовъ и принимаетъ Фадинара за пѣвца, а гости принимаютъ квартиру баронессы за гостиницу, поселяются въ ней, ѣдятъ, пьютъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгоняютъ. Соломенной шляпки у баронессы уже нѣтъ, она подарила ее своей кузинѣ, мадамъ Бопертюи. Фадинарь скачетъ къ мадамъ Бопертюи, а выгнанные гости за нимъ. Мадамъ Бопертюи нѣтъ дома; Фадинарь обращается къ ея мужу, который, въ цвѣткѣ, уцѣлѣвшемъ отъ съѣденной шляпки, узнаетъ цвѣтокъ, украшавшій шляпку его жены. Его беретъ страшное подозрѣніе на счетъ прогулокъ жены съ кузеномъ, и онъ прѣтаетъ къ Фадинару, между-тѣмъ, какъ гости поселяются на его квартирѣ, принявъ ее за квартиру молодого. Фадинарь скачетъ съ неотвязчивымъ Бопертюи домой, и пріѣзжаютъ въ то самое время, какъ весь свадебный поѣздъ ведутъ на гаубтвахту за то, что они вошли на квартиру Фадинара, и овладѣли приданнымъ невѣсты, чтобы везти его на квартиру Бопертюи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше хлопотъ. Однако всё затрудненія наконецъ устраняются, благодаря соломенной шляпкѣ съ маковымъ цвѣткомъ, оказавшейся въ при-

даномъ невѣсты. Но тутъ еще бѣда! Кузевъ, отправившись освободить гостей, бросилъ соломенную шляпку въ окно, чтобы кратчайшимъ путемъ доставить ее претендательницѣ, и глядь, шляпка зацѣпилась за фонарь и повисла на немъ. Но ее отцѣпляютъ, и передаютъ по принадлежности, гостей освобождаютъ, и Фадинарь можетъ отдохнуть послѣ хлопотливаго дня, а мадамъ Бопертюи уже съумѣетъ справиться съ ревностью мужа, какъ скоро у нея на головѣ шляпка точь-въ-точь, какъ прежняя. Эта нелѣпая одиссея шляпки, очень смѣшна, а кто хохочетъ, тотъ уже не будетъ судить слишкомъ строго, и потому пьеса имѣетъ успѣхъ.

Другая новость театра Монтансье, «*En manches de chemise*, (Безъ верхняго платья), водевилъ гг. Лефранка, Лабяша и Нюна, также, какъ двѣ новыя пьесы театра Folies Dramatiques, «*Le monde volant*» г. Поль-де-Кока, и, «*Les Plaisirs d'Asnières*,» гг. Вильнева и Леру, фарсы изъ самыхъ балаганныхъ, безъ содержанія и безъ интриги, спасающіеся отъ ~~заденія~~ заденія только остроуміемъ и двусмысленностями не самаго утонченнаго вкуса.

Разнаго роду приключенія входятъ, кажется, въ большую моду, на мелкихъ театрахъ. На Театрѣ Разнообразія видѣли мы приключенія кухарки, на Театрѣ Монтансье Приключенія шляпки, Амбигю представляетъ «*Приключенія розы и могильщика*», драму Нюна и Бризбара. Эта роза, конечно, хорошенькая дѣвушка, по имени Аннета, которая очень любитъ цвѣты, и особенно влюбилась въ розанъ, который она видѣла черезъ рѣшетку Вапвскаго парка. Чтобы достать этотъ розанъ, надо перескочить черезъ ровъ и перелѣзть черезъ рѣшетку, подвергаясь опасности сломить себѣ шею. Но влюбленные не дорожатъ шею, и потому неудивительно, что Жильберъ приноситъ Аннетѣ желанный цвѣтокъ. Аннета тѣмъ болѣе тронута этимъ подвигомъ, что женихъ ея, Амелѣ, грубый, и ревнивый мужикъ, и ужасно ей не нравится. Изъ это начала можно уже угадывать, что свадьба не состоится, и что Жильберъ отобьетъ невѣсту у Амелѣ. Одно только останавливаетъ его; бѣдность принудила его идти въ могильщикъ, чтобы прокормить себя и мать, и онъ боится, что Аннета откажетъ ему, когда узнаетъ его званіе. Не смотря на то, во второмъ дѣйствіи онъ отыскиваетъ свою возлюбленную, неизвестно зачѣмъ переѣхавшую въ антрактѣ въ Парижъ. Любовь молодыхъ людей раздвѣтаетъ какъ роза; женихъ, уѣхавшій по дѣламъ

въ провинцію, забыть и назначенъ уже день для свадьбы Жильбера. Амелю, возвратившись за два дня до свадьбы, самъ отказывается отъ руки невѣсты, узнавъ, что сердце ея отдано другому. Въ третьемъ дѣйстви авторы переносятъ васъ въ корчму близъ Монпарнаскаго кладбища, гдѣ могильщики спрыскиваютъ новаго собрата; въ числѣ пирующихъ видите вы Жильбера съ розаномъ въ петлицѣ, который подарила ему Анетта. Дождь льетъ ливнемъ, и принуждаетъ одну женщину искать убѣжище въ корчмѣ; это Анетта, которая отправлялась на кладбище отнести, накануне свадьбы, вѣнокъ на могилу матери. Увидѣвъ жениха среди могильщиковъ, она вскрикиваетъ и убѣгаетъ. Между тѣмъ все готово къ свадьбѣ; ждуть только невѣсты; она наконецъ является, блѣдная, изнеможенная, и объявляетъ, что не можетъ-быть женою Жильбера; объясненіе молодыхъ людей, вслѣдствіе котораго они прощаются навсегда. Въ пятомъ дѣйстви Анетта больна, при смерти; врачи отказались отъ нея; Амело ухаживаетъ за нею какъ нѣжная мать; на дворѣ опять гроза; Анетта падаетъ въ обморокъ, ее считаютъ уже мертвою, и Амело бѣжитъ въ полицію объявить о ея смерти. Вотъ являются и могильщики отдать ей послѣдній долгъ, и въ числѣ ихъ несчастный Жильберъ. Увидѣвъ бывшую свою невѣсту, онъ бросается на шею покойницѣ, и — о чудо! — она оживаетъ въ его объятіяхъ. Мнимая смерть была только летаргическій сонъ. Остальное угадывается само собою.

Эта чувствительная чепуха имѣетъ большой успѣхъ.

Национальный Театръ, бывшій циркъ, пристанище всякаго роду звѣрей артистовъ, ангажировалъ новую артистку, по имени Жанъ-Пьеръ, огромную медвѣдницу, которая красотою и смышленостью не уступитъ русскимъ Акулинамъ Петровнамъ, которыхъ нижегородскіе мужички показываютъ въ Сокольникахъ и водятъ по деревнямъ. Г. Лабрусъ нависалъ даже для нея пьесу «*Медвѣдь и дикарь*», хроніку временъ Крестовыхъ походовъ. Это глупая сказка о томъ, какъ медвѣдь похитилъ ребенка, полюбилъ его и воспиталъ; подражаніе «*Горному челоуьку*», драмѣ дававшейся

на театрѣ Веселости въ 1836 году. Мы не беремъ судить о талантѣ медвѣдицы; но знатоки дѣла увѣряють, что она обладаетъ необыкновеннымъ дарованіемъ.

=

С М Ъ С Ъ .

ПОСТОЯЛЬЦЫ МИСТРИСЪ ТИВСЪ.

(Очерки английскихъ нравовъ.)

Между всѣми женщинами, вдыхающими туманъ и дымъ Лондона, мистрисъ Тибсъ, безъ сомнѣнiя была и есть самая маленькая, самая ловкая, живая и домовитая. Изъ всѣхъ домовъ въ Гримъ-Коратъ-Стритъ домикъ мистрисъ Тибсъ былъ самый чистенькiй, самый свѣтленькiй. Наружная дверь, приступки, молотокъ, бронзовая ручка, мѣдная пластинка съ интересною надписью «Мистрисъ Тибсъ» блескомъ и чистотою ослѣпляли каждаго прохожаго. Каждое утро — все это мылось, чистилось и полировалось цѣлый часъ. Въ сѣняхъ были сѣрыя ширмочки, въ залѣ голубя, шитыя золотомъ занавѣсы и крашенныя шторы, всегда свитыя. Фонарь въ сѣняхъ свѣтелъ, какъ мыльный пузырь; въ столы можно было смотрѣться, какъ въ зеркало, въ стулья тоже....

Мистрисъ Тибсъ была маленькая, мистеръ Тибсъ не великъ.... этотъ почтенный джентльменъ въ отношенiи къ жевѣ былъ тоже какъ 0 къ 90; то есть, при ней кое-что; безъ нея — ничего. Мистрисъ Тибсъ говорила безъ усталости, мистеръ Тибсъ говорилъ рѣдко; но всегда находилъ случай помѣстить неумѣстное слово — и разговориться тогда именно, когда надо было молчать.

Мистрисъ Тибсъ ненавидѣла длинныя исторіи, мистеръ Тибсъ цѣлый вѣкъ рассказывалъ одну, и ту не успѣлъ досказать самымъ искреннимъ друзьямъ своимъ. Эта исторія начиналась такъ: «въ эпоху, въ которую я составлялъ часть корпуса волонтеровъ, въ тысяча восемьсотъ шестомъ году...» Къ счастью, мистеръ Тибсъ говорилъ медленно, тихо, а жена его скоро и громко; такъ, что бѣдный рассказчикъ никакъ не успѣвалъ докончить послѣдней фразы, и вѣчно останавливался на послѣднемъ предположномъ предложеніи. Правительство выдавало мистеръ Тибсу пенсію въ 43 ливра, 15 шиллинговъ и 6 пенсовъ... Такой маленькій доходъ не могъ обезпечивать почтенныхъ супруговъ, и потому мистрисъ Тибсъ рѣшилась нанять домъ и основать, наслѣдственными 700 ливрами, маленькій пріютъ на шесть или на семь особъ, которыя-бы нашли у нея столъ съ прислугою или прислугу со столомъ... Всѣмъ улицамъ она предпочла Гримъ-Корать-Стритъ. Наняла домъ, обмѣблировала, наняла трехъ слугъ и тиснула въ извѣстнѣйшихъ журналахъ Великобританіи слѣдующее объявленіе:

« Публика извѣщается, что шесть особъ найдутъ всю комфортабельность пріятной мѣщанской жизни въ почтенномъ семействѣ, живущемъ на разстояніи десяти минутъ ходьбы отъ всѣхъ кварталовъ.»

На другой и въ слѣдующіе за тѣмъ дни поступило нѣсколько запросовъ большею частию отъ существъ простыхъ, недѣльныхъ. Казалось всѣ литеры воодушевились однимъ желаніемъ помѣститься въ пріютѣ мистрисъ Тибсъ. Началась рѣшительная переписка между ею и требователями, непроницаемая таинственность хранилась съ обѣихъ сторонъ, Е подождетъ нѣсколько; И не любить того-то; Л. О. Ю не терпятъ этого; А. П. М. К. С. находятъ, что цѣна слишкомъ велика; Ж. Р. никогда не сыпалъ на французскихъ кроватяхъ и проч. Въ концѣ третьей недѣли три джентльмена перебрались на житье къ мистрисъ Тибсъ, на условіяхъ одобренныхъ обѣими сторонами; объявленіе тиснули еще разъ, явилась вдова съ двумя дочерьми и заняла три свободныя мѣста.

— Мистрисъ Манлезонъ — прекрасная женщина, — сказала мистрисъ Тибсъ, сидя съ мужемъ за завтракомъ; — прекрасная женщина, — повторила она болѣе для самой себя, чѣмъ для мужа, къ которому никогда не обращала рѣчь свою; — дочки ея прелесть... надо купить рыбы, онѣ выныче въ первый разъ обѣдаютъ у меня...

Мистеръ Тибсъ кашлянулъ и хотѣлъ-было отвѣчать; но раскрывши ротъ, вспомнилъ, что сказать нечего.

— Барышни привезли фортепяно,—прибавила мистрисъ Тибсъ.

Супругъ задумался на нѣсколько минутъ и сказалъ:

— Вѣроятно...

— Не прислоняйся головою къ обоямъ!... Не ставь ногъ на рѣшетку!—вскричала жена.

Тибсъ поднялъ голову, убралъ съ рѣшетки ноги и заговорилъ снова:

— Вѣроятно одна изъ барышень понравится одному изъ нашихъ джентльменовъ и будетъ свадьба....

— Никогда не смѣй говорить этого!—прервала мистрисъ Тибсъ съ негодованіемъ;—свадьба—устройство нахлѣбниковъ, а я, я не при чемъ!... Ни, ни... ни за что на свѣтѣ!

Тибсъ, издавна привыкшій безусловно вѣрить доводамъ жены, не сталъ доканчивать фразы, а просто сказалъ: «пора за работу!» Онъ каждый день проводилъ гдѣ-то съ десяти до пяти и возвращался домой грязный, пыльный, упитанный запахомъ гнили. Если спрашивали мистрисъ Тибсъ: гдѣ цѣлый день пропадаетъ мужъ ея?—Она всегда съ озабоченнымъ видомъ отвѣчала: «дѣла на биржѣ.»

Миссъ Маплезоны съ матушкою прибыли въ два часа на извозникѣ, съ цѣлымъ возомъ узловъ, картонокъ, шляпъ, коробокъ, баулокъ и пр. Сѣни и лѣстница—все загрозмоздилось ихъ припасамъ. Маленькая мистрисъ Тибсъ была въ своей сферѣ. Она взбѣгала, сбѣгала, бѣгала, суежилась, бранила и распорядилась, раздавала салфетки, масло и проч. Тишина водворилась въ домѣ только тогда, какъ мистрисъ Маплезонъ съ дочками ретировалась въ свою комнату—заняться нарядомъ къ обѣду.

— Хороши дѣвицы?—спрашивалъ м. Симпсонъ, нахлѣбникъ, у другаго нахлѣбника, Гикса.

— Не знаю,—отвѣчалъ послѣдній, растянувшись на диванѣ и любясь носками своихъ сапоговъ.

М. Гиксъ былъ высокій, блѣдный молодой человекъ, съ очками на носу, съ черною лентою на шеѣ вмѣсто галстука.... Лицо его было преисполнено постоянной самоувѣренности. Претендуя на громадную ученость и огромный талантъ, теперь, онъ, въ ожиданіи будущихъ и великихъ благъ—скромно исполнялъ должность подлекаря. За нимъ былъ только одинъ излишекъ: онъ при всякомъ случаѣ, кетати и некетати читалъ цѣлыя тирады изъ Лорда Байрона. Другой нахлѣбникъ, м. Симпсонъ былъ въ

обществѣ тоже, что фигурантъ на театрѣ, т. е. его роль была ничтожнѣе всякой роли. Голова его была пуста, какъ колоколъ; онъ всегда одѣвался по картинкамъ, или лучше сказать по карикатурамъ послѣдняго нумера....

— Я замѣтилъ множество свертковъ и картонокъ, — сказалъ улыбаясь Симпсонъ.

— А... въ нихъ вѣрно наряды! — прибавилъ чтець Донъ Жуана. — Тсъ... вниманіе... дѣвцы идутъ!

— М. Гиксъ, мистрисъ Маплезонъ и миссъ Маплезоны! — проговорила разгорѣвшаяся мистрисъ Тибсъ, входя въ залу; потъ лилъ съ нея градомъ; она только что вышла изъ кухни и походила на сургучъ, растопленный солнцемъ. «Прошу извинить, м. Симпсонъ, это мистрисъ и миссъ Маплезоны!» et vice versâ. Молодые люди встали, раскланялись; дамы улыбнулись, присѣли, порхнули въ кресла, подняли упавшіе носовые платки и понюхали ихъ, какъ будто-бы они напрысканы были ароматами. М. Симпсонъ и м. Гиксъ не смѣли сѣсть, не знали куда дѣваться, присловились къ окну и оставались молча и недвижимо въ этомъ положеніи.... Первый не думалъ ни о чемъ, второй прискивалъ тираду изъ любимаго поэта. Мистрисъ Тибсъ пантомимами объясняла между тѣмъ слугѣ процессъ приготовления соуса къ рыбѣ; миссъ Маплезоны, улыбаясь, смотрѣли другъ на друга, и за тѣмъ, казалось, всё погрузились въ созерцаніе дивной рѣшетки камина, всё глаза сосредоточились на ней по преимуществу.

— Душа моя Юлія, — сказала мистрисъ Маплезонъ меньшей дочери шопотомъ, но разумѣется такъ, чтобы это всё слышали; — сядь прямо....

Это материнское наставленіе сдѣлано было съ тою цѣлю, чтобы обратить вниманіе присутствующихъ на талію миссъ Юлія, истинно прелестную. Глаза всѣхъ, дѣйствительно, покинули рѣшетку и устремились на эту талію. Въ слѣдъ за этимъ мистрисъ Маплезонъ завязала разговоръ объ извозчикахъ, о дороговизнѣ переѣздовъ съ мебелью, какъ мистрисъ Тибсъ, перебивая разговоръ, вскричала:

— Что тебѣ нужно, Робинсонъ? — Слова ея относились къ слугѣ, который, остановившись въ дверяхъ и желая обратить на себя вниманіе хозяйки, то кашлялъ и чихалъ, то шаркалъ и сморкался, размахивая руками, какъ вѣтренная мельница.

— Барину-съ пужна чистая сорочка, — отвѣчалъ слуга. Кто-бы не засмѣялся такому отвѣту? Нахлѣбники лопнули, какъ бутылки съ портеромъ. Дамы заткнули рты платками; а мистрисъ

Тибсъ покрасѣвшая, какъ пѣтушій гребешокъ, бросилась вонъ за сорочкою мужа, не забывая при этомъ, за дверь, сдѣлать приличное наставленіе слугѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ мистеръ Кальтонъ — шестой и послѣдній нахлѣбникъ.

М. Кальтонъ былъ старшій малый, т. е. прежде бывшій молодой человѣкъ. Онъ никогда не забывалъ объявлять при первой встрѣчѣ, что черты его довольно неправильны, но лицо вообще очень выразительно. И по истинѣ оно было таково. Нельзя было увидѣть Кальтона, не представивъ себѣ огромнаго молота наружной двери, полу льва, полу обезьяны, и это сравненіе было удивительно точно въ отношеніи къ нраву и разговору его. Онъ сидѣлъ, когда все около него ходило. Во всю жизнь свою онъ не начиналъ разговора и не сказалъ ни одной новой мысли, на избитой-же дорогѣ не спотыкался. Съ двадцатаго года, т. е. сорокъ пять лѣтъ сряду, онъ ищетъ богатой невѣсты. У него было 300 ливровъ доходу, много тщеславія, а еще болѣе неограниченнаго эгоизма. Его считали самымъ свѣтскимъ человѣкомъ въ трехъ государствахъ; онъ ежедневно прогуливался въ Реджентъ-Паркъ и въ Реджентъ-Стритъ.

Это почтенное лицо, вступая въ комнату, рѣшилось правиться мистрисъ Маплезонъ.... и.... чудо! Всѣми шестью нахлѣбниками овладѣло желаніе правиться. Къ тому-же мистрисъ Тибсъ почему-то нашла необходимымъ дать знать джентльменамъ, что лэди богаты, а тѣмъ, что джентльмены обезпечены.... «Интриги и кокетство нѣсколько свяжутъ нахлѣбниковъ,—думала она,— а это свяжетъ меня съ ними....»

Мистрисъ Маплезонъ была вдова лѣтъ шестидесяти, когда-то была не дурна, но хитра и чувствительна безмѣрно.... Она все еще не могла утѣшиться о потерѣ перваго супруга; къ тому-же, она была любящая мать.... «Я такъ люблю моихъ дочерей,—говорила она,— что опять вышла бы замужъ, если-бы замужествомъ могла осчастливить моихъ милыхъ дѣтей.» — Милыя же дѣти были не нечувствительны, съ своей стороны, къ замужеству и брачной жизни. Одной было двадцать-пять лѣтъ, другой двадцать-два. Четыре весны пробыли они на водахъ; играли въ бібліотекахъ, читали на балконахъ, торговали на базарахъ въ пользу бѣдныхъ, танцовали въ собраніяхъ, сантиментальничали.... словомъ, употребляли всѣ способы поймать кого-нибудь въ мужья и никого не поймали.

— Какъ хорошо одѣвается м. Симпсонъ! — шепнула Матильда сестрѣ своей Юліи.

— О! у него прекрасный вкусъ.... — отвѣчала Юлія.

— Какіе усы! — сказала она.

— Чудвые! — прибавила Матильда; — а какіе волосы! Вишневый цвѣтъ платья придавалъ мистеру Симпсону видъ фигуранта съ одной изъ мелочныхъ сценишекъ Лондона. Волосы его походили на парикъ, усы его сходились подъ подбородкомъ, и, казалось, были тутъ для того, чтобы сдерживать движущіяся челюсти.

— Кушать подали, сударыня! — крикнулъ маленькій грумъ, явившійся въ полномъ нарядѣ, то есть въ обношенномъ сюртукѣ хозяина.

— Г. Кальтонъ, не угодно-ли вамъ взять подъ руку мистрисъ Маплезонъ? — сказала хозяйка.

Кальтонъ исполнилъ ея желаніе. М. Симпсонъ предложилъ свою руку миссъ Юліи, м. Гиксъ повелъ прелестную Матильду. Мистера Тибса отрекомендовали дамамъ; онъ поклонился въ полъ, смѣшался и спрятался скорѣй за суповую чашу, въ концѣ стола, на обычное свое мѣсто; нахлѣбники уселись рядкомъ одинъ подлѣ другаго, какъ ломтики хлѣба и ветчины сэндвича. Мистрисъ Тибсъ приказала открыть блюда. Тутъ глазамъ застольниковъ представились семга, раковый соусъ и прочія прибавочныя: картофели, похожія на окаменѣлости и ломтики жаренаго хлѣба съ наперетокъ величиною.

— Мистрисъ Маплезонъ супу, другъ мой! Такъ называла обыкновенно мистрисъ Тибсъ супруга своего при постороннихъ. Тибсъ жевалъ хлѣбъ, рассчитывая чрезъ сколько минутъ получить рыбу. Приказаніе мистрисъ Тибсъ испугало его, онъ вздрогнулъ, подавился было въ торопяхъ недожеваннымъ кускомъ и такъ послѣдшилъ подать супъ, что пролилъ нѣсколько капель его на скатерть; но въ ту же минуту прикрылъ пятно стаканомъ, чтобы скрыть его отъ зоркихъ глазъ хозяйки.

— Миссъ Юлія, вамъ прикажете рыбы.

— Немножко... Ахъ, благодарю... это слишкомъ много. На тарелкѣ было рыбы меньше орѣха.

— Юлія очень мало кушаетъ, — замѣтила мистрисъ Маплезонъ своему сосѣду Кальтону.

Молотъ былъ слишкомъ погруженъ въ созерцаніе семги и только сказалъ: а!

— Тебѣ чего, мой другъ? — спросила мистрисъ Тибсъ, ублагодаривши всѣхъ и обращаясь къ мужу. Вопросъ этотъ сопровож-

дался взглядомъ, ясно говорившимъ : «не проси рыбы—рыбы мало!» Но Тибсъ вообразилъ, что жена упрекаетъ его за пятно сѣланное на скатерти, и разсѣянно отвѣчалъ : «немного рыбы.»

— Тебѣ, мой другъ, рыбы? Брови мистрисъ Тибсъ насупились, глаза сверкнули.

— Да, душа моя,—сказалъ Тибсъ съ видомъ чловѣка, постыжавшагося цѣлую недѣлю. Слезы блеснули на глазахъ супруги, подавшей мужу послѣдній кусокъ семги.

— Джемсъ, подай барину семгу и возьми у него пожъ.... Это была адская мѣсть : Тибсъ не умѣлъ ѣсть рыбы безъ ножа. Несчастный принужденъ былъ хлѣбомъ и вилкою ловить по тарелкѣ ускользавшій отъ него кусочекъ рыбы.... Попытки его были совершенно безуспѣшны.

— Джемсъ, перемѣни приборы,—сказала мистрисъ Тибсъ въ минуту, какъ мужъ ея одерживалъ первую побѣду.... И тарелки унесло какъ вихремъ.

— Джемсъ, подай мнѣ ломтикъ хлѣбца,—сказалъ голодавшій хозяинъ.

— Джемсъ, сходи, посмотри, готово-ли жаркое!—персбица мистрисъ Тибсъ тономъ, воспрещавшимъ всякое противорѣчье.

Бѣдный мужъ остался безъ рыбы и хлѣба.

Въ этотъ промежутокъ времени, Симпсонъ, Кальтонъ и Гиксъ велѣли принесть бутылку необыкновеннаго вина и угостили всѣхъ собесѣдниковъ, исключая, разумѣется, мистера Тибса; о немъ никогда и никто не заботился.

Въ ожиданіи жаркаго, Гиксъ не могъ не сказать цитата удивительно приличнаго въ такомъ случаѣ.

— А! — сказалъ Кальтонъ, наливая свой стаканъ, — Томасъ Муръ мой любимый поэтъ.

— И мой также, — сказала мистрисъ Маплезонъ.

— И мой.... и мой.... и мой! — подхватили всѣ собесѣдники.

— Читайте Донъ-Жуана! — вскричалъ Гиксъ.

— Письмо къ Юліи, не правда ли?—сказала миссъ Матильда.

— Да-съ.... безъ сомнѣнія всѣ.... эти.... прочія творенія прекрасны,—продолжалъ Гиксъ, читавшій только Донъ Жуана, — по гдѣ вы найдете тираду лучше описанія осады въ началѣ седьмой пѣсни?

— Рѣчь объ осадѣ,—заговорилъ Тибсъ, жевавшій корочку, которую унесъ изъ подъ локтя своего сосѣда;—когда я составлялъ часть корпуса волонтеровъ, подъ предводительствомъ сэра Карла Рампора въ 1806 году, однажды....

— Джемсъ, перебила мистрисъ Тибсъ, бросивъ грозный взглядъ на своего супруга, — попроси барина передать мнѣ дичь, если ему неужгодно разрѣзать ее. Такая убѣдительная рѣчь тотчасъ образумила храбраго сподвижника сэра Карла Рампора, и онъ столько же искусно распласталъ курицу, какъ жена его баранью лапку....

Перешли за Рубиконъ.... собесѣдники стали свободнѣй, особенно Тибсъ, опочившій послѣ обѣда.... Гиксъ и дамы много спорили, разглагольствовало о поэзії, о театрѣ и о письмахъ лорда Честерфильда; Кальтонъ повѣрялъ сказанное, мистрисъ Тибсъ одобряла замѣчанія мистрисъ Маплезонъ, а Симпсонъ по временамъ говорилъ — да! или вѣроятно-съ! улыбался слегка надъ тѣмъ, чего не понималъ и прослылъ умнымъ человѣкомъ.

Лэди вышла изъ столовой, а джентльмены по слѣдамъ за ними въ залу.

Мистрисъ Тибсъ съѣла играть съ мистрисъ Маплезонъ въ пикетъ, а молодежь предалась удовольствію музыки. Миссъ Маплезонны пѣли самыя увлекательныя дуо, сопровождая ихъ игрой на гитарѣ, украшенной лентою небесно-голубаго цвѣта. Симпсонъ надѣлъ розовый жилетъ и объявилъ, что онъ очарованъ, Гиксъ улетѣлъ въ седьмое небо поэзій, то есть въ седьмую пѣснь Донъ-Жуана.

Мистрисъ Тибсъ блаженствовала при такихъ нахлѣбникахъ, мистеръ Тибсъ обыкновеннымъ образомъ проводилъ свое время; онъ легъ, всталъ, опять легъ и проспалъ до ужина....

Представьте себѣ, что уже прошло около шести мѣсяцевъ со времени описаннаго нами обѣда — и что въ эти шесть мѣсяцевъ нахлѣбники и пѣли и плясали, ходили въ театръ и на Всемирную Выставку.

Въ утро шестаго мѣсяца Гиксъ получилъ записку, которою Кальтонъ приглашалъ его явиться къ себѣ въ кабинетъ въ свободное время.

— Скажи господину Кальтону, что я сейчасъ у него буду; — сказалъ Гиксъ груму. — Да что, Джемсъ, развѣ Кальтону не по себѣ? — прибавилъ подлекарь, набрасывая на плечи халатъ.

— Не знаю.... можетъ-быть.... Господинъ Кальтонъ что-то блѣденъ.

— Можно быть блѣднымъ и здоровымъ, — проворчалъ Гиксъ, не понимая словъ своихъ, такъ онъ былъ встревоженъ. — Хорошо, хорошо, — продолжалъ онъ; — сейчасъ сойду внизъ къ нему и

въ самый дѣлъ у дверей Кальтона онъ нагналъ маленькаго грума. — Стукъ стукъ!...

— Войдите! — Дверь отворилась.... въ комнатѣ Кальтонъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь похожій на молотъ. Нахлѣбники дружески пожали руки.... Кальтонъ указалъ пріятелю на стулъ. Гиксъ кашлянулъ, Кальтонъ понюхалъ табакъ; наконецъ первый началъ разговоръ.

— Я получилъ записку.... — сказалъ онъ.

— Да, я послалъ вамъ записку....

— Вы ее послали?

— Гм.... вы ее получили?

Дѣло было видимо ясно, но джентльменамъ казалось, что тутъ есть что-нибудь таинственное, сокровенное. Они опустили головы и оставили глаза на столѣ. Кальтонъ почерпалъ въ столѣ нѣкоторую рѣшимость продолжать начатый разговоръ, что онъ всегда исполнялъ довольно пышно.

— Гиксъ, я прозвалъ васъ къ себѣ за тѣмъ.... за тѣмъ, что бы объявить вамъ о важномъ переворотѣ, долженствующемъ случиться въ этомъ домѣ и, который вѣроятно кончится свадьбой....

— Свадьбой? — вскрикнулъ замѣтно смущенный Гиксъ.

Гамлетъ, при видѣ тѣни отца своего, не былъ столько изумленъ и пораженъ, какъ Гиксъ при словѣ свадьба.

— Да, свадьбой,—повторилъ господинъ Кальтонъ, не обращая вниманія на вытянувшееся лицо пріятеля; — я просилъ васъ къ себѣ для того, чтобы явить вамъ знакъ моей довѣренности.

— Вы меня.... выдадите?—прошепталъ совершенно растерявшійся Гиксъ, не замѣчая того, что говорить.

— Я?... я выдамъ васъ.... О, не выдайте только меня! — И Кальтонъ задумался, онъ такъ былъ упоенъ своими мечтами, что рѣшительно не замѣчалъ того, какъ они оба плохо понимали другъ друга. Кальтонъ въ упоеніи опрокинулся на кресло и томно лепеталъ: «Матильда.... Матильда моя!» хватаясь рукою за четвертую пуговицу жилета.

— Какая Матильда!—спросилъ Гиксъ, прыгая со стула, какъ бы ужаленный въ пятку.

— Матильда Маплезонъ, — отвѣчалъ Кальтонъ, вставая также со стула.

— Матильд.... Маплез!... да я завтра же женюсь на ней!—вскричалъ взбѣшенный Гиксъ.

— Нѣтъ, ужъ извините.... это женюсь — я!

— Вы!... вы женитесь на....

— На Матильдѣ Маплезонъ.... да!

— И миссъ Маплезонъ идетъ за васъ....

— Миссъ?... э.... пѣтъ.... мистръ Маплезонъ....

— Возможно ли! — прошепталъ Гиксъ, падая на стулъ; — вы женитесь на матери, а я на дочери.

— Вотъ ужъ именно странное дѣло! — проворчалъ Кальтонъ, ощипывая свои рыжія бакенбарды. И опять продолжалъ: — Матильда, извольте видѣть, не хотѣла объявлять дочерямъ о своей свадьбѣ до совершенія брака, и потому не могла никого пригласить въ посажевые отцы. Я имѣлъ также свои причины — скрывать свое намѣреніе.... и хотѣлъ просить васъ быть нашимъ посаженнымъ отцемъ.... и не дальше, какъ сегодня утромъ.

— Ахъ, г. Кальтонъ, вотъ видите ли.... съ удовольствіемъ я принялъ-бы это [местное предложеніе, если бы мнѣ самому не вѣнчаться.... но, почему бы вамъ не избрать Спмсона?... Я увѣренъ.... опять не откажется.

— Я не хочу просить его.... опять недовольно любезенъ....

Гиксъ взглянулъ на потолокъ и потушилъ глаза.

— Но почему, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія; — не обратились вы къ хозяйцу дома?... А.... мистръ Кальтонъ.

— И мнѣ приходила эта мысль, — отвѣчалъ Кальтонъ; — но Матильда, по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ причинамъ, ужасно боялась, чтобы мистръ Тибсъ какъ-нибудь не свѣдалъ о нашемъ бракѣ....

— Тибсъ прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ, — сказалъ Гиксъ; — стоитъ только сказать ему, что это тайна и онъ не проболтается.

Въ это время кто-то постучался, это былъ Тибсъ; именно онъ, никто не стучался такъ тихо и никто не обтиралъ ногъ такъ долго. Онъ ходилъ расплатиться съ хлѣбникомъ.

— А.... мистръ Тибсъ! — сказалъ Кальтонъ медовымъ голосомъ.

— Я.... точно я! — отозвался Тибсъ.

— Пожалуйте же.... войдите....

— Очень можно съ, — сказалъ Тибсъ воехищенный такимъ вниманіемъ. — Спальня или кабинетъ г. Кальтона заперта слова. Мистръ Тибсъ скромно поставилъ свою шляпу на полъ и, сидя на стулѣ передъ хлѣбниками, воображалъ себя въ пиквизиціи.

— Мистръ Тибсъ.... — началъ таинственно Кальтонъ, — одно важное обстоятельство заставляетъ меня прибѣгнуть къ вамъ и просить васъ скрыть до время отъ супруги вашей все то, что я намѣренъ теперь сказать вамъ.

Тибсъ обѣщалъ сохранить вѣрную ему тайну, любопытствуя

знать въ чемъ она заключалась: онъ воображалъ, что Кальтонъ по крайней мѣрѣ разбилъ все лучшіе графины акуратной его супруги.

— Да съ,—повторилъ Кальтонъ, — я въ затруднительномъ положеніи!

Тибсъ взглянулъ на Гикса, воображая, что его присутствіе стѣсняетъ сонахлѣбника, но не умѣя ничего сказать, довольствовался только взглядомъ и выразительнымъ кашлемъ.

— И такъ,—продолжалъ Кальтонъ,—умѣрьте, мистеръ Тибсъ, свое удивленіе, если я скажу... если я скажу, что два вашихъ постояльца завтра вѣвчуются. Съ этимъ словомъ молотъ отодвинулъ стулъ, чтобы лучше видѣть — какое дѣйствіе произвели слова его на хозяина.

Однако-же, къ удивленію Кальтона, мистеръ Тибсъ оставался совершенно спокойнымъ. Онъ только улыбнулся — и сказалъ: «Что жъ, можетъ быть?..»

— Вы не удивляетесь, мистеръ Тибсъ! — вскричалъ Кальтонъ.

— Не много... впрочемъ весьма естественно... если два молодые человѣка разнаго пола сойдутся... сами знаете...

— О, разумѣется! — отозвался довольный Кальтонъ.

— Вамъ этотъ бракъ не кажется вещью необыкновенною? — спросилъ Гиксъ, уже нѣсколько времени тщательно наблюдавшій за фязіономіею Тибса.

— Нисколько,—отвѣчалъ Тибсъ;—я бы тоже сдѣлалъ въ его лѣта! — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Какъ я хорошо берегъ себя! — подумалъ въ восторгѣ Кальтонъ; онъ зналъ, что Тибсъ былъ моложе его десятью годами; — такъ вы не откажетесь быть посаженнымъ отцемъ...

— Разумѣется,—отвѣчалъ Тибсъ, котораго не изумила и эта вѣсть.

— Не откажетесь! — повторилъ Кальтонъ, думая, что онъ облышался.

— Не откажусь!

Кальтонъ быстро схватилъ маленькаго человѣка за руку и поклонился ему въ вѣчной дружбѣ; Гиксъ сдѣлалъ тоже.

— Ну, наконецъ-то,—сказалъ улыбавшійся Кальтонъ,—я нашель отца....

— Вы нашии отца?—спросилъ Тибсъ,—вы? что вы... это онъ.

— Кто?—вскричалъ Гиксъ.

— Кто онъ?—повторилъ изумленный Кальтонъ.

— Какъ такъ... вы и мою тайну знаете?—продолжалъ Гиксъ.

— Что вы.... помилуйте! — отозвался Тибсъ; — я ничего не знаю. Я только говорю про мистера Симпсона.

— А.... понимаю теперь, — сказалъ тѣць Байрона, — Симпсонъ завтра женится на Юліи Маплезонъ.

— Разумѣется! — возразилъ Тибсъ, весьма довольный тѣмъ, что наконецъ его поняли; — Симпсонъ завтра утромъ сочетается съ Юліею — и я буду отцемъ его.

Удивленные женихи отвѣтили на слова Тибса одною жалкою гримасою, видя, что мистеръ Симпсонъ хитрѣе и умнѣе ихъ.

Мы не будемъ выводить наружу всѣ продѣлки трехъ лэди... скажемъ только, что мистрисъ Маплезонъ знала о видахъ своихъ дочерей, а миссъ Маплезоны знали тайные замыслы своей матушки; всѣ онѣ рѣшили, что приличнѣе притвориться, будто бы не знаютъ ничего, что лучше отпировать всѣ свадьбы въ одинъ день, чтобы одна не разстроила двухъ другихъ.

Вотъ почему тайлись Кальтонъ и Гиксъ; вотъ почему Симпсонъ просилъ услуги безразсуднаго Тибса.

На другой день Гиксъ сочетался съ миссъ Матильдою; Симпсонъ обвинчался съ Юліею, и Тибсъ былъ его посаженнымъ отцемъ, чѣмъ онъ былъ первый разъ въ жизни.... Кальтонъ не столько пылкій, какъ два его пріятеля, охладѣлъ отъ двойнаго открытія; и не найдя никого въ посаженные отцы, счелъ за лучшее — не жениться вовсе....

Гиксъ скоро усталъ разгуливать по однимъ и тѣмъ же болвицамъ и въ одно утро отправился въ Америку. Симпсонъ, лишившійся жены на шестой недѣли супружества (онъ ее потерялъ изъ виду, въ то время, какъ она на какомъ-то гуляньи — заговорила съ какимъ-то офицеромъ), имѣлъ несчастье лишиться и наслѣдства — послѣ разгнѣваннаго отца, и весьма былъ радъ, когда успѣлъ поступить подмастерьемъ въ цирюльню. Съ дѣтства Симпсонъ самъ на себѣ изучалъ это искусство.

Остается прибавить, что эти двѣ свадьбы — лишили бѣдную мистрисъ Тибсъ всѣхъ нахлѣбниковъ, исключая того, который для нея всегда былъ лишній, то есть — супруга ея. Маленькій человекъ, въ день свадьбы, былъ такъ пьянъ, что ноги его подкашивались; губельное вліяніе вина вывело его изъ обычнаго повиновенія женѣ.... въ упоеніи — онъ даже рѣшился противурѣчить ей. Съ той губельной минуты онъ навсегда остался жить и питаться на кухнѣ, откуда выходилъ только на работы и для

исполненія нѣкоторыхъ комиссій, и гдѣ докончить когда-нибудь свой рассказъ о корпусѣ вольноопредѣляющихся.

НЕУЛОВИМЫЙ ПОРТРЕТЪ.

— Прекрасно! — сказалъ Аѳонасій Боканегра, прохаживаясь скорыми шагами по своей мастерской, — очень хорошо! — Въ немъ вообще проглядывала самодовольная гордость, голова его была поднята къверху, какъ будто онъ боялся смять подбородкомъ складки своей фрезы. Впрочемъ весь нарядъ его былъ составленъ довольно тщательно: кафтанъ и камзолъ чернаго атласа, которые обрисовывали его красивыя формы вышли изъ рукъ лучшаго мадритскаго портнаго; приемы его и движенія ясно говорили «я доволенъ собой»; вокругъ все показывало изысканную роскошь; стѣны обиты были тисненою фландрскою кожею, двери завѣшены роскошными голландскими коврами. Плетенки разныхъ цвѣтовъ и формъ составляли на полу богатую мозаику; занавѣсы и сторы смягчали яркость свѣта, проходившаго въ эту залу сквозь единственное но огромное окно. Вокругъ комнаты были разставлены драгоценныя оружія, статуи, древніе бюсты, на стѣнахъ висѣло нѣсколько недоконченныхъ картинъ, рисунки, гравюры... въ рѣзномъ буфетѣ были разставлены серебряныя вазы, нѣсколько гипсовыхъ вещей подъ венеціанскою позолотою, фаянсы причудливыхъ формъ, нѣмецкіе бокалы, богемскія стопы, мѣдныя эмальированныя тарелки. Къ оленьимъ рогамъ были привѣшены: лукъ обдѣланный слоновою костью, ружье, охотничья труба и рожокъ съ порохомъ, прекрасной работы княжалъ и шпага живописца висѣли возлѣ окна.

Пройдя нѣсколько разъ по залѣ, Боканегра придвинулъ широкія кресла къ картишѣ, стоявшей на огромномъ станкѣ, и избравъ самую выгодную точку зрѣнія, сѣлъ разсматривать на свободѣ только что оконченное твореніе.

— Да, — сказалъ онъ, — это хорошо, точно хорошо! я написалъ удивительную вещь! Какое величіе! какое выраженіе въ этомъ образѣ умпрающаго Христа! не такова-ли Божественная природа? А эти жены, какъ удивительно онѣ выражаютъ горестъ! Да, это истинная Марія, слѣдовавшая за сыномъ на Голгоу. Вотъ живая скорбь Богоматери, плачущей у подножія Креста! Да,

это хорошо, прекрасно!... и гренадскій соборъ можетъ справедливо гордиться обладаніемъ превосходнѣйшаго творенія, какое только могъ создать гевій живописца.

Извѣстно, что самолюбіе очень хорошо утончаетъ нить размысленія въ такихъ случаяхъ, и въ состояніи тянуть ее до безконечности; не знаемъ, когда утомился-бы живописецъ, выпрядывая эту нить похвалъ самому себѣ, но онъ былъ прерванъ: одинъ изъ учениковъ его пришелъ сказать, что въ концѣ улицы показалась королевская карета въ сопровожденіи многочисленной свиты и что она скоро должна прибыть сюда. Карлъ II не хотѣлъ, чтобы Боканегрова картина была отправлена въ гренадскій соборъ прежде, нежели онъ ее посмотритъ. Онъ отправился, окруженный придворными, въ мастерскую живописца и, конечно, такое вниманіе могло бы усилить гордость Боканегры, если-бъ это было возможно. Живописецъ встрѣтилъ короля у дверей и, благодаря за честь, которой его величество благоволилъ удостоить низжайшаго изъ подданныхъ, повелъ его въ мастерскую. «Вотъ,—сказалъ онъ, показывая свое произведеніе высокому посѣтителю,—плодъ трудовъ моихъ! онъ, конечно, не достоинъ чести быть представленъ вашему величеству, но смѣю думать, что никто не сдѣлалъ бы лучше!»

— Эта картина въ самомъ дѣлѣ прекрасна, — сказалъ король, разсматривая долго и внимательно работу Боканегры. И дѣйствительно, она стоила похвалы. Не смотря на гордость художника, нельзя было не признать въ немъ великаго таланта. «Надобно васъ прозвать геніальнымъ, какъ Моралеза!» — сказалъ король, привѣтливо улыбаясь художнику.

— Ваше величество очень милостивы ко мнѣ, снисходительны къ памяти этого бѣднаго Моралеза, который, не смотря на прозваніе геніальнаго, былъ немощно сухъ; онъ высчитывалъ каждый волосокъ на головѣ и бородѣ своихъ фигуръ и картины его такъ выработаны, какъ будто бы онъ хотѣлъ ими обманывать зрѣніе.

— Вы строги, — сказалъ король; — ну, такъ васъ можно сравнить съ Зурбараномъ; у этого кнѣзь широка...

— Зурбарано не дуренъ въ драпировкѣ, но въ нагомъ тѣлѣ онъ увеличиваетъ недостатки Караваджіо, не имѣя его достоинствъ.

— Веласкезъ, можетъ быть, вамъ правится больше?

— Веласкезъ очень удачно ставитъ свои фигуры. Въ немъ много естественности, но посмотрите сколько сухости въ его Помоненіи Волхвовъ.

— А Рафаэль? — сказалъ король, не зная больше какого назвать художника.

Мгновенная краска пробѣжала по щекамъ живописца и глаза его заблестали; онъ сжалъ уже губы, и готовъ былъ сказать: «Если бы онъ жилъ въ наше время, я бы сдѣлалъ ему честь, поручивъ готовить мою палитру.» — Присутствіе короля удержало его. — О! — сказалъ онъ, приходя въ себя, — этотъ Рафаэль рисуетъ довольно чисто! но ежели-бы онъ былъ современникомъ нашимъ, я надѣюсь, что ему не дали бы перваго мѣста.

— Вижу съ удовольствіемъ, — сказалъ король, — что вы отдаете первенство вашей эпохѣ. Мы имѣемъ въ самомъ дѣлѣ гениальныхъ людей. Мурильо стоитъ удивленія?..

— Фигуры Эстебана Мурильо не безъ пріятности, но облака, на которыя онъ сажаетъ свои изображенія, не мпожко легки; полутѣнямъ его не достаесть прозрачности.

— По-крайней-мѣрѣ вы пощадите своего собрата Каррено-де-Миранда. Вы знаете, что Мы къ нему питаемъ особенное расположеніе.

— Каррено де Миранда не дурно дѣлаетъ портреты. У него много хорошихъ качествъ; но цвѣта его иногда не много приторны, и рисунокъ слабъ.

Каррено де Миранда, находившійся въ свитѣ короля, улыбнулся. Но Карлъ II, оборотивъ къ градамъ, сопровождавшимъ его, сказалъ имъ: «Господа, скромность — подруга таланта, а мы не знаемъ ни кого скромнѣе Каррено де Миранда.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ нашъ добрый король! — вскрикнувъ, хлопая руками, живописецъ Матіасъ Торрестъ, радуясь униженію Боканегра, «Это, — прибавилъ онъ, — справедливость, возданная заслугѣ.

— Такъ — сказалъ Карлъ II, — но ежели онъ не имѣетъ нужды въ почестяхъ, то по крайней мѣрѣ не откажется отъ знака расположенности. Каррено де Миранда отнынѣ будетъ имѣть исключительное право носить то платье, которое было на королѣ въ Великую Пятницу* и мы объявляемъ, что ни какой живописецъ отнынѣ не будетъ писать нашего портрета безъ его позволенія. Что касается до васъ, господинъ Боканегро, такъ какъ наши сужденія не заслужили вашего одобренія, то мы думаемъ, что

* Обычай Испанскихъ королевъ давать платье, бывшее на нихъ въ Великую Пятницу, восходитъ къ временамъ Санчо IV; его давали, чтобы почтить и въ тоже время вознаградить лучшаго изъ слугъ.

мы ошиблись; могло случиться, что мы ошиблись, обвиняя также вашу картину, что вы скажете о ней Матиасъ Торресъ?

— Картина прекрасна,—сказалъ послѣдній, желая показать себя справедливымъ къ тому, кто былъ такъ не справедливъ къ другимъ,—картина превосходная, но она напоминаетъ Алонзо Кано, у котораго Аюнасіо учился. Если онъ имѣетъ столько генія, сколько онъ самъ себя приписываетъ, то пусть напишетъ что-нибудь дѣйствительно оригинальное, что-нибудь свое. Пусть намъ назначать сюжетъ и тогда увидимъ, кто исполнитъ его лучше.

— Я вызываю васъ, Аюнасіо Боканегра!

— Вы?—презрительно отозвался Боканегро,—немного чести побѣдить васъ! — сказалъ онъ. — Вы развѣ писали что-нибудь, кромѣ декораций?

Матиасъ Торресъ хотѣлъ отвѣчать, но Карлъ II перебилъ его. «Ваше изображеніе Христа очень хорошо!»—сказалъ король, уходя. Аюнасіо, кусая губы, стоялъ неподвижно предъ своею картиною, а Матиасъ, сходя съ лѣстницы, еще повторялъ: «Да я тебя вызываю на масля или фреско... гваш или пастель все равно.»

У живописца остался одинъ только архіепископъ гренадскій. —Сынъ мой!—сказалъ онъ ему,—ваша работа заслуживаетъ большую похвалу; завтра вы можете прислать ко мнѣ за уплатою; но я долженъ дать вамъ небольшой совѣтъ, припоминайте чаще слова Соломона — ожидайте, что бы другіе васъ хвалили, а не хвалили сами себя. Пусть васъ превозносятъ чужія, а не собственные уста.... положите въ сердце вашемъ эти слова псалмопѣвца.

Если вы видѣли когда-нибудь фехтовальнаго учителя на канунѣ драки передъ публикою, то можете составить себѣ понятіе о волненіи въ какомъ находился Боканегра. «Что я выиграю изъ этого вызова?»—спрашивалъ онъ самъ себя,—что за честь побѣдить Матиаса, человѣка безъ имени, безъ славы, который только раскрашивалъ зданья? Но если вдохновеніе не придетъ ко мнѣ во время, если я буду ниже самого себя, если въ немъ сверкнетъ геній, если я буду побѣжденъ? Какой стыдъ! нѣтъ, ставка наша не равна, я не могу принять вызова.

Онъ прибѣгнулъ къ посредству друзей, и Матиасъ Торресъ, довольный и тѣмъ, что заставилъ отступить человѣка, съ которымъ не могъ равняться талантомъ, согласился не говорить больше о своемъ вызовѣ. Аюнасіо умѣлъ однакоже надѣлать себѣ много враговъ, и не могъ оставаться спокойно въ Мадридѣ. Онъ воротился на свою родину въ Гренаду, но здѣсь нашелъ сопер-

ника гораздо опаснѣе, чѣмъ Матіасъ Торресъ, это былъ молодой Теодоръ Ардемансъ; оба искали чести урывать работами въ соборѣ.

Ардеманса знали. Онъ былъ не изъ тѣхъ противниковъ, которыхъ одно имя Боканегро могло побѣдить. На этотъ разъ нуженъ былъ конкурсъ и рѣшили, что бы соперники сняли другъ съ друга портреты.

Ардемансъ, имѣвшій тогда не болѣе двадцати-пяти лѣтъ, взялъ первый палитру, и безъ всякихъ приготовленій напесалъ портретъ Боканегра такъ сходно, такъ бойко, что Боканегро потерялъ увѣренность въ себѣ и смѣлость... и потребовалъ на нѣсколько дней отсрочки; ему дали ее.

Въ назначенный день всѣ андалузскіе господа, всѣ гренадскія дамы собрались въ назначенное для состязанія мѣсто. Боканегра былъ здѣсь, Ардемансъ уже принялъ надлежащее положеніе, но въ фізіономіи его было что-то неуловимое. Въ силу-ли естественной способности или отъ другихъ причинъ, но фізіономія Ардеманса измѣнялась безпрестанно. Едва Аонасіо начертилъ абрисъ своего оригинала, какъ этотъ совершенно измѣнилъ лицо.казалось оно было кругло, и складъ его схваченъ; но взглянувъ другой разъ, лицо показалось длиннымъ. «Кудажъ я смотрѣлъ,—сказалъ Аонасіо, протирая глаза;—я глуно.... ошибся!» Онъ стираетъ абрисъ и принявши твердое намѣреніе строже смотрѣть на размѣры, снова начинаетъ: голова слишкомъ коротка, передѣлываетъ, взглядываетъ: «Боже мой! это худощавое лицо, а я его округлилъ...» стираетъ часть контура, смотритъ на модель, да круглое; рисуетъ.... носъ не тотъ. «Да что за дьявольщина я уловить не могу!» Такъ онъ безпрестанно стиралъ, поправлялъ—и снова стиралъ; глаза его помутнились, голова пошла кругомъ, а между тѣмъ время уходило, и работа еще не начата. Между посѣтителями раздавался ропотъ, слышались легкія насмѣшливыя замѣчанія.... Мгновенная мысль пробѣжала тогда въ головѣ Боканегра. «Это дьяволъ,—сказалъ онъ,—съ дьяволомъ я не имѣю дѣла!...» Бросивъ на полъ палитру, художникъ разорвалъ холстъ и вышелъ, сопровождаемый громкими насмѣшками до самыхъ дверей. Возвратившись домой, Боканегра не вынесъ испытанія; чрезъ нѣсколько часовъ онъ почувствовалъ въ себѣ неизбежный зародышъ смерти, а чрезъ нѣсколько дней дѣйствительно умеръ.... Это обстоятельство относятъ къ 1688 году.

МУЗЫКА ВЪ ТУРЦІИ.

Г. Титцъ (Tietz) въ сочиненіи своемъ «Живописные очерки Востока и Запада» (Bunte Skizzen aus Ost und Süd) сообщаетъ весьма интересное и живое описаніе вечера, проведеннаго имъ въ Константинополѣ, во время праздниковъ Рамазана, въ домѣ одного значительнаго турецкаго саповника. При этомъ г. Титцъ говоритъ и объ истой Турецкой музыкѣ. Замѣчанія его объ искусствѣ на Востокѣ такъ оригинальны въ этомъ описаніи, что мы рѣшаемся передать ихъ словами автора.

«На этомъ вечерѣ, послѣ ужина, который по-турецки называется «Ифтаръ» (разрѣшеніе), потому что имъ разрѣшается дневной постъ, находилось множество гостей турокъ и греческихъ драгомановъ. Хозяинъ сперва устроилъ для насъ спектакль изъ тащевъ, а за ними ожидало насъ наслажденіе слушать настоящую турецкую музыку. Только одинъ Султанъ держитъ правильный, образованный по правиламъ европейскаго искусства, хоръ музыкантовъ, управляемый итальянцемъ Довидзетти, братомъ знаменитаго композитора, прочіе же наши держатъ въ провинціяхъ національные турецкіе хоры и такіе же хоры можно слышать иногда въ большихъ городахъ у знатнѣйшихъ жителей.

Пророкъ Мугаметъ не былъ другомъ музыки и строго запретилъ своимъ послѣдователямъ заниматься ею. Мнѣніе о ней Мугамета было слѣдующее: слушать музыку значитъ грѣшить противъ закона; самому играть — грѣшить противъ религіи; находить въ ней удовольствіе — грѣшить противъ вѣры и въ этомъ случаѣ каждый повиненъ въ преступленіи невѣрія. Какъ ни строго держатся мусульмане своего закона, но они преступаютъ его въ двухъ пунктахъ, а именно: въ отношеніи употребленія вина и въ дозволеніи себѣ наслаждаться запрещенною музыкою. Между тѣмъ едва ли какой либо другой народъ имѣетъ столь же сильную склонность къ музыкѣ, какъ турки, завязшіе это искусство отъ древнихъ арабовъ, которые въ свою очередь наслѣдовали его отъ сосѣднихъ персовъ. Въ Константинополѣ и другихъ большихъ городахъ встрѣчается множество людей, особенно между дервишами, которые со страстію занимаются музыкою, что по убѣжденію послѣдователей Мелама, грѣшно въ высшей степени.

Даже нѣкоторые изъ османскихъ князей посвящали себя музыкѣ. Турецкіе писатели говорятъ о князя Коркудѣ, какъ объ

отличѣйшемъ талантѣ. Онъ былъ сынъ Султана и палъ въ борьбѣ съ братомъ своимъ Селпмомъ I. Кромѣ Коркуда, между Османскими властителями, извѣстны были, какъ великіе друзья и покровители музыки: Баязеть I, Селпмъ II, Мустафа I, Мурадъ IV, Ибрагимъ I, Мугаммедъ IV, Махмудъ I, и нынѣ царствующій Султанъ. Турки не сдѣлали большихъ успѣховъ въ теоріи музыки и въ этомъ отношеніи познанія ихъ ограничиваются старинными персидскими преданіями о восточномъ искусствѣ такъ что у нихъ практическое исполненіе стоитъ выше теоріи. Всѣ восточные писатели соглашаются въ томъ, что музыка изобрѣтена Пифагоромъ, ученикомъ Соломона. Вотъ что говоритъ объ этомъ писатель Гаджи Калфа:

«Восхитительный образъ три ночи сряду снился Пифагору и приказывалъ ему идти на морской берегъ, гдѣ научится онъ дивному искусству. Пифагоръ повиновался; но нашелъ тамъ однихъ кузнецовъ, которые работали молотками на наковальѣ. Онъ призадумался и обратилъ все свое вниманіе на звонъ, раздававшійся отъ ударовъ молотковъ. И вотъ онъ изобрѣлъ инструментъ съ шелковыми нитями, которыя отъ прикосновенія къ нимъ, издавали чудесные звуки. Подъ эти звуки пѣлъ онъ пѣсни во славу божества и этимъ скоро такъ прославился, что къ нему стали стекаться всѣ грустившіе со всѣхъ концовъ міра. Онъ пріобрѣлъ себѣ славу своею чистою, строгою жизнію и мудрымъ искусствомъ, которымъ глубоко потрясалъ душу слушателей. Онъ говорилъ, что постигъ звуки отъ движенія небесныхъ сферъ и обладаетъ силою передавать тѣ звуки въ мелодическихъ тонахъ своею инструмента, несущихся изъ глубины его духа. По этимъ гармоніямъ, онъ сочинилъ законы, умноженные потомъ другими художниками и въ особенности Аристотелемъ, изобрѣтателемъ органа. Этотъ органъ состоялъ изъ трехъ трубокъ, выдѣланныхъ изъ буйволовои кожи. Средняя изъ нихъ подносилась ко рту и посредствомъ прикрыванія и открыванія пальцами сдѣланныхъ на ней отверстій, трубка эта издавала различные тоны. Главнѣйшая цѣль этого искусства состояла не въ простой забавѣ, а въ томъ, чтобы направить духъ къ познанію священныхъ вещей. Когда свѣтлыя мелодіи восхищаютъ душу, тогда стремится она къ созерцанію высшихъ существъ и геніевъ и къ общенію съ чистѣйшимъ, просвѣтленнымъ міромъ. Музыка есть то, что приготовляетъ душу, омраченную тѣломъ, къ пребыванію въ мірѣ свѣта и дѣлаетъ ее къ тому способною.»

Тодерини утверждаетъ, что начало музыки у турокъ относит-

ся къ 1074 году гиждры, когда Амуратъ IV завоевалъ Багдадъ и приказалъ казнить 30000 персовъ. Но тогда Шахъ-Кули, персидскій Ороей, выступилъ предъ завоевателемъ и въ такихъ чудесныхъ тонахъ оплакалъ разрушеніе Багдада и воспѣлъ торжество побѣдителя, что тронутый Амуратъ подарилъ пѣвнымъ жизнь, а благороднаго пѣвца взялъ съ собою въ Константинополь.

Существенныя и значительныя услуги турецкой музыкѣ оказаны княземъ Кантеміромъ. Изъ написанной имъ исторіи Турціи видно, что музыка при Султанѣ Мугамедѣ IV достигла значительной степени совершенства и тѣмъ обязана была дарованіямъ Османа-Эфенди, который образовалъ весьма многихъ учителей для музыки инструментальной и вокальной. Пѣвцы, славившіеся въ то время въ Константинополь, были: дервишъ Отманъ, ученикъ его Куручун-Оглы и два грека, наставники Кантеміра.

Послѣдній, по желанію двухъ сановниковъ Изманла Эфенди и Ктелеби, любителей искусства, написалъ теоретическое сочиненіе о музыкѣ на турецкомъ языкѣ, посвященное Султану Ахмету II, которое еще и теперь служитъ главнымъ руководствомъ при изученіи музыки.

Восточное пѣніе кажется европейцу съ перваго разу весьма страннымъ; потомъ же, когда слухъ ближе ознакомится съ нимъ оно начинаетъ казаться пріятнымъ. Въ прежнемъ описаніи моего путешествія, изданномъ въ 1835 году, читатель можетъ найти образцы мелодій, которыя тогда показались мнѣ оригинальными и нелишними нѣкоторой прелести. Почти все турецкія пѣсни эротическаго или эпическаго содержанія. Въ гармоническихъ стихахъ обыкновенно описывается любовь въ извѣстныхъ восточныхъ аллегоріяхъ. У турка всегда есть особенныя выраженія для возлюбленной, какъ напр., мое сердце, мое око, моя душа, моя госпожа и т. п. Нѣжный цвѣтъ оны сравниваетъ съ алебастромъ, глубкій станъ съ кипарисомъ, глаза съ очами сайги и т. д.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ особенномъ родѣ пѣнія, *мауалъ*, который составляетъ что то среднее между пѣсней и речитативомъ. Этотъ родъ пѣнія, весьма уважаемый турками, для иностранца смѣшенъ и чрезвычайно непріятенъ, особенно же когда слышишь поющихъ въ носъ грековъ, къ которымъ пѣніе это перешло отъ турокъ. Одинъ звукъ слова *мауалъ* уже невольно напоминаетъ концерты, при лунномъ свѣтѣ, кошекъ, бродящихъ по крышамъ. Содержаніе пѣней этого рода—жалоба несчастнаго юноши, который груститъ по отсутствующей милой

и закликаетъ луну, чтобы она охраняла вѣрность обожаемой. Такія музыкальныя піесы исполняются обыкновенно безъ инструментальнаго акомпанемента и пѣвецъ, расширивъ руки, кладетъ пальцы за уши, какъ будто для предохраненія барабанной перепонки отъ разрыва. Предосторожность такая была бы не лишнею, потому что пѣвецъ напрягаетъ свой голосъ до невѣроятности. Между краткими строфами виртуозъ останавливается, чтобы воздохнуть и потомъ съ новыми силами продолжаетъ выдѣлывать трези и возвышаетъ голосъ до такой степени, что у слушателей голова кружится. Нельзя не пожалѣть при этомъ, что турки вовсе не умѣютъ обращаться съ своими голосами, которые бывають иногда весьма пріятны. Въ нижней части Навплин, гдѣ было мое жилище, находился греческій винный погребокъ. Посѣтители этого заведенія обыкновенно приходили сюда къ полночи, усаживались подъ моими окнами, и распѣвали *мауалъ* до тѣхъ поръ, пока я, придя въ отчаяніе, не выливалъ имъ на головы кувшинъ воды и тѣмъ не заставлялъ ихъ молчать.

Инструментальная турецкая музыка дѣлится на военную или лагерную и на комнатную или мирную музыку. Наши, въ отдаленныхъ провинціяхъ держатъ свою національную музыку, которая, по обычаю сельджукскихъ султановъ, ежедневно играетъ при закатѣ солнца и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Инструменты, на которыхъ исполняется музыка этого рода, суть слѣдующіе: гобой, совершенно европейскаго устройства; одинъ большой гобой, трубы различныхъ родовъ, цимбалы, извѣстные всѣмъ большіе барабаны, малые деревянные барабаны, огромные литавры, и небольшія звонкія флейты. Теперь, представьте себѣ, какъ можетъ быть исполнена такимъ оркестромъ какая нибудь симфонія. Безъ сомнѣнія, у васъ столь же мало будетъ охоты выслушать ее, какъ и новую какую нибудь барабанную оперу.

Приглашенная нашимъ хозяиномъ труппа изъ турокъ, цыганъ и евреевъ, исполнявшая комнатную музыку, имѣла слѣдующіе инструменты: скрипки, подобныя нашимъ, инструментъ, извѣстный въ старину подъ названіемъ *viole d'amour*, бассъ, гобой, флейты трехъ сортовъ, различныя по величинѣ, называемыя по-турецки *найе*, *гирэфъ* и *эззи*, семиструнную гитару, гусли (*сактиръ*), пару литавръ (*накара*), и наконецъ извѣстный подъ названіемъ тамбурина, баскійскій барабанъ съ колокольчиками. Съ помощію этихъ инструментовъ исполнена была состоявшая изъ трехъ частей симфонія, которая началась медленно, потомъ размѣръ ея сдѣлался быстрѣе и наконецъ перешелъ къ какой то

дикій темпъ. Въ концѣ каждой части гобоевъ выдѣлывалъ трели на самыхъ рѣзкихъ нотахъ, вопреки всѣхъ правилъ благозвучія и продолжалъ ихъ минуты двѣ, такъ что трудно было постигнуть, какъ доставало у него на то дыханія. Хотя я и не могъ наслаждаться концертомъ одинаково съ прочими восточными гостями, изъявлявшими свое удовольствіе важнымъ качавіемъ головы, однако я долженъ сознаться, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исполненіе не лишено было эффекта и что музыканты соблюдали тактъ съ строгою точностію. Нотъ я не видалъ; музыканты играли на память. Въ заключеніе исполняла венеціанская баркаролла, на слова: «Корабль несется по волнамъ» — произведеніе, ставшее во всемъ Левантѣ столь же народнымъ, какъ и въ Германіи. Такой же жребій выпалъ и «Султанскому маршу» Доницетти. Этотъ любимый въ Константинополѣ маршъ отчасти служитъ доказательствомъ того, что турки преимущественно восхищаются итальянскою музыкою.

ДВА ПИСЬМА ФЕТИСА О МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ, НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

Спѣшу сдержать данное слово: представить вамъ отчетъ о музыкальныхъ инструментахъ, находящихся на лондонской Всемирной Выставкѣ.

Вы извините меня, что я только теперь принимаюсь за исполненіе своего обѣщанія; но только теперь, освободившись отъ всѣхъ препятствій, я могъ рассмотреть все въ подробности. Тамъ, гдѣ соединены всѣ умственные и матеріальныя богатства цѣлаго міра, невольно вкружится голова и потеряется сознаніе того, что видишь и что дѣлаешь. Ноги начинаютъ сами двигаться; глаза глядятъ и не видятъ, начинаешь мечтать по неволѣ и послѣ нѣсколькихъ часовъ прогулки въ мѣстѣ, гдѣ собраны самые разнообразныя предметы, чувствуешь какую то тяжесть и расслабленіе. «Но, — скажутъ мнѣ, — кто же велитъ вамъ смотрѣть на все? Какое вамъ дѣло до астрономіи, кораблестроенія, до химіи? развѣ вы должны говорить объ успѣхахъ хлѣбопашества, шелководства или обработкѣ шерсти у какого-нибудь народа? развѣ касаются до васъ усовершенствованія и изобрѣтенія новыхъ машинъ? развѣ спрашиваютъ ваше мнѣніе, на счетъ про-

изведеній роскоши или художествъ, — приступайте прямо къ инструментамъ — о другомъ ни слова. Радъ-бы исполнить это; но чтобы говорить объ инструментахъ — надо ихъ видѣть; а чтобы видѣть ихъ должно непременно знать, гдѣ они находятся — и я только въ пять пріемовъ (каждый по 3 часа) могъ собрать нѣкоторые статическія свѣденія обо всѣхъ инструментахъ.

Произведенія промышленности каждаго народа стоятъ отдѣльно, а не расположены по родамъ и свойствамъ и потому очень трудно найти предметы, которыми спеціально занимаетесь, не разсмотрѣвши напередъ всего остального. Я сію минуту сказалъ, что произведенія каждаго народа стоятъ отдѣльно, и вы, можетъ быть, думаете, что музыкальные инструменты можно найти только въ отдѣленіяхъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи, другихъ европейскихъ сѣверныхъ государствъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ? Вы можетъ быть увѣрены, что Индія на Всемирную Выставку доставила только шали, фуляры, шелковыя матеріи, оружія и ковры? вы даже, по всей вѣроятности, не думаете, чтобы акустическое искусство было слишкомъ развито во внутренности Африки и чтобы изъ Вандименовой земли привезли что нибудь кромѣ кенгуру и камеди. Если это такъ, то вы жестоко ошибаетесь; потому что Бенаресъ, Нипаль, Жадпуръ и Мумбаи прислали цѣлыя собранія гитаръ, саринда родъ скрипокъ, сдѣланныхъ туземными Страдивариусами, флейты, которыя не со всѣмъ похожи на флейты Бема и Годафруа; металлическіе инструменты, которые рѣзко отличаются отъ саксофоновъ и саксгорновъ; модель инструмента цигу-вигу, о которомъ вы конечно до сихъ поръ не имѣли понятія; наконецъ цунгъ или арфу, къ которой еще не успѣли приспособить эраовскія педали съ двойнымъ движеніемъ. Съ своей стороны и Нигриція, желая показать свое искусство, представила въ видѣ образчика какой то инструментъ, издающій престранныя звуки и составленный изъ двухъ пузырей, привязанныхъ нитками къ какой-то палкѣ. Наконецъ и съ Вандименовой земли, которой обитатели никогда не имѣли даже никакой пищи, кромѣ рыбы, прислали трубочки вырѣзанныя изъ ствола сосны, которую англичане называютъ hoop-pine и которой главное достоинство состоитъ въ томъ, что для нея не вредны перемѣны атмосферы. Къ одной изъ этихъ трубочекъ приделавъ клапанъ, посредствомъ котораго можно на ней брать октаву. Это изобрѣтеніе, которое можно примѣнить къ органу, можетъ быть, будетъ полезно и нашимъ фабрикантамъ. Конечно вы согласитесь, что я не могъ не сказать

ни слова о всѣхъ этихъ интересныхъ произведеніяхъ и, пожалуй еще, чрезъ это заслужить неблагорасположеніе Конгскаго султана, индѣйскихъ и тибетскихъ раджей и наконецъ быть несправедливымъ, въ отношеніи къ жителямъ Гобартъ-Тоуна и Тасшани. Я думаю, что мнѣ должно, говоря объ инструментахъ, слѣдовать порядку, въ которомъ они расположены на самой Выставкѣ и потомъ выразить мое мнѣніе, сравнивъ произведенія всѣхъ народовъ между собою. И такъ слѣдуя порядку принятому на *great exhibition*, какъ называютъ англичане свою выставку, я буду прежде всего говорить объ Англіи, которой принадлежитъ первое мѣсто, какъ по количеству выставленныхъ ею произведеній, такъ и по гостепріимному приглашенію, которое она сдѣлала всему промышленному сословію. Англія, по фабрикаціи фортепьяно разсматриваемой въ коммерческомъ отношеніи, стоитъ выше всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ въ одномъ Лондонѣ ежегодно изготовляется 1,500 большаго размѣра, 1,500 четырехъугольныхъ о двухъ и о трехъ струнахъ и 20,000 различныхъ прямыхъ фортепьяно — всего на сумму 9,551,000 фунтовъ стерлинговъ (около 6-ти милліоновъ серебромъ). Франція же, которая идетъ тотчасъ же за Англіею въ этомъ отношеніи, не производитъ фортепьяно и на $\frac{1}{3}$ этой суммы, и въ Парижѣ, который для Франціи представляетъ тоже, что Лондонъ для Англіи въ 1849 году изготовлено большихъ фортепьянъ всего на 8-мь милліоновъ франковъ. Я сказалъ выше, что въ Лондонѣ производится ежегодно 1,500 четырехъугольныхъ фортепьяно — это, конечно, удивитъ Францію, Бельгію и Германію, гдѣ такіе инструменты теперь уже очень рѣдко встрѣчаются; но за то въ Англіи мода на нихъ не проходитъ и особенно много ихъ пересылаютъ въ Индію. Главною причиною того, что эти фортепьяно не употребляются у насъ, конечно служитъ то, что мы, живемъ, по большей части, въ небольшихъ комбатахъ, въ которыхъ негдѣ и поставить такой инструментъ. Но и въ Англіи однако же болѣе употребляютъ прямые фортепьяно, какъ мы уже видѣли выше, и особенно продается много маленькихъ, которыя легко перевозятся на дачи и оттого называются *collages*.

Я долженъ сдѣлать замѣчаніе на счетъ фортепьяно парижскаго фабриканта Эрара, который имѣетъ фабрику и въ Лондонѣ; вслѣдствіе чего нѣкоторые его инструменты, по каталогу, должны были стоять въ отдѣленіи Англіи; между тѣмъ какъ я видѣлъ ихъ въ отдѣленіи Франціи, гдѣ и слѣдуетъ стоять произведеніямъ знаменитаго французскаго мастера.

На Лондонской выставкѣ находится всего 173 фортепяно, привезенныхъ изъ различныхъ европейскихъ государствъ. Я здѣсь представляю списокъ этихъ инструментовъ и ихъ фабрикантовъ, которыхъ число доходитъ до 101.

	Число фабрикантовъ.	Число инструментовъ.
Англія	38	68
Франція	21	44
Бельгія	6	14
Германія	18	24
Австрія	5	5
Швейцарія	3	3
Данія	1	2
Россія	1	2
Соединенные Штаты	6	9
Канада	2	2
	101	173

Я прежде поговорю объ англійскихъ фабрикахъ. Въ главѣ ихъ состоятъ гг. Бродвудъ и сынъ и Колларъ. Гг. Бродвудъ имѣютъ между англійскими фабрикантами право старшинства, которое они вполне заслужили, какъ по отличной отдѣлкѣ инструментовъ, такъ и потому что Бродвуды первые въ Англій начали дѣлать фортепяно. Послѣ Бродвуда самые замѣчательные фабриканты въ Англій — это гг. Киркшанъ и сынъ. Въ 1827 и 1830 годахъ я печаталъ мои изслѣдованія въ области исторіи фортепяно и потому теперь я о ней говорить не буду; а считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи и успѣхахъ фортепянаго производства въ Англій. Но прежде нежели приступить къ исторіи фортепяно я долженъ напомнить читателямъ нѣкогда изложенныя мною правила, на которыхъ основано устройство клавиесна (clavesin) и фортепяно. Въ клавиесинѣ механизмъ тотъ же, что и въ такихъ струнныхъ инструментахъ, каковы лютия и гитара и въ клавиесинѣ покрытый буйловой кожей клапанъ тагента дѣлаетъ тоже, что перо, которое держитъ въ рукѣ музыкантъ, играющій на лютиѣ, бандурѣ, мандолинѣ и другихъ подобныхъ этимъ инструментахъ. Совершенно иной механизмъ въ фортепяно, гдѣ онъ приспособленъ къ тимпану. Струны тимпана издають звуки отъ давленія на нихъ палочекъ съ молоточками, которыя прежде держали обыкновенно въ рукахъ. Слѣдовательно звукъ въ клавиесинѣ происходитъ отъ движенія, а въ фортепяно

отъ сотрясенія струвы. Последний способъ, кажется, и хотѣли приаровитъ къ инструментамъ съ клавишами. По-крайней мѣрѣ въ 2-хъ манускриптахъ, одному времени XIII столѣтія, а другомъ XIV-го * мы видимъ рисунокъ 2-хъ грубо выдѣланныхъ инструментовъ такого рода; въ нихъ къ рычагу клавиши приделаны трубочки, которыя ударяютъ по струнамъ, когда рукою нажимаютъ клавиши, приводящія въ дѣйствіе рычагъ. Этотъ простой механизмъ послужилъ началомъ изобрѣтенію клавикорда, который въ Германіи былъ въ послѣдствіи въ большемъ употребленіи, нежели клавесинъ. Въ началѣ XVII столѣтія сдѣлали первый вертикальный клавесинъ, въ которомъ палочки съ загнутыми верхушками были прикрѣплены къ клавишамъ и ударяли по струнамъ, когда клавиши спускались, и принимали свое прежнее положеніе, когда клавиши поднимались. Послѣ этого протекло почти цѣлое столѣтіе безъ новаго изобрѣтенія; но въ началѣ XVIII вѣка парижскій фортепьянный мастеръ, Мариусъ, представилъ на судъ Королевской Академіи Наукъ, планъ двухъ горизонтальныхъ инструментовъ, которые онъ назвалъ *клавесинами съ колотушками*. Механизмъ одного изъ этихъ инструментовъ заключался въ молоточкѣ, привѣшенномъ посредствомъ штифтика и толкаемомъ вверхъ силою рычага и потомъ падающемъ внизъ силою своего собственнаго вѣса. Механизмъ другаго инструмента заключался въ молоткахъ, прикрѣпленныхъ надъ струнами; клавиши, подыжаясь, силою рычага съ коромысломъ наталкивали молотки на струны, а потомъ молотки приподнимались силою прикрѣпленныхъ къ нимъ тяжестей. Около того времени, когда Мариусъ сдѣлалъ это изобрѣтеніе, нѣкто Кристофали, во Флоренціи, придумалъ новый способъ устройства фортепьяно въ видѣ шпинета. Въ немъ молотки висѣли надъ струнами и приводились въ движеніе механизмомъ, очень схожимъ съ тѣмъ, который мы встрѣчаемъ въ старинныхъ маленькыхъ фортепьяно. По указанію ученаго органиста и теоретика Шретера, должно предполагать, что онъ изобрѣлъ новое устройство фортепьяно, независимо отъ Мариуса и Кристофали. Но всѣ изобрѣтенія были забыты, когда Зильберманнъ устроилъ въ Германіи, около половины XVIII столѣтія, первыя маленькія фортепьяно, которыя послужили образцомъ для всѣхъ прочихъ инструментовъ этого рода. Изъ всего этого слѣдуетъ, что тѣ, которые предполагаютъ, будто фортепьяно не что иное какъ усовершенствованный клавесинъ, очень

* Первый находится въ гентской библіотекѣ, а другой въ національной парижской.

ошибаются; потому что эти два инструмента въ началахъ своихъ не имѣютъ ничего общаго. Видно также, что прошло болѣе 200 лѣтъ до окончательнаго изобрѣтенія системы прямыхъ фортепіано и что всѣ горизонтальные инструменты съ механизмомъ — устроеннымъ вверху или внизу, получили свое начало отъ грубыхъ клавесниновъ съ колотушками изобрѣтенія Маріуса. Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, я теперь перейду къ изслѣдованію исторіи фортепіано въ Англій. Часть фактовъ, которые я приведу, я заимствовалъ изъ *New patent Journal*. Первое фортепіано Зильбермана было сдѣлано въ 1745 году; а въ 1760 или 1761 году одинъ изъ его работниковъ, по имени Зумпе, пріѣхалъ въ Лондонъ и сдѣлалъ тамъ первое маленькое четырехугольное фортепьяно (*piano carré*). Я самъ началъ учиться музыкѣ на инструментѣ 1762 года, фабрики Зумпе: инструментъ этотъ былъ длиною въ 4 фута и шириною, въ 2; 5 октавъ отъ *fa* до *fa* и прежде принадлежалъ г жѣ Кауницъ. Миѣ помнится даже, что на фортепьяно было написано, что мастерская Зумпе находилась въ Гауверъ-Скверъ. У этого инструмента не было педалей; но зато съ лѣвой стороны у клавиши желѣзный ключъ, который можно было двигать рукою и который приподнималъ сурдины. Должно быть однако же, что Зумпе болѣе занимался клавесинами, нежели фортепьяно; потому что мы видимъ въ старинной Коvent-гарденскаго театра афишѣ 1767 года, что еще и тогда фортепьяно было инструментомъ новымъ и почти неизвѣстнымъ. Вотъ что говорить объ этомъ афиша:

«By particular desire. — For the benefit of miss Brickler
«Theatre royal in Covent-Garden

«On Saturday next, being the 16 th of may 1767, the Beggars opera, и проч. и проч.

«Endofact, miss Brickler will sing a favorite soeing from Judith, accompanied by M. Dibbin, ona new strument, called *piano forte* и проч. и проч.

«По собственному желанію. Въ пользу г-жи Бриклеръ.

«На королевскомъ Коventгарденскомъ театрѣ въ субботу, 16 мая 1767 года, Beggars-Opera. (Слѣдуютъ имена актеровъ.)

«Послѣ перваго дѣйствія г жа Бриклеръ будетъ пѣть любимую арію изъ «Юдифъ». Акомпанировать будетъ г. Диббинъ на новомъ инструментѣ, называемомъ *фортепіано*.» Однако же эта

музыкальная новость, какъ видно, не произвела большаго эффекта. Очень вѣроятно въ самомъ дѣлѣ, что маленькое фортепiano казалось совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ огромнымъ клавесиномъ. Въ 1766 году нѣмецъ Америкъ Баккерсъ вздумалъ приспособить механизмъ фортепiano къ инструментамъ большаго размѣра и сдѣлалъ нѣсколько опытовъ при помощи Жакоа Бродвуда и Стодартта. Этотъ Бродвудъ, дѣдъ теперешняго фортепiаннаго мастера Бродвуда, былъ сначала работникомъ у Бурггардта Чуди, который его такъ полюбилъ за ловкость и смѣтливость, что выдалъ за него свою дочь и передалъ ему свою фортепiанную фабрику. Еще прежде Баккерса одинъ ирландецъ, работавшій у Лопсмана, предшественника Коллара и Клементи, изобрѣлъ новый скачущій сторожокъ, долго носившій названіе ирландскаго; но это грубое изобрѣтеніе далеко не удовлетворяло требованіямъ истинныхъ механиковъ. Наконецъ былъ изобрѣтенъ механизмъ, который и донынѣ употребляется въ фортепiano господами Бродвудъ и Стодартъ. Механизмъ этотъ называли англійскимъ; хотя было бы гораздо лучше назвать его механизмомъ съ прямымъ движеніемъ. Гг. Бродвудъ его нѣсколько улучшили въ томъ, что сдѣлали возможнымъ брать нѣсколько разъ сряду одну и ту же ноту, не отнимая пальца отъ клавиша. Главное достоинство этого устройства состоитъ въ его простотѣ и несложности, а слѣдовательно и прочности. Единственнымъ же недостаткомъ его сначала была тугость клавишей; но теперь этотъ недостатокъ устранили и довели устройство фортепiano до совершенства. Бродвуды сдѣлались извѣстными съ 1771 года. Они клавесины начали дѣлать въ 1781 году и съ тѣхъ поръ до 1851 года изъ ихъ мастерской вышло 103,750 инструментовъ. Съ 1824 до 1850 года у нихъ среднимъ числомъ изготовлялось ежегодно 2256 инструментовъ, то есть по 43 фортепiano всякаго рода въ недѣлю. Чтобы изготовлять такое множество инструментовъ у гг. Бродвудовъ постоянно работаютъ 573 человекъ, не считая въ томъ числѣ людей занятыхъ коммерческими оборотами и корреспонденціею этого дома. Никакая фабрика инструментовъ не доходила до такихъ огромныхъ размѣровъ. Долголѣтнее существованіе и огромныя выгоды фабрики доставляютъ Бродвудамъ возможность покупать множество матеріалу за разъ. Черезъ это покупаемый ими лѣсъ можетъ долго находиться на воздухѣ и потомъ сохвуть и сдѣлаться наконецъ нечувствительнымъ къ переменамъ атмосферы. Оттого-то инструменты гг. Бродвудовъ остаются тѣми-же и близъ полярныхъ льдовъ и въ огненномъ клима-

тѣ тропическихъ странъ, — все тѣ же какъ въ Калькутѣ, такъ и въ Нью Йоркѣ, какъ въ Лимѣ, такъ и въ Гобартъ Тоунѣ, какъ въ Австраліи, такъ и въ Англійи. Мастерская ихъ представляетъ очень интересное зрѣлище для наблюдателя, который увидитъ тамъ всевозможные способы устройства фортепяно. Работникамъ, которые придумаютъ какое нибудь новое удобное для строенія фортепяно орудіе, выдается денежная награда. Я сказалъ выше, что Бродвуды нѣсколько измѣнили устройство фортепяно, принятое ихъ дѣдомъ. Дѣло въ томъ, что у первыхъ фортепяно струны были очень тонкія и крѣпкія только въ сравненіи со струнами стариннаго клавесна. Послѣднія издавали звукъ только тогда, когда открывался клапанъ, котораго двигателемъ былъ кончикъ пера или кусочикъ воловьей кожи въ одну линію длины; слѣдовательно онѣ должны были быть очень тонкими, чтобъ чувствовать такое слабое движеніе. Сотрясеніе же отъ молотка, какъ-бы онъ легокъ ни былъ, требовало уже струнъ болѣе крѣпкихъ и толстыхъ. Однако такъ какъ въ 1770 году еще немного безпокоились о силѣ звука; то и дѣлали веревки толстыми только относительно слабости устройства ящичковъ, въ которыхъ онѣ заключались. Необходимо было, чтобы сила молоточнаго рычага фортепяно гармонировала съ силою струнъ, а эта послѣдняя съ постройкою корпуса инструмента. Вскорѣ, около 1790 года, начали употреблять струны толстыя, чтобъ получить звукъ полнѣе. Раздѣленіе между переднею и заднею частію фортепяно, необходимое для того, чтобъ проходили молотки рѣшились сдѣлать слабѣе, поставивъ за то струны потолще. Тогда необходимо было сдѣлать инструментъ прочнѣе и придумали желѣзныя арки, которыя прикрѣпляютъ между струнами. Первые сдѣлали эти арки Уилькинсонъ и Джонъ Бродвудъ. Такимъ образомъ впервые начали думать о силѣ звука и до сихъ поръ стремленіе къ увеличенію ея прекращается. Когда увеличили толщину струнъ необходимо было увеличить и силу молоточнаго рычага. Чтобъ исполнить это гг. Бродвудъ и Стодартъ и всѣ фортепянные мастера, употреблявшіе англійскій механизмъ, должны были увеличить всѣ части его и придать ему болѣе силы. Съ тѣхъ поръ желѣзныя арки стали недостаточными и гг. Бродвудъ въ 1808 году прибавили къ нимъ короткія и не толстыя стальныя прутья, сначала два, а наконецъ и семь. Въ 1820 году гг. Стодарты взяли привилегію на устройство желѣзныхъ пустыхъ внутри цилиндровъ прикрѣпленныхъ по длинѣ струнъ. И теперь на Лондонской выставкѣ стоитъ фортепяно съ такимъ

устройствомъ подъ № 470. Въ 1824 году г. Эраръ получилъ въ Англіи привилегію на устройство особенныхъ желѣзныхъ аркъ и прутьевъ. Объ этомъ я поговорю при разсмотрѣніи работъ нашего извѣстнаго фортепянаго мастера. Вскорѣ въ 1827 году Бродвуды получили привилегію на изобрѣтенное ими новѣйшее устройство желѣзныхъ прутьевъ. Впрочемъ замѣчательно то, что, хотя большое число желѣзныхъ прутьевъ и необходимо для прочности фортепяно; однако они, въ теоретическомъ отношеніи составляютъ недостатокъ инструмента; потому что не даютъ полной свободы звуку. Я уже замѣтилъ въ моемъ рапортѣ къ Бельгійской Королевской Академіи Искусствъ, говоря объ изобрѣтеніи г. Сакса (отца), что совершенства въ устройствѣ фортепяно достигнуть только тогда, когда сумѣютъ уравнить противодействующія силы, тогда струны будутъ уравновѣшваться и освободятъ отъ своего вліянія деку. Тогда только теорія строя фортепяно будетъ въ нормальномъ состояніи. Не думавши обо всемъ этомъ, Бродвуды на опытѣ замѣтили неудобство множества желѣзныхъ прутьевъ и начали всевозможными способами уменьшать число ихъ, не принявъ этимъ вреда инструменту. Это то и есть замѣчательное усовершенствованіе въ тѣхъ инструментахъ Бродвуда, которые мы видимъ на Всемирной промышленной выставкѣ. Усовершенствованіе это имѣло важнымъ результатомъ улучшеніе и усиленіе звука. Механизмъ состоитъ въ металлической поперечной подставкѣ, поставленной впереди и сзади колышковъ; на эту подставку кладется другая, прикрѣпленная къ большой сторонѣ инструмента, также какъ и двѣ діагональныя подставки, которыя прикрѣплены къ этимъ въ видѣ арки. Всѣ эти подставки раздѣляютъ поверхность инструмента на четыре неравные треугольника. Это устройство, какъ видно, чрезвычайно просто и притомъ удивительно прочно. Другое важное улучшеніе, которое мы видимъ въ теперешнихъ инструментахъ гг. Бродвудовъ, заключается въ особенномъ прикрѣпленіи деки. Посредствомъ этого изобрѣтенія избѣгаютъ извѣстнаго недостатка всѣхъ вообще фортепяно, даже знаменитыхъ мастеровъ, и именно: непріятнаго звука отъ рѣзкихъ высокихъ нотъ. Именно въ слѣдствіе этого нѣкоторые мастера дѣлали болѣе семи октавъ въ инструментѣ, хотя прибавляемыхъ ими нотъ мы не встрѣчаемъ ни въ какихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Гг. Бродвуды не хотѣли прибѣгнуть къ этому средству и въ самомъ составѣ инструмента хотѣли найти способъ улучшенія и вскорѣ нашли его; и теперь только, въ ихъ инструментахъ, вы найдете

чистый и серебристый звукъ верхнихъ нотъ. Такъ какъ гг. Бродвуды не объясняютъ способъ улучшения, придуманный ими; то и я умолчу о началѣ, которымъ они руководствовались, хотя и очень хорошо его знаю. Бродвуды также усовершенствовали инструментъ, въ томъ отношеніи, что правильно изогнули подставку, между тѣмъ, какъ во всѣхъ прочихъ инструментахъ она изогнута неправильно. Недостатки, происходящіе отъ этого обыкновенно стараются устранить напряженіемъ струнъ; но это напряженіе должно быть пропорціонально длинѣ и толщинѣ ихъ. Въ вѣрности этого легко можно увѣриться, расчетомъ; тѣ-же, которыхъ расчетъ затруднить, могутъ увѣриться въ недостаткахъ неправильной загнутой подставки, посредствомъ монокорда или инструмента Шейбнера. Эту работу Бродвуды исполнили старательно и совершенно правильно загнули подставку и сдѣлали ее пропорціональною постоянно увеличивающейся къ низу толщинѣ струнъ. Для этого они уничтожили малѣйшія неровности звука и сдѣлали аккордъ легкимъ и постоянно одинаковымъ. Такъ какъ я не знаю какимъ способомъ они сдѣлали это улучшение; то и не буду говорить о расчетѣ, который былъ основнымъ началомъ ихъ работы. Наконецъ гг. Бродвуды сдѣлали еще одно важное улучшение въ томъ, что сдѣлали возможнымъ брать одну и ту-же ноту нѣсколько разъ сряду, не отнимая пальца отъ клавиши. Известно, сколько трудовъ стоило Себастьяну Эрару дойти до той гениальной машины, которую онъ изобрѣлъ, чтобъ достигнуть этого результата. Быстрое повтореніе одной и той-же ноты необходимо въ новѣйшей музыкѣ; въ школахъ Клемента и Моцарта гаммы составляли быстроту игры. Но послѣ этихъ мастеровъ было уже много нововведѣній, и, между прочимъ, повтореніе одной и той же ноты заняло важное мѣсто въ музыкѣ. Англійскій механизмъ не былъ приспособленъ и чтобъ взять одну и ту же ноту нѣсколько разъ сряду, нужно было всякій разъ отнимать палецъ отъ клавиши; а это былъ важный недостатокъ, потому что здѣсь терялось много времени. Чтобъ избѣгнуть этого Себастьянъ Эраръ придумалъ новый способъ побужденія, который, отъ малѣйшаго движенія клавиши, приподнимаетъ молотокъ и заставляетъ его во второй, третій и такъ далѣе разъ, стучаться объ струны; однако-же онъ достигъ это посредствомъ хотя и гениальнаго, но за то и очень сложнаго механизма, который никакъ нельзя было соединить съ англійскимъ механизмомъ. По этому стали придумывать способъ для соединенія этихъ двухъ механизмовъ. Наконецъ нашли этотъ способъ: устроили двойной

крючокъ и прикрѣпили его къ верхней части молоточнаго рычага, который при малѣйшемъ движеніи клавиша, стучаетъ струну и заставляетъ ее издавать звукъ сколько разъ угодно. Это изобрѣтеніе, не смотря на то, что принадлежитъ Бродвуду, кажется, было сдѣлано Сутвелемъ, который и назвалъ его *Victoria repetition*. Въ такомъ-то состояніи находятся инструменты, представленные Бродвудами на выставку. Всѣхъ его инструментовъ четыре и всѣ они большія концертныя фортепяно. У всѣхъ по 70-ти октавъ отъ *sol* до *sol*. Первое изъ нихъ удивительно роскошно отдѣланное, оцѣнено, говорятъ, въ 1000 гиней. Между фортепяно есть нѣкоторая разница въ расположеніи желѣзныхъ подставокъ. Двое изъ нихъ имѣютъ три подставки паралельныя струнамъ; одно имѣетъ одну паралельную, а другую, діагональную подставку и наконецъ въ послѣднемъ подставки образуютъ четыре неправильныхъ трехугольника. Звукъ всѣхъ четырехъ инструментовъ превосходный, величественный и полный. Разница звуковъ каждаго инструмента приспособлена ко вкусамъ артистовъ. Какъ я ни старался найти недостатки въ инструментахъ гг. Бродвудовъ — я не нашелъ ни одного, и по моему мнѣнію, эти фортепянные мастера достигли совершенства. Я въ этомъ письмѣ не буду говорить о мнѣніяхъ суда выставки объ этихъ инструментахъ, во 1-хъ потому что слышалъ только нѣкоторые рассказы объ этомъ и долженъ основываться на слухахъ и во 2-хъ потому что никогда въ моихъ сужденіяхъ не руководствуюсь мнѣніемъ другихъ. Однако-же я поговорю объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

ВАЛАГУРЪ.

=

СТРАННОСТИ РЕМБРАНДА.

Знаменитый Рембрандъ былъ чрезвычайно скупъ. Онъ приказывалъ продавать свои эстампы и говорить вездѣ, будто они у него украдены; любители воображали, что покупаютъ ихъ дешево. Иногда онъ отдавалъ продавать свои работы съ аукціона, и вмѣшавшись въ толпу, надбавлялъ цѣну. Никто не выдумывалъ такихъ хитростей, чтобы свое произведение продать подороже. Рембрандъ часто притворялся, что хочетъ оставить Амстердамъ, и любители раскупали его картины, боясь лишиться произведеній его кисти.

Ученики подшучивали надъ его скупостью, расписывали на кусочкахъ картона монеты и разбрасывали эти лоскутки по полу мастерской. Рембрандъ каждый разъ наклонялся, чтобы поднять ихъ.

Однажды онъ писалъ портреты цѣлаго семейства, въ видѣ одной картины, и ему пришлось сказать, что его любимая обезьяна издохла. Рембрандъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ хотѣлъ еще разъ взглянуть на бѣдное животное. Когда принесли обезьяну, онъ, къ изумленію своихъ почтенныхъ подлинниковъ, началъ писать ее на той-же картинѣ. Отецъ семейства сталъ этому противиться. Рембрандъ не слушалъ и продолжалъ писать. Ему угрожали, что не возьмутъ картины. Рембрандъ не хотѣлъ ничего

знать и скорѣе рѣшился оставить за собой всю картину, чѣмъ не соорудить этого памятника своей обезьянѣ.

АНЕКДОТЫ О МУЗЫКАНТАХЪ.

1.

Монсиньп, который подарилъ сцену Комической Оперы многимъ прелестными произведеніями, имѣлъ смѣшную сторону, которая часто навлекала ему эпиграммы и насмѣшки: онъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ выслушивалъ самыя нелѣпыя похвалы себѣ, и даже доходилъ иногда до ребячества и самъ запрашивался на похвалы людей, которыхъ вкуса и мнѣній онъ не могъ уважить.

Парикмахеръ его заслужилъ особенное его расположеніе постоянною лестью, и Монсиньп имѣлъ даже снисхожденіе знакомить его съ нѣкоторыми изъ своихъ музыкальныхъ произведеній прежде, нежели они были представлены на театрѣ. Съ тѣхъ поръ брадобрей сталъ считать себя музыкантомъ и имѣлъ глупость сочинять оперы и пѣсенки, которымъ удивлялся въ его кругу; но ему хотѣлось получить одобреніе знаменитаго композитора, и вотъ однажды онъ принесъ ему отрывокъ своей работы, и просилъ взглянуть на нее. Монсиньп бѣгло ее просмотрѣлъ, потомъ, возвращая тетрадь и снявъ свой колпакъ, сказалъ:

«Мой другъ, сними съ меня мѣрку для парика!»

2.

Жанъ-Жакъ Руссо былъ нѣкоторое время секретаремъ Монтегю, французскаго посланника въ Венецію; онъ еще былъ слишкомъ далекъ отъ той славы, которую ему приобрѣли въ послѣдствіи его сочиненія, но онъ уже обнаруживалъ нѣкоторыя стороны своего страннаго, упрямаго характера, отъ котораго такъ много претерпѣлъ въ жизни. Онъ такъ сильно раздражилъ посланника, что тотъ уволилъ его, какъ человѣка, ни къ чему негоднаго.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Монтегю, по возвращеніи въ Парижъ, находился въ Оперѣ въ тотъ день, какъ давали «Деревенскаго колдуна». Наивное и граціозное вдохновеніе, свѣжія и восхити-

тельные мелодіи, которыя разбѣяны въ этой пьесѣ, возбудили живой энтузіазмъ, которому совершенно поддакъ и посланникъ. Удивленный красотами этого произведенія, онъ спросилъ, кто его авторъ.

— Вы должны его хорошо знать, — отвѣчали ему, — это Руссо, вашъ прежній секретарь ; онъ сочинялъ слова и музыку.

— Какъ, этотъ простачекъ ! — возразилъ Монтегио, — ну, скажите, а я полагаю, что онъ ни къ чему не годенъ.

—

3.

Далэйракъ, извѣстный своими операми, въ молодости славился легкостію, съ какою сочинялъ игривые куплеты на разные случаи.

Спустя въкоторое время послѣ своего пріѣда въ Парижъ, онъ былъ въ концертѣ, гдѣ госпожа Россиньоль, одаренная большимъ комическимъ талантомъ и прелестнымъ голосомъ, возбуждала всеобщее удивленіе своимъ пѣніемъ ; по окончаніи концерта онъ подошелъ къ пѣвицѣ и сказалъ ей экспромптомъ слѣдующій мадригалъ :

Le nom de Rossignol vous convient à merveille,
Jeune objet qui charmez mes yeux et mon oreille,
Vous avez le gosier qu'il possède aujourd'hui,
Et les charmes qu'avait autrefois Philomèle.

Qui vous entend croit que c'est lui,
Et qui vous voit croit que c'est elle.

(Имя соловья прекрасно къ вамъ идетъ, прелестная пѣвица, плѣняющая мои глаза и мой слухъ : у васъ теперь голосъ, какимъ онъ владѣетъ, и прелесть, какія имѣла пѣкогда Филомела. Кто слышитъ васъ, тотъ думаетъ, что это онъ, и кто видитъ, думаетъ, что это она.)

—

4.

Гарэ, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ пѣвцовъ, какіе только были въ парижскихъ салонахъ, былъ также знаменитъ своими остроумными и ѣдкими отвѣтами. Весь Парижъ занимался въ продолженіе нѣсколькихъ дней маленькой ссорой, которую онъ имѣлъ съ маркизою С**, которая была извѣстна столько-же своимъ

чрезмѣрнымъ безобразіемъ, какъ своею спѣсью и важничаньемъ. Карета этой дамы и карета Гара столкнулись подъ сводами карусели. Надобно было одному изъ кучеровъ отодвинуть свою карету назадъ, но они не хотѣли уступить другъ другу. Маркиза С**, чтобъ кончить споръ, высовываетъ голову за дверцу, называетъ себя по имени, и приказываетъ кучеру Гара уступить ей мѣсто. Артистъ высовывается самъ въ туже минуту и кричить:

— Ахъ! сударыня, что вы не показали раньше? Лошади, кучерь и карета, все отступило-бы передъ вами.

—

5.

Марсель былъ самый посредственный танцоръ Большой-Оперы, но сдѣлался знаменитѣйшимъ танцовальнымъ учителемъ въ Парижѣ. Въ глубокой старости, когда онъ уже не могъ самъ показывать своего искусства, онъ объяснялъ его теорію, сидя на мѣстѣ, съ удивительною ясностію.

Марсель говорилъ, что для его искусства у французовъ много огня, у пѣмцовъ много матеріи, у итальянцевъ много ээирности, но что танцы особенно идутъ къ англичанамъ. Онъ хвастался тѣмъ, что по одному взгляду на походку человѣка, можетъ узнавать, къ какой онъ націи принадлежитъ.

Разъ молодой иностранецъ, желавшій брать у него уроки, и зная о его предпочтеніи къ Англіи, отрекомендовался ему англичаниномъ. Марсель, увидѣвъ, какъ онъ кланяется, вскричалъ грубымъ тономъ:

— Что, вы англичанинъ? вы гражданинъ Альбіона? не можетъ быть! — Вы просто итальянецъ.

И онъ былъ правъ; это былъ сынъ камергера принца Г**.

—

Каждый мѣсяцъ постоянно Санъ-Франциско, столица Калифорніи, дѣлается добычею пожара. Огонь истребилъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, около трехъ тысячъ милліоновъ въ этомъ одномъ городѣ. Вотъ что намъ рассказываетъ одинъ эмигрантъ по случаю одного изъ послѣднихъ несчастій.

Двадцать пять игроковъ находились вмѣстѣ въ гостинницѣ Золотаго Руна въ ту минуту, какъ раздались первые крики трево-

ги. Тамъ были образцы всѣхъ націй, всѣ племена земнаго шара, французы, англичане, испанцы, американцы, перуанцы, арабы, изъ Маската, одинъ китаецъ и три индѣйца съ полуострова Гангеса.

Вы можете себѣ представить, что партія была алая, торопливая, горячая. Унціи золота, выставленные на зеленомъ столѣ, казалось, возростали въ глазахъ каждаго изъ присутствовавшихъ и придавали имъ красноватый цвѣтъ.

Вдругъ тотъ, который держалъ банкъ, вскричалъ :

— Въ какомъ мѣстѣ пожаръ ?

— Онъ отъ насъ на пистолетный выстрѣлъ.

— Ну, это ничего, будемъ играть.

Стали играть. Спустия десять минутъ кто-то опять спросилъ :

— Близко-ли пожаръ ?

— Да уже горитъ въ сосѣднемъ зданіи.

— Ну, это еще ничего, будемъ играть !

Стали играть : но это уже была не горячность, а просто лихорадка. Всѣ впали въ сумасшествіе. Черезъ минуту свѣтъ пламени отразился на лицахъ этихъ сумазбродовъ. Въ эту минуту одинъ изъ игроковъ (это былъ французъ) захотѣлъ отпугнуть острогу. Онъ закричалъ, обращаясь къ половому :

— Игра не стоитъ свѣтъ, погаси ихъ ! У насъ даровой свѣтъ отъ сосѣда. Будемъ все играть !

Черезъ минуту, англичанинъ, который немного флегматичнѣе другихъ, спросилъ :

— Кстати, какъ близко пожаръ ?

— Милордъ, пожаръ у насъ на кровлѣ.

— Это вздоръ, — ворчитъ арабъ изъ Маската. — У меня еще ятаганъ за поясомъ, будемъ играть.

Играютъ ; но лѣстница трещитъ, потолокъ валится ; слышны глухіе стоны.

Испанецъ вскакиваетъ на стулъ, чтобы говорить, какъ съ трибуны :

— Господа, вотъ заряженный пистолеть. Первый, кому вздумается оставить игру, падеть на мѣстѣ. Горе тому, кто захочетъ ускользнуть черезъ окно. Будемъ играть !

— Будемъ играть ! повторяютъ другіе.

Однако облака дыма захватываютъ имъ духъ. « Мальчикъ ! стаканъ воды съ сахаромъ : я задыхаюсь ! »

— Мальчикъ, не забудь положить померанцоваго цвѣта въ стаканъ воды.

Въ ту минуту, когда такъ остримъ американецъ, балка сорвалась съ потолка и увлекла въ своемъ паденіи десять человѣкъ:

— Господа, — говоритъ англичанинъ, — остается еще три цѣлыя балки и 300,000 франковъ на столѣ, будемъ играть?

— Но пламя подымается! Черезъ секунду оно коснется нашихъ ногъ!

— Ну, что за важность! будемъ играть, будемъ играть!

Тутъ стѣны распадаются на четверо, изъ пятнадцати уцѣлѣвшихъ игроковъ, тринадцать подавлены развалинами. Только двое остаются на улицѣ, каждый съ кучей золота въ карманѣ: это были арабъ изъ Маската и французъ.

Они останавливаются подлѣ камня; пожаръ ихъ озаряетъ — и они все еще продолжаютъ игру!

ГОСТИ ВЪ РЕДАКЦИИ.

Въ журналѣ *Sindau-Dispatt*, издаваемомъ въ Филadelphіи, рассказывается приключеніе, котораго героемъ былъ издатель одной ежедневной газеты этого города.

Издатели журналовъ въ Соединенныхъ Штатахъ часто получаютъ посѣщенія совершенно неожиданныя. Иногда они подвергаются столь-же неумѣстнымъ претензіямъ, какъ и просьбамъ со стороны своихъ неожиданныхъ посѣтителей, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ сочли полезнымъ въ помощь словесныхъ убѣжденій имѣть при себѣ вещи и позначительнѣе. Пара пистолетовъ, напримѣръ, положенная на письменный столъ производитъ иногда бѣльшій эффектъ, чѣмъ самая краснорѣчивая логика. Конечно ихъ можно употребить только въ случаѣ надобности; по обыкповенно и одного ихъ вида достаточно, чтобы произвести желанное дѣйствіе на самаго свирѣпаго антагониста.

Одважды издатель слышитъ звонокъ; поднявъ случайно глаза съ работы, которою онъ былъ занятъ, онъ видитъ, что въ кабинетъ вошелъ человѣкъ, огромнаго роста и котораго формы сдѣлали бы честь любому атлету. Посѣтитель бросилъ взглядъ на столъ писателя, гдѣ случайно въ этотъ день не было его пистолетовъ; потомъ осмотрѣлъ пытливимъ глазомъ все углы комнаты, и возвратясь къ двери, заперъ ее, а ключъ положилъ себѣ въ карманъ. Потомъ онъ сѣлъ напротивъ издателя и началъ его

пристально разсматривать. Издатель, приведенный въ сильное замѣшательство такимъ началомъ, засунулъ правую руку въ карманъ и рѣшился выждать, чѣмъ это кончится.

— Вы одни?—хладнокровно спросилъ посѣтитель.

— Одина.

— При васъ нѣтъ оружія?

Здѣсь у писателя сорвалась улыбка.

— Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Мнѣ и трое такихъ, какъ вы, ни-по-чѣмъ и, если я захочу вашей смерти, то стумбю съ вами справиться. Ключъ отъ вашего кабинета у меня въ карманѣ; помощи вамъ ждать нельзя: въ этомъ я убѣдился, проходя чрезъ другія комнаты. Такимъ образомъ, ничто въ мірѣ не можетъ мнѣ помѣшать раздавить васъ подъ моими ногами, потому что вы мой смертельный врагъ.

Во время этихъ угрозъ, писатель, котораго глаза постоянно были обращены на фигуру собесѣдника, вынулъ спокойно изъ кармана пистолетъ и взвелъ курокъ, не сводя глазъ съ гостя.

— Очень хорошо!—сказалъ тотъ, вставая,—я вижу, вы предусмотрительны. И умно дѣлаете, что берете предосторожности; послѣ этого, можетъ быть, будетъ лучше, если я васъ не убью? Если бы я на это рѣшился, такъ началъ-бы иначе.

— Могу-ли спросить, милостивый государь, — такъ какъ вы сдѣлались нѣсколько поуступчивѣе, — сказалъ издатель, — съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Мое имя Вудъ, а по ремеслу я — воръ! (Журналистъ сдѣлалъ знакъ удивленія.) Но я не изъ тѣхъ несчастныхъ, которые очищаютъ кошельки или сдираютъ платье съ прохожихъ, а еще менѣе разбойникъ съ большой дороги. Нѣтъ! я работаю въ большихъ размѣрахъ: я изъ воровства дѣлаю предпріятіе.

— Вы, мистеръ Вудъ, какъ я вижу, чѣловѣкъ откровенный.

— Я не копчилъ. На прошлой недѣлѣ я обокралъ магазинъ въ улицѣ... М**, на сумму 17,000 піастровъ и все это въ какіе-нибудь полчаса. Кушъ порядочный! Аффера хоть куда.

При этомъ журналистъ невольно привскочилъ на стулѣ.

— Успокойтесь; все устроилось. Полиція обо всемъ узнала; но она не имѣла достаточныхъ доказательствъ. Мы пошли на мировую. Было предложено вознагражденіе, часть покражи оставлена была въ одномъ мѣстѣ, другая въ другомъ: на слѣдующее

утро весь товаръ былъ возвращенъ владѣльцу, разумѣется, съ маленькими недостачами, которыя остались мнѣ за труды.

— Возможно-ли!—вскричалъ редакторъ.

— Но извините, я не за тѣмъ говорю объ этомъ, чтобы хвастаться своимъ мастерствомъ. Вы мой смертельный врагъ, какъ я вамъ сказалъ.

Новое изумленіе журналиста.

— Судите сами. У жена и трое дочерей, которыя живутъ подъ другимъ именемъ, и были счастливы и уважаемы въ свѣтѣ. Онѣ вели жизнь роскошную и комфортную, и все это счастье теперь разрушено — вами!

— Я васъ не понимаю.

— Да, государь мой, вами! безъ намѣренія, это правда, но все таки несчастье совершилось. Въ день, когда меня по подозрѣнію арестовали, и потомъ, послѣ перваго вопроса, тотчасъ же освободили, вы въ газетѣ своей напечатали объ этомъ статью, вы обнародовали мое настоящее имя, и съ этого дня я увидѣлъ мое семейство въ отчаяніи, пораженное безчестіемъ.

Мои дочери, которыхъ я отвезъ-было въ Вилльямстонъ, чтобы помѣстить въ институтъ, гдѣ онѣ должны были кончить свое воспитаніе, выгнаны оттуда съ безчестіемъ. Моя жена принуждена была оставить домъ, въ которомъ жила. У нихъ нѣтъ ни одного друга, ни одного существа, которое-бы рѣшилось утѣшить или защитить несчастныхъ.

Вездѣ показывали на насъ пальцами. Что до меня, — я бы это спесъ; но мои дѣти, милостивый государь... видѣть ихъ подъ гнѣтомъ стыда и позора, тогда, какъ они невинны! О! это ужасно! (Г. Вудъ сдѣлалъ жестъ, чтобы отереть слезу.)

Знаете-ли, государь мой, это несправедливость, и вы совершили его гласно, публично, посредствомъ вашего журнала! вотъ за что я пришелъ отместить вамъ.

— Сознаюсъ, это положеніе довольно неприятное.

— Ну, такъ слушайте-же,—возразилъ Вудъ,—теперь моя жена и мои дѣти скрылись въ другомъ мѣстѣ, подъ другимъ именемъ. Вы должны мнѣ обѣщать, что ни въ какомъ случаѣ не откроете этого имени, поклянитесь мнѣ въ этомъ, или... такъ какъ послѣ несчастья моего семейства, моя жизнь для меня ничего не стоитъ—то я вамъ напередъ говорю: я васъ убью.

Издатель мало по малу оправился изъ своего изумленія; уступая этой просьбѣ, не смотря на довольно страшную ея форму, онъ отвѣчалъ своему посѣтителю: «Извольте, обещаю, что ихъ имена никогда не появятся въ моемъ журналѣ: этого требуетъ человеколюбіе; ваши угрозы тутъ ничего не значать, потому-что, во всякомъ случаѣ, вы хорошо знаете, что прежде, нежели вы до тронетесь до меня, мой пистолеть разможитъ вамъ голову.

Вудъ убѣдился, поблагодарилъ журналиста и исчезъ.

Журналъ присовокупляетъ, что эта исторія дѣйствительно справедлива, не смотря на все свое неправдоподобіе.

—

Въ обществѣ зашелъ разговоръ о смерти. «Какая смерть самая легкая?» — спросила почтенная дама у молоденькаго врача. — Я думаю, что замерзаніе, — отвѣчалъ онъ: — садисьса себѣ беззаботно, засыпашь спокойно, а просыпашься уже мертвымъ.

—

Въ Древней Исторіи мы встрѣчаемъ вѣкоторыя черты изъ жизни Тимона, аонянина, прозваннаго мизантропомъ за то, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ людей. Не смотря на то, онъ любилъ Алквіада, и когда его спросили о причинѣ этого исключенія, онъ отвѣчалъ: «Я люблю его за то, что онъ готовитъ своимъ честолюбіемъ гибель аонянамъ.» Однажды, противъ своего обыкновенія, онъ явился въ народное собраніе и сказалъ во всеуслышаніе: «Граждане, у меня есть въ саду фиговое дерево, на которомъ повѣсились уже нѣсколько человекъ; если между вами кто-нибудь желаетъ повѣситься на немъ, тотъ пусть поспѣшитъ, потому-что я намѣренъ срубить его.»

—

Когда баронессъ Сталь, которая много путешествовала, говорила комплименты на счетъ ея ума и любезности, она отвѣчала обыкновенно: «Этого еще мало въ сравненіи съ тѣмъ, что сказалъ мнѣ въ Неаполѣ одинъ лазарони. Оборванный и запачканный, съ сигарой во рту, онъ подошелъ ко мнѣ и воскликнулъ: «Прекрасная дама, позволь мнѣ закурить сигару у твоихъ огненныхъ глазъ!»

Игрѣкъ, потерявъ значительную сумму, воскликнулъ: «О, fortuna, ты заставляешь меня проигрывать; но посмотримъ, какъ ты заставишь меня заплатить за мой проигрышъ!»

«Зачѣмъ вы моете голову ромомъ?» — Мнѣ говорилъ, что отъ этого растутъ волосы. — «Не вѣрьте: еслибъ отъ рома росли волосы, то у моего пріятеля давно-бы выросла предлинная борода въ горлѣ!»

Чувствительная нѣмочка спросила свою пріятельницу: «Гдѣ родился знаменитый поэтъ Шиллеръ?» — Какъ тебѣ не стыдно не знать родины Шиллера! — возразила ея подруга: — не ужели ты не читала его пѣсни: „Nuch ich bin in Arkadien geboren.“ (И я въ Аркадіи родился.)

Скупца спрашивали: съ чего ему вздумалось жениться на своей кухаркѣ? — «Я женился на ней по двумъ причинамъ, — отвѣчалъ онъ: — во-первыхъ, я сберегъ издержки на жену, а во-вторыхъ, жалованье кухарки.»

Жанъ-Поль Рихтеръ пришелъ однажды къ Гёте и началъ жаловаться на личныя обиды нѣкоторыхъ литераторовъ, постоянныхъ завистниковъ его таланта. «Я сперва отвѣчалъ на ихъ язвительныя критики, но послѣ увидѣлъ, что это вовсе бесполезно и все равно, что расшевелить палкою гнѣздо ось и пчелъ. Теперь я буду молчать, и только тогда развѣ возвышу голосъ, когда они назовутъ меня воромъ и скажутъ, что я укралъ пару серебряныхъ ложекъ.» Гёте улыбнулся и, покачавъ головою, сказалъ: «Я и тогда-бы не удостоилъ ихъ отвѣта, старайся пропускать мимо ушей всякую наглую клевету. Кто ѣдетъ шибко, на того всегда лаютъ собаки.»

Лимберъ, знаменитый лондонскій актеръ, особенно любимый за удачныя остроты, прогуливался однажды съ пріателемъ, какъ вдругъ подошелъ къ нимъ нищій и попросилъ милостыни. Пріатель Лимбера не далъ ничего, актеръ-же далъ нѣсколько золотыхъ монетъ. «Я увѣренъ, что это обманщикъ»,—сказалъ пріатель. — Это или очень несчастный человѣкъ, — возразилъ Лимберъ: — или лучший актеръ, который когда-либо существовалъ, въ обоихъ случаяхъ онъ имѣетъ право на мою помощь.»

Банкиръ далъ въ заемъ нѣсколько тысячъ франковъ молодому писателю, выступавшему на литературное поприще. «Вы уплатите мнѣ долгъ, когда напишете мастерское произведеніе.» Литераторъ написалъ въ послѣдствіи шесть романовъ и четыре драмы. Банкиръ прочелъ ихъ и не требовалъ долга. Наконецъ литераторъ издалъ въ свѣтъ свой седьмой романъ. Всѣ журналы расхвалили это произведеніе, и банкиръ написалъ литератору: «Прочитавъ нѣсколько самыхъ лестныхъ отзывовъ о вашемъ послѣднемъ романѣ, я полагаю, что пришло время расплатиться со мною.» На это посланіе литераторъ отвѣчалъ коротко и ясно: «Извините, я надѣюсь написать еще лучше.»

Любитель декламации замѣтилъ, что какой-то господинъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и это очень польстило его

самолюбію. По окончаніи чтенія, господинъ подошелъ къ декламатору и сказалъ: «Я удивляюсь вамъ!» — О, слишкомъ много чести.—Право, удивительно, какъ вы безъ очковъ читаете такой мелкій шрифтъ!»

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

МОРЯКЪ ПЬЕРЪ

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ПЛѢНА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

г. Бурдина.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

Пьеръ Бедо, матросъ.
Бенуа, кузнецъ.
Жанъ, молодой крестьянинъ.
Мargarита.
Магдалина.

АКТЕРЫ :

Г. Самойловъ.
Г. Прусаковъ.
Г. Марковецкій.
Г-жа Жулева.
Г-жа Подобьдова.

Дѣйствіе происходитъ въ Бретани, въ приморской деревнѣ.

Внутренность простой избы. Дверь въ глубинѣ, двери направо и налѣво. Справа столъ. Въ глубинѣ коммодъ и шкафъ. Слѣва затопленный каминъ, На стѣнѣ небольшое зеркало.

I.

ЖАНЬ И МАГДАЛИНА.

Жань (*входитъ слѣва, въ рукахъ большой стручокъ съ турецкими бобами*). Я хочу знать мою участь!... Хочу узнать, точно-ли меня любить Магдалина!... (*Садится слѣва.*)

Магдалина (*входя справа*). А какъ вы узнаете это, г. Жань?...

Жань. Какъ?... (*показывая на стручокъ*) мнѣ скажетъ бобъ!

Магдалина. Бобъ!...

Жань. Я хочу загадать: если одинъ бобъ... она меня любить; если два — не много; если три — много....

Магдалина. Вы очень глупы!...

Жань (*не слушая ее, выбираетъ бобы*). Одинъ бобъ — она меня любить!... два — не много!...

Магдалина (*бросая ихъ на землю*). Да кончите-ли вы!... Я вамъ двадцать разъ говорила, что имѣла глупость васъ полюбить.

Жань. Это правда!... но вы также двадцать разъ говорили, что не заставите меня страдать... изъ этого слѣдуетъ....

Магдалина. Изъ этого слѣдуетъ, что вы сдѣлаете гораздо лучше, объяснивши все моему дядюшкѣ!...

Жань. Вашему дядюшкѣ? — да я ему пять разъ ужъ говорилъ объ этомъ! Въ первый разъ онъ мнѣ сказалъ: я увижу, мой другъ! во второй разъ: у насъ есть еще время, мой другъ! въ четвертый: если ты мнѣ еще разъ напомнишь.... такъ я тебя поколочу, мой другъ....

Магдалина. А въ пятый?...

Жань. Онъ закатилъ пинка своему другу!...

Магдалина. Бѣдный Жань!...

Бенуа (*за кулисами поетъ*).

Только утромъ встану я
И тотчасъ-же за работу.

Жань и Магдалина (*вмѣстѣ*). Это онъ!

Жань. Не показывайте виду!... (*Отходитъ отъ Магдалины и начинаетъ поворачивать въ замкъ ключъ у двери справа*).

II.

ТЪ ЖЕ и ВЕНУА, одѣтый кузнецомъ:

БЕНУА. А! это ты Магдалина!... а гдѣ мамзель Маргарита. Магдалина. Не знаю, дядюшка! я ее поджидала, разговаривая съ....

БЕНУА (*увидя Жана*). Съ Жаномъ!... Ты, кажется, хочешь, чтобъ я сломалъ тебя....

ЖАНЪ (*взявшись за поясницу*). Нѣтъ! не хочу! не хочу!

БЕНУА. Что-же ты тамъ дѣлалъ?...

ЖАНЪ. Да вотъ у замка скважина засорилась....

БЕНУА. Ты-бы лучше узналъ мысли Маргариты обо мнѣ.

ЖАНЪ. Она всегда только о васъ и думаетъ!...

БЕНУА. Всегда?...

ЖАНЪ. А отъ чего-же вы не хотите, чтобъ Магдалина только обо мнѣ и думала!...

БЕНУА. У меня на это есть свои причины!...

ЖАНЪ. Но вы вспомните, что Маргарита моя кузина, и если вы общаетесь...

БЕНУА. Такъ что-жъ ты ей скажешь?...

ЖАНЪ. Гмъ!... да мало-ли что я скажу!... я скажу....

БЕНУА. Нѣтъ, ужъ не говори этого.... а скажи, что ея Пьеръ Бедо — не болѣе, какъ бунякъ, повѣса, сорви-голова!... и что она достаточно вздыхала о немъ!... Она тебѣ возразить, что онъ имѣетъ на это полное право, что она общалась....

ЖАНЪ. Да, да она общалась....

БЕНУА. А ты скажи въ свою очередь: 1-е, что онъ годъ уже, какъ умеръ, а я здравствую, и если ты ее убѣдишь....

ЖАНЪ. То что?...

БЕНУА. Я ничего не общаю, но и не буду противиться!

ЖАНЪ. Неужели.... позвольте васъ разцѣловать!...

БЕНУА (*отпалкивая его*). Прочь лапы!...

ЖАНЪ. Ну, такъ я разцѣлую Магдалину....

БЕНУА. Смѣй только!...

ЖАНЪ (*всторону*). Надо-же мнѣ что-нибудь поцѣловать.... О! (*съ гримасою цѣлуетъ свою руку*) Слабое удовлетвореніе!

БЕНУА. А! вотъ и она!...

III.

ТЪ ЖЕ и МАРГАРИТА входятъ, напѣвая.

МАРГАРИТА (*Жану и Магдалину*). Здравствуйте, дѣти!...

ЖАНЪ и МАГДАЛИНА (*печально*). Здравствуй, Маргарита!...

МАРГАРИТА. Какимъ тономъ вы мнѣ это сказали? Развѣ вы чѣмъ-нибудь опечалены?... Вы не отвѣчаете!... Жанъ! развѣ я не сестра тебѣ?... развѣ я не другъ твой, Магдалина!

ЖАНЪ и МАГДАЛИНА (*вздыхая*). Ахъ!...

МАРГАРИТА. А! понимаю!... вы оба больны той болѣзною, отъ которой только Жанъ вылечитъ Магдалину, и только Магдалина можетъ быть докторомъ Жана. (*Оба утвердительно киваютъ головами.*) Ну, что же! средство очень простое.... надо женить васъ!...

ЖАНЪ. Да я болѣе вичего и не желаю!...

МАГДАЛИНА. И я также!

МАРГАРИТА. За чѣмъ же дѣло стало?...

ЖАНЪ. Вотъ тутъ то и зпятая!... Надобно согласіе....

МАГДАЛИНА. Моего дялюшки!

МАРГАРИТА. Ну, такъ что же?

МАГДАЛИНА. Онъ не соглашается!...

МАРГАРИТА. Отчего?...

ЖАНЪ. Онъ говоритъ: неприлично, чтобъ она сдѣлалась женою, прежде нежели онъ будетъ мужемъ.... и вотъ, если-бы вы захотѣли....

МАРГАРИТА. Но Бенуа хорошо знаетъ причины, которыя мнѣ не позволяютъ....

ЖАНЪ (*по знаку Бенуа*). Да! да! Пьеръ Бедо! буянь!... сорви-голова, дуралей!

МАРГАРИТА. Тебѣ стыдно, мой другъ, такъ о немъ отзываться.

БЕНУА (*показываясь*). Однако, мамзель Маргарита!

МАРГАРИТА. Какъ! вы были здѣсь?...

БЕНУА. Да! я былъ здѣсь! и я хочу напомнить вамъ, мамзель Маргарита, что одно воспоминавіе о немъ заставляло васъ вздрогнуть!

МАРГАРИТА. Я согласна съ этимъ!... Когда я вспомню, что такое въ молодости былъ Пьеръ.... о его дерзости, вспыльчивости.... о жалобахъ, которыя слышались повсюду... и когда

подумаю, что въ арміи все это должно увеличиться... мнѣ кажется, что я была бы несчастна съ нимъ въ супружествѣ.... но вспомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о его самоотверженіи, великодушій, о томъ, что онъ сдѣлалъ для моей матушки семь лѣтъ тому... вы знаете, урожай былъ плохъ.... наступила холодная зима.... хлѣбъ и работу съ трудомъ можно было найти... матушка захворала, задолжала много денегъ.... насъ хотѣли выгнать изъ этой хижины.... уже принялись за нашу жалкую мебель.... какъ вдругъ на порогѣ показывается человѣкъ, съ сумкою на спинѣ, держа въ своихъ дрожащихъ рукахъ три билета по 500 франковъ.... Этотъ человѣкъ былъ Пьеръ.... Пьеръ: Бедо!... Пьеръ пошелъ въ солдаты, чтобы спасти насъ!.. «Маргарита, сказалъ онъ мнѣ, я тебя люблю! я не хочу, что-бъ твоя мать терпѣла холодъ и нищету, не хочу также, что-бъ и ты просила милостыню у проходящихъ.... вотъ 1500 франковъ.... это все, что я имѣю.... черезъ шесть лѣтъ, если я не умру и ты не испугаешься солдата.... мы увидимся!..» Потомъ онъ обнялъ меня, заплакалъ и ушелъ, сказавши: вспоминай обо мнѣ и дождайся!

Жанъ (*растроганнымъ голосомъ*). Вотъ ужъ точно благородный поступокъ!

Бенуа. Эка штука! всякій сдѣлалъ-бы тоже!..

Жанъ. Ну нѣтъ! не всякій!.. но этотъ человѣкъ, вотъ уже годъ, какъ умеръ!

Маргарита. А какое доказательство?..

Жанъ. Кузина, вы знаете, въ газетахъ писали, что всѣ моряки, бывшіе на кораблѣ «Жанъ-Бартъ» погибли въ сраженіи, а остальные умерли во время плаванія!

Маргарита. Все такъ! но въ числѣ погибшихъ, я не видала имени Пьера, а въ подобномъ случаѣ....

Магдалина. Но предполагая, что онъ спасся.... онъ могъ-бы написать!

Жанъ. Разумѣется! нельзя же дожидаться вѣчно!

Бенуа. Тѣмъ болѣе, что вы его ждали живаго шесть лѣтъ и еще годъ послѣ смерти.

Жанъ. Особенно, когда отъ вашего счастья зависитъ счастье другихъ!..

Бенуа. И что онъ вамъ принесетъ изъ арміи?—ревматизмъ въ ногахъ.

Жанъ. Или воевъ, отмороженный въ Исландіи.

Бенуа. Тогда какъ у меня здоровыя руки для работы, и 3,000

Франковъ, въ этомъ старомъ бумажникѣ. 3,000 Франковъ для вашихъ прихотей!

Магдалина. Согласись, Маргарита.

Бенуа. Осчастливьте меня!

Жанъ. И насъ осчастливьте!...

Магдалина. Какъ я буду довольна!

Жанъ. Какъ мы будемъ рады!

Маргарита. Вы знаете, Бенуа, (*протягивая ему руку*) что изъ двухъ будущихъ я боюсь не того, которое вы мнѣ предлагаете.

Бенуа. Ну, такъ объявите же свое согласіе!

Всѣ. Ну, объявите.... скажите...

Маргарита. Такъ и быть! я согласна!

Всѣ. Наконецъ-то!

Маргарита. Черезъ мѣсяцъ или черезъ два.

Бенуа. Чрезъ мѣсяцъ? нѣтъ! покорно васъ благодарю!... чтобы вы опять отступились отъ своего обѣщанія... какъ это было уже три раза! нѣтъ! сейчасъ, сію-минуту!

Жанъ и Магдалина. Да! да! сію минуту!

Бенуа. Я бѣгу къ нотаріусу!... (*Отходитъ.*)

Жанъ. А я къ добрымъ пріятелямъ (*Отходитъ.*)

Магдалина. А я займусь туалетомъ новобрачной. (*Отходитъ.*)

Маргарита. Но...

Магдалина. Что за но; все уже готово болѣе шести мѣсяцевъ! (*Открывая шкафъ.*) Вотъ платье!

Жанъ (*отпирая коммодъ*). И вотъ букетъ!

Маргарита. Да, занимайтесь же своимъ дѣломъ.... не теряйте даромъ времени.

Бенуа и Жанъ. Идемъ! идемъ! (*Уходятъ.*)

IV.

МАГДАЛИНА и МАРГАРИТА.

Магдалина (*идетъ отъ коммоды къ шкафу, отъ шкафа къ коммоду и вынимаетъ тѣ вещи, о которыхъ говоритъ*). Платье!... букетъ!... все-ли... а! я и забыла вѣнокъ! теперь все готово!... за тобой дѣло, Маргарита!... (*Начищаетъ ее раздѣвать.*)

Маргарита. Магдалина! имѣю ли я право располагать собою?...

Магдалина. Конечно, вѣдь ты любишь дядюшку Бенуа?...

МАРГАРИТА. Разумѣется ! но вѣдь это страшно : приковать себя навсегда !...

МАГДАЛИНА (*помогая ей одѣваться*). Что же ужаснаго жить счастливо самой и осчастливить другихъ !

МАРГАРИТА. И ты думаешь, что Бенуа меня искренно любитъ ?...

МАГДАЛИНА. Еще бы !... ты забываешь, что онъ былъ отвергнутъ и все-таки тебѣ дѣлаетъ вторичное предложеніе !... развѣ это не доказательство ?

МАРГАРИТА. Однако...

МАГДАЛИНА. погоди ! погоди !... вотъ кто тебѣ это лучше моего докажетъ ! (*подводитъ ее къ зеркалу*) Да развѣ можно не любить такую красавицу, какъ ты ?

МАРГАРИТА. Но клятва, данная мною Пьеру !... Если онъ когда-нибудь возвратится.... онъ такъ вспылчивъ, неукротимъ.... мнѣ кажется, я его вижу.... слышу его голосъ, который меня обвиняетъ, угрожаетъ.... ахъ ! мнѣ кажется я умру отъ страха ! Ты только вспомни.

Для бѣдной матери больной
Съ родной онъ хижиной простился,
Для насъ покинулъ край родной,
За насъ и жизни онъ лишился....
Я буду вѣкъ о немъ грустить....
И у меня одно желанье,
Всю жизнь супругу посвятить,
А Пьеру всѣ воспоминанья !

ПЬЕРЪ (*за кулисами*). Маргарита ! Маргарита !...

МАРГАРИТА. Великій Боже ! этотъ голосъ !

ПЬЕРЪ. Это я ! твой Пьеръ.

МАРГАРИТА. Праведное небо ! это онъ.

ПЬЕРЪ (*входя*). Маргарита ! (*Цѣлуетъ ее.*)

—
V.

ТѢЖЕ, ПЬЕРЪ, одѣтый морякомъ.

МАГДАЛИНА. Пьеръ Бедо !

МАРГАРИТА (*перемѣнившись*). Пьеръ !

ПЬЕРЪ. Наконецъ я снова вижу родину, друзей, мою не-вѣсту !

МАРГАРИТА. Это Пьеръ.

ПЬЕРЪ Да, это Пьеръ! гуляка, сорви-голова, который плачетъ въ первый разъ въ жизни!... а нѣтъ... въ первый разъ это было, когда я узналъ, что твоя добрая матушка... (*показывая на небо*)... а нѣтъ! нѣтъ! въ первый разъ... я плакалъ, когда уходилъ отсюда... и того три раза... въ продолженіи 26 лѣтъ это не много! Но все кончено... я смѣюсь, я пою... въ ожиданіи танцевъ... Я надѣюсь, что будутъ танцовать на нашей свадьбѣ!...

МАРГАРИТА. На нашей свадьбѣ?

ПЬЕРЪ. Разумѣется! А развѣ ты не любишь танцевъ?

МАРГАРИТА. Я? да... нѣтъ... (*Магдалина*) Какъ сказать ему?

ПЬЕРЪ. Что ты тамъ шушукаешься съ этой малюткой?... Ба!... я узнаю ее!... Это Магдалина!... Здравствуй, Магдалина!... (*Взявъ ее за обѣ руки.*) Вы обо мнѣ толковали, не такъ-ли?... ну, что-же, какъ вы меня находите?...

МАРГАРИТА. Да вы очень хороши!...

МАГДАЛИНА. Да! да! очень хороши!

ПЬЕРЪ. Ну, тѣмъ лучше!... а я было боялся, что подурнѣлъ! ну, а ты... ты такъ мила Маргарита... и какъ подумаю, что ты моя на вѣки... то право мнѣ что-то не вѣрится!...

МАГДАЛИНА. Но во время вашего долгаго отсутствія... она могла-бы...
ПЬЕРЪ (*грубо*). Что? что? что она могла-бы?...

МАГДАЛИНА (*испуганная*). Ничего! ничего! я только хотѣла...
МАРГАРИТА. Магдалина хотѣла узнать, что вы сдѣлали-бы, если-бъ я не надѣясь, что вы вернетесь... вышла...

ПЬЕРЪ. За другаго?... о! очень просто! я-бы его убилъ!... убилъ тебя!... и наконецъ себя!...

МАРГАРИТА. Убилъ!...

ПЬЕРЪ. Но опасности нѣтъ!... ты дождалась меня... я вижу, ты получила мое письмо... (*Снимаетъ свой мпшокъ.*)

МАРГАРИТА. Ваше письмо?...

ПЬЕРЪ. Да! мое письмо! вѣдь это ты для меня такъ прива- ридилась! Для меня надѣла это платье, въ которомъ такъ похо- жа на невѣсту?

МАГДАЛИНА и МАРГАРИТА. На невѣсту!...

ПЬЕРЪ. Отчего это слово такъ поразило васъ обѣихъ?...

МАРГАРИТА. Оттого, что...

ПЬЕРЪ. погоди! погоди! Слушай, что мнѣ пришло въ голову!... Ты сказала самой себѣ: Ужъ вѣрно давно меня любить бѣдняжка Пьеръ! давно онъ дожидается своего счастья... я не хочу болѣе

томить его ни одного дня.... не правда-ли, ты сказала это, Маргарита?...

МАРГАРИТА (*съ ужасомъ*). Я?... (*всторону*) Что отвѣчать ему... Боже мой!

ПЬЕРЪ. Ну, да, да! я былъ въ этомъ увѣренъ! вотъ доказательство!... (*беретъ букетъ со стола*) вотъ оно!...

МАРГАРИТА (*тихо*). Какъ сказать ему... я имѣла болѣе мужества, когда онъ хотѣлъ убить меня!...

ПЬЕРЪ. Маргарита! позволь мнѣ самому приколоть его къ твоей груди!...

МАРГАРИТА. Вамъ?...

ПЬЕРЪ (*тихо*). Потому что я же долженъ и снять его!... (*пришпиливая букетъ*.) А вѣнокъ-то.... вѣнокъ.... дай мнѣ его, Магдалина!.

МАРГАРИТА (*падая въ кресло*). Я умираю!...

ПЬЕРЪ (*надвывая вѣнокъ*). Теперь не достаетъ только друзей и нотаріуса!

МАРГАРИТА (*вставая съ ужасомъ*). Великій Боже! (*тихо*) они идутъ.... (*Магдалинъ*.) Ступай! удержи их! (*Магдалина идетъ; вдали слышенъ говоръ*.)

VI.

ТѢЖЕ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, И ЖАНЪ ГУЖУ.

Молодыхъ мы поздравляемъ,

Мы имъ счастья желаемъ!

Пусть они въ любви живутъ,

Въ ней всѣ радости найдутъ!

ПЬЕРЪ. Здравствуйте мои друзья! здравствуйте!

Всѣ. Пьеръ Бедо!...

ПЬЕРЪ. О, какое счастье!...

Жанъ (*въ глубинѣ*). А вотъ и господинъ нотаріусъ!...

ПЬЕРЪ (*идетъ имъ на встрѣчу и жметъ имъ руки*). Здравствуй Жанъ! мое почтение, г. нотаріусъ!...

Всѣ. А гдѣ же женихъ?...

ПЬЕРЪ. Женихъ! какъ гдѣ?... здѣсь.... здѣсь....

VII.

ТЪЖЕ П БЕНУА.

(Пьеръ оборачивается и сталкивается лицомъ къ лицу съ Бенуа.)

Пьеръ. Бенуа!...

Бенуа. Пьеръ Бедо!...

Пьеръ (Жану). И ты сказалъ, что онъ — женихъ.... онъ! нѣтъ!... нѣтъ! Это невозможно!... (оборачиваясь къ Маргаритѣ.) Не правда ли, Маргарита.... это ложь?.. вѣдь ты не забыла своего обѣщанія?... ты не захочешь, чтобъ я умеръ съ горя и отчаянія?... ты молчишь!.. отвѣчай!... именемъ Бога умоляю тебя, отвѣчай!.. ты молчишь!... значитъ правда — такъ я сорву этотъ букетъ, который я приколовъ для другаго!... это мука! это безчестно!... (Срываетъ букетъ, Маргарита падаетъ на руки Магдалины.) Пускай же стыдъ падетъ на твою голову! Ты забыла свой долгъ, измѣнила клятвѣ.... Прощай! Я тебя проклинаю!

(Быстро уходитъ.)

(Всѣ окружаютъ Маргариту и уводятъ ее; Магдалина уходитъ за Маргаритой. Крестьяне уходятъ въ глубину.)

II.

ЖАНЪ, БЕНУА ПОТОМЪ МАГДАЛИНА.

Жанъ (упавъ на стулъ справа). Ну, прощай моя свадьба!...

Бенуа (сидясь). А моя-то!... Неужели ты думаешь, что возвращеніе этого пеликана разстроитъ мои дѣла?...

Жанъ (плача). Ваши?... что мнѣ за дѣло до вашихъ!... разстроятся они или устроятся... я горюю о своихъ!

Бенуа. Маргарита будетъ съ нимъ несчастлива!

Жанъ. Магдалина будетъ несчастлива безъ меня!...

Бенуа (вставая). Я думалъ, что онъ всѣхъ проглотитъ! тюлень!

Жанъ. Настоящій тюлень! Бѣдная Маргарита! Онъ ее будетъ бить!...

Бенуа. Всякій мѣсяцъ!...

Жанъ. Всякій день!...

Бенуа. Онъ ужъ ее побилъ!...

Жанъ. Вы думаете?...

Бенуа. Мнѣ такъ кажется!

Жанъ. И мнѣ тоже!... (*Магдалина входитъ.*) Ну, что?...

Магдалина. Ей лучше!... но она горько плачетъ! она говорить: «я обѣщала! я клялась! а честная дѣвушка должна держать свое слово!...»

Бенуа. Глупости!... что было-бы, еслибъ дѣвушки держали всѣ обѣщанія, какія даютъ!

Магдалина. Однако она такъ думаетъ.

Бенуа. Это пошло!... она любитъ меня одного! а что касается до ея обѣщанія, мы убѣдимъ ее....

Жанъ. Но какими средствами?

Бенуа. Доказавши, что она будетъ несчастна въ этомъ бракѣ!... показавъ ей грубый и дерзкій характеръ Пьера Бедо!

Жанъ. Вы вотъ какъ это сдѣлайте: сперва придержитесь къ нему.... онъ вспылитъ.... вы еще.... онъ вспылитъ пуще.... вы опять.... онъ взбѣсится и сломаетъ вамъ что-нибудь....

Бенуа. Ты думаешь?

Жанъ. Ужъ будьте покойны! я вамъ отвѣчаю за это! тогда Маргарита будетъ любить васъ еще больше.

Бенуа. Твоя мысль мнѣ нравится! рѣшено! ты его взбѣсишь!

Жанъ. Я?

Бенуа. Это единственное средство заслужить мое благоволеніе.

Жанъ. Но онъ меня приколотитъ!

Бенуа. Если онъ тебя приколотитъ, ты женишься на Магдалинѣ.

Жанъ. Но если онъ мнѣ надѣлаетъ синяковъ на спинѣ?

Бенуа. Магдалина будетъ тебѣ прикладывать горчицу!..

Жанъ. Но если онъ мнѣ переломаетъ ребра?..

Бенуа. Любовь тебѣ замѣнитъ ихъ!.

Жанъ. Но...

Магдалина (*плача*). Но сударь, кажется я стою, чтобъ за меня вы получили что-нибудь!.

Жанъ. Что-нибудь... ну, такъ и быть...

Бенуа. И съ виду-то онъ не болѣе, какъ злой забіяка, котораго я убилъ бы кулакомъ!..

Жанъ. Кулакомъ?... а въ самомъ дѣлѣ, попробуйте-ка!..

Бенуа. Мнѣ неидетъ... подумаютъ, что это ревность!.. къ тому же со мною онъ не посмѣетъ.

Жанъ (*всторону*). Я знаю, кто изъ васъ не посмѣетъ!.

Бенуа (*отходитъ*). Вотъ онъ!.. смѣлѣ!.. если онъ тебя не

сильно прибѣтъ, я тебя женю! а если онъ тебѣ сломастъ что-нибудь.. я дамъ приданое!..

Жанъ. Онъ даетъ приданое! рѣшено! предаюсь въ руки морскаго чудовища!..

Бенуа. Смотри же!.. (Въ то время, какъ входитъ Пьеръ, Бенуа быстро проскользаетъ сзади его и исчезаетъ.)

IX

МАГДАЛИНА, ЖАНЪ и ПЬЕРЪ.

ПЬЕРЪ (*переходя театръ самъ съ собою*). Сержантъ Симонъ обыкновенно говаривалъ: Пьеръ Бедо! когда ты будешь считать себя обиженнымъ... всегда кури трубку — между обидой и мщеніемъ... Это дастъ тебѣ время увидѣть вещи въ настоящемъ ихъ видѣ!.. Я закурилъ трубку... и мнѣ кажется успокоился!..

Магдалина (*толкая Жана*). Ну, что-же ты?..

Жанъ. Онъ разсуждаетъ самъ съ собою; я не хочу его беспокоить!..

Магдалина. Ну, онъ кончилъ!.. ступай!

Жанъ. Но...

Магдалина. Да что-же ты?..

Жанъ. Иду! иду!.. (Пьеру) А! это вы!..

ПЬЕРЪ. Да, я! молодой чибисъ!..

Жанъ. А что это такое чибисъ?..

ПЬЕРЪ. Это птица въ Египтѣ!..

Жанъ. А вы были въ Кикипѣ?..

ПЬЕРЪ. Пемножко!..

Жанъ. Вы могли-бъ тамъ и остаться — въ Кикипѣ!..

ПЬЕРЪ (*замахиваясь*). Ахъ ты мальчишка!..

Жанъ (*въ сторону*). Сейчасъ треснетъ!

ПЬЕРЪ (*опуская руку*). Впрочемъ... ты не стоишь этого!..

Жанъ (*Магдалинѣ*). Что-же это?... онъ не бьетъ меня?..

Магдалина. Попробуй еще... онъ не разсердился!..

Жанъ. Попытаюсь!.. (Пьеру) А то приходитъ сюда... Богъ знаетъ кто!.. мѣшаетъ всеобщему удовольствію!..

ПЬЕРЪ. Что? что?... простофиля?...

Жанъ (*подставляя спину, быстро*). Пусть простофиля!.. а я все-таки лучше, чѣмъ какой-нибудь крокодилъ!.. или морской ракъ!.. да съ! вотъ оно что!..

ПЬЕРЪ (*поднимая руку*). Тысячу громовъ.... ахъ ты....

ЖАНЪ (*всторону*). Раздробить!... сию-минуту раздробить!...

ПЬЕРЪ. Впрочемъ, ты не стоишь этого!... (*Расхаживаетъ большими шагами.*)

ЖАНЪ (*осторожно оглядываясь*). Онъ не бьетъ меня!... трясуть!... (*съ презрѣніемъ*) и хотъ бы трусилъ-то человѣка (*еще съ большимъ презрѣніемъ*) а то... меня!...

МАРГАРИТА (*входя справа*). Такъ! я рѣшилась!...

ПЬЕРЪ (*увидя Маргариту*). А! наконецъ!...

МАРГАРИТА. Магдалина! Жанъ! оставьте насъ! мнѣ нужно переговорить съ г. Пьеромъ....

ПЬЕРЪ (*съ досадою потирая руки*). Да, друзья мои, уйдите отсю да!... уйдите....

МАГДАЛИНА (*тихо*). Ты хочешь остаться съ нимъ наединѣ?

ЖАНЪ. Да вѣдь опасности нѣтъ никакой!... (*подъ носъ Пьеру съ презрѣніемъ*) ну, да! опасности нѣтъ никакой!...

ПЬЕРЪ (*замахиваясь*). Тысячу демоновъ....

ЖАНЪ (*подставляя спину*). Сейчасъ получу таску!... сейчасъ!..

ПЬЕРЪ (*беретъ его за руки и ведетъ къ двери, говоря кротко*).

Ступай! ступай, мой другъ, и благословляй сержанта Симона!...

ЖАНЪ Онъ меня не хотеть бить! Я обокраденъ!... (*Уходитъ съ Магдалиной.*)

X.

МАРГАРИТА и ПЬЕРЪ

ПЬЕРЪ (*съ гнѣвомъ*). Ну, красавица! теперь мы вдвоемъ!

МАРГАРИТА. Да, вдвоемъ, сударь!... только я васъ предупреждаю, что вы меня не испугаете!...

ПЬЕРЪ. Неужели?...

МАРГАРИТА. Да! я ужъ не дѣвчонка, которую вы заставляли дрожать семь лѣтъ тому назадъ!... и если вы вспыльчивы, то я еще вспыльчивѣе васъ!...

ПЬЕРЪ. Тѣмъ лучше!... я люблю, когда держать голову прямо.... это мнѣ напоминаетъ армію! нѣтъ ничего хуже трусовъ, спасающихся бѣгствомъ!...

МАРГАРИТА. Сядьте Пьеръ, и выслушайте меня!... (*Садится.*)

ПЬЕРЪ (*сидясь, всторону*). Любопытно послушать, что она станетъ разсказывать!...

МАРГАРИТА. Я хочу вамъ сказать три вещи, сударь, но общаемъ напередъ оба не выходить изъ себя!...

ПЬЕРЪ. Я общаю!

МАРГАРИТА. И я тоже!

ПЬЕРЪ. Вы говорите, что три вещи?...

МАРГАРИТА. Да! первое: послѣ того, что вы сдѣлали для насъ, я никогда не имѣла намѣренія измѣнять моему общанію!..

ПЬЕРЪ. Неправда! вы лжете!...

МАРГАРИТА (*вскакивая*). Замѣтите, сударь, что я никогда не лгала!... доказательство!...

ПЬЕРЪ. Доказательство... что вы выходите за другаго!...

МАРГАРИТА (*снова садится*). Потому-что васъ почитали умершмъ!...

ПЬЕРЪ. Неужели?... а мое письмо?...

МАРГАРИТА. Я его никогда не получала!...

ПЬЕРЪ. Да, вѣдь неприятное письмо бросаютъ въ огонь!... и ковчено!... такъ и вы бросили въ огонь!...

МАРГАРИТА (*вставая*). Я?... вы лжете!...

ПЬЕРЪ (*вставая*). Тысячу молній!...

МАРГАРИТА (*съ гнѣвомъ*). Я ужъ вамъ сказала, что вы меня не испугаете!...

ПЬЕРЪ (*разгорячаясь*). Можетъ быть!... но я заставлю васъ молчать!...

МАРГАРИТА. Меня заставить!... ну, это мы еще увидимъ.

ПЬЕРЪ. Да, заставлю!...

МАРГАРИТА. Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!...

ПЬЕРЪ. Да! да! да! (*Вдругъ успокоясь и смотря на нее*). Она очень, очень интересна!...

МАРГАРИТА (*опуская глаза*). Но, кажется, мы общали не горячиться.

ПЬЕРЪ. А развѣ мы горячимся?... Кажется, я спокоенъ!...

МАРГАРИТА (*сидясь*). Сядьте-же, сударь! я еще скажу вамъ двѣ вещи.

ПЬЕРЪ (*сидясь*). Извольте! я спокоенъ!...

МАРГАРИТА. Я выходила за мужъ за другаго, потому-что не думала васъ видѣть въ живыхъ; но я честная дѣвушка, и чего-бы мнѣ не стоило — я согласна за васъ выдти!...

ПЬЕРЪ. За меня? возможно-ли? за меня!... даже я не вѣрю!... повторите еще разъ!...

МАРГАРИТА (*вставая*). Я сказала, что буду вашей женой, если вы этого потребуете!...

ПЬЕРЪ. Конечно потребу!... и даже сію минуту!...

МАРГАРИТА. Но я вспылчива... сердита!...

ПЬЕРЪ. Все равно! я добръ за двоихъ!...

МАРГАРИТА (*холодно*). Но я скажу вамъ еще одну вещь!...

ПЬЕРЪ. Что такое? что?...

МАРГАРИТА. Я люблю не васъ!... а другаго!...

ПЬЕРЪ (*съ гнѣвомъ*). Другаго?...

МАРГАРИТА. И если вы меня принудите быть вашей женой!... я все-таки буду его любить!...

ПЬЕРЪ. И вы осмѣливаетесь мнѣ это говорить въ глаза?...

МАРГАРИТА. Я исполнила мой долгъ, предупредивши васъ обо всемъ!...

ПЬЕРЪ (*разгорячаясь мало по малу*). Но вашъ Бенуа ничто иное, какъ истуканъ, не стоящій сабельнаго удара.

МАРГАРИТА. Бенуа честный человекъ, который меня любитъ и уважаетъ!...

ПЬЕРЪ (*съ силою*). Но я завтра же убью вашего Бенуа!

МАРГАРИТА (*разгорячаясь*). И я все таки не буду васъ любить!

ПЬЕРЪ (*подходя, смотритъ пристально ей въ лицо*). Я вамъ запрещаю болѣе о немъ думать! запрещаю!...

МАРГАРИТА (*также*). А я васъ не слушаю!...

ПЬЕРЪ (*также*). А я васъ къ этому принужу! (*Беретъ ее за руку.*)

МАРГАРИТА. Я васъ презираю!...

ПЬЕРЪ (*сильно сжавъ ея руку*). Презираешь?

МАРГАРИТА (*вскрикивая*). Ахъ!...

ПЬЕРЪ (*опомнившись*). Что!... тебѣ больно?

МАРГАРИТА. О, нѣтъ! нѣтъ!... ничего, сударь!

ПЬЕРЪ. О, нѣтъ, больно!... (*всторону*) И я ей угрожалъ!... оскорбилъ ее!... кого же? женщину!!! это безчестно!... стыдъ тебѣ!... позоръ!... (*Падаетъ на стулъ и рыдаетъ.*)

МАРГАРИТА. Онъ плачетъ!... Пьеръ!...

ПЬЕРЪ. Прости меня. Маргарита!... прости!...

МАРГАРИТА. Бѣдняжка!... (*ему*) Успокойтесь!... это не болѣе, какъ задатокъ нашего будущаго супружескаго счастья!... но я привыкну!...

ПЬЕРЪ. Нашего счастья!... не говорите о немъ болѣе!... если вы любите Бенуа!... то онъ вѣроятно не такъ грубъ и вспылъ-

живъ.... (Вставая) Онъ, можетъ быть, не такъ сильно васъ любить, какъ я... но за то сдѣлаетъ васъ счастливѣе!...

Я васъ обидѣлъ, огорчилъ,
Я чувствую, что васъ я недостоинъ,
На женщину напалъ и оскорбилъ —
Я больше не морякъ, не воинъ...
Я снова вамъ свободу отдаю,
На вѣкъ отсюда удаляюся —
И, можетъ быть, съ врагомъ въ бою
Постылой жизни я лишуся!

(Уходитъ нальво.)

IV.

МАРГАРИТА и БЕНУА.

МАРГАРИТА (одна). Онъ согласенъ на мою свадьбу... онъ даже самъ предлагаетъ... но онъ былъ такъ печаленъ... разстроенъ... мнѣ бы не хотѣлось видѣть его слезъ... мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ онъ ушелъ отъ насъ.

БЕНУА (входя). Ну что, конечно?...

МАРГАРИТА (живо). О да! все должно быть конечно между нимъ и мною... и для начала надо возвратитъ ему деньги!

БЕНУА. Да, да!... надо отдать деньги!... отдайте! отдайте!...

МАРГАРИТА. Дайте ихъ мнѣ и я возвращу ему сію-же минуту!...

БЕНУА. Я долженъ дать?...

МАРГАРИТА. Разумѣется!

БЕНУА. Дать для него!... для него!

МАРГАРИТА. Вы колеблетесь!...

БЕНУА (колеблясь). О вѣтъ!... но... я размышляю....

МАРГАРИТА. О! вы меня не любите, сударь!...

БЕНУА (живо). Я васъ не люблю?... Когда я отдалъ бы мою жизнь... мою кровь... (Вынимая билетъ изъ бумажника.) Вотъ вамъ 500 франковъ и чтобъ онъ не приставалъ къ вамъ!...

МАРГАРИТА. 500 франковъ... по этого...

Бенуа. Впновать! впновать!... вотъ 4000 франковъ; но чтобъ онъ убирался, не говоря ни слова!

Маргарита. Но вы хорошо знаете, что онъ пошелъ въ солдаты за 1500 франковъ... чтобы дать ихъ намъ!...

Бенуа. 1500 франковъ?... нѣтъ!... не можетъ быть!... никогда не дадутъ такую большую сумму за такого дряннаго человѣчка!...

Маргарита. Довольно, сударь!... берегите ваши деньги!... Это не онъ, а я здѣсь продаю себя!...

Бенуа. Вы... ну, полноте!... Я сейчасъ отдамъ все сполна!.. (даетъ ей еще билетъ и прячетъ бумажникъ.) Я ничего не хочу, кромѣ васъ, Маргарита!... (хочетъ ее обнять.)

Маргарита (тихо отталкивая его). Довольно! довольно!... оставьте меня съ нимъ!...

Бенуа. Именно! вы съ нимъ поговорите, заплатите и прогоните! Провались онъ сквозь землю! я его прежде терпѣть не могъ, а теперь ненавижу въ 1500 разъ болѣе! (Уходитъ.)

XII.

МАРГАРИТА, ПОТОМЪ ПЬЕРЪ и ЖАНЪ.

Маргарита (опустивши голову). Онъ колебался!... (молчаніе) Пьеръ, напротивъ, съ радостью отдалъ эту сумму... не смотря на то, что онъ продалъ свою свободу... молодость... даже жизнь!...

Пьеръ (входя очень спокойно). Я еще покуривъ трубки и успокоился! (Ей) Я пришелъ сказать вамъ мое послѣднее прости!

Маргарита. Прости!

Жанъ (входя съ другой стороны и тихо подходя къ Маргаритѣ). Это я, сестрица!... Я буду защищать васъ, въ случаѣ надобности!

Маргарита (тихо). Это бесполезно!... (громко) Вы хорошо сдѣлали, что пришли, Пьеръ... прежде, чѣмъ мы разстанемся навсегда....

Пьеръ (съ чувствомъ). Навсегда! (Надъвываетъ свой мѣшокъ.)

Маргарита. Я должна вамъ отдать....

Пьеръ. Что такое?...

Маргарита. Во-первыхъ, письмо, которое умирая написала вамъ моя матушка!... оно тамъ.... (Показываетъ на столъ справа.)

Пьеръ. Это была добрая женщина!...

Отд. IX.

МАРГАРИТА. И потомъ....

БЕНУА. Потомъ.

МАРГАРИТА. Деньги, которыми вы ее ссудили!...

ПЬЕРЪ (*разгорячась*). Деньги!... деньги!... тысячу молній!... (*сжимая кулаки*) и у васъ хватило на это духа?... (*подходя къ ней*.)

МАРГАРИТА. Пьеръ!...

ПЬЕРЪ (*вдругъ успокоясь*). Виновать!... виновать!... я сейчасъ покурю трубку и все пройдетъ!... (*набываетъ трубку и закури-валъ*) Теперь вы можете говорить.... вотъ мое успокоительное ле-карство! (*куритъ сильно*.)

Жанъ. Вишь, какъ выпускаетъ дымъ-то!... точно труба на фабрикѣ!

МАРГАРИТА. Между нами все кончено, такъ нѣтъ ничего на-туральнѣе, что я хочу расквитаться!...

ПЬЕРЪ (*сильно затрясываясь*). Разумѣется, нѣтъ ничего нату-ральнѣе!...

МАРГАРИТА. Такъ не угодис-ли вамъ получить?... (*даетъ билетъ*.)

ПЬЕРЪ (*взявши, грубо*). Съ удовольствіемъ!... съ удоволь-ствіемъ.... э, да моя трубка погасла!.. (*Идетъ къ камину и рас-куриваетъ трубку билетами*.)

Жанъ. Что вы? что вы жгете?...

МАРГАРИТА. Что вы дѣлаете?...

ПЬЕРЪ. Что? ничего! развѣ это не бумага!... впрочемъ, успо-койтесь!... вы теперь расплатились со мною!... нѣв, можетъ быть, вамъ угодно получить росписку?...

МАРГАРИТА. Пьеръ!...

ПЬЕРЪ. Правда, что я ничего не просилъ у вашей матушки, и даже не считалъ одолженіемъ то, что для нея сдѣлалъ!... Она хорошо знала, что за добрые поступки не платятъ и не сказа-ла-бы, что квитъ со мной!... Она сочла-бы чѣмъ-нибудь семь лѣтъ изгнѣнія, нужды и бѣдствій!... она сказала бы: Бѣдняжка Пьеръ, онъ ее дѣйствительно любилъ, потому что для нея бро-силъ родимый кровъ, друзей, все, все, все!... но вы на это смо-трите по своему.... я возвратился... вы мнѣ отдали деньги... и мы теперь квитъ.... квитъ!...

МАРГАРИТА (*очень растрогана*). Повѣрьте, Пьеръ!...

ПЬЕРЪ. Ахъ! я бы перевесъ все, кромѣ этого!... (*Швыряетъ отъ себя далеко трубку, и падаетъ передъ столомъ на стулъ, подпирая голову рука ни*.)

Жанъ (растроганный). Мнѣ жаль его!..

ХИ.

ТЪ ЖЕ, и МАГДАЛИНА.

МАРГАРИТА. Что тебѣ нужно!... поди!... оставь меня!..

МАГДАЛИНА. Вотъ видишь ли...

МАРГАРИТА. Да что? говори скорѣй!..

МАГДАЛИНА (тихо). Письмо изъ арміи!..

МАРГАРИТА (тихо). Изъ арміи?... это вѣрно его!... подай сюда! (беретъ и садится съ другой стороны.)

МАГДАЛИНА (тихо Жану). Что съ нимъ?...

Жанъ. Мнѣ кажется, онъ совсѣмъ не тюлень!..

МАРГАРИТА (читая). Понтоны!

Жанъ и Магдалина (съ ужасомъ). Понтоны!... читай, читай! (Жмутся около Маргариты.)

МАРГАРИТА (вполголоса, музыка подъ сурдиной). «Моя добрая Маргарита, я могъ бы написать тебѣ раньше, но надо тебѣ сказать, что сабля одного англичанина поздоровалась съ моею правою рукой... впрочемъ, не безпокойся, Маргарита, теперь мнѣ лучше»... (Бѣдняжка!...) «Это не все... въ меня засѣлъ желѣзный осколокъ пика и не хочется выйти!... но успокойся, Маргарита... я надѣюсь возвратиться!..»

МАГДАЛИНА (плача). Какой отличный человекъ!..

МАРГАРИТА. «Мы теперь на понтонахъ... гдѣ вамъ даютъ ѣсть, когда о насъ думаютъ, и не думаютъ о насъ никогда... и гдѣ насъ кормятъ палочными ударами, когда придетъ охота... а охота приходитъ безпрестанно»! (Останиавливается и отираетъ слезу.)

Жанъ (плача). Такъ это онъ меня по добротѣ души не изуродовалъ!..

МАРГАРИТА. «Не скажу, чтобы я чувствовалъ себя дурно, но я скучаю по тебѣ, Маргарита!... (отираетъ слезу) и очень скучаю!... (Приписка.) Я окончивая письмо гораздо веселѣе, нежели, его началъ, я узналъ сію минуту, что будетъ размѣнъ пѣнныхъ... и, можетъ быть, завтра же я сяду на корабль. До свиданія, Маргарита! я много страдалъ... но за то ты будешь любить меня на землѣ, а твоя добрая мать благословлять на небесахъ!... твоей матросъ Пьеръ-Бедо!» (Отирая слезы, идетъ направо къ Пьеру)

падаетъ на колѣна и цѣлуя его руки) Пьеръ! Пьеръ! теперь ты самъ видишь, что я не получила твоего письма!•

ПЬЕРЪ (*вставая*). Маргарита!...

Что вижу я, ты преклонила

Свои колѣна предо мной

(*Указывая на сердце*) Что, развѣ здѣсь заговорило:

Ты хочешь быть моею женой?

Не даромъ сердце сильно бьется,

Твоя рука въ моей дрожить:

Въ удѣлъ мнѣ счастье достается,

Насъ мать съ небесъ благословить!

Жанъ. Ура! да здравствуетъ Императоръ!...

XIV.

ТѢЖЕ и ВЕНУА.

БЕНУА. Что я вижу?... онъ ее цѣлуетъ!... она его цѣлуетъ.... они оба цѣлуются!...

ПЬЕРЪ. Я знаю, что тебѣ нужно!... мы будемъ драться!...

БЕНУА. Драться?... да развѣ я для этого далъ 1,500 франковъ?...

МАГДАЛИНА. Вамъ возвратятъ ваши 1,500 франковъ....

ПЬЕРЪ и МАРГАРИТА (*съ ужасомъ*). Возвратятъ!...

Жанъ (*поднимая обгорѣвшіе остатки*). Ну, тутъ, кажется, нечего возвращать!...

БЕНУА (*всторону*). А! онъ сжегъ ихъ! (*Вслухъ*) А! а! а! позвольте! позвольте! я согласенъ драться!

ПЬЕРЪ. Неужели?

Жанъ. Ай! ай! ай!...

БЕНУА. Я согласенъ отказаться отъ Маргариты!...

Всѣ. Неужели?!

БЕНУА. Да! когда получу мои деньги!

ПЬЕРЪ. Какъ презрѣнный?...

БЕНУА. Что же вы хотите жениться на моей невѣстѣ, а мои деньги взять вмѣсто приданого?...

МАРГАРИТА (*тихо*). Что вы надѣлали, Пьеръ!...

ПЬЕРЪ. Я поступилъ глупо, но тѣмъ не менѣе я его убью!...

Жанъ (*поднимая остатки*). Теперь банкъ не приметъ ихъ ; скажетъ, что они очень изуродованы !...

Бенуа. И такъ выбирайте, сударь, или расплатитесь со мною, или я женюсь.

Пьеръ. Ты ?

Бенуа. Заплатите и мы будемъ драться ! я васъ не боюсь и вотъ вся деревня будетъ моими свидѣтелями !... Войдите, мои друзья, войдите....

XV.

ТѢЖЕ, КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

Бенуа. Вотъ мои свидѣтели для дуэли !

Всѣ. Для дуэли ?...

Бенуа. Кто побѣдитъ, тотъ и женится ! (*Вертясь передъ Пьеромъ.*) Выбирайте ! выбирайте !

Пьеръ. И нѣтъ никакого средства выдти изъ этого положенія ! А !... такъ и быть ! я рѣшился ! (*Хочетъ уйти.*)

Маргарита. Что вы хотите дѣлать ?

Пьеръ. Маргарита ! я не могу просить, чтобъ ты меня еще дожидалась... но если ты не будешь моей женой, то вѣрно не выйдешь и за такого ничтожнаго человѣка !

Бенуа. Милостивый государь !...

Маргарита. Какое-же твое намѣреніе ?

Пьеръ (*тихо*). Я опять пойду на службу !...

Маргарита. Ты ?

Пьеръ. Такъ должно, мой другъ ! прощай !... прощай, моя бѣдная Маргарита ! Ахъ, я имѣлъ болѣе твердости, когда это дѣлалъ для твоей матери !...

Маргарита. Для моей матери !... (*Взявши бумагу изъ ящика въ столъ.*) Ахъ ! я было и забыла... вотъ къ тебѣ ея послѣднія строки !...

Пьеръ. Ея послѣднія строки ?... (*Читая.*) Хорошая женщина ! она благодаритъ меня еще за то, что я для нея сдѣлалъ !... (*перемѣняя тонъ.*) И чтобъ отплатить мнѣ она заработала впродолженіе шести-лѣтъ 1,500 франковъ, которые должны быть вмѣсто приданаго !

Всѣ. 1,500 франковъ ?..

Бенуа. Что ? что онъ говоритъ ?...

Отд. IX.

ПЬЕРЪ (*перевертывая страницу вынимаетъ три билета*). 4,500 франковъ? вотъ они!... (*Быстро оборачивается къ Бенуа, который пятится отъ него, подходитъ и бросаетъ ему билеты.*) Вотъ, возьмите ваши 4,500 франковъ?... не хотите-ли также....

БЕНУА. Нѣтъ, не хочу, не хочу, я беру деньги и извиняю!...

ПЬЕРЪ. Извиняешь?...

БЕНУА. Нѣтъ! я говорю извиняюсь! извиняюсь.... и на вашу свадьбу соглашаюсь!

ПЬЕРЪ (*грубо*). Вы очень добры!

МАРГАРИТА. А на свадьбу Жана и Магдалины?

БЕНУА (*дрожжа*). Согласенъ, согласенъ на всѣ возможные свадьбы!

ПЬЕРЪ. И даете имъ приданое?...

БЕНУА. И даю имъ.... (*Спохватясь*). Нѣтъ! дать имъ ничего не могу!

ПЬЕРЪ (*грубо*). Такъ вы не даете?

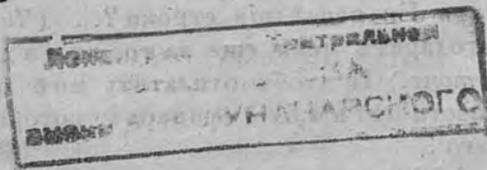
БЕНУА (*трусливо*). Даю! даю!...

ЖАНЪ. Вы не дядюшка, а родной отецъ!... позвольте, я васъ разцѣлю!

БЕНУА. Пошелъ прочь съ своими лапами!...

МАРГАРИТА. Ну, теперь мы всѣ счастливы вполне!...

10765.

« ПАНТЕОНЪ »

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *лѣ. лѣ.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами :

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ :

въ С. Петербургъ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались-бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго* нумера и со *всѣми* приложеніями.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургъ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой *журнала*, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.